

2

Алина Расопова

ГДЕ-ТО РЯДОМ

Часть 2

Алина Распопова

Где-то рядом. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69995575

SelfPub; 2023

Аннотация

Возможно ли будущее, в котором жизни каждого человека установлена своя цена, а потребительское отношение людей друг к другу достигает своего предела? Помогут ли новые технологии продлить молодость или уберечь от всех опасностей собственных детей? Где искать смысл существования людям, запертыми цивилизацией в стенах современных городов? Кто знает истину об окружающем нас мире? Об этом вторая часть сборника фантастических рассказов. Реальность в них граничит с вымыслом, одни инновации сменяются другими, но неизменными остаются люди с их мечтами, желаниями, страстями, а всё описанное вполне может или могло бы происходить где-то рядом.

Содержание

Цена жизни	4
Одетая в аромат ландышей	47
Розовый мир	92
Лето не наступит никогда	129
Ангел	156
Путь	185
Поклонись мне	222
Пандерия	266
Дезинформация	300
Снаружи	344
Новый маркер	399
Болезнь	437
Запах уходящего лета	463
Создающие погоду	513
Усталость	542
Покой	571

Алина Распопова

Где-то рядом. Часть 2

Цена жизни

Посвящается моему папе Дмитренко Анатолию Ивановичу, конструктору-учёному, лауреату Государственной премии РФ, академику Российской академии космонавтики имени К.Э. Циолковского и Международной академии астронавтики

Старик был стар. В свои восемьдесят четыре года он жил один в своей хижине у моря на самой окраине маленькой рыбацкой деревни.

Каждое утро он просыпался ещё до рассвета, старикам свойственна такая слабость, одевался и шёл к кромке воды. Слезящимися на ветру, сузившимися от старости глазами он смотрел, как огненный круг солнца медленно поднимается из-за линии горизонта. Не меньше часа Старик сидел неподвижно, глядя на море. Когда солнце, взойдя на небо, начинало обжигать своим светом глаза, Старик поднимался. Шаркающими шагами он уходил в дом.

«Это ещё хорошо, что я обхожусь без палки, и ноги пока ещё держат меня», – думал Старик в моменты, когда затвер-

девшие его ступни предательски зачерпывали в обувь песок, который тёр собою сухую морщинистую кожу.

Жилище Старика внутри выглядело довольно просто. Убранство первой из двух комнат составляли старый шкаф, кухонный стол, три стула и диван, во второй комнате стояла кровать. Стены в доме были окрашены синей краской любимого Стариком цвета моря. Лишь кое-где на стенах висели старые бумажные картинки с пейзажами волн, неба, гор и плывущих по волнам лодок. Портрет давно уже покинувшей этот мир жены Старик, чтобы не тревожить себя прежними воспоминаниями, перевесил во вторую комнату и теперь, только ложась спать, иногда встречался с ней глазами. Там же, возле кровати, стоял комод, в котором Старик хранил чистые рубашки и кое-какие документы.

В кухонном углу стояла плита и старенький кофейный аппарат.

По-обыкновению, утром Старик заваривал себе кофе. Иногда чашка этого густого напитка помогала взбодриться, но чаще всего, ритуал его приготовления был данью привычки.

«Когда же я успел так состариться», – думал про себя Старик, глядя на свои заострившиеся немощные руки.

Выпив кофе, Старик брал в руку шляпу, и, захлопнув за собою дверь, отправлялся в деревню. Шляпу он нёс в руках. Это доктор прописал ему накрывать голову, но Старик привык ходить всегда без головного убора, поэтому шляпу он

нёс в руках.

Начинался новый день. К этому времени, обычно, солнце уже ярко светило с востока. Жители посёлка один за другим выходили в этот час из своих домов. После того, как всю работу по ловле рыбы за них стали выполнять дистанционно-управляемые динги, у рыбаков отпала необходимость вставать до восхода солнца. Сейчас все эти люди засядут где-нибудь в тени крыш кавэрн, так называют в этих местах закусовые прямо у моря, и, управляя каждый своим дингом, будут лишь изредка поглядывать на море.

Солнце начинало припекать. Теперь Старик шёл по дороге совсем один. Лишь изредка его догоняла и обгоняла какая-нибудь кошка или собака. Шляпу свою он по-прежнему нёс в руках.

Старик стал седым так давно, что уже даже при всём желании он не смог бы вспомнить, в каком возрасте голова его побелела. Теперь же последние его волосы, настолько редкие, что через них было хорошо видно, как блестит на солнце обтянутый кожей череп, необратимо старалось свести с головы палящее солнце.

Лицо Старика было изрезано глубокими морщинами, а кожу покрывали тёмные пятна, которые обычно в великом множестве возникают у старых людей от любого пребывания на солнце. Сухие плечи Старика давно сковала обычная для его возраста сутулость.

Мышцы лица Старика потеряли уже былую подвижность,

из-за чего выражение лица его всегда теперь было невозможным.

«Иди, Старик, иди вперёд», – говорил он себе, – «ты должен двигаться, иначе погибнешь. Для тебя теперь движение – это жизнь».

Он говорил сам с собою только когда был уверен, что вокруг никого нет, и он один.

«Ты обязан проделывать в день не меньше двух тысяч шагов», – убеждал он себя.

Так Старик дошёл до последнего дома своей улицы и свернул за угол. Здесь начиналась улица, которая вела к главной пристани. Всегда намного более шумная, чем прочие, она и сейчас выглядела оживлённо.

Бойкие торговцы в этот час открывали свои магазины. Нехитрое убранство их витрин составляли, в основном, снасти для ловли, да запчасти для дингов.

«Сколько же лет я не рыбачил?» – пытался вспомнить Старик. Свой динг он давно продал, когда почувствовал, что его ослабевшие от старости руки уже не способны справляться с пультом управления динга.

«А ведь я помню, как выходил в море на отцовской моторной лодке», – вспоминал про себя Старик. – «И отец сам учил меня рыбачить. Когда мы поймали мою первую большую рыбу, мне было лет пять, и я жутко испугался. Я прижался к корме и ждал, пока отец, нанося рыбе методичные удары по голове, не убьёт её, могучую, сильную, отчаянно

хлопающую по днищу нашей лодки хвостом».

Старик продолжал свой путь. Он шёл вперёд. Дома, где-то отремонтированные своими владельцами по последней моде и выглядящие теперь весьма презентабельно, а где-то обветшалые, такие же, как и лачуга Старика, тянулись с обеих сторон. Тень от них, отбрасываемая в этот час на дорогу, уже мало спасала от вступающего в свои права зноя. На одном из домов камера, скользнув по Старикку своим лучом, направила на него свой чёрный зрачок, но Старик даже не обратил на неё внимания, он упрямо шёл вперёд.

Старик любил жару. Он полюбил её после того, как узнал однажды, что такое настоящий холод. Однако в последнее время прогулки под палящим солнцем давались ему всё труднее и труднее, и он предпочёл сейчас прижаться поближе к прохладным стенам домов, чтобы хоть какую-то часть своего пути проделать в тени.

«Идите, ноги, идите. Я не верю, что вы так ослабли, что не способны уже передвигать меня, вы должны меня слушаться», – повторял Старик.

Наконец, улица закончилась. Позади остались лавчонки и магазины, и перед Стариком развернулся рынок. Чего здесь только не было. В этот ранний час уже бойко кипела торговля. Продавали рыбу. Здесь были и сардины, и макрель, и даже черепахи. Устрицы и осьминоги, ещё живые, плескались в тазах. На рынок приезжали люди из города, чтобы в этот час уже закупить свежей рыбы для своих кафе и ресторанов.

Да и простые горожане были тут частыми гостями. Старика лучше было не попадаться всем им на глаза. Ходил он так медленно, что мог устроить затор в любом, даже самом широком проходе рынка. Поэтому каждый, кто видел здесь Старика, тут же начинал шипеть на него, и махать руками, и кричать, чтобы тот немедленно отошёл в сторону. Старик их понимал, старых людей мало кто любит.

Он не пошел на рынок, а свернул в другую сторону, на улицу, что вела к центральной площади и набережной.

Солнце припекало.

«Иди, Старик, иди», – подгонял себя Старик. – «Сегодня хороший ясный день, ты любишь такую погоду. Если станет совсем жарко, то у тебя есть шляпа и ты сможешь прикрыть ею свою лысую голову, и не позволишь случиться тепловому удару, который сделает тебя беспомощным и опозорит перед всеми».

Старика обгоняли, но он уверенно шёл вперёд. В конце улицы он подошёл к уличным торговцам. Пошарив в кармане, Старик достал оттуда пригоршню звенящих монет, и, отсчитав под нетерпеливыми взглядами торговок своими неуклюжими пальцами нужную сумму, купил кулёк сушёных рыбок. Сам Старик есть не хотел и давно уже потерял вкус к еде, но, когда он встретит сегодня Мальчугана, ему будет, чем угостить того, а Мальчуган очень любит сушёные рыбки.

Набережная была совсем близко, и Старик уже чувствовал свежий запах моря. Это был запах соли, рыбы и водорос-

лей.

– Ну, вот я и догнал тебя, – услышал за спиной Старик звонкий голос Мальчугана. – Я заметил тебя, когда ты был ещё в начале улицы и побежал.

– Ну, здравствуй, – оборачиваясь к ребёнку, произнёс Старик, и впервые за день на лице его промелькнуло нечто похожее на улыбку.

Мальчугану было семь лет. Он находился в том благодатном возрасте, когда забота родителей позволяет пребывать в полной безопасности, а крепчающий день ото дня ум рождает неуёмную жажду познаний.

Теперь Мальчуган зашагал рядом со Стариком. Было видно, что ему хотелось идти намного быстрее, но он, чтобы не обидеть Старика, старательно подстраивался под медленный шаг того. Так они добрались до площади. Тут Мальчуган не удержался, и кинулся кружить вокруг памятника, распугивая сидевших на его ступенях распушивших перья важных голубей.

Старик только улыбнулся.

Так они прошли всю площадь. Мальчуган то подбегал к Старику, то, увидев нечто новое, удалялся, но скоро возвращался и потом какое-то время ещё шёл рядом.

И вот набережная, крик чаек, запах водорослей, волны неторопливо плещутся у каменных глыб волнорезов. Море сегодня спокойно. Его бирюза зеркалом отражает ослепительные лучи солнца и те, разбившись на множество оскол-

ков о рябь волн, тут же превращаются в миллион весёлых искорок.

Старик и Мальчуган садятся прямо на бетонный парапет, защищающий набережную от умеющего иногда разбушеваться моря. Мальчуган тут же свешивает ноги и начинает болтать ими над волнами, Старику требуется намного больше времени, чтобы согнуть свои больные колени и затем, опустившись, уложить руками ноги так, чтобы они хотя бы какое-то время не ныли.

Старик достаёт из кармана купленный кулёк рыбок. Мальчуган радостно хватает его. Каждый раз при их встрече Старик угощает Мальчугана, и каждый раз Мальчуган радуется так, как будто это в первый раз.

И вот они сидят так вдвоём. Посередине лежат в развёрнутом бумажном пакетике рыбки. Мальчуган шустро хватается их, ловко чистит и отправляет в рот, Старик неспешно берет по одной и долго рассасывает каждую.

Так сидят они вместе – Старик и Мальчуган – и смотрят на море.

Владельцы дингов давно уже заняли свои места под навесом кавэрн. Рыбаки оживлённо управляют своими дингами, соревнуясь друг с другом в забрасывании сетей.

Отсюда, с берега, дингов не видно. Все они там, далеко в море. Когда море спокойно, их даже не возвращают на ночь в деревню, а лишь переводят в автономный режим. Но днём, при свете, рыба становится намного умнее и за ней ещё надо

поохотится, вот тогда владельцы дингов берут в руки доски, так называют теперь таблетки управления дингами, садятся поближе к морю, где сигнал получше, и так проводят здесь всё время до обеда. Они то и дело заказывают лаколу – местный алкогольный напиток, основу которого составляет крепкая агуарда и энергетик – и сильно галдят.

В кавэрнах сейчас накурено и шумно, и таким, как Старик с мальчиком, там в эти часы не место, поэтому Старик и Мальчуган не заходят под навесы, а сидят прямо на бетоне у самой кромки моря.

Пошарив в кармане, Мальчуган вынимает оттуда хлеб, деловито разламывает его и протягивает половину Старику. Теперь они, по крошке отламывая мякиш, кормят слетевшихся к ним белоснежных чаек.

– Завтра мне надо будет уехать, – произносит Старик.

– Зачем? – спрашивает Мальчуган. – Ты обычно куда не едешь.

– Завтра надо будет поехать... – неспешно отвечает Старик.

– Ты поедешь на том большом синем автобусе, что останавливается каждый день на площади? Я как-то ездил на нём. Он очень большой, – начинает тараторить Мальчуган.

– Да, поеду на нём в город.

– Я тоже был когда-то в городе. Там вот такие большие дома, – Мальчуган высоко вытягивает вверх руку. – И ещё там очень много машин. Там всё совсем не так, как в нашем по-

сёлке. Там на каждом углу продают еду и мороженое. Ты будешь завтра есть мороженое?

– Нет, наверно не буду, – улыбнулся Старик едва уловимой улыбкой и погладил Мальчугана по голове. – У меня будет завтра мало времени.

– Как это мало времени? – удивился Мальчуган. – Разве его может быть мало или много?

– Меня ждёт в городе одно дело, и хорошо бы мне управится с ним до обеда и двенадцатичасовым автобусом уже вернуться домой. Иначе вечером в автобусе будет слишком много народу, и мне придётся стоять всю дорогу, не знаю, выдержат ли это мои ноги.

– Тогда возвращайся побыстрее, – сказал Мальчуган. – Хочешь, я приду встречать тебя завтра на остановку?

Старик на это только снова ласково погладил Мальчугана по голове.

– А когда ты завтра вернёшься, мы можем пойти с тобой на старую пристань, – торопливо, как будто кто-то может прервать его и лишит приятных будущих занятий, продолжал Мальчуган. – Ветер меняется, и я наловлю для нас тех маленьких серых рыбок, которых ты меня учил ловить. Я смогу.

Погода действительно менялась. Старик это чувствовал своим начинающим предательски ныть левым плечом. К вечеру оно совсем разболится. Мальчуган был прав, ветер переменится и завтра, скорее всего, пригонит к берегу косяк

серебристых килек.

– Если мне придётся потом уехать надолго, ты ведь не будешь скучать? – спросил мальчика Старик.

– Надолго это на сколько. На неделю? – поинтересовался Мальчуган.

– Нет, дольше, – ответил Старик.

– И ты не побудешь здесь до конца лета? Остайся до конца лета. Потом меня заберут в город, но сейчас только июнь. Кто же будет со мной гулять? Все вокруг заняты целый день рыбной ловлей. До меня тут нет никому дела. А осенью меня отдадут в школу. Папа сказал, что отвезёт меня к маме в город, тогда и ты можешь уехать.

– Обещаю, что, если мне разрешат пожить здесь до осени, я останусь, – сказал Старик.

– А кто же тебе может запретить? У тебя же нет родителей, ты самостоятельный и можешь сам решать, где тебе жить и что делать, – удивился Мальчуган.

– Я уже стар, и завтра еду в город, где могут посчитать мою жизнь уже никому не нужной. Если они оценят мою жизнь в минус, то мне придётся...

– А, – протянул Мальчуган. – Завтра будет оценка твоей жизни?

Старик утвердительно кивнул.

– А я уже тоже проходил такую оценку. Знаешь, во сколько они оценили меня? Вот во сколько!

Мальчуган несколько раз показал Старику все десять

пальцев на обеих своих руках.

– Вот во столько. А отец сказал, что мама прислала письмо о том, что ей удалось заработать там, в городе, денег и меня теперь возьмут в очень хорошую школу, и тогда моя жизнь станет ещё дороже. Вот на столько.

И Мальчуган ещё пару раз показал Старикау все пальцы своих ладоней.

– Ну, – протянул Старик, – так и должно быть. Ты молодой, твоя жизнь только начинается, общество надеется, что ты принесёшь ещё много пользы, поэтому твою жизнь ценят дорого. А я уже пожил, и мало кому нужен.

– А мне? – удивился Мальчуган. – Давай я поеду завтра с тобой и скажу, что ты мне нужен, что ты гуляешь со мной, и ты заботишься обо мне.

Старик ласково провёл своей морщинистой шершавой ладонью по взъерошенным волосам Мальчугана.

– Я не хочу, чтобы ты уезжал, – притянул к себе руку Старика Мальчуган. – Побудь хотя бы до сентября, пока меня не заберут в школу. Отец говорит, что в школе у меня появятся друзья, но я не знаю, я не уверен..., я никогда не уезжал из нашей деревни надолго.

– Я уезжал, – вздохнул Старик.

– Правда, – оживился Мальчуган. – А где ты был?

– На Луне был, – ответил Старик. – Затем был на Ганимеде, Каллисто...

– Ух ты! Так далеко! – восторженно вскрикнул Мальчу-

ган. – А что ты там делал?

– Работал, – ответил Старик.

– Ты же рыбак, – удивился Мальчуган. – Разве на тех планетах есть моря и рыба?

– Нет, рыбы там нет, – вздохнув, ответил Старик. – Моря есть, только в них нет воды. Там, – Старик указал пальцем на небо, – морями называют обычные плоские равнины.

– Расскажи, расскажи мне о Луне, и о тех ещё, как ты их назвал...

– Ганимед, Каллисто... – повторил Старик. – Это рядом с Юпитером...

– Здорово! И о них мне расскажи!

– Хорошо, – согласился Старик.

Хлеб в руках Старика и Мальчугана давно закончился. Чайки разлетелись, и Старик с Мальчуганом теперь сидели на парапете набережной, просто глядя на море. Солнце припекало, но свежий прохладный бриз приятно обдувал тело и Старику с Мальчуганом было хорошо.

Мальчуган придвинулся поближе к Старику. Он очень любил рассказы Старика и не хотел пропустить ни одного его слова. Старик уже поведал когда-то мальчику, как ходил на своей лодке в море и как поймал однажды в одиночку такую большую рыбу, что та не поместилась в лодке, и чтобы доставить эту махину на берег её пришлось привязывать к корме; о том, как однажды он подружился с парой дельфинов, и те потом поджидали его на одном и том же месте и от

радости выпрыгивали из воды, лишь только удавалось им за-
видеть лодку Старика; и о том, как проходили когда-то мимо
их деревни огромные киты и все рыбаки вышли в тот день в
море, чтобы только посмотреть на этих громадин, и те вели-
чественно проплыли перед ними, помахав всем своими ги-
гантскими хвостами; а потом Старик рассказал Мальчугану,
как устроился рыбаком на крупное судно и месяцами не схо-
дил на берег, дрейфуя в море и учась по специальным при-
борам отыскивать большие стаи рыб.

Сейчас Старик задумался, решая, с чего же именно начать
свой рассказ, но Мальчуган сам подсказал ему.

– Начни с самого начала, – попросил он. – Как ты попал
на Луну? На чём долетел?

– Долетел... – задумался Старик. – Улетал я туда, как и
все, с космодрома. Летело нас тогда на корабле много, чело-
век двести. Все мы вошли в состав одной из той многочис-
ленных групп, которые отправлялись на Луну для добычи
гелия-3. Ты знаешь, что это такое?

– Конечно, – слегка обиженно отозвался Мальчик, боясь,
что Старик посчитает его совсем маленьким. – Я знаю, что
из него сейчас получают электричество.

– Верно, – не торопясь, подтвердил Старик. – Сейчас его
добыча намного упростилась, а пятьдесят лет назад его до-
бывали вручную. Таких как я, чернорабочих, готовых рабо-
тать на других планетах, называли словом – туэго. Наша ра-
бота не требовала квалификации, а лишь большой физиче-

ской силы и крепкого здоровья, поэтому жизнь туэго ценились низко, но я не обижался. За работу в космосе платили больше, чем на Земле, поэтому я отправился в путь. Впервые тогда я выехал за пределы нашей деревни и города. Ты видел когда-нибудь космодром? Хотя бы на картинке?

Мальчуган утвердительно кивнул.

– Так вот на самом деле он намного, намного больше. В то время корабли на Луну отправлялись чуть ли не каждую неделю.

– Твой корабль был тоже очень большой? – спросил Мальчуган.

– Очень, – ответил Старик.

– Больше, чем морской корабль?

– Намного больше.

Старик не стал рассказывать Мальчугану о том, как он заблудился тогда на том огромном космодроме, как бродил, голодный, в поисках своего корабля среди многочисленных металлических конструкций, топливных трубопроводов и коммуникаций, и как пренебрежительно отмахивались от него все, узнав, что он всего лишь жалкий туэго, ищущий свой корабль.

Старик также решил не рассказывать Мальчугану о всех трудностях перелёта, длившегося более двух суток, как чуть было не лопнули его барабанные перепонки при включении реактивных двигателей, как готово было разорваться от нагрузок его довольно крепкое, как он считал, тело при стар-

те, как он, сжатый со всех сторон такими же туэго, прикреп- лённый на долгие часы полёта вертикально ремнями к внут- ренний обшивке корабля беспокоился тогда только лишь о том, чтобы затёкшие его руки и ноги остались бы здоровы, и он не был бы по прибытию отправлен обратно на Землю. К счастью, тело Старика тогда выдержало, и каким же сча- стьем оказалось для него ступить на поверхность Луны. В тот момент он показался сам себе невесомым. Измученный перелётом, он тогда мгновенно забыл об усталости и вместе с прочими прилетевшими радостно прыгал по серому грун- ту этой странной земли.

– Давай я расскажу тебе, как впервые отправился добы- вать лунный грунт. Нас поселили в посёлке, а добыча велась за десяток километров, и возил нас туда настоящий поезд.

– Поезд на Луне? – оживился Мальчуган.

– Да, люди проложили рельсы и пустили по ним такие маленькие вагончики. Тебе бы понравилось. А на конечной остановке была шахта. В первый день я попал в ту, которая находилась рядом с терминатором. Ты знаешь, что такое тер- минатор? Так называют линию раздела света и тьмы. Здесь, на земле, её не увидеть из-за наличия атмосферы, а там, на Луне, когда я увидел эту границу, у меня перехватило дух. Тьма, свет, а между ними острые зубцы скалистых кратеров. Это очень красиво. А вверху на небе Земля.

– Наша Земля? – воскликнул Мальчуган.

– Да, там она на небе и знаешь, она очень красивая. Такая

синяя-синяя, как будто всю её покрывает наше море.

Старик не стал рассказывать Мальчугану, как тосковал он тогда по этой родной бирюзовой планете, по морю и по дому. Он мог видеть Землю лишь изредка, когда работал на обращённой к ней стороне Луны и до того, как спускался в темноту шахты. А после этого спуска всё, что видели его глаза – это тёмная лунная порода, и так двенадцать часов в сутки, после которых выход на поверхность казался невыносимым счастьем, и даже неосвещённая солнцем часть поверхности Луны слепила глаза.

– Мы работали и ходили по Луне в специальных костюмах. На Луне нет воздуха, совсем, и самое главное для любого туэго – вовремя успеть подключиться к стационарной воздухонагнетательной сети и потом следить, чтобы не повредить воздухоподводящую трубку. Вот там-то мне и пригодилось моё умение задерживать, как при нырянии, дыхание.

– А что ещё ты делал на Луне?

– Ну, я прилетел туда работать, поэтому свободного времени у меня было мало. Когда одни шахты оказывались на освещённой стороне Луны, нас перевозили в другие, потому что на освещённой солнцем поверхности находиться человеку невозможно. Солнце такое жаркое, что за минуты плавит оболочку костюма, ничего не спасает.

– Там бывает жарче, чем у нас в июле? – удивился Мальчуган.

Старик улыбнулся и погладил мальчика по голове.

– Намного, намного жарче.

Старик не стал рассказывать Мальчугану, что находиться на тёмной стороне Луны было не легче. За все те тринадцать лет, что провёл он в космосе, Старик так и не смог привыкнуть к холоду.

Их поселение, конечно, отапливалось, но на тепле помещений, где содержались туэго, старались экономить. Когда температура на поверхности опускалась ниже ста градусов по Цельсию, становилось совсем холодно, и приходилось сбиваться всеми в одну кучу, чтобы теплом тел хоть как-то согреть друг друга.

– Давай я тебе лучше расскажу, как нашёл там, на Луне, один очень красивый камень. Я тогда работал в шахте на глубине примерно полукилометра от поверхности. Порода там идёт тёмная, почти чёрная, а освещение настолько слабое, что работать приходится почти вслепую. Я отработал тогда уже семь или восемь часов и думал всё это время о доме. Вспоминал вот этот наш посёлок, волны и крик чаек, и тут что-то блеснуло у меня перед глазами и осколок синий, прозрачный выпал из стены. Тогда мне показалось, что само море неожиданно упало к моим ногам.

– А где он теперь? Ты привёз его домой с Луны? – обрадовался Мальчуган.

– Нет, – ответил Старик. – Когда я вынес найденный камень на поверхность, то оказалось, что это какой-то редкий

минерал. Потом его отправили на Землю. А мне заплатили за него втрое больше, чем стоит один день моей работы.

– И долго ты прожил на Луне? – поинтересовался Мальчуган.

Старик задумался.

– Пять лет и четыре месяца, – ответил Старик.

– А потом?

– Потом я отправился на Ганимед.

– Это далеко?

– Очень далеко.

– И что ты там делал?

– Добывал жидкое железо.

– А потом?

– Потом полетел на Каллисто на строительство космической базы.

Видя, что Мальчуган уже устал, Старик своей неуклюжей рукой пошарил в кармане и достал оттуда несколько монет.

– А не сбегаешь ли ты нам за мороженым? – спросил Мальчугана Старик.

Мальчик радостно вскочил, как будто давно уже ждал этого предложения.

– Тебе шоколадное или с сиропом? – радостно спросил готовый рвануть с места Мальчуган.

– Пожалуй, шоколадное... – ответил, прищурившись, Старик, знавший, что Мальчуган больше любит шоколадное.

Мальчик убежал, а Старик остался один и продолжал

неподвижно смотреть на море. Ему вспомнилась холодная зелёная поверхность Каллисто, как не похожа она на эту прозрачную водную синеву Земли. Нет, не будет рассказывать он мальчику, как коченел от холода, оставленный всеми в тех местах. Как был вынужден практически в одиночку заканчивать монтаж каркаса станции, как погибали один за другим те, кто стали ему к тому времени ближе любой родни. «Держись, ты должен выжить, ты знаешь, ради чего ты здесь», – повторял себе Старик тогда, когда руки его, замёрзшие в неисправном термокостюме, закручивали последние гайки в собираемой конструкции, а над ним висел громадный оранжевый диск Юпитера. «Держись, ты должен выжить», – говорил себе Старик. Он еле добрался тогда до поселения. Нет, он не расскажет Мальчугану о том, как чуть было не бросили его на той планете, посчитав погибшим. Жизнь туёго стоила слишком дёшево для того, чтобы кто-нибудь отправился его спасать.

Нет, лучше Старик поведаёт Мальчугану, как красив космос. Там, на спутниках планет, в отсутствии атмосферы, кажется, что все звезды расположены совсем рядом, так близко, что то и дело хочется протянуть к ним руку, и когда делаешь это, то кажется, что слабая поверхность спутника отпускает тебя и испытываешь в этот момент то ли страх, то ли восторг, и прыгаешь вверх, и кажется, что летишь... А наша Земля... Пусть Мальчуган знает, как красива она оттуда из космоса. Сколько же смотрел на неё Старик с поверхности

Луны. Наблюдал, как она меняется, как каждый день, когда можно было ему её увидеть, она предстаёт перед ним разной и новой. Нет, не сравнится с ней по красоте ни одна планета.

Мальчик вернулся с мороженым. Своё он уже наполовину съел, мороженое же Старика Мальчуган аккуратно вложил в сжатые пальцы Старика. Когда Мальчуган окончательно расправился с мороженым, Старик протянул ему своё.

– Ты точно не хочешь? – поинтересовался Мальчуган.

Старик едва уловимо улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Смотри, динги! Вон там! – вскочил Мальчик и радостно замахал над головой рукой.

Действительно, там вдалеке, у самого горизонта показался громадный ковш-клевня, затем второй, блеснула на солнце металлическая обшивка забрасывающего сеть сегментного манипулятора. Похожий на гигантского осьминога динг, управляемый с берега своим хозяином, трудился далеко в море. Мальчик хорошо видел его, Старик же только улыбался радостным возгласам Мальчугана. Глаза Старика, давно потерявшие былую остроту зрения, слезились на солнце.

– Может быть, это динг моего отца. Он на прошлой неделе купил себе ещё один и теперь у него целых три динга, – с гордостью сказал Мальчуган, снова усаживаясь рядом со Стариком. – Зачем ты уехал, улетел так далеко? Тебе надоело жить здесь? – продолжал он спрашивать Старика.

Эх, если бы он знал, как не хотелось Старика тогда уез-

жать. Как каждую ночь, находясь в сотнях тысяч километров от Земли, он продолжал слышать во сне крики чаек и шум прибоя.

– Мне надо было заработать деньги на обучение сына, – ответил Старик.

– Понятно, – понимающе кивнул Мальчуган. – Мой папа тоже старается, поэтому он и покупает новые динги, и мама тоже, она специально уехала в город. Папа говорит, что я обязан хорошо учиться, иначе жизнь моя станет стоить очень дёшево.

– Это верно, – согласился Старик. – В моё время дингов не было и всего, что я мог заработать здесь, не хватало сыну на школу, а у него обнаружился талант... Один из учителей начальной школы заметил, что он смышлён, как это тогда называлось, в естественных науках. Вот тогда я и решил лететь. За работу в космосе обещали неплохие деньги. Так мне удалось заработать на обучение сына в средней, затем в высшей школе.

Старик не признался Мальчугану, да и не зачем это было делать перед ребёнком, но именно эта цель, это желание Старика не дать пропасть способностям сына, и дали ему возможность выжить там, где другие либо погибали, либо возвращались раньше времени покалеченными и больными домой. Старик был бы счастлив всю жизнь прожить здесь, в родном, хорошо знакомом с детства посёлке, ловя рыбу и добывая этим пропитание своей семье; каждый день видеть же-

ну и сына, но ему пришлось лететь. Лететь очень далеко, потому что ему нечего было предложить обществу, как только свои физические силы. Старик вернулся домой только тогда, когда сын его получил диплом.

– Пойдём-ка, перекусим, – предложил Старик, заметив, что освободились места в кавэрне.

Был полдень, уставшие рыбаки расходились по домам, чтобы, отдохнув там в прохладе, вернуться на берег уже только к вечеру.

Старик и мальчик вошли под карниз опустевшей кавэрны.

– Возьмёшь мне лимонад, – потянул Старика за рукав Мальчуган.

Таких посетителей, как Старик и Мальчуган в кавэрне не любили. Ели они мало, алкоголь не пили, поэтому, по мнению, владельцев кавэрн лишь понапрасну занимали место, но других посетителей в ближайшие часы не предвиделось, поэтому их пустили.

Мальчуган залез на стул. Он с радостью принялся потягивать из трубочки холодный лимонад, а Старик купил обед. Перед ними стояла теперь большая тарелка холодного риса и сладкие шарики из водорослей, и Мальчуган проворно хватал их с тарелки прямо рукой.

– Отец уже, наверно, вернулся с ловли. Я могу сбегать и принести нам свежей рыбы, – торопливо жуя, говорил Мальчуган. – Давай пожарим её у тебя во дворе.

– Хорошо, – согласился Старик. – Ты беги, я буду ждать

тебя вечером.

– Ты только подготовь к моему приходу угли, – попросил Мальчуган.

– Хорошо, – снова ответил Старик.

Он просидел в кавэрне ещё немного. Когда обслуга всё чаще стала нервно прохаживаться вокруг него и бросать в его сторону недовольные взгляды, он понял, что пора уходить.

Старик вернулся снова на пирс. Тут он посидел ещё немного, глядя, как лодки с белоснежными парусами везут в этот час отдыхающих из города. Они проплывали совсем близко к нему, увозя своих пассажиров дальше, на расположенные за мысом песчаные пляжи.

Когда солнце уверенно взяло курс к горизонту, когда стало неумолимо приближаться к той линии, где небо соприкасается с морем, Старик поднялся. Медленной, шаркающей своей стариковской походкой он побрёл домой. Насмешливыми взглядами его провожали вышедшие в этот час на улицу подростки, а сидящие вдоль набережной торговки недовольно косились на него. Старик всё понимал и не обижался. Старость некрасива. Казалось, уже один только вид Старика страшил всех этих встречающихся ему сейчас по дороге розовощёких, пока ещё пылающих здоровьем людей, напоминанием об их собственной неминуемой немощи.

«Иди, Старик, иди», – говорил про себя Старик. – «Ты уже проделал сегодня свои две тысячи шагов, но теперь тебе надо вернуться домой, а там уже тебя, наверняка, ждет

Мальчуган. Он уже принёс свежей рыбы и ждёт, что ты разведёшь костёр и сделаешь угли. Он ещё мал, и ему нельзя баловаться огнём. Так что иди, Старик, иди, не останавливайся, и не обращай ни на кого внимания».

Мальчуган ждал его, по-видимому, давно. Он уже включил стоящий во дворе электрический аэрогриль и разложил на его решётке почищенную по его просьбе отцом рыбу.

– Ну, где же ты задержался, – деловито переворачивая щипцами рыбу, говорил Мальчуган. – Я уже почти приготовил нам ужин.

Старик сел прямо на песок. Мальчуган сбегал в дом за тарелками и принёс ещё две кружки воды.

Так они сидели, мальчик и Старик, обсасывая косточки румяной, поджаренной на гриле рыбы и наблюдая, как огненный шар солнца, став оранжевым и совершенно утратив свои лучи, оставляя за собой полыхающую дорожку на воде, медленно погружается прямо в море.

– Я приду встречать тебя завтра к дневному автобусу, – сказал Мальчуган.

– Хорошо, – согласился Старик.

На посёлок спустилась ночь.

Утром Старик, по-обыкновенному, встал рано. Сегодня он не стал смотреть на восход солнца и не пошел к морю, а вместо этого достал из комода чистую рубашку и новые, ещё совсем не разношенные туфли. Рубашку он надел, а туфли аккуратно завернул в бумагу и взял с собою. Вместо шляпы

сегодня Старик нёс в руках папку с пластиковыми документами.

До автобусной остановки путь был неблизкий, но Старик проделал его с упорством человека, имеющего на это силы. Он пришёл за десять минут до отбытия автобуса и, сев на скамейку, развернул свой бумажный свёрток. Он снял со своих ног потёртые сланцы и натянул на одеревеневшие ступни чистенькие туфли. Теперь он был готов.

Подошёл автобус. Он повёз Старика в город. Сначала дорога шла вдоль моря и Старик, глядя в окно, смотрел, как лазурная кромка воды переливается, соприкасаясь с жёлтым песком земли, как швартуются у берега возвращающиеся с ловли переполненные пойманной рыбой динги, как чайки кружатся над белыми гребешками волн, как лучи солнца золотят яхты, проплывающие по сверкающей поверхности воды.

Затем дорога ушла в горы, и теперь море лишь изредка мелькало внизу, синими лоскутами прорываясь сквозь густые ветви кустарника.

Город встретил Старика своей вечной неуёмной суетой. Казалось, нельзя было найти в мире такого звука – грохота, гудка, звона, свиста, рокота – которой не присутствовал бы в этом беспокойном гуле городского гама. «Бедные те люди, которым приходится жить в таком шуме», – думал Старик, переступая своими больными ногами по бетонному тротуару. Его толкали, шикали на него со всех сторон. Многоли-

кой толпе из тех, кто спешил в этот утренний час на работу, приходилось огибать этого склонившегося под бременем старости человека. Люди пробегали мимо него, лишь с гневом оборачиваясь на того, кто стал для них в этот ранний час помехой.

Наконец, Старик добрался до здания оценочного комитета. Вызов сюда он получил ещё неделю назад и всё это время голову его не покидали тягостные думы.

Автомат на входе зарегистрировал Старика, бездушное электронное устройство одно за другим проглотило все привезённые Стариком пластиковые документы, отсканировало его медицинскую карту и, наконец, пропустило в здание.

Проделав несколько шагов, Старик встал в очередь к оценочной машине. Ждать пришлось недолго. Автомат работал шустро. Уже через пять минут на руках у Старика был пластик, на котором стояла оценочная стоимость его жизни. Старик давно уже привык видеть в таких документах минусовое сальдо, однако сегодняшняя сумма заставила его нахмуриться и плотнее обычного сдвинуть брови. Теперь Старик предстояло посещение комнаты Заседателей.

Старик пошел туда, двигаясь уже давно ставшим ему знакомым путём длинных коридоров.

В очередь к Заседателям он оказался третьим. Сюда направляли лишь тех, чья жизнь имела минусовой баланс, это означало, что такой человек обществу не нужен. Таким предлагалось заплатить за себя для продолжения их собственной

жизни. Впереди сидела мать с больным ребёнком на руках. То, что девочка была больна, Старик понял сразу. Достаточно он повидал похожих детей в подобных очередях, но из кабинетов Заседателей выходили они очень быстро. Родители оплачивали их жизнь и не скупилась, покрывая перед государством бесперспективность собственных детей. Вторым был подросток. Глаза его были мутно стеклянны. Этот пробудет в кабинете Заседателей долго. Если этот поставивший свою жизнь в зависимость от транквилизаторов юнец не имеет на счету денег, то начнутся поиски его родителей или близких. Старику всегда становилось жалко таких детей, они сдавались слишком рано и умирали слишком быстро.

Наконец, подошла очередь Старика. Трое Заседателей, как один, устремили на него свои строгие взгляды, когда он, с жалким бумажным свёртком в руке предстал перед их глазами. Подобно электронному автомату они сейчас по-своему оценивали его и по мере их оценки всё больше и больше вытягивались в удивлении их лица. Перед этими людьми стоял сейчас человек, который, по мнению многих, давно уже был бы обязан завершить свою жизнь и не смущать окружающих своей дряхлостью. Когда же активные Заседатели взглянули на сумму отрицательного сальдо Старика, то изумление их лиц сменилось на гнев.

– Надеюсь, вы понимаете, в каком положении находитесь? – энергично спросил один из Заседателей. – Вы видели, во сколько оценена ваша жизнь?

Старик утвердительно кивнул.

– Вы понимаете, что вы являетесь обузой, огромной обузой для общества и если хотите жить дальше, вы должны заплатить обществу за себя. Вы сможете покрыть отрицательное оценочное сальдо вашей жизни?

Старик молчал.

Заседатели стали перешёптываться между собой. Будь слух Старика хотя бы наполовину таким, каким он был прежде, он бы услышал, как удивляются Заседатели тому, что Старик смог дожить до своих лет.

– За него наверняка кто-то платит, – торопливо шептал один из них двум другим.

Достигнуть такого возраста, не платя ежегодно обществу и государству за собственную давно уже не нужную никому жизнь, представлялось немислимым.

Каждый человек в современном обществе имел свою цену, это была выраженная в денежном эквиваленте потребность социума в конкретном человеке. Дети имели цену невысокую, но их последующая перспективность давала им некоторый аванс, поэтому детей ценили. Жизнь подростков, не желающих учиться или же работать, нередко уходила в минус и родителям приходилось платить обществу, за то, чтобы те продолжали жить. Наивысшую цену имели жизни тех, кто был уважаем и успешен в обществе. Такие люди на протяжении многих лет могли не волноваться о том, что когда-нибудь государство поставит вопрос об окончании их

жизни в связи с ненужностью. Такие многие-многие годы не догадывались о существовании комнаты Заседателей. Наименьшую цену имели жизни стариков.

Старик на протяжении более двух десятков лет видел в своей ежегодной оценке минусовое сальдо. Сначала сумма была невелика, но с каждым годом она росла в геометрической прогрессии.

Сейчас Старик в очередной раз стоял перед Заседателями, сжимая в руке бумажный свёрток со своими шлёпанцами, и упорно молчал. Он знал, что им не выгодно выносить решение об окончании его жизни. Приговоры о прерывании жизни в связи с убыточностью какого-либо своего гражданина обществом выносились редко. Государство хотело справедливости и денег, поэтому Заседатели сейчас будут любыми силами пытаться вынудить Старика заплатить за его собственную жизнь. Он будет должен заплатить за то, чтобы ещё год прожить на этом свете.

– Вы понимаете, что обходитесь обществу недёшево, – начал один из Заседателей. – Вы стары, вам в любой момент может потребоваться медицинская помощь.

– В ваших документах указано, что вот уже более пятнадцати лет вы не работаете, а значит, не приносите никакой пользы обществу, – подхватил второй.

– Вы должны понимать, что на этом свете вы, возможно, занимаете чьё-то место. Вы потребляете воздух, энергию, продукты. Ваше место вполне может занять кто-то другой, –

говорил третий Заседатель.

– За вас есть кому заплатить? У вас есть деньги? Вы можете покрыть минусовое сальдо? Вы можете выкупить у государства собственную жизнь? – наперебой твердили все три.

Старик молчал. В двадцать третий раз он стоял перед подобной комиссией. Он вспомнил сейчас, как произошло это впервые. Именно тогда ему дали понять всю ненужность, бесполезность собственной жизни. Сначала с этим нелегко было смириться, да и сумма отрицательного сальдо была совсем невысока, но именно тогда стало понятно, что отныне ему придётся платить, платить и платить. И Старик смирился и привык...

– Вы понимаете, что мы вам говорим? Вы слишком стары, чтобы общество могло позволить вам вот так свободно ходить по нашей планете. Вы готовы заплатить за своё пребывание на земле?

Старик молчал.

– Вы понимаете, что если вы не согласитесь заплатить указанную сумму, мы вынуждены будем вынести решение о том, чтобы прервать вашу жизнь. Вас попросту не станет, – продолжали давить Заседатели. – У вас есть родственники? Кто-нибудь может за вас заплатить?

Да, Старик всё понимал. Об этом и думал он всю последнюю неделю. «Засиделся ты, Старик, ты слишком задержался на этом свете», – говорил он сам себе. – «Они правы, они давно уже правы, ты никому не нужен, а сумма в твоём

оценочном листке стала уже немислимо большой. Посмотри, все твои ровесники давно уже прошли процедуру прерывания жизни, их нет, хотя они были намного здоровее, чем ты сейчас. А у тебя постоянно болит плечо и ноет колено, и руки твои уже совсем не те, что раньше, пожалуй, ты уже не сможешь вытащить ими даже небольшую рыбу. А твои глаза? Они болят и слезятся на солнце, и видят всё хуже и хуже. И тебе стыдно всем признаться, но твой слух... Иногда ты можешь лишь делать вид, что понимаешь то, что говорит тебе собеседник... Нет, ты слишком засиделся, зажился. Незря же таких, как ты, называют пожилыми людьми. Пожилые – это те, кто уже пожил...»

Никто не знал, и не хотел знать, как работает та машина, что совершает прерывание жизни, но по слухам процедура эта происходила безболезненно и быстро.

«Я наверно даже ничего не почувствую», – убеждал себя Старик. – «В конце концов, приговор о прерывании жизни выносится каждый год миллионам...»

– Деда! Дед! – вдруг раздался сзади звонкий голос. – Ух! Ну, наконец, я тебя отыскал! Ну что же ты?!... Что ж ты ничего не сказал?

Старик обернулся.

В распахнутой двери стоял запыхавшийся верзила лет двадцати.

Старик улыбнулся. Это был его Внук.

– Дед, ну как же так... – продолжал сокрушаться парень,

подбегая и обхватывая Старика своими сильными руками. – Деда, я еле отыскал тебя. Ну что ж ты ничего не сказал нам. Хорошо, я вспомнил, что сегодня шестнадцатое число и тебе надо идти на комиссию. А если бы мы опоздали? Тебя так бы и отправили на прерывание жизни. Что бы мы делали тогда? Отец уже здесь, он вносит за тебя взнос. Подождите несколько минут, – обратился он к Заседателям, – сейчас всё будет уплачено.

Заседатели довольно улыбнулись. Дело было окончено. Деньги за жизнь Старика поступили на государственный счёт.

Поддерживая Старика за локоть, Внук вывел того из комнаты Заседателей.

– Папа! – раздался в коридоре ещё один радостный крик. – Папа, ну как же так!.. Ну что же ты... Ну, прости. Я совсем забыл, что сегодня шестнадцатое число. Но ты? Почему ты не сказал им, чтобы они сняли деньги с моего счёта.

– Сумма была слишком большой, – ответил Старик.

– Ничего, пусть снимали бы всё.

Перед Стариком стоял Сын – высокий, ещё крепкий мужчина.

– Пусть сняли бы столько, сколько надо, я дам ещё, зарабатываю, сколько будет нужно. Ну ничего, всё обошлось, мы успели. Пойдём отсюда. Пойдём, ты устал. Доведи дедушку, я подгоню машину прямо к входу, – обратился он уже к своему сыну.

Через полчаса все они втроём – Старик, его Сын и Внук сидели уже в одном из придорожных ресторанчиков у подножия гор. Перед ними стояло блюдо с полыхающей овертой, и дымилась тут же свежая, только что снятая с угляй рыба, и сладко пахли кусочки восхитительной куэлы. Старик потягивал плотный жгучий кофе.

– Дед, ну и напугал же ты нас... – теперь уже улыбаясь, говорил Внук.

– Да папа, ты прости меня. Я совсем забыл, какое сегодня число, мне следовало бы приехать за тобой ещё утром, – сокрушался Сын.

– Деда, и ты добирался в город сам на автобусе?! – восклицал Внук.

– Мне бы переобуться, – попросил Старик, вспоминая о том, что бумажный свёрток с его поношенными сланцами остался лежать на заднем сидении машины.

А ещё через полчаса все они втроём – Старик, его Сын и Внук, сидели на парапете набережной родного рыбацкого посёлка, и все втроём смотрели на море. Это было то самое место, где вчера Старик сидел с Мальчуганом, и так же, как и вчера, раздавались над волнами крики чаек, и прибой с шумом разбивался у ног, и ветер доносил свежий запах водорослей, соли и рыбы.

– Я схожу нам всем за мороженым, – предложил Внук. – Деда, тебе шоколадное или с сиропом.

– С сиропом, – ответил Старик, помня, что Внук любит

именно такое.

Тот пошел к торговкам.

– Папа, я сегодня испугался за тебя, – оставшись наедине со Стариком, признался Сын. – Я вдруг испугался, что не успею. Что тебя не станет, и я потеряю тебя навсегда.

– Ну, ты не должен этого бояться, когда-нибудь это всё равно случится, я уже достаточно пожил, – попытался успокоить его Старик.

Но в глазах Сына – рослого мужчины, виски которого тронула уже седина – вдруг промелькнул взгляд наивного испуганно ребёнка.

– Нет, не говори так, пожалуйста, – торопился сказать он. – Ты должен жить, пока у тебя есть силы, ты должен жить.

Вернулся Внук.

– Они не принимают электронные деньги, – растерянно пробормотал он. – Я уже и забыл, что такое бывает... Пап, у тебя нет мелочи?

– У меня есть, – ответил Старик. – Вот, возьми, – и он повернулся к Внуку своим карманом.

Взяв мелочь, молодой человек побежал снова к торговкам.

А потом все они втроём – Старик, его Сын и Внук – сидели на парапете, ели мороженое и с наслаждением смотрели на море.

– Деда, а помнишь, как ты учил меня вытаскивать из моря рыбу, и как мы с тобой выходили рано утром в море, и ещё

как ловили крабов. А наш вечерний костёр, ты помнишь? – с удовольствием вспоминал Внук.

Старик всё помнил. Он помнил, как они жили здесь с Внуком вдвоём, пока его отец трудился в городе, и это было самое благословенное время в его жизни. Они выходили в море на старой, ещё дедовской лодке. Мальчик был счастлив, и Старик был счастлив тоже.

– Деда, а ты помнишь, наш домик, который мы смастерили из фанеры и старых досок, через открытый верх которой, засыпая, мы с тобой смотрели на звёзды.

– Ну, его даже я помню, – улыбнулся Сын. – Помню, как ты построил его для меня. Жаль, что его уже нет.

Он не будет рассказывать сейчас отцу, как подростком постоянно забирался в тот домик после его отлёта, и спал там, оставшись один, и смотрел на огромное звёздное небо, зная, что его отец сейчас где-то там трудится ради него, и клялся, что никогда не подведёт своего Старика, а на утро уезжал в школу, где терпел насмешки одноклассников за свою бедность, и их осуждение за чрезмерное своё усердие, но он учился лучше всех, корпел над книгами, и возвращался из школы домой лишь поздно вечером, что мысль об отце грела его и лишь она придавала ему силы.

А Старику не о чем было жалеть. С ним навсегда остались те счастливые мгновенья, которые до сих пор надёжно хранила его, пусть и тронутая временем, память.

– Пап, мне нужно ехать, – с грустью произнес Внук. – Де-

да, смотри, твоё мороженое уже скоро растает.

– Мне с ним не справиться, уж больно большое, – признался Старик. – Помоги мне доесть его.

– Эх, Деда, ты не изменился и, как всегда, отдаёшь мне своё... – произнес Внук, бережно беря размякшее мороженое из рук Старика.

Они снова сидели все вместе – Старик, его Сын и Внук – и смотрели на море.

– Пап, я поеду, – поднялся, наконец, Внук.

– Да, поезжай, а я останусь. Ты скажи маме, что у нас всё хорошо, мы успели, и я вернусь завтра, а сегодня я побуду здесь. Папа, знаешь, а твой Внук собрался жениться, – с гордостью сказал Сын Старику.

Старик на это едва заметно довольно улыбнулся. Его улыбка была слаба, радость тиха, но сердце при этих словах сына охватило великое, глубокое счастье. Ещё один мальчик вырос, и когда-нибудь он тоже будет сидеть здесь с кем-то младшим, ощущая радость и вечность бытия.

– Иди, мой дорогой, иди, – сказал Старик Внуку.

Старик знал, что у того много дел. Жизнь мальчика пока ещё в самом начале. Ему многое предстоит сделать. Внук обнял Старика и убежал, не оборачиваясь. На берегу остались отец с сыном.

– Зря ты потратил на меня столько денег, – сказал Старик. – Они понадобятся сейчас твоему сыну, его новой семье.

– Ничего, – ответил Сын отцу, безмятежно сощурившись и подставив своё лицо находящемуся в самом зените солнцу. – Он зарабатывает деньги сам. Он молод и полон сил. Я выучил его, он делает успехи, у него есть работа, цена его жизни высока и продержится на высокой отметке ещё много лет. Было бы неправильно выбирать мне между ним и тобой. Для него эти деньги лишь старт, а для тебя жизнь.

– Я достаточно пожил, – признался Старик.

– Не говори так, не мы определяем, сколько нам жить. Мы обязаны идти до конца, насколько хватит силы.

– На следующий год они ещё в четыре раза увеличат сумму, – покачал головой Старик. – Моя жизнь обходится нашей семье уже очень дорого.

– Не говори так! Не хочу этого слышать! У меня достаточно денег, чтобы заплатить и в четыре раза, и в пять, и больше. Ты должен жить. Для меня твоя жизнь цены не имеет, она бесценна, – открыв глаза, твёрдо ответил Сын.

Он обнял Старика.

– Пап, они собираются переводить все тяжёлые классы машин на моё топливо, – сказал он. – Это уже решено. У нас будут ещё деньги, много денег.

Старик улыбнулся. Он был рад не деньгам, нет, он был счастлив слышать об успехах сына.

– Пап, помнишь, как ты вернулся из космоса, а я показал тебе свой диплом, и мы тогда долго сидели вот так, обнявшись, и на твоих глазах, вот как сейчас, были слезы. А теперь

посмотри на этот мир, на эту планету. Видишь это голубое небо, синее море? Ведь эти все люди обязаны тебе. Ты подарил им эту чистоту, эту прозрачную воду, этот свежий воздух. Ведь ты помнишь, какой ты увидел планету тогда, когда вернулся домой после космоса?

Старик помнил. Смог, засоряющий лёгкие, черными взвешенными частицами парил тогда в воздухе, а воду покрывал слой серой плёнки. Это были последствия использования синтетического биотоплива. Его сжигали тоннами, но альтернативы ему не было.

– А теперь посмотри, как прекрасен вид вокруг. Это твоя заслуга. Я мечтал вернуть тебе твоё синее море, и у меня получилось.

– Это твоя заслуга, а не моя, – улыбнулся Старик. – Это не я, а ты, трудился день и ночь над формулой нового топлива. Ты, а не я, ты единственный в мире понял, как извлекать энергию из воды. Не я, а ты добился того, что каждый автомобиль был переведён на твоё топливо.

– Вода... – протянул Сын. – Я влюбился в неё, когда ещё только в первый раз вышел с тобой на лодке в море. Её я видел постоянно. Только она и была для меня тем веществом, с которым я мог работать.

– А теперь твоё топливо повсюду, и все знают тебя, – с гордостью произнёс Старик.

– Но ведь без тебя не было бы меня, – отозвался Сын. – Кто подарил мне жизнь? Кто родил меня на свет? Кто сде-

лал для меня возможным существование? Человек не может возникнуть сам собою.

Старик улыбнулся.

– Наверно нет, – ответил он. – Все люди неизменно схожи друг с другом двумя фактами – рождением и смертью. В этом все мы одинаковы, жизнь каждого, без исключения, имеет начало и конец.

– По крайней мере, для одного человека в мире это солнце никогда не светило бы, это море, никогда не плескалось, если бы не ты. Этот человек я. Нет, я говорю не верно, для двух человек – для меня, и для моего сына. Я родился, благодаря тебе, и помню это. Даже если бы ты был самым худшим отцом на свете, я бы был благодарен тебе, ведь ты дал мне возможность существовать, но ты самый лучший отец, и я благодарен тебе за это вдвойне, – ответил Сын, обнимая Старика, и снова блаженно подставляя своё лицо солнцу.

Так они сидели вместе – Старик и его Сын – прямо возле прозрачной кромки бирюзового цвета моря.

– Пап, – задумчиво, наконец, сказал Сын. – Знаешь, в этом году мою жизнь впервые оценили ниже, чем в предыдущем. Это очень непривычно. Я старею...

Старик понимающе посмотрел на Сына. Он знал, каково это чувствовать себя ещё успешным, нужным и здоровым, но узнать, что общество уже не верит в твои силы.

– Это из-за понижающего возрастного коэффициента, – попытался успокоить Сына Старик. – Они вводят его при

расчёте цены для каждого, кому больше пятидесяти. Тебе не о чем волноваться, цена твоей жизни пока высока и у тебя в запасе ещё много-много долгих лет.

– Я понимаю, – ответил Сын. – Но это немного грустно и необычно – ощущать приближение собственной старости.

Старик не стал рассказывать Сыну о том, что это чувство лёгкой грусти теперь уже не пройдёт, оно не покинет и с ним надо будет смириться. Снижение ценности в глазах общества – это только лишь начало, а потом будет немощь тела, дрожание рук, слабость ног. И это тоже надо принять. Будет слабеть слух, станет подводить зрение, но надо будет жить и каждое утро говорить себе: «Старик, для тебя начинается ещё один день, держись, не ной, до конца оставайся достойным жизни».

Когда солнце стало клониться к горизонту, лёгкие шустрые детские шаги раздались за их спинами.

– Вот я и нашёл тебя! – услышал Старик позади знакомый звонкий голос.

Это был Мальчуган.

– Я ждал тебя на остановке в полдень, но ты не приехал на автобусе, – торопясь, говорил Мальчуган.

– Меня привёз из города мой Сын, – ответил Старик.

– Здравствуйте, – робко поздоровался Мальчуган, с обнимающим Старика незнакомым человеком.

– А потом отец позвал меня домой, и мы ездили на акулий завод. Там очень неприятный запах. Зато смотри, у меня те-

перь есть акулий клык.

Мальчик с гордостью поспешил вынуть из кармана острый, но уже утративший свою былую грозность белый треугольник кости.

– А вот этот тебе, – протянул Старик у Мальчуган подвешенный на верёвочке зуб, – этот был единственный с дырочкой. Ты можешь носить его и не потеряешь.

Старик бережно принял подарок и довольно произнёс:

– Спасибо.

– Ты не уедешь? Ты останешься со мною до осени? – спросил его Мальчуган.

– Останусь, – ответил Старик.

– Здорово! – обрадовался Мальчуган. – Пойдём тогда завтра ловить крабов? Или хочешь, сходим завтра к старому причалу? Или я могу взять у отца его тележку, пока она ему не нужна, и на ней я доведу тебя до мыса, и ты научишь меня, как обещал, нырять между камнями?

– А сегодня ты не хочешь составить нам компанию? – улыбаясь, спросил у Мальчугана Сын Старика. – Я планирую купить на рынке мидий, креветок и ещё несколько рыбок, мы разведём во дворе настоящий костёр и зажарим рыбу на углях.

– Да, я хочу, очень хочу, – ещё больше обрадовался Мальчуган. – Пойдёмте, я покажу вам на рынке самую лучшую лавку. Там продают самых свежих креветок. Пойдёмте...

Они пошли все вместе – Мальчуган, Старик и его Сын.

«Идите, вы должны идти, не подведите меня, идите», – говорил Старик своим усталым ногам. – «Кто знает, сколько лет вам ещё носить меня. Я готов умереть, но готов и жить, поэтому идите, мои ноги, идите».

2017

Одетая в аромат ландышей

1

Она вошла бесшумно. Дверь открылась, впустила её и закрылась. По-обыкновению, Алан даже не поднял на незнакомку глаз, слишком уж он привык за годы работы к звуку распахивающейся двери, выпускающую очередную пациентку к нему в кабинет.

Начинать приём он в последнее время не торопился. «В конце концов», – думал Алан, – «это нужно, прежде всего, им, а не мне». Алану нравилось подержать женщин в ожидании, чтобы осадить пыл слишком надменных, а слишком робким дать время освоиться.

Вот и в этот раз Алан сидел, уткнувшись в монитор, пока не почувствовал, как в воздухе распространяется какое-то невероятное цветочное благоухание. Тончайшим эфиром этот сладковатый аромат пытался заполнить собою всё пространство. Это был не фабричный парфюм, нет. Все эти искусственные смеси Алан знал хорошо, ими веяло от каждой второй из тех, что приходили к нему. Нет, сегодняшний аромат был чист, свеж и естественен. Он был натурален. Пахло ландышами. Теми давно забытыми беленькими цветами, что распускаются в мае и увядают так быстро. Пахло юностью, счастьем и весной.

Алан поднял на вошедшую свой взгляд. Девушка изумила

его. Алан зажмурился, пытаясь вспомнить, видел ли он раньше что-либо столь же прекрасное. Красота стоящей перед ним была поразительна. Нежнейшая молочного цвета кожа, волосы густые, блестящие, ещё не тронутые искусственной краской, ясный свет глаз, фигура изящная, будто выточенная, как у фарфоровой статуэтки, и запястья рук тонкие-пре-тонкие.

Алан насупился, кашлянул и отвёл взгляд. Он сделал вид, что изучает медицинскую карту красавицы. В графе «возраст» стояло число «16». «Всего шестнадцать лет, шестнадцать... И уже так невероятно хороша!» – думал про себя пятидесятидвухлетний Алан. В этот момент он готов был поклониться матери-природе за то, что она каким-то неизвестным образом, случайным соединением генов, произвела на свет это совершенное, идеальное создание и привела это своё творение прямо в руки Алана.

Жестом Алан пригласил девушку подойти, та приблизилась, опустилась на стул возле его стола и оказалась совсем рядом. Нет, Алан не ошибся, запах ландышей был не парфюмом, он был естественным ароматом этого юного тела. Такая красота не могла пахнуть иначе, она была совершенна, в ней не было ни одного изъяна.

Под пристальным взглядом Алана Одетая в аромат ландышей девушка, потупила взгляд. Она молчала.

– В первый раз? – спросил её Алан.

Та утвердительно кивнула.

Все они, которые потом становились постоянными пациентками и любовницами Алана, когда-то появлялись здесь в первый раз.

– Какой срок? – спросил Алан.

– Пять недель, – поёжившись, произнесла девушка.

«Маловато», – раздосадовано подумал Алан. – «Пришла хотя бы двумя неделями позже. Неопытная, куда-то торопится. Все они поначалу такие».

Но, взглянув, на девушку, Алан моментально забыл о собственном недовольстве. Слишком уж была хороша. Пушистые ресницы скрывали сейчас от Алана её глаза.

– Подпиши соглашение, и для тебя сегодняшняя чистка будет бесплатной, – сказал он ей, протягивая электронный лист.

Красавица послушно поставила под ним свой отпечаток.

– Раздевайся и ложись, – сказал Алан.

Слегка стесняясь, девушка разделась.

Алан подошёл к ней. Сейчас она стояла перед ним хрупкая, незащищенная, одетая в один лишь аромат ландышей. Как же она была прекрасна! Алан не ошибся, тело её несовершенств не имело. Алан разглядывал её без смущения, как врач и как мужчина.

Видя, как дрожь начинает охватывать это юное тело, Алан сжалился. Он подошёл к шкафу, достал оттуда одноразовую рубашку и подал девушке.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Лия, – ответила та.

– Надевай и ложись, будет неприятно и может даже больно, но не долго, – сказал он.

Девушка надела рубашку. Теперь она была одета в аромат ландышей и в этот уродливый медицинский балахон, который обычно делает всех пациенток одинаковыми и равно непривлекательными.

Одетая в аромат ландышей легла.

Алану предстояло провести то, что на сегодняшний день называлось термином «чистка», на самом же деле так в последние десятилетия стали именовать прежнее медицинское «прерывание беременности» или попросту «аборт».

Алан подключил к девушке аппарат, а сам вернулся за стол.

В своей клинике он предпочитал работать один. Раньше он держал врачей, которые работали на него, но всем им надо было платить. Выгоднее оказалось купить аппарат, который бы производил чистку не хуже людей и очень быстро. К тому же, была ещё одна немаловажная деталь, абортивный материал сохранялся при аппаратной чистке лучше и оставался чище.

Недостатка в пациентках Алан не имел. Каждый день он производил не меньше десятка чисток. Все эти женщины приходили к нему, желая освободиться от внезапно возникшего в их чреве бремени. Алан всем помогал, а полученный материал успешно продавал в клинику стволовой индустрии,

тем и жил.

Аппарат заработал, Одетая в аромат ландышей сначала стонала, затем пару раз вскрикнула и затихла. Алан понял, что основная часть операции уже проведена.

Когда девушка встала, Алан почувствовал, что аромат ландышей, испускаемый ею, угас. Выглядела она устало, но Алан верил, что её благоухание ещё вернётся, и в первый раз в жизни ему не захотелось заигрывать с ней, делать сразу её своей любовницей, ему хотелось подождать. С каждой женщиной, приглянувшуюся ему, он вступал в негласную игру, и добивался любую, это было всего лишь вопросом времени. Но сейчас всё было иначе. Алан смотрел на девушку, стоящую перед ним, и не испытывал того ярого, чувственного желания, которое было ему присуще. Он не узнавал сам себя. Красота, непостижимая, совершенная, преклоняла его перед собой, диктовала свои условия. Алан не смел прикоснуться к ней своим вожденным взглядом. Он желал лишь издали наслаждаться этим великолепным творением природы, как лучшей из картин, как мраморной скульптурой, как безупречным изваянием. Это новое чувство Алана раздражало.

– Одевайся, придёшь на осмотр через два дня, – буркнул девушке Алан. – Вот рецепт, эти два дня будешь принимать по две таблетки два раза в день.

На самом деле необходимости в повторном осмотре не было, и Алан никогда не назначал бы никаких лекарств, если бы ему сейчас не захотелось просто увидеть эту девушку

снова.

Она пришла, как и назначил Алан, через два дня, вдохнув вместе с собою в комнату аромат свежих ландышей. Алан ждал её и все эти два дня тешил себя надеждой завязать с Лией более тесное знакомство, но когда она вошла, то красота её, вновь расцветшая, оправившаяся после чистки, вторично сразила его.

Алан нахмурился. Он собирался быть сегодня приветлив, но вместо этого лишь недовольно буркнул что-то себе под нос. Скрывая свои чувства, он разговаривал с девушкой нарочито грубо и, осмотрев её без лишней учтивости, назначил явиться на осмотр ещё.

Она пришла через пять дней, и снова, окутанная ароматом ландышей, была возмутительно, недопустимо красива. Не поднимая больше на неё своих глаз, Алан выписал ей рецепт и отпустил.

Перед её уходом, он долго и пространно объяснял ей о безвредности проводимых им чисток, дал визитку и просил без стеснения пользоваться его услугами ещё и ещё. Она была так хороша, что не возникало никаких сомнений в том, что в её жизни будет ещё много мужчин, много романов, а значит, много нежелательных беременностей, много новых чисток. Алану оставалось только ждать.

Он знал, она ещё вернётся. Все женщины, появляющиеся в его клинике раз, приходили потом снова и снова, и только седая старость, допущенная ими по их же собственной

небрежности, могла остановить их. Одетая в аромат ландышей тоже вернётся, и может тогда это невыносимое чувство преклонения перед ней, наконец, в Алане сменит обычное мужское влечение.

2

Алан спешил на встречу. Хотя нет, разве можно назвать встречей привычные посиделки в ресторане с друзьями?

Алан прибыл первым, за ним появился Томас, последним приехал Итан, приведя с собою сына – гадкого, по мнению Алана, двенадцатилетнего мальчугана, неизменно сующего свой нос во все взрослые дела.

Итан, Алан и Томас были знакомы давно, ещё со скамьи медицинского института. Вместе они учились, вместе прогуливали лекции и жили когда-то вместе в крохотной, предоставленной институтом комнате. Сегодня Томас работал заведующим отделения трансплантологии органов, у Алана была своя клиника, а Итан владел фармацевтической компанией, специализирующейся на производстве омолаживающих препаратов, куда Алан сбывал полученный при чистках своих пациенток абортивный материал. Итан за это Алану хорошо платил. Благодаря их союзу Алан имел средства и на шикарную квартиру в самом центре города, и на пару роскошных авто, на одном из которых он сейчас и приехал. Все трое, несмотря на свой возраст и далеко неправедный образ жизни, были абсолютно здоровы и выглядели лет на

двадцать-тридцать моложе своих лет. Причиной тому были те препараты из стволовых клеток, которые производил на своём заводе Итан и которыми он в избытке снабжал своих друзей.

Расположились у окна. Был вечер. Город внизу залился гирляндами огней. Алан рассматривал, как движутся казавшиеся почти игрушечными с высоты сорокового этажа автомобили.

Итан неустанно шутил и горделиво поглаживал по голове собственного сына. Алана этот дородный, пухлощёкий мальчишка каждую их встречу порядочно раздражал. Мало того, что он бесцеремонно хватал руками с общих тарелок всё, что желал, так, вдобавок, он позволял себе высказываться обо всём, о чём говорили взрослые.

– Правильно, сынок, – поощрял сына Итан. – Покажи им, пусть знают, какой ты умный.

Когда мальчишка начал покрикивать на Алана и Томаса, Алан взмолился:

– Итан, мы же все-таки не твои подчинённые, уйми его...

– Ну хорошо, хорошо, – хохотал здоровенный Итан. – Сынок, Виктор, пройдишь по залу. Даю тебе задание, принеси мне пять телефонов. Две брюнетки, две блондинки, одну рыжую, ты знаешь, каких я люблю...

Мальчик оживился. Алан же был несказанно рад тому, что этот невыносимый ребёнок, наконец, их оставил.

– Чудный ребёнок! – восторгался Томас.

– Ну а ты? Когда? – хлопал Томаса по плечу Итан.

– У меня новые женщины, – похвастался Томас. – На этот раз у всех них со мной идеальная физиологическая совместимость. Они забеременеют, обязательно, я в это верю. Я протестировал гены каждой, от них у меня будут идеальные дети.

– Томас, ну сколько можно? Ну перестань ты уже подбирать себе партнёров по науке, – укорял его Итан. – Посмотри вот я, я выбираю женщин просто из тех, которые мне нравятся, а сына оставил от той, которую, как мне кажется, я даже любил.

– Любовь... Это какое-то слишком уж эфемерное понятие. Это совершенно ненаучно. Как можно полагаться на чувство в таком важном вопросе, как потомство, – сопротивлялся Томас. – Ты знаешь, я сторонник обоснованных подходов. Ребёнок должен рождаться только при помощи экстракорпорального оплодотворения от идеально совместимой с мужчиной партнёрши, с обязательной проверкой всех генов, это моё убеждение. Мы должны иметь возможность всё контролировать. Тебе просто повезло, что твой Виктор родился здоровым.

– Ерунда, – махнул рукой Итан. – Дети должны рождаться обычным естественным путём и без всяких предварительных хлопот. Надо просто оставлять того из них, который зачался в удачный для тебя момент жизни. Ну посмотри, разве он не хорош? – восторгался Итан сыном.

Шустрый и бесцеремонный Виктор уже сновал между столами. Он, пользуясь тем, что выглядел ещё совершенным ребёнком, беззастенчиво знакомился с сидящими людьми, вызывая неизменное умиление женщин.

Алану было противно смотреть на это.

– Удивительный, восхитительный ребёнок! – вторя Итану, восхищался Томас. – Тебе очень, очень повезло!

– Скажи, ты действительно считаешь этого ребёнка прелестным? – шёпотом спросил Алан Томаса, когда Итан ненадолго оставил их вдвоём.

– Конечно! – удивился такому вопросу Томас. – Дети все, все без исключения прекрасны.

Алан почесал голову, вспомнив скольких из них он вычистил из бывших любовниц того же Томаса.

– Знаешь, у меня к тебе дело, – полушёпотом неожиданно обратился Томас к Алану. – Посмотри вот на эти фотографии.

И он подсунул Алану фотографии. На них были женщины, довольно молодые, довольно привлекательные.

– Посмотри, пожалуйста, запомни каждую, – торопясь, просил Томас. – Я сейчас с ними, с каждой. Если когда-нибудь кто-нибудь из них появится у тебя, пожалуйста, под любым предлогом не делай им чистку. Пусть родят.

– Томас, но ты же объяснил каждой из них, что готов взять расходы по воспитанию ребёнка на себя?

– Разумеется. Но знаешь, сейчас такое время, ни в одной

из этих женщин я не уверен. Все они согласились на искусственное оплодотворение, подписали соглашение, но что потом взбредёт им в голову, кто знает? К тому же, все эти девять месяцев беременности, наверняка, любая из них будет не прочь изрядно потрясти меня. Так что придумай что-нибудь, откажи им, скажи, что это нужно для их же здоровья... Пусть родят. Не хочу платить им дорого.

– Я не понимаю, для чего тебе всё это. Пусть всё бы шло своим чередом, послушайся Итана. Ну скажи, для чего тебе ребёнок?

– Я привык ставить цели, и добиваться их, – ответил Томас. – Сейчас моя цель – ребёнок. Я хочу, чтобы после меня на этой земле что-то осталось. Пусть это будет кто-то, похожий на меня. Это раньше я был молод, мне нужно было делать карьеру, строить своё будущее и дети мне были совершенно не нужны, а сейчас я готов быть отцом, я хочу сына, только сына.

– А если будет несколько детей? От каждой...

– Тем лучше. Знаешь, мы ведь старимся, надо думать о будущем. Кто знает, сколько мы ещё продержимся на препаратах Итана? Он может поручиться, что мы сможем оставаться столь же здоровыми и в будущем? А новые органы, это как-никак гарантия долголетия. Мой же продолжительный опыт показывает, что в теле лучше приживаются органы родственников. Так что, хочешь не хочешь, но уже сейчас надо думать над кандидатурами будущих доноров...

Вернулся Итан. Он был весел и доволен, много пил. Скоро возвратился к столу и его малолетний отпрыск, этот ненавистный Алану ребёнок принёс не меньше дюжины телефонов и фотографий тех женщин, с которыми познакомился, блуждая последние сорок минут по залу. Итан был доволен.

– Растёт моя смена, – гладил он по голове своего толстешего от месяца к месяцу Виктора. – Ну а ты как, Алан? Поведай нам об очередных твоих победах? Готов поспорить, что в списке твоих новых пассий есть имена и кого-нибудь из моих прежних знакомых.

Алан потупил взгляд. Обычно он любил хвастаться своими романами, но сейчас вдруг вспомнилась Одетая в аромат ландышей, и настроение говорить мгновенно пропало. Что бы успокоить Итана, Алан рассказал ему пару-тройку последних эпизодов, но про то, что он встретил девушку, завладевшую его сознанием, он промолчал. Стыдно было признаться в том, что он впервые в жизни не попытался даже прибегнуть к попытке соблазна.

Итан веселился. Было видно, что дела его идут очень неплохо. Прошло то время, когда индустрия стволовых клеток, полученных из абортивного материала, была под запретом, теперь же Итан мог использовать поставляемый Аланом материал, как угодно и в любых количествах.

– Ничего, вот выйдет когда-нибудь закон, разрешающий фармацевтическим компаниям самим производить «чистки», уведу я у тебя тогда всех твоих пациенток, – шутил

Итан.

Алана сегодняшняя встреча утомляла, но Томас и Итан были единственными его друзьями. Собирались вместе они часто и регулярно. Выпивали, развлекались, шутили. Без этих встреч, без этих разговоров, Алан, пожалуй, потерял бы интерес к жизни.

3

Закон, запрещающий использовать любые средства контрацепции, вышел. Работы у Алана прибавилось. Конечно, закон приняли под гуманным предлогом непротивления зарождению новой жизни, но при этом чистки не запретили. Каждому ребёнку дано было право зачатся, а каждой матери решить потом самостоятельно его судьбу. Всё выглядело вполне благовидно и милосердно, но и Алан, и Итан, и все, кто был задействован в громадной и невероятной прибыльной медицинской индустрии знали, что этот закон есть не что иное, как желание людей, принявших его, продлить собственную молодость и жизнь. Последние технологии в области индустрии стволовых клеток сулили невероятные возможности по обретению искусственного бессмертия, но для этого нужен был материал, много абортивного материала. Надо было использовать одних, чтобы продлить жизнь другим.

Свободного времени у Алана поубавилось. Те женщины, что в прочее время появлялись у него в кабинете, от силы,

раз в год теперь приходили регулярно раз в два-три месяца. Итан за собранный с них материал платил щедро, и Алан купил ещё целых пять аппаратов для чисток. Работали он с утра до вечера. Благодаря этому сегодня Алан ехал на встречу к друзьям в такой машине, на которую все без исключения бросали свои восторженно-завистливые взгляды. Стоила она дорого, очень дорого, последняя модель ICar 8.8, но Алан теперь мог себе это позволить.

Алан слегка располнел, что ничуть не мешало ему каждый день заводить новые романы. Он соблазнял, тешился, бросал. Зачинал детей и потом сам же делал их матерям чистки. Он особым образом помечал полученный в результате чисток бывших его женщин материал, и, направляя Итану, просил отнести к изготовлению препаратов из него с особой осторожностью, а потом исключительно единолично потреблял полученное фармацевтическое чудо. В свои пятьдесят шесть лет Алан был бодр, счастлив и совершенно здоров.

Одетая в аромат ландышей появлялась у него всё чаще и чаще. Как же она была красива! Повзрослела. Её шаги Алан узнавал ещё издалека, и каждый раз в ожидании её взволнованно билось сердце. Каждый раз её появление предвещал неизменный аромат ландышей. Он незримо просачивался в кабинет ещё до того, как его обладательница успевала открыть дверь. Окутанная им она возникала на пороге как божество. Грациозная, дивная, бесподобная. Она была той женщиной, перед которой Алану всегда хотелось склонить

голову в нижайшем поклоне, и каждый раз он удалял из неё то, что сотворили ей другие мужчины, сам же он не смел прикоснуться к ней даже своими мечтами. Алан не желал пока разрушать этот возведённый им самим в ранг божества идеал.

Одетая в аромат ландышей действительно была удивительно хороша. Казалось, в жизни её наступила та пора, когда сама природа день за днём прибавляет женщине и без того уже запредельную привлекательность. Одетая в аромат ландышей от раза к разу расцветала, и становилась всё женственнее, всё сочнее, и благоухала, и этот её запах ландышей, неизбежно, сводил мужчин с ума.

Сходил с ума и Алан. Он не флиртовал с Лией, нет, напротив, он не делал ничего, что могло бы привести к их роману. Алан бездействовал. Он наслаждался ею издалека и был счастлив уж тем, что, хотя бы раз в три-четыре месяца красавица оказывалась на час полностью в его власти.

Очередная встреча Алана с друзьями началась вяло. Первым появился Томас, он был явно подавлен. В последнее время его мало что занимало, он был часто расстроен, испуган, всё больше его тревожило собственное будущее. Его затея с детьми не удалась. Ни одна из тех женщин, на которых он возлагал надежды, так и не родила ему ребёнка. Научное, распланированное искусственное их оплодотворение так и не дало результатов. Идею вырастить себе на старости отпрысков Томас почти забросил. Всё, что интересовало его

теперь – это собственное здоровье. Он панически боялся болезней, старости, смерти. Он хотел жить и жить, но по роду своей работы он знал всю подноготную мнимого продления жизни, каждый день он видел, как покупаются, продаются, заменяются человеческие ткани, это его угнетало.

– Представляешь, – жаловался он сейчас Алану, – я боюсь. То, что творится на рынке органов, это беспредел. Есть законы, но даже я их не соблюдаю. Мне приводят людей, и я с их согласия изымаю из них то, без чего они могут жить максимум сутки, и они подписывают своё согласие, сами ложатся под нож. Ты не представляешь, что творится. Не знаю, чем вынуждают их, или они просто ничего не понимают... Я тебе честно скажу, я боюсь. Боюсь того, что когда-нибудь это может произойти со мной. Ты бы видел тех, кто водит ко мне людей для изъятия органов. Это бандиты, натуральные бандиты! Они сознательно вгоняют людей в долги, берут на себя их кредиты, а потом заставляют расплачиваться. Это страшно, очень страшно... Сейчас достать можно всё, что угодно, печень, почку – не проблема. Тут же приводят нужного донора. Они все у них уже под колпаком, в их картотеке. Люди подписывают бумаги и ложатся под нож, подписывают – и ложатся... Мы создали какую-то невообразимую, чудовищную систему. Мы превратили людей в биологический конструктор – что надо, пришьём, что надо, отрежем. За долги люди продают собственные жизни, думаешь, они это не понимают? Понимают, но у них нет другого выхода. Любо-

го из нас могут поставить в такие же условия, и ничто нас не защитит. Будешь протестовать, устроят тебе несчастный случай, и всё равно нужный донор окажется у меня на столе. Понимаешь, человек перестал быть чем-то целостным, мы превратили себя в отдельные части... Я давно привык к тому, что люди, за неимением средств к существованию, приходят продавать собственные органы, но ты слышал, чтобы подростки требовали от партнёра в доказательство любви к себе продажу почки? Такого раньше не было. Они искренне верят, что в скором будущем обычной практикой станет пересадка мозга в новое тело, поэтому к нынешним своим телам относятся небрежно, для них всё сплошное развлечение. Эх, отмотать бы всё обратно...

– Ты бы остался без денег, без работы, – деловито заметил Алан, небрежно рассматривая меню.

– Да, ты прав, – согласился Томас. – Да ну их всех, пусть делают что хотят, это их дело. Правильно ведь? Пусть режут себя, меня это не касается. Если они не понимают, насколько это серьёзно, что это не забава... Ой, не хочу об этом! Главное самому не оказаться на их месте, как-то надо себя обезопасить.

Появился Итан. К великой радости Алана Итан был один, без своего отпрыска.

– Ну что тут у нас? – бодро начал Итан, беря в руки меню.

– Да вот Томас, снова боится смерти, – небрежно бросил Алан.

– Да опять вы неправильно меня поняли, – возмутился Томас. – Какая смерть в наши годы, в наше время, когда у человека есть все возможности жить практически вечно. Мне не нравится, что я чувствую себя незащищено. Кто спасёт меня, если кому-нибудь понадобится моё сердце, или печень, или лёгкие? Менять себе органы на новые у богатых сейчас модно. Я веду здоровый образ жизни, берегу себя и тем самым только лишь навожу на себя беду. Кто-то рано или поздно польстится на то, что у меня внутри...

– Вот разошёлся, – усмехнулся Итан. – Не переживай, найдут другого. Не считай себя уникальным. Ты ценен больше, как специалист по пересадке органов. Использовать тебя в качестве донора не логично. Да, в конце концов, с твоими деньгами ты откупишься от любого... Деньги сейчас решают всё!

– Вот об этом я твержу, – снова оживился Томас. – Мы превратили людей в нечто, что можно собрать из частей, а теперь сами же должны платить за собственную безопасность. Ведь раньше, если у меня нет денег, имущества, так и взять с меня было нечего, никто не ограбит. А теперь, значит, я должен делиться и тем, что у меня внутри...

– Конечно, – весело подзадоривал Томаса Итан. – Твои внутренности, откуда они у тебя? Ты их купил? Ты платил за них? И вообще всё твоё тело, откуда оно? Как оно тебе досталось?

– Да как это так, как же так... – не находя слов, возму-

щался Томас. – Это моё тело! Оно моё по праву рождения! Почему я должен платить или с кем-то делиться?! Это моё! Мои органы нужны мне самому. Я не виноват, что современные законы рассматривают человека, как набор отдельных органов.

– Да успокойся ты, – смеясь, хлопал друга по плечу Итан. – Шучу я, твоё это всё. Но денег у тебя достаточно для того, чтобы при случае заплатить за то, чтобы всё твоё оставили при тебе. Лучше смотрите, что я вам покажу.

Итан подsunул друзьям под нос экран. Он показывал фото, от которого у Алана захватило дух.

– Новенький, только вчера купил и подарил сыну, – с гордостью пролистывал фотографии Итан.

Алан молчал. Автомобиль на фото был его мечтой – ICar 9.0. Он только появился в анонсах, а Итан вот так взял и купил уже его, да ещё и не себе, а сыну. Сердце Алана сжалось. Он понял, что живёт на жалкие подачки Итана. Для того, чтобы купить эту модель Алану надо было произвести более двух с половиной тысячи чисток. Да, Итан хорош. Если он смог подарить такую модель сыну, значит, себе скоро купит ещё лучше.

Аппетит у Алана пропал. Итан же, по обыкновению, грустных настроений вокруг себя не замечал и много шутил.

апельсиновых дерева, растущие в бетонных горшках перед входом в клинику Алана, зацвели. Да и вообще всё вокруг как-то преобразилось, и, хотя нынешние зимы доставляет мало хлопот жителям современных городов, но весна, с её теплом и светом, всегда вносит в окружающую обстановку какое-то особое оживление.

Алану шестьдесят пять лет. Он бодр, весел и абсолютно здоров. Дела его идут отлично. Куплена новая трёхэтажная квартира, вот-вот в гараже его будет красоваться новенький ICar 10.0, карман приятно оттягивает последняя модель Моветано.

Работы в клинике много. У Алана теперь девять аппаратов для чистки, отбоя от пациенток нет. Но сейчас вечер, можно отдохнуть. Алан подходит к окну, поднимает стекло. Воздух, тёплый, бодрящий врывается в комнату, неся с собой звуки оживших после зимы улиц. Алан вздыхает, хороша весна. Он подходит к шкафчику, достаёт бокал, но наполнить его не успевает. Шаги, лёгкие, почти невесомые слышаться в коридоре. Стук и дверь открывается. На пороге Одетая в аромат ландышей. Её благоухание тут же наполняет собой комнату, перебивая запах улиц города, дополняя собою свежесть весны.

Алан уже знает, что ей нужно. Он жестом приглашает свою позднюю пациентку присесть.

– Срок? – спрашивает он.

– Восемь, – отвечает она.

Алан садиться за стол, пытаясь вспомнить, сколько же он не видел её. Закрутился, много было работы, а она, кажется, уже не была у него полгода. Алан смотрит в свои записи, так и есть, больше пяти месяцев она не появлялась у него.

– Подпиши документы, и пойдём, – привычно говорит ей Алан.

И без него она хорошо знает всю процедуру, поэтому молчит. В этом кабинете не принято говорить. Алану не интересно, с кем она была эти полгода, почему снова оказалась у него. Он сидит, и просто рассматривает её, пока она ставит подписи на документах. Вот её локон – прядь её шикарных волос – непослушно выбивается из затейливо собранной на макушке прически. Теперь этот завиток касается белоснежной кожи её лица, спускается своим кончиком к её шее. Но что это? Там в уголке глаза... Это морщинка. Едва заметная, но уже совершенно ясно обозначившаяся. Как же так? Алан отодвинулся. Как она допустила такое? Морщинка, этот непозволительный по нынешним временам предвестник старости. Пока первая, но будут и ещё... Он смотрит на женщину перед собой, которая вот так вдруг этим возникшим в ней несовершенством навсегда утратила для Алана статус идеала. В одно мгновенье Одетая в аромат ландышей перестала быть божеством и стала просто женщиной.

Алан улыбнулся.

– Пойдём, – учтиво взяв её за руку, позвал он.

В этот раз он сам помог ей раздеться, сам растёр своими

руками её озябшие ступни, укутал в пушистый плед и только после этого подключил аппарат.

Алан не любил присутствовать при чистке и предоставлял пациенткам самостоятельно пройти все неприятности этой процедуры, но, когда всё было окончено, Алан поспешил.

Он был внимателен, услужлив и учтив. Каким же счастьем была для Алана возможность спустя столько лет разрешить себе прикоснуться к её телу.

– Может, мы поужинаем сегодня? – спросил он самым непринуждённым тоном. – Ты устала.

Она, измученная чисткой, покорно опустила взгляд, прикрытый полосой густых ресниц.

Алан, понял, она принимает его вызов. Начинается так хорошо знакомая ему игра, исход которой известен им обоим. Самое главное в этой игре – сам её процесс, поэтому Алан помогает Одетой в аромат ландышей подняться, застёгивает её туфли, надевает на неё плащ и так, ослабшую, слегка уставшую, держа её за талию, выводит из клиники. Маленькая морщинка в углу её века даёт ему право больше не поклоняться Одетой в аромат ландышей, как божеству, теперь она обычная земная женщина.

Он ведёт её в ресторан. Они сидят там долго, Алан без усталости наслаждается восхищёнными взглядами окружающих, бросаемыми на его спутницу, и завистливыми взглядами, бросаемыми на него самого. Одетая в аромат ландышей шикарна. Даже сейчас, уставшая, она выглядит намно-

го лучше всех прочих женщин в этом зале. Тем ничего не остаётся, как пытаться скрыть свою злобную зависть к ней, за широкими улыбками их искусственных губ. Алан ликует. То ли весна так будоражит его, то ли та, что сейчас рядом, но он, вопреки обыкновению, решет потратиться. Он заказывает все дорогие блюда из меню, все самые ценные вина. Одетая в аромат ландышей тиха. Лишь изредка она поднимает на Алана полный понимания взгляд, и опускает глаза снова. Похоже, в этот момент ей просто был кто-то нужен рядом, Алан же рад, что досталась ему эта женщина легко, без всяких хлопот, как и все прочие.

Когда вышли на улицу, было уже темно. Воздух, свежий, пьянящий бил в голову и пахло ландышами. Алану захотелось продлить эту волшебную игру, потому он не стал сегодня приглашать свою спутницу к себе домой, не стал напрашиваться к ней, а лишь довёз её до дома. Он был любезен, галантен и мил, а утром Алан уже стоял у её двери с огромной корзиной цветов. Ландыши, тюльпаны, немного незабудок. Одетая в аромат ландышей жила одна. Утром она выглядела ещё прекрасней. Она была удивлена, когда Алан, приготовив ей завтрак, не прикоснувшись к ней, сославшись на рабочие дела, удалился.

Алан ликовал. Он готов был поспорить, что такого мужчины, как он, у неё ещё не было. Ему же рядом с ней хотелось показывать всё лучшее, на что он способен, поэтому он решил удивлять её и удивлять. Он будет делать вид, что до-

бивается её, ту, что с самого начала этой любовной игры готова была сдаться ему без всякого боя. Алан не хотел получать её вот так просто, он желал знать, что не по воле обстоятельств, а за собственные заслуги получил благосклонность этой опустившейся на землю богини.

Алан возил Одетую в аромат ландышей в самые шикарные места, осыпал её самыми изысканными подарками, уделял ей столько внимания, сколько не оказывал его всем своим женщинам вместе взятым, и ничего не требовал взамен. В этом был особый шик. Алану нравилось ласкать собственное самолюбие осознанием того, что ни один мужчина не обращался так с той женщиной, которая была теперь с ним рядом. Он играл в любовь, ту романтическую, нежную, которую в нынешнее время можно увидеть только в кино. Иногда ему даже хотелось верить в то, что он действительно влюблён, но на самом деле ему больше нравилось то, с какой завистью смотрят на него теперь прочие мужчины. Его коллекция пополнялась женщиной невиданной красоты.

Месяц пролетел незаметно, за ним другой. Алана и Одетую в аромат ландышей можно было считать теперь стабильной парой. Алан так увлёкся всей этой любовной романтикой, что даже не заметил, как произошла их близость. Всё в их игре было красиво и очень походило на те отношения, которые показывали в кино. Алану было хорошо, так хорошо, что он даже забросил на время встречи с друзьями.

Началось лето. Чудесная тёплая пора, когда можно на

неделю взять отпуск и просто от всех уехать. Алан так и сделал. Целых семь дней они с Одетой в аромат ландышей плескались в море, и не жились под пальмами, а вечером ходили танцевать в колоритный южный бар. Алану приятно было сознавать, что он обладает самой красивой женщиной на пляже. Было ли это счастьем? Пожалуй.

Всё закончилось внезапно. Как-то Одетая в аромат ландышей пришла к Алану в кабинет совершенно неожиданно. Она остановилась в дверях, красивая, окружённая таким благоуханием, от которого у Алана закружилась голова, и захотелось тут же схватить её, поднять на руки и увезти куда-нибудь далеко-далеко.

– Я беременна, – произнесла она.

В висках у Алана застучало.

– Срок? – по привычке спросил он.

– Пять недель, – произнесла она.

Алан сел.

– Ты хочешь сделать чистку прямо сегодня? – наконец, спросил он.

– Ребёнок твой, тебе и решать, – произнесла она с фальшивым безразличием.

Алан хорошо успел узнать её, нет, ей не всё равно, что он скажет сейчас. Сердце её колотится и ждёт. Что же он должен ответить? Каким должен быть верный вариант? Алан решил потянуть время.

– Давай не будем торопиться, время есть, – ответил он.

Он заметил, как проскользнула в её глазах какая-то скрытая надежда.

Они вышли вместе, поехали в ресторан, но как-то всё в этот раз было не так. Еда казалось безвкусной, времяпрепровождение не радовало. Спутница Алана была напряжена и, казалось, чего-то ожидала. Алан задумался. Не думала же она, что он захочет оставить этого ребёнка? Если бы он хотел детей, то оговорил бы это с ней заранее. Нет, Алан не собирался менять свой образ жизни. Когда-нибудь, Алан это предполагал, у него будут дети. Но не сейчас? Время ещё не пришло. Он не готов наблюдать за тем, как та, которую он привык видеть рядом, с которой делит теперь постель, округляется и толстеет, как внимание её всё больше переключается с него, Алана, на предстоящее событие. А потом, после рождения ребёнка, что ему, Алану, делать? Где его место в жизни той, к которой он уже так привык?

– Алан, – в самый разгар своих дум услышал над собой звучный голос Итана. – Давно тебя не было видно, – говорил он, хлопая Алана по плечу. – Познакомь-ка меня со своей спутницей.

При этих словах Алан заметил, с каким восторгом посмотрел Итан на Лию. Алан был готов поспорить, что Итан уже успел ощутить на себе магию неповторимого благоухания ландышей, что наверняка он отложил свой ужин и поспешил к Алану только лишь ради той, что сидела сейчас рядом. Итан был, как всегда, приветлив, весел бодр. Алану

ничего не оставалось, как пригласить его присоединиться к ним.

Итан сел за их столик, заказал вина, пошутил, стал даже сверх нормы галантен. Было заметно, что Итана восхитила Лия. Его интерес к ней был настолько явен, что Алану даже подумалось оставить от своей нынешней спутницы ребёнка. Итан бы позеленел от зависти, и тут вдруг, морщинка, маленькая вторая морщинка вдруг проскользнула в уголке века Одетой в аромат ландышей, в тот самый момент, когда она впервые за этот вечер улыбнулась. Вторая... Алан понял, что это конец. Процесс увядания той красоты, что столько лет его влекла, был неумолим. Да, он мог бы смириться с появлением её ребёнка, но не с её старостью, с её неминуемым увяданием. Зачем ему та, которой скоро никто уже не будет восторгаться?

На следующий день он позвал её к себе на чистку. Она пришла. Как всегда, спокойная, немного уставшая. Чистка прошла как обычно быстро. Алан проводил Одетую в аромат ландышей до двери, только когда он выгружал из аппарата собранный и приготовленный к перевозке абортивный материал, сердце его впервые как-то странно забилось. Как-то совсем не вовремя и вот так сразу нахлынуло в его разум осознание того, что он держит сейчас в руках свою дочку или сына. Алан отупело смотрел на багряный пакет в своих руках и впервые понимал, что это не просто остатки каких-то не нужных организму тканей, это было то, что уже совсем

скоро могло бы стать человеком, живым, настоящим, таким же как он, похожим на него и на ту, которая испускала такой восхитительный аромат. Алан стоял, и не знал, что ему делать дальше, но уже через три минуты сознание вернуло его к действительности. Алан поспешил спрятать пакет в специальный контейнер, сделав на том пометку «Использовать в препаратах для Алана».

После этого Алан и Одетая в аромат ландышей пробовали снова встречаться, но это были уже не те яркие ощущения, что раньше. Аромат, то восхитительное благоухание, что исходило от Лии, иссякло. Алан больше не чувствовал его, не мог уловить тот аромат ландышей, который стал для него олицетворением молодости, весны и счастья. Теперь же возле себя он видел обычную женщину, пока ещё довольно красивую, но уже тронутую увяданием. Впереди её ждала лишь старость.

Алан решил больше не видеться с ней.

Жизнь Алана вошла в прежнее русло. Уже через месяц он сидел вместе со своими друзьями в дорогом ресторане и, гордо покручивая в руках ключ от новенького ICar 10.1, вальяжно рассуждал о жизни.

– Я не понимаю, не понимаю их. Он продал своё сердце, – озабоченно бормотал изрядно набравшийся в этот вечер Томас. – Я схожу с ума на своей работе. Вы ведь слышали, ну читали же, наверно, что приняли закон о том, что теперь все долги умершего вешаются на его родных. Даже

смерть не освобождает от уплаты по счетам. Так вот он пришёл ко мне, чтобы продать своё сердце и расплатиться за дом, в котором жила его жена и сын, за их машины, их кредиты. Он согласен был отдать жизнь за какое-то шмотьё, за вещи... И что вы думаете? Я вырезал сердце, отдал другому, кто согласен был платить. Получается, я убил человека...

– Ну что ты, – хлопая по плечу Томаса, ободрял его Итан. – Человек же подписал все необходимые бумаги, он был согласен, так что перед законом ты чист.

– Да, перед законом чист, – соглашался Томас. – Но что-то мне подсказывает, что это неправильно. Так нельзя... Мне кажется, что я всё равно нарушаю какие-то законы. Это же жизнь человека...

– Послушай, тело человека – это его собственность. Любой может распоряжаться им по своему усмотрению. Может добавлять в него что-то, менять одно на другое, может, в конце концов, что-то убирать... Вон, спроси у Алана, сколько женщин приходит к нему каждый день просто для того, чтобы убрать из своего организма нечто лишнее.

Алан кивнул головой. Закон давно закрепил за человеком право распоряжаться собственным организмом по своему усмотрению.

– Но это же сердце... Это же не просто орган, в нём жизнь... Жизнь человека.

– Ты думаешь, люди этого не понимают? – бодро рассуждал Итан. – Ну, значит, так было нужно этому человеку.

Что ж, благородно, подумал о семье, решил расплатиться с долгами. Хотя, конечно, обидно, что так бездарно потратил жизнь. Но это ладно, вы посмотрите лучше сюда, хочу вам похвастаться.

Итан протянул друзьям очередное фото.

– Ну как, похож? – гордо спрашивал он.

На фото был маленький комочек с человеческим лицом, завёрнутый в пелёнки.

Отвечая на недоуменные взгляды друзей:

– Сын, второй! – сообщил раздувавшийся от важности

Итан.

Алан невольно поморщился, однако, следуя приличию, поспешил поздравить друга, Томас, похоже, искренне обрадовался известию.

«Зачем ему столько сыновей?» – возвращаясь после ресторана домой, думал Алан. – «Теперь придётся терпеть ещё одного самодовольного отпрыска».

Алан досадовал, что известие о ребёнке затмило его сообщение о покупке нового автомобиля. Итан опять оказался лучше него.

5

Алану шестьдесят восемь лет. Он ждёт Итана в ресторане, тот, как всегда, опаздывает. Вот уже почти год, Алан дожидается Итана один. Томаса нет. Жизнь его оборвалась как-то внезапно и Алан до сих пор ещё, иногда вспоминает о нём.

Итан появляется вместе со своим «старшеньким». Здоровенный, грузный парень всегда теперь таскается с отцом. Увешанный самыми передовыми гаджетами, одетый исключительно во всё новомодное, он постоянно сидит с Аланом и Итаном за столом, и, похоже, скучает.

– Садись, сынок, – звучит рядом звучный бодрый голос Итана.

Виктор плюхается в кресло, Итан берет в руки меню, делает заказ и только после этого начинается их привычный разговор с Аланом.

О Томасе они не вспоминают. Тот погиб. Погиб как-то нелепо и печально. Люди положения Алана, Томаса, Итана всегда должны быть внимательны и не совершать ошибок, а Томас, озадаченный одолевающими его думами в последние месяцы жизни как-то сник. Всё больше проводил он время, скрашивая свою жизнь алкоголем. Слишком много думал обо всём... И вот в один день, там, на улицах города, по которым Алан и Итан перемещались исключительно на автомобилях, Томас вдруг пошел пешком. Алан и Итан не сомневались в том, что сделал он это по собственной беспечности, но не исключали, что сделал он это специально. Не успев пройти и двухсот шагов, Томас был остановлен и схвачен. Он стал жертвой тех, кого так боялся. Те, кто промышляют на улицах, в одно мгновение сделали Томаса безпризорным, аннулировав его электронные документы. Дальнейшая судьба бывшего друга была известна очень смутно,

но он был слишком здоров для того, чтобы не вызвать интереса у тех, кто промышляет покупкой-продажей органов. Скорее всего, он, как и многие прочие, оказался именно в их руках. Таких случаев было немало. Их не расследовали, о них молчали, но купить как можно дешевле нужный орган хотели многие, желающих хватало. Томас исчез.

Принесли заказ. Стол ломился. Сынок Итана оживился. Ел прямо руками, отвратительно при этом причмокивая.

– Знаешь, вот заберу я у тебя когда-нибудь твой бизнес, – шутил над Аланом разгорячённый вином Итан.

Он давно уже грозился, но Алан пропускал его шуточки мимо ушей. Алан знал, что пока есть закон о том, что компании, участвующие в производстве препаратов из стволовых клеток, не имеют права добывать самостоятельно необходимый для их производства материал, он защищён.

Итан позвонил кому-то.

– Посмотришь, сейчас кое-кто придёт ... – таинственно шепнул он Алану.

Какое-то время вечер тянулся так же вяло. Но вот оттуда, от самых дверей зала вдруг повеяло невероятным волшебством весны, молодости, счастья и свежих ландышей. Оглушительным потоком этот аромат ворвался и околдовал всех вокруг. Все взгляды устремились на ту, которая неумолимо сейчас продвигалась к столу Итана. Алан не поверил своим глазам. К их столику приближалась та, с кем он давно распрощался, кого давно похоронил в своих мечтах. К ним по-

дошла Одетая в аромат ландышей. Алан не видел её давно, кажется, год или два.

– Ну посмотри, как тебе она? – с гордостью спросил Итан.

Алан любовался. Он присматривался к её новым чертам и, поражаясь, не узнавал её.

– Даже страшно подумать, сколько я на неё потратил, – с гордостью вещал громогласный Итан. – Но зато теперь смотри, как тебе?

Одетая в аромат ландышей была шикарна. Её внешность теперь была верхом роскоши, невероятного достатка и дорогого гламура. Черты лица, и без того невероятно красивые, стали ещё правильней и чётче. Кожа разровнялась и не имела теперь ни одного изъяна. Фигура не просто подтянулась, а приобрела ту соблазнительную беспроегрывную пропорциональность, что была сейчас на пике моды.

Выглядела Одетая в аромат ландышей до неприличия дорого. Алан сразу понял, что послужило причиной столь невероятного её преображения. Деньги Алана, инвестированные в эту красоту, пели теперь гимн современной косметологии, медицине и пластической хирургии.

Что ж, значит Лия теперь с Итаном... Это он тот мужчина, кто оплачивает требуемые для обновления её внешности немислимые счета. Но зачем ему такие траты? Что заставило его вкладываться в неё?

С тех пор, как Одетая в аромат ландышей вошла, все взгляды были устремлены только на неё. Итан гордо лико-

вал. Она была его женщиной, женщиной, шикарному облику которой именно он был хозяином. Алан не возражал. Сам он никогда не видел смысла тратить на женщин. К тому же, ведь нигде не записано, что эта нынешняя красавица не может встречаться с кем-то ещё?

Уже на следующий же день, Алан стоял под её окнами с букетом цветов. К его удивлению, она ответила на его ухаживания довольно быстро. Была ли причиной тому нынешняя, присущая модным красавицам, неразборчивость, или какие-либо скрытые проблемы в отношениях с Итаном? Алан не стал искать причины. Конечно, Алан побаивался теперь открыто встречаться с ней, но наслаждаться минутами близости с шикарнейшей из женщин, к тому же, совершенно не вкладывая собственные деньги в их отношения, ему было лестно и приятно.

В клинике Алана Одета в аромат ландышей больше не появлялась и Алан хорошо знал, почему. Ещё там, в ресторане, Итан шепнул ему, что хочет третьего сына и именно от неё.

– Это будет восхитительный, невероятно красивый ребёнок. Ты посмотри на эту женщину, какие гены... – мечтательно бормотал он.

Алана мечта друга не смущала.

Так неслись месяцы, до тех пор, пока прямо на пороге клиники Алана в один день не возник Итан.

– Ну что ж, закон вышел, – без промедления начал он. –

Разрешение на проведение чисток будет у меня уже завтра. Пора пересмотреть наши договорённости. За тот материал, что отныне ты будешь поставлять мне, прежние деньги я платить уже не буду.

Алан оторопел. Когда-нибудь, он предполагал, это случится, но не ожидал, что так скоро.

– Сколько будешь платить? – спросил Алан в надежде увидеть хоть какую-то более-менее приличную сумму.

– Нисколько, – ответил Итан. – Зачем? У меня будет всё организовано на лучших условиях. Запустим рекламу. Женщины оставят тебя. Ты достаточно уже получил.

Что он имел ввиду? Алан смотрел на Итана и пытался понять, знает ли тот о его связи с его женщиной.

– Ты пользовался тем, на что не потратил ни копейки. Знаю-знаю, мы никогда не делили женщин, но ты решил воспользоваться той, которая обошлась мне слишком дорого. Я не против. Бери на себя половину расходов по её содержанию и пользуйся. Но нет, ты решил, что сможешь сэкономить, захотел владеть ей бесплатно. Немыслимая безрассудная наглость. Я терпел ваши отношения, пока ты был мне нужен. А теперь... Она беременна. Если ребёнок не мой, то это будет последняя чистка, которую ты сделаешь, потому что уже завтра к тебе никто не пойдёт. Ты останешься без средств к существованию. В моей клинике для женщин всё будет бесплатно, да ещё и я дам каждой, в качестве бонуса за чистку, процедуру по омоложению... Сможешь удержать

тогда свой бизнес? Ты думаешь, ты будешь нужен ей таким?

Алан молчал. В первый раз он видел Итана столь злым. Только сейчас Алан начал осознавать масштаб совершенной им ошибки. Чем вскружила ему голову Одета в аромат ландышей? Своей внешностью, которая теперь была уже даже не её, а зависела полностью от денег Итана? Зачем ему понадобилась женщина, отношениями с которой даже нельзя было похвастаться? Будь проклят этот её губительный аромат.

6

Дела в клинике Алана шли всё хуже и хуже. После отказа Итана работать с ним, Алан был вынужден брать с женщин деньги. Клиенток осталось совсем мало, а вот дело Итана процветало. Теперь ему принадлежала целая сеть клиник по чистке, куда женщины спешили толпами, чтобы избавиться от того, что им мешало, взамен же они получали вожделенное омоложение. Те препараты, манипуляции, операции, которые раньше были доступны лишь избранным, Итан раздавал нынче направо и налево. Он не скупился. Абортивный материал доставался ему теперь почти бесплатно. Беременность провозгласили полезной, а чистку – самой безопасной и безболезненной процедурой. Дела свои Итан вёл вместе со старшим сыном. Подрастал у него и второй, третий был ещё совсем мал, но Алан не сомневался, что и тот займёт своё место в развивающемся с быстротою раковой опухоли деле отца.

Алан же бедствовал. Итан, всё-таки взыскал с него деньги за омоложение Одетой в аромат ландышей. Сначала пришлось продать автомобили, затем пришлось запустить руку в свой резервный счет, но денег на жизнь катастрофически не хватало. Хотелось красивой жизни, прежней роскоши, ещё большего, чем раньше разврата. Работы теперь было мало, казалось бы, можно и отдохнуть, но на это нужны были деньги, которых постоянно недоставало. Однако, Алан не сдавался. Он не желал отказываться от привычного шика, и, продолжая потакать своим сложившимся годами желаниям, жил, надеясь на лучшее будущее.

А тем времени со всех сторон подступали уже к нему агенты и кредиторы – предвестники неминуемого краха. Подобно акулам всегда они сползались туда, где чувствовали скорую лёгкую добычу. Теперь регулярно Алан видел у дверей своей клиники того, кто оценивающе щурил глаз и записывал себе что-то в блокнот, но Алана это не пугало. Он наивно полагал, что каким-то образом всё образуется.

Вставал он теперь позже обычного. Пил больше, ел тоже больше, трудился мало, зато много тратил, затем продавал за бесценок недавно купленное и потом снова покупал что-то ещё.

Поставку омолаживающих препаратов Итан Алану прекратил, Алан дряхлел, но не замечал этого. В своих глазах он по-прежнему был привлекателен и богат.

Окружали Алана исключительно красивейшие люди.

Они, с идеальными лицами, прекрасными тугими телами, изумительными фигурами смотрели на него с экранов телевизоров, с обложек журналов, с фотографий в сети. Все они были прекрасны, понятия возраста для них не существовало. Они улыбались белоснежными улыбками и сияли зрачками глаз, обрамлѐнных в пушистые густые ресницы. Что именно в их внешности было результатом пластических операций, что применением омолаживающих технологий, Алан уже не догадался бы при всѐм желании, себя же при всѐм своём бедственном положении он продолжал считать одним из них. Он желал видеть себя тем, кто вечно юн и прекрасен.

О том, что он банкрот Алан догадался тогда, когда не смог оплатить выставленный ему за потребление электроэнергии ежеквартальный счѐт. Раньше такого с ним не бывало, а тут на рядовую коммунальную оплату просто не хватило денег. Пришлось отложить на месяц уплату по всем счетам, затем задержать её ещё.

Через полгода Алан сидел в кабинете у судебного пристава.

Толстая пачка неоплаченных чеков, подшитая к его делу, требовала разбирательств. Алан терпеливо выслушивал то, что говорил пристав.

Этот совсем ещё молоденький юноша, годящийся Алану, в сыновья, пожалуй, даже в младшие сыновья, безучастно доносил до Алана его долги. Пристав был бледен и худ. Его серый костюм был одним из самых дешѐвых. Алан в своём

дорогом, но, правда, уже изрядно поношенном пальто, с пренебрежением рассматривал паренька и думал, неужели вот этот мрачный, унылый кабинет, это безденежье предел мечтаний того? Вряд ли. Молодёжь сейчас шустра, и такие ребята, всеми силами устремляясь наверх, быстро делают себе карьеру.

Долгов у Алана оказалось немало. Счета за пользование энергией, водой, дорогами, объектами городского пространства; содержание клиники, квартиры, автомобиля; плюс счёта за землю, по которой Алан ходит, налоги на воздух, которым он дышит, плата за тепло и солнечный свет, налог на жизнь за уходящий год – всё было не оплачено.

– Поймите, а что это? – перебил пристава Алан, когда услышал странную фразу «Плата за использование органов тела».

– Согласно статье 5 пункт 2.1 поправок к закону ФМР международного законодательства, с этого года граждане обязаны платить государству за использование содержащихся в их телах внутренних органов, наименование которых входя в перечень приложения 3 к той же статье того же законодательства.

– Я не понимаю... Что это? За что я должен платить?

– К тому же, вы, как человек ни разу прежде не плативший за ваши внутренние органы, обязаны оплатить их использование за все предыдущие годы жизни. Вам же семьдесят один год? Верно?

– Верно, – оторопев, отвечал Алан.

– Значит, вы обязаны теперь возместить государству аренду собственных органов за все эти годы.

Алана смотрел на указанную для оплаты сумму.

– Это какая-то ошибка... Это же немыслимая цифра...

– В случае, если вы не можете оплатить использование ваших органов, все они у вас изымаются и отдаются тому, кто станет их новым арендатором.

– Подождите, подождите... Это как? Вот тут перечень... Это же лёгкие, почки, сердце... Что за ерунда? Я что, теперь обязан за них платить?

– Согласно закону, да. Согласно новой поправке в законе тело человека не является больше его нераздельной собственностью. Органы человека и некоторые его ткани могут переставляться из одного тела в другое, а значит, если вы используете их, то должны платить. Кроме того, вы оплачиваете за всё то время, за которое пользовались этими органами раньше. Лицам, младше 16 лет возможна отсрочка оплаты...

– Я не понимаю... Не понимаю. Вы хотите сказать, что за своё собственное сердце я теперь обязан платить. Но это же абсурд. Оно моё.

– Согласно закону теперь, нет, – невозмутимо продолжал пристав. – Оно может быть поставлено кому-то другому, кто будет оплачивать дальнейшую его аренду.

– Но, я же тогда умру! – кричал Алан. – Умру! Ваш закон что, не понимает этого?

– Заплатите, и оно останется у вас. Другого выхода нет, – развёл руками пристав. – К тому же, никто не заставляет вас продавать сразу своё сердце, чтобы оплатить аренду прочих органов. Расплатитесь парными, например, начните с глаза, лёгкого, почки.

Лоб Алана вспотел. Только сейчас он стал понимать, что от него требуется. Этот мир стал совершенно плох. «Они хотят теперь, чтобы я платил не только за то, что живу, но и за то, чтобы продолжать жить. Мы не люди. Томас был прав, мы превратили себя в «конструктор».

– Если денег, чтобы покрыть ваш долг, у вас нет, то завтра вам надлежит явиться на опись ваших органов. Они будут оценены и изъяты. Если стоимость изъятых органов будет достаточна для покрытия долговой суммы, вы сможете жить, если нет, то ваши родные обязаны будут оплатить образовавшийся остаток.

Родные... Алан впервые осознал, что нет у него никаких родных, и помочь ему некому. И друзей у него нет, и знакомых, и приятелей, кто согласился бы покрыть его долг, и ни один банк не даст ему кредит.

– И что мне делать? Ведь должен же быть ещё какой-то выход? Неужели государство отправляет вот так просто умирать тех, кто не может заплатить за то, что дано каждому от рождения?

– Теперь нет такого понятия собственности, как было раньше. Теперь по закону вы при рождении сразу получаете

в аренду некие органы, которые представляют определённую ценность для всего общества, и если вы, по достижении совершеннолетия не можете внести соответствующую арендную плату, то органы переставляются другому.

– Это возмутительно! Это моя жизнь...

– Вообще-то, уже давно не считается возмутительным и незаконным, когда человек, например, не имеющий возможности платить за собственное жилище, изгоняется из занимаемой им квартиры. Теперь технологии позволяют выселять его из собственного тела, потому что на то есть другой платёжеспособный арендатор. Это весьма разумная практика.

– Но, должен же быть какой-то иной способ? Вы можете дать мне хотя бы какую-то отсрочку?..

Пристав покачал головой и снова ткнул в закон. На оплату отводилось три дня.

– Послушайте, а вот если бы я... Вот если бы я был вашим отцом, чтобы вы мне тогда посоветовали? Как мне быть?

Пристав удивлённо посмотрел на Алана.

– Отца своего я никогда не видел... – задумавшись, ответил он.

Алан понял, что привёл неудачный пример.

– Ну хорошо, предположим, не отцом, а матерью. Мать то у вас была?

– Мать была, – согласился пристав. – Да только я почти не знал её, видел в своей жизни всего несколько раз и то только

в детстве. Она родила меня случайно, очень рано, не успела в первый раз сделать чистку, и я родился. Знаю, что ей было не до меня, ей надо было устраивать как-то свою жизнь. Она встречалась с мужчинами, жила с ними, потом уходила, делала чистки и снова в кого-нибудь влюблялась. Я догадываюсь, даже знаю наверняка, что она надеялась найти того, от кого уже не надо бы было уходить, кто согласился бы оставить зачатого ими ребёнка. А я рос, рос без неё. В моей жизни она появлялась лишь иногда, и всегда от неё пахло невероятным ароматом весны и свежих ландышей...

– Ландышей?..

– Да, знаете такие маленькие беленькие цветочки, которые распускаются поздней весной...

Алан понял, что не за чем больше занимать время этого мальчика. Он действует в рамках закона, и Алану нечем его заинтересовать. Если принят закон, признающий человека всего лишь конструктором, то с этим надо смириться.

На следующий день Алан, согласно предписанию, уже лежал на медицинском столе. Его организм сочли находящимся в довольно хорошем состоянии. Для изъятия годились все органы, оценили их довольно высоко, но этой суммы не хватало, чтобы покрыть их же аренду за предыдущие годы. Можно, конечно, было бы продать их на чёрном рынке, о чём врач, проводящий опись, недвусмысленно намекнул. Там бы дали раза в полтора дороже, но зачем это теперь Алану? Жизнь он всё равно терял, что в одном, что в другом случае,

так какая разница, сколько ему за неё заплатят при смерти?

Он вернулся домой. Изъятие было назначено на завтра., По-привычке Алан включил телевизор. Оттуда на него смотрели сплошь счастливые, невероятно красивые лица. Их глянцево улыбки блестели, глаза искрились здоровьем, кожа сияла такой невероятной безупречностью, что казалось, все эти люди никогда не были детьми, равно как никогда и не станут стариками. Они законсервированы в своей цветущей, неугасающей самой лучшей поре, но Алан хорошо знал, что стоит за этим отсутствием морщин, за этими белоснежными зубами. Они давно продали душу тому, кто рано или поздно предаст и их самих. Для Алана эти люди с экрана были кумирами. Он брал с них пример, стремился походить на них, желал такой же внешности, такой же притягательной обеспеченной жизни. Он хотел такие же, как у них квартиры, машины, одежды, пищу, гаджеты. Он хотел стать ими и вот теперь вынужден стать расходным материалом. Горькая грусть накатила на Алана. В этот последний свой вечер ему сложно было признаться себе самому, что он всю свою жизнь потратил на то, чтобы просто быть на кого-то похожим, на кого-то другого, кто так притягателен. То, что Алан делал каждый день, весь полученный после чисток абортивный материал шёл на то, чтобы эти люди на экране всегда оставались молодыми, а все прочие подражали им, и платили за это, и платили... А ведь то, что выскабливали аппараты Алана из женщин, было не просто содержащим стволовые клетки тканя-

ми. Это были жизни, новые жизни тех, кто мог бы родиться. Алан всегда знал это, но не хотел об этом думать, боялся себе в этом признаться. Сколько же он сделал чисток?.. Десятки или сотни тысяч? И вот теперь он сам вынужден стать таким же вспомогательным материалом для других. Эти счастливые, бодрые, вечно молодые люди, смотрящие на него с экрана, уже ждут того, что завтра безвозвратно изымут из Алана.

Ну уж нет! Алан вскочил и направился к домашней аптечке. Нет, им, этим благополучным лживым вечно юным идолам не достанется то, что пока ещё принадлежит ему, Алану. Алан знал, что любое лекарство в больших количествах – яд, поэтому глотал подряд таблетку за таблеткой. Он был полон решимости ещё до завтрашнего изъятия погубить то, что хотят отнять у него люди. Ни одна частичка его здорового, сохранившегося его стараниями молодым тела не достанется кому-то другому.

Сознание Алана отключалось под гул смеха шедшей в это время очередной телевизионной юмористической программы...

2017

Розовый мир

Аманда выпорхнула на улицу. Пробежав вприпрыжку три ступеньки, ступила на дорожку, услышала, как позади неё тихонько затворилась дверь.

День был чудесен. Ласковое солнышко, улыбнувшись, заняло своё утреннее место справа от Аманды и своими маленькими ручками разгоняло сейчас вокруг себя забавные пушистые тучки; крохотные разноцветные нотки заплясали в воздухе в такт звучащей в динамиках Аманды музыки.

Город сегодня окрасился в потрясающий розовый цвет. Ультра-розовыми стали вывески, подсветились цветом розовой гвоздики витрины, а разметка улиц и дорог приобрела жизнерадостный цвет фуксии. Сама Аманда в платье цвета Барби шла по этим весёлым цветным улицам наблюдая, как то тут, то там возникают из земли, из стен домов её любимый забавные круглики и автобусы оттенка «pink», проезжая, подмигивают ей и машут своими потешными ручками.

– Ты уже вышла? – спрашивал её голос в наушнике.

– Я иду по замечательной пурпурной улице, – весело ответила Аманда.

– Видишь где-нибудь киоск с едой? – спрашивал её голос в динамике.

– Нет, пожалуйста! Я не хочу сегодня рассматривать еду, её я уже видела, – топнула ножкой Аманда, и подол её платья

забавно покачнулся от этого совсем ещё детского движения.

– Ну хорошо, не будем сегодня смотреть на еду, – согласился голос в динамике. – Тогда расскажи, что вокруг тебя?

– Я иду к остановке транспорта, впереди слева от меня продавцы цветов, подарков и журналов.

– Подожди, сейчас подключусь к твоим линзам. А, вот, вижу. Иди прямо туда, где продают журналы. Это будет интересно! Ты готова?

– Да, снимать?

– Да, осторожно.

Ловким движением, отрепетированным дома, Аманда сняла с одного глаза линзу, зажала её в ладони и прикрыла второй глаз рукой.

– Ну вот, умница, а теперь посмотри на журналы, – продолжал голос в динамике.

Аманда воскликнула:

– Ой! Как забавно! Они же пустые!

Она взяла с настила пачку проклеенной серой бумаги, улыбнулась продавцу, который на самом деле оказался не взрослым, как виделось ей в линзах, а совершеннейшим ребёнком.

– Блез, как же это удивительно! – обращалась восторженная Аманда к звучащему в динамиках её наушников голосу. – Мы читаем совершенно пустые страницы!

– Это что, ты поверни голову и посмотри на цветы.

Аманда послушалась своего собеседника и направила

взгляд своего глаза со снятой линзой туда, где должна была находиться стойка с подарками и цветами.

– Ой! – воскликнула она. – Тут же ничего нет! Ни единого цветочка, ни одного подарочка! Как же так. Я в расстройках. А что же я тогда здесь покупаю?

– Посмотри теперь другим глазом.

– Ой, опять подарочки и цветы! – воскликнула Аманда, смотря теперь тем глазом, в котором была цифровая линза.

– Вот такой он, настоящий мир, – мудро вещал голос недавнего друга Аманды – Блеза. – Цветы, подарки, буквы и картинки в журналах, всё это видно только в линзах, а в реальности существуют только контрольные точки для оцифровки и пустые предметы для осязания.

– Удивительно! Как это всё весело! Как забавно! Блез, ты открываешь мне какой-то новый мир!

– То ли ещё будет, подожди, – довольно обещал Блез. – Иди на работу, там состыкуемся. Хочешь посмотреть на тех, с кем работаешь?

– Ой, мне это и в голову не приходило! Это будет так забавно! Хочу! Хочу! Бегу! Дам знать, когда буду на месте.

– Отключаюсь, – сказал на прощанье Блез.

Аманда, прикрывая глаз без линзы рукой, поспешила на остановку. Надо было где-то присесть и вставить обратно в глаз снятую линзу. Аманда забежала в кафе.

Запах кофе сладко будоражил обоняние. Только вот Аманда уже знала, что исходит он не от тех чашек, что вы-

дают покупателям за кофе, а испускают его искусственные ароматизаторы, щедро развешенные на стенах, а то, что при взгляде в линзах выглядело пышной хрустящей булочкой, без линз на самом деле являлось чем-то, похожим на кусок скомканного картона. Аманда села за столик и несколько минут развлекала себя тем, что попеременно смотрела на заказанную еду то глазом в линзе, то свободным глазом. Аманда забавлялась.

Блез, с которым она познакомилась два дня назад, рассказал ей об этом поразительном мире, который можно увидеть без цифровых линз. В нём всё выглядело иначе. Стоило снять линзы, и со стен зданий исчезали все красочные вывески и экраны, дороги теряли разметку, улетучивались смайлики, искорки, круглики, пропадал всякий цвет. Мир без линз был безлик и сер. Почему-то Блез называл его действительностью.

Аманда надела лизну. Перед ней тут же возник аппетитный завтрак, весёлое солнышко постучалось в окошко.

Аманда посмотрела на тех, кто был рядом и хихикнула. Интересно, а знают ли все они, что едят сейчас серую биомассу и смотрят на куски пластмассы, которые считают своими смартфонами. Догадываются ли, что экраны этих устройств в действительности пусты?

Блез обещал, что Аманда увидит большее. Сорвавшись с места, Аманда поспешила на работу. Ей не терпелось посмотреть на то, что обещал ей сегодня Блез.

На работу Аманду довёз сияющий розовенький автобус. Всё время пути Аманда переписывалась со своими друзьями. Многие из них только проснулись, в сети запостовали фотографии их завтраков, селфи из ванной. Аманда тоже несколько раз по дороге сфотографировалась так, чтобы всем было видно её новую розовую сумочку и её фотографии тут же пополнили пространство сети. Электронное сообщество пробуждалось, и вот уже его обитатели расселись по автобусам и вагонам, зашпешили на рабочие места, не переставая переговариваться друг с другом. Музыка звучала в наушниках каждого, а линзы в глазах показывали всем тот красивый иллюзорный мир, который воспринимался единственно возможной действительностью. Нарисованные персонажи возникали то тут, то там. Над каждым предметом горела информация о нём из Википедии, над каждым человеком – все его активные профили в сети. На небе была информация о погоде на ближайшие сутки, на транспорте – все точки следования и время маршрута. В линзах было удобно, без линз уже никто давно не ходил, их носили все.

Аманда приехала на работу точно к девяти. Впорхнула в зал, поспешила за рабочий стол. Ровно в девять монитор показал информацию о задании на день. Аманда заказала себе кофе и устроилась поудобнее. Вокруг началась привычная болтовня коллег по сети, но Аманду сегодня эти разговоры не занимали.

«Блез, я уже на работе. Блез...» – принялась вызывать

Аманда своего нового друга.

– А, ты готова? – раздался тут же в её наушниках его бодрый голос.

– Да, – поспешно подтвердила Аманда.

– Тогда снимай сначала одну линзу, потому другую, – приказал он.

Аманда послушалась. Осторожно она сняла линзу с левого глаза, потом с правого.

– Ой, – воскликнула она. – У меня монитор потух!

Из коллег на возглас её никто не обратил внимания, все были заняты разговорами, все сидели в наушниках, к тому же все прекрасно знали, что подобные проблемы – дело специалистов службы техподдержки.

– Не шуми, – отозвался Блез. – Изображение на мониторе видно только в линзах. Вернее, это как раз они транслируют то, что твои глаза воспринимают как информацию на мониторе.

– Как интересно! Как забавно! – засмеялась Аманда. – Они совершенно серые!

Блез догадался, что она рассматривает сейчас образующие рабочее помещение стены.

– Конечно, серые. Для чего их красить, если придать им цвет можно в цифровом пространстве. Лучше посмотри, видишь нанесённую на все предметы красную сетку?

– Вижу.

– Она служит для оцифровки и позиционирования всех

этих предметов в том пространстве, что ты видишь в линзах.

– Как забавно! Пи, пи, пи!.. – пищала от восторга Аманда. – А вот сетки нет.

– Значит этого предмета ты, надев линзы, не увидишь.

– Ну а теперь можешь пройтись и посмотреть, как выглядят в действительности те, с кем ты работаешь.

– Разве они выглядят как-то иначе, чем обычно?

– А ты посмотри.

Аманда приподнялась из-за перегородки.

На месте её подруги – длинноволосой готической красавицы – сидела тщедушная прыщавая девчонка, справа вместо привычной женщины за столом сидел мужчина, а начальник, всегда такой подтянутый и начищенный выглядел обмякшим толстяком.

Аманда хихикнула.

– Ну как, видишь что-нибудь интересное? – спрашивал её голос в наушниках.

– Ой, Блез, какой забавный, какой удивительный мир ты показываешь мне. Я так рада, что познакомилась с тобой! Они все совсем другие. Сидят сейчас, уставившись в свои пустые мониторы.

– Я же обещал, что будет интересно, – задорно продолжал Блез. – То ли ещё будет. Хочешь увидеть ещё больше?

– Ой, конечно хочу! Хочу! Хочу! – чуть было не завизжала во весь голос Аманда.

– Знаешь, сегодня вечером мы собираемся. Придут наши

форумчане. Мы встречаемся иногда, чтобы вместе посмотреть на мир вокруг и друг на друга без линз. Я могу взять тебя с собой. Ты пойдёшь?

– Я? Конечно, пойду! Ты ещё спрашиваешь! Возьми меня!

– Хорошо. Кидаю тебе адрес. Встретимся там. Я познакомлю тебя с остальными. Будет интересно, обещаю! Приходи к семи.

Надев линзы, весь остаток дня Аманда провела в радостном возбуждении. Она без умолку болтала с подругами и строила на вечер грандиозные планы. Блез нравился ей. Она не знала, можно ли считать их сегодняшнюю встречу свиданием, но Аманде хотелось думать, что это именно так. С Блезом она познакомилась всего два дня назад на одной из страниц сети. Молодой человек сразу же удивил её обещанием показать, что привычный мир на самом деле иной. Он рассказал ей про то, что все современные люди носят в глазах цифровые линзы, которые показывают вымышленное изображение того, что есть на самом деле, а вчера Блез научил Аманду эти самые линзы снимать. Оказалось, это совсем несложно. Труднее было привыкнуть к отсутствию света в собственной квартире. Мир, что показывал Аманде Блез, был тёмным и суровым. В нём не было того буйства образов и красок, к которым так привыкла Аманда, но ради понравившегося ей Блеза она готова была потерпеть эти неудобства. К тому же, показываемый им мир Аманду изрядно забавлял.

«Что ты наденешь вечером?», «Ты уже придумала, в чём

пойдёшь сегодня?», «Ты должна поразить его!» – галдели в сообщениях подружки. Было весело, шло бурное обсуждение.

Для их с Блезом встречи Аманда выбрала соблазнительно-строгий наряд. Тёмные брюки плотно обтягивали стройные бёдра Аманды, расстёгнутая молния курточки цвета розовой весны слегка приоткрывала пышную грудь. Лиловые сапожки задорно стучали при каждом шаге тонюсенькими шпильками-каблуками. Длинные локоны своих белоснежных волос Аманда уложила в замысловатую причёску, полностью обнажив тонкую шею. Украшения Аманда было надела, но потом все-таки решила снять. Она не хотела выглядеть сегодня слишком вычурно и нарядно. Пусть Блез думает, что это для неё всего лишь рядовой вечер.

Примерно в семь Аманда стояла по указанному Блезом адресу.

– А, наконец, ты пришла, – сказал он ей, отворив в ответ на её звонок дверь.

Блез был крепким молодым парнем. Довольно высоким, так что, проходя в проём распахнутой им двери, Аманда чуть было не уткнулась носом в его крепкую широкую грудь. Глаза Блеза, живые, горящие озорно смотрели на неё сверху, хохолок упрямой чёлки возвышался над большим открытым лбом.

– Все уже собрались, проходи, – пропуская Аманду вперёд, направил он её в просторный зал.

Как поняла Аманда, это было чьё-то из собравшихся формучан жилище. В просторной светлой, изящно обставленной комнате блуждало несколько человек.

Первой бросилась в глаза Аманде пара девушек-близнецов. Яркие, дерзкие, взрывные, с множеством татуировок, девушки были абсолютно внешне одинаковы, лишь красный цвет волос у одной и синий у другой позволял различать их. Рядом с ними прохаживался худощавый парень в чёрной одежде, с лицом зеленоватого цвета и двумя серьгами в ушах. На диване в углу расположилась пара подростков, которые беспрерывно целовались и обнимались друг с другом. Высоченный раскачанный до невероятных размеров громила подпирал шкаф. Рядом с ним сутулый парень в очках деловито брал с полки и разглядывал все попадавшиеся ему под руку предметы. В кресле, в углу, как пояснил Аманде Блез, сидел хозяин дома. Выглядел он старше прочих и был совершенно спокоен, позволяя своим гостям делать всё, что им вздумается. Последним в комнату вошёл какой-то тощий взъерошенный паренёк.

– Мы собираемся здесь, чтобы посмотреть и рассказать друг другу, кто мы на самом деле, – пояснил Блез Аманде.

Знакомиться со всеми собравшимися у Аманды не было причин, так как она видела не только их имена, но и могла просмотреть все их социальные страницы, поэтому она спокойно стояла рядом с Блезом, ожидая дальнейших событий.

– Ну что, начнём, – предложил, наконец, Блез.

Собравшиеся оживились. Парочка подростков оторвалась друг от друга, парень с зелёной кожей нетерпеливо заёрзал, хозяин дома довольно кивнул.

– На счёт три, снимаем с обоих глаз линзы, – скомандовал Блез.

Вместе со всеми, Аманда приготовилась. На счёт «три», она послушно вынула линзу сначала из правого глаза, потом с левого и погрузилась в темноту.

– Ой, как темно! Я ничего не вижу, – слышала она голоса прочих рядом.

– А что же вы хотели, сейчас половина восьмого, за окном сумерки, – слышался голос Блеза. – Эй, Пиг, у тебя окно-то есть? – обратился он, видимо, к хозяину дома.

– Не, – ответил тот.

– Ну, тогда давай свет, – скомандовал Блез.

Послышался сначала шорох, потом какой-то шипящий резкий звук и вот комната осветилась пламенем. Аманда отпрянула.

– Это свеча, – пояснил подтолкнувший её ближе к свету Блез. – Тот мир, что мы видим в линзах, окончательно отрисовывается лишь в цифровом пространстве, а в действительности потребности в свете нет.

Аманде было не по себе. Тусклое пламя свечи освещало только небольшой кусочек пространства, остальное скрывала тьма. Аманда чувствовала присутствие рядом тех, кто собрался здесь вместе с ней, но не видела их. Света, чтобы раз-

глядеть всё вокруг, не хватало.

– Ну что, формучане, вы готовы побродить по этому миру без линз! – дал клич Блез.

– Да! Да... Готовы! – раздались из тьмы бодрые голоса.

– Пиг, дай сюда свечу, – сказал Блез.

Взяв в руки пламя, он вместе с прочими принялся ходить по дому. Аманда старалась не отстать.

Рассматривали то, что находилось вокруг.

– Надеюсь, все помнят, как выглядели эти предметы, когда мы были в линзах? – спрашивал Блез.

Аманда хотела было закричать, что толком рассмотреть ничего не успела и ей надо снова надеть линзы, но голоса вокруг уже радостно галдели:

– Да! Да! Мы всё помним! Мы готовы!

– Пиг, фу, как же у тебя тут грязно, – раздались голоса, когда Блез, двигая рукой со свечой в темноте, осветил кусок пространства.

Действительно, пол был усеян всяким мусором, сняв наушники можно было услышать, как захрустели под ногами пластик и бумажные упаковки.

– Ага, – подтвердил Пиг. – Не охота, всё равно этого мусора не видно.

Блез поднял огонь выше и осветил тот угол, в котором сидел хозяин дома.

– Это ты, Пиг?.. Это Пиг? – слышались недоумевающие вопросы.

Аманда приподнялась на носочки и выглянула из-за чьей-то спины, закрывающей ей обзор. В углу, на том месте, где несколько минут назад можно было видеть подтянутого, хорошо сложенного мужчину – хозяина дома, теперь сидел некто, расплывшийся во все стороны. Он что-то жевал.

– Пиг, ты такой толстый, – слышались голоса. – Фу! Ты такой толстый! Ты же просто жирный!

– Ну и что, – невозмутимо ответил чавкающий толстяк. – Кроме вас меня таким никто не видит.

Он захохотал, и его смех, такой оглушительный, громогласный заставил всех остальных тоже рассмеяться. Захихикала и Аманда.

– Пиг жирдяй! Толстый хрюша! – дразнились все и вместе с самим Пигом покатывались от смеха.

Они веселились, радуясь тому, что обхитрили всех, и, быть может, только им сейчас известна правда о том, как выглядит Пиг.

Насмеявшись, компания приступила к обследованию комнаты.

– А вот тут у Пига стоял шкаф от известного дизайнера, а здесь на стене висела картина, – продолжил Блез поход по дому. – И вот смотрите... Пожалуйста, ничего нет.

Действительно, на месте шкафа темнел лишь чёрный пластиковый куб, а на месте картины была пустота.

– Пиг, похоже, художник обманул тебя, – шутил Блез.

Пиг, хохоча, отвечал Блезу:

– А то ты не знаешь, что всё, что украшает моё жилище, существует только в Розовом мире.

– Пиг, ты придумал отличное название! – обрадовано воскликнул Блез. – Розовый мир – «Мир в розовых очках». Иллюзорный мир без забот, отличающийся от реального!.. Так и буду теперь называть цифровой мир, что мы видим в линзах, Розовым.

– Точно! Точно! Нарисованный мир! Весёлый! Радостный, счастливый мир! «Мир в розовых очках»! Розовый мир! – загалдели прочие.

Пошли дальше, но скоро поход по дому закончился. Мебель, окна, обои, шторы, да и все прочие предметы интерьера, как оказалось, существовали лишь в цифровом Розовом мире, реальный же мир без линз был пуст. Рассматривать было абсолютно нечего.

– Давайте уже поглядим на самих себя!

– Да, давайте уже посмотрим, кто мы! – раздались голоса.

– Хорошо, – согласился Блез. – Начнём!

Он поставил свечу на тёмную конструкцию, которая, вероятно, в Розовом мире была тумбочкой или же комодом.

– Ну, кто первый! – дал клич Блез.

– Я! Я! Мы!.. – загалдели голоса.

Первыми в круг света вбежали двое детей. Аманда даже не сразу поняла, что смотрит сейчас на тех подростков, что обнимались на диване полчасом раньше.

– Ну, как мы выглядим? – спрашивали они. – Какие мы?

– Да вы же дети... – усмехнулся Блез.

– Насколько дети? – спрашивали те. – Сколько нам?

– Да вам лет семь, ну, самое большее, десять, – отвечал им Блез. – Вы вообще для чего выбрали себе в Розовом мире подростковые скины.

– А у нас все так ходят, – бойко ответила девочка.

– Весь класс выглядит так же, как и мы, – подтвердил мальчишка, деловито шмыгнув носом.

– «Вы должны выглядеть так, как вы себя ощущаете», – выдала девочка известную всем рекламную фразу.

Этими словами пестрели все баннеры компаний, продающих виртуальные скины.

– Ну что ж, – засмеялся Блез. – Буду знать, что на самом деле вы намного меньше и ниже ростом, и, если в Розовом мире провести рукой по вашей голове, там будет пустота.

Все снова засмеялись. Захихикали и дети, а их место в кругу сменили, как догадалась Аманда, девушки-близнецы.

– О, да вы же совершенно разные! Вы ни капли не похожи друг на друга! – раздался голоса.

– А мы знаем, мы видели друг друга, когда снимали линзы дома, – ответили сестры.

– Быть одинаковыми намного проще, – сказала одна.

– Мы намного больше привлекаем внимания, когда выглядим одинаково, – улыбнулась вторая.

– Мы ощущаем себя одинаковыми, поэтому носим одинаковые скины.

Аманда смотрела на девушек. Их впалые глаза были темны, правда, у одной они были синего, а у второй коричневого цвета. Одна была явно старше другой, обе были невероятно худы. Их обтянутые кожей тщедушные тела, казалось, были совершенно лишены половых признаков. Волосы были у одной очень длинны, у другой коротки, кожа у обеих была серой.

Аманда захихикала, подумав, сколько денег потратили сёстры на татуировки, которых в реальности нет. Не было у них и сексуальных тел, и пышной груди. Без линз, девушки утратили все свои достоинства и были похожи, скорее на бледные тени, нежели на живых людей.

Следующим в круг света вошёл небритый сутулый парень.

– Я так подозреваю, что кожа моя, наверно, совсем не того зелёного цвета, за который я плачу, и никаких проколов мне не сделали, – бормотал он, ощупывая свои уши.

– А вот одежда и здесь у тебя черна, – весело выкрикнул Блез. – Можешь не сомневаться, но на себя ты очень даже похож.

– А я? – выкрикнул, выскочивший в круг света, обросший косматый громила.

– Фу, – раздались голоса. – Да ты без одежды... Как так можно.

Аманде пришлось сделать вид, что она смущена.

– А зачем она мне? – гремел громила. – Я без неё не мёрзну. А вас, я не заставлял снимать линзы, вы сами.

– Но, ты же знал, куда идёшь. Знал, что все увидят тебя, мог бы одеться, – укорял его Блез.

– Так ходить совершенно неприлично, – кричали прочие, выталкивая громилу из круга.

Тот хохотал, потешался и не сопротивлялся.

– Кто следующий? – спросил Блез. – Только давайте договоримся, выходим те, кто в одежде.

В кругу света появился улыбчивый симпатичный парень.

– Ого! А кто этот, красавчик? – завопили сёстры.

Скоро выяснилось, что это тот самый застенчивый паренёк в очках, что толкался возле полок, и показался тогда Аманде совершенно серым и одетым абсолютно безвкусно.

– А я не трачусь на skins..., – оправдывался парень. – Выбрал один из бесплатных, его и ношу.

– Ну и зря, такие девчонки, как мы, в Розовом мире от тебя, наверно, воротят нос, – подступали к нему сёстры.

Парень пятился и поспешил отстраниться от двух подступающих к нему тощих сестёр.

– Да мне это и не нужно. Мне общение на нашем форуме нужно для защиты дипломного проекта... Увязка реальных объектов с их отображением в реальном мире..., – продолжал объясняться он.

Аманда поймала себя на мысли, что она, подобно бледным сёстрам-близнецам, тоже была бы не прочь завести с этим симпатичным студентом знакомство. Её всегда привлекали умные парни...

Всех прервал Блез.

– Теперь моя очередь, – объявил он.

Он вошёл в круг света, и вдруг все голоса утихли. Воцарилась минута молчания. Перед всеми предстал абсолютно такой же Блез, которого они видели в линзах. Он ничуть не изменился. Такой же высокий, широкоплечий, с насмешливыми горящими глазами и хохолком упрямой чёлки, открывающей его высокий чистый лоб. Даже одежда его осталась прежней.

– Ничего себе, да ты такой же, как и обычно... Ты ничуть не изменился... – стали раздаваться отовсюду разочарованные голоса. – Так не интересно... Так нечестно...

– Мы имеем право в Розовом мире оставить свой реальный облик, – возразил Блез.

– Ещё чего! – фыркнули сёстры. – Зачем тогда вообще придуманы линзы. Мы надеваем их на глаза не для того, чтобы видеть то же самое, что и без них.

Неожиданно все загалдели. Дети, сёстры, косматая глыба, парень в чёрном, хозяин дома наперебой высказывались о том, как Блез должен измениться. Даже студент робко предложил свои услуги Блезу по созданию его нового скина.

– Я, правда, специализируюсь по дизайну интерьера... – уточнил студент.

– Ну уж нет, – разозлился Блез. – Кто вы такие, чтобы давать мне советы?

Все притихли.

– Я сознательно стремился к тому, чтобы в реальности соответствовать вашему выдуманному миру, но вам, похоже, этого не понять. Вам важно казаться, а не быть...

Блез вышел из круга света.

– Аманда, теперь твоя очередь, выходи, – сказал он.

– Моя? – оробела Аманда.

– Твоя, – подтвердил Блез. – Ты же хочешь узнать, кто ты на самом деле. Мы все здесь для этого, поэтому выходи.

Аманда, невольно поправив причёску, вышла на свет.

Вокруг воцарилось молчание, оно длилось пару секунд, не больше, и вдруг его сменил резкий неудержимый смех. Буйным многоголосьем он оглушил Аманду. Смеялись все.

– Да ты... Ты... – покатываясь от хохота, не в силах продолжить дальше, гудели голоса.

Аманда не могла понять, в чём дело. Ей даже не приходило в голову, что смеются все над ней.

– Да, ты!.. Ты же!.. – смеялся вместе со всеми Блез.

Аманда начинала злиться.

– Ты же старая, – наконец вымолвил кто-то.

– Да, ты старая, – подхватили голоса. – Да, да, ты такая старая...

– Послушай, – обратился к ней Блез. – Ты извини, я не думал, что ты... Что ты столь большого возраста... Сколько тебе лет? Если бы я знал, я бы не позвал тебя. Наш форум для тех, кто все-таки помоложе...

– Да вы... Что вы выдумываете? – завизжала Аманда, то-

пая ногой. Кажется, она начинала понимать причину всеобщего веселья. – Да вы разыгрываете меня? Вы специально это всё придумали? Вы шутите? Я не могу быть старой. Где зеркало? Дайте мне зеркало...

– Ты старуха, поверь, – не унимался Блез.

– Дайте зеркало? Вы обманываете меня! – кричала Аманда.

Смех стал ещё громче.

– Ты что, так и не поняла, что зеркал в этом мире нет! Она ничего не понимает... Она не знает, что нет способа увидеть реального себя... – раздавались вокруг голоса.

– Вообще-то, мы для того и собираемся вместе, чтобы, сняв линзы, рассказать друг другу, как выйдем на самом деле. В реальности нет возможности разглядеть себя со всех сторон. То, что в Розовом мире называется зеркалом, в реальности, за ненадобностью не существует, – выделился среди прочих голос Блеза.

– Вы обманываете меня! Вы специально смеётесь надо мной! – срываясь на хрип, кричала Аманда.

Она схватила свечу, рванула дверь, оказалась в коридоре, понеслась по комнатам, оглядывая стены. Повсюду была темнота. Ощупью Аманда вошла в ту комнату, которая должна была быть ванной. Над умывальником, в месте, предназначенном для зеркала, была пустота.

Аманда выхватила линзы. Непослушными от волнения руками надела их. Комната тут же озарилась ярким светом,

исчезла тусклая свеча. Появились сверкающий умывальник, блестящий кафель на стенах. Розовые мимишки принялись забавно играть вокруг большими мыльными пузырями. Над умывальником возникло огромное зеркало. В нём отражалась румяное свежее лицо юной Аманды. Сияла белоснежная кожа, струились пышные локоны по плечам, лишь пухлые губы были слегка сжаты, выдавая волнение. Огромные синие глаза, обрамлённые ресницами, были спокойны, упругая грудь ритмично вздымалась в такт дыханию... Что в этом облике могло вызвать смех? Аманда недоумевала.

Рывком она открыла свою розовую сумочку. Долго копалась в ней пока, наконец, достала то, что искала.

– Вот! – торжествуя вернулась она в комнату с карманным зеркальцем в руках. – Вы хотели подшутить надо мной, но вот, смотрите...

В комнате снова раздался смех.

– Ты линзы-тоними... – сказал ей Блез.

Аманда демонстративно сняла обе линзы. Она посмотрелась в зеркальце и ахнула. У неё в руках вместо гладкой поверхности металлического стекла чернел кусок матовой пластмассы.

– Здесь нет зеркал... Она так и не поняла! Здесь невозможно увидеть самого себя! Мы тебя не обманываем! Ты старая! Старая! – шумели вокруг голоса.

Аманда бросила на пол бесполезный кусок пластмассы.

На ходу надевая линзы, она выбегала из ставшего ей нена-

вистным дома. Снова окрашивались розовым стены, лиловым – тротуары, зашелестела восхитительная ярко-розовая листва. Перламутрово-дымчатая луна возникла на небе, возвещающая о начале ночи. Светлячки цвета клубничного крема прозрачным облачком окружили Аманду, готовые вести её, освещая путь. Аманда стремилась домой, а в ушах её продолжали звучать голоса:

– Ты старая! Старая!

Худшего оскорбления нельзя было бы придумать. Аманде хотелось то злиться на тех, кто так бессовестно посмеялся над ней, то ругаться, то плакать.

***

Утром Аманда поднялась в обычное время. Начинался новый день, полный новых новостей, новых историй, новых знакомств.

Взглянув на себя в зеркало, Аманда вспомнила о вчерашнем своём неприятном приключении, но сегодняшняя Аманда была настолько хороша, что всё произошедшее прошлым вечером теперь казалось всего лишь дурным сном. Аманда разглядывала себя со всех сторон и восторгалась. Выложив в сеть пару своих утренних снимков в постели, пару снимков с завтраком и ещё тройку из ванны, Аманда окончательно успокоилась, когда подружек голоса зашелестели в наушниках:

– Милая, как прошло твоё свидание?

– Дорогуша, как он?

Аманда, подумав, написала всем.

– Он оказался болваном.

– О, милая, такое бывает! Не расстраивайся, дорогуша, – шелестели взволнованные голоса подруг. – Но как ты это поняла? Он был груб? Он обидел тебя?

– Не хочу об этом, – писала всем Аманда, ставя в своём статусе смайлик со слезами.

Всё утро прошло в разговорах с подружками о Блезе. Аманда навывдумывала кучу историй про него, но так и не призналась, что произошло прошлой ночью. Под конец, она демонстративно удалила Блеза из своего списка контактов.

Но через десять минут после того, как она сделала это, объявился Блез.

– Слушай, я даже не думал, что так всё выйдет, – начал он. – Хотя, я должен бы к тебе обращаться теперь на «Вы», – сказал он, и засмеялся.

Аманда хотела было заблокировать их разговор, ей совсем не нравилось, что Блез в продолжение вчерашней встречи не перестаёт издеваться, но тут Блез сказал:

– Ладно, извини. Я не ожидал, что ты так щепетильно относишься к собственному возрасту. Или подожди... Может, ты действительно не помнишь свой реальный возраст? – поразился своей догадке Блез. – Скажи, ты действительно считаешь, что ты та молодая красавица-блондинка, скин которой носишь?

Аманда недовольно фыркнула, однако чат с Блезом не за-

крыла.

– Но, ты же должна помнить, сколько тебе лет, – продолжал допытываться Блез. – Тогда почему ты обиделась на нас?

Аманда задумалась. Блез был прав в том, что она должна была бы знать свой реальный возраст, но она его совершенно не помнила. По её собственным ощущениям ей было лет двадцать – двадцать пять. Она чувствовала, что жизнь её только начинается, что будет у неё ещё время поднабраться знаний, опыта, завести детей, создать семью... Всё это случится с ней когда-нибудь потом. Пока же ей хотелось жить легко и беззаботно, каждое утро радоваться окружающему миру, день проводить в милой болтовне с подругами, отдыхать, заводить новые знакомства, увлекаться, и, в конце концов, любить. Нет, Блез обманывает её, смеется над ней. Как он может называть её старой? Конечно же, он разыгрывает её, шутит.

– Ну, вспомни хоть что-нибудь, что поможет тебе понять сколько тебе лет, – добивался Блез.

Аманда не захотела дальше его слушать. Она выключила с ним чат.

Весь день она забавляла себя тем, что пыталась понять свой возраст, но сколько бы она не погружалась в глубины собственной памяти, она не находила в ней никаких значимых дат, ничего, что могло бы ей помочь определить собственный возраст. Каждый день её жизни был прекрасен, как и любой другой.

Однако, слова и насмешки Блеза, всерьёз обидели её. Поэтому вечером, оставишь наедине со своим новым другом, она стала упрашивать его:

– Оскар, давай ты снимешь линзы и посмотришь без них на меня.

– Вот ещё ты выдумала, детка, – отвечал он ей. – Иди ко мне. Не выдумывай. Я не хочу снимать линзы, я без них ничего не увижу, у меня плохое зрение.

– Ну, Оскар, пожалуйста, – уговаривала его Аманда.

– Милая, не выдумывай. Что это тебе в голову пришло.

– Ну а вдруг я в реальности не красивая или старая...

– Да мне-то что, я вижу тебя такой, какой вижу. Ни к чему мне смотреть на тебя другой. Не хочу я снимать линзы...

– Оскар!

– Аманда!

– Оскар, я хочу, чтобы ты мне честно сказал, как я выгляжу.

– Ты выглядишь замечательно, детка. Что это тебе в голову взбрело?! Иди, посмотришь на себя в зеркало и не приставай ко мне.

«В реальном мире нет зеркал!» – хотела было в отчаянье выкрикнуть Аманда, но осеклась.

Чтобы не испортить дальнейший вечер, ей пришлось сесть к Оскару на колени, дать обнять себя и сделать вид, что он своими словами её успокоил, но даже ночью, даже в постели с Оскаром Аманда никак не могла забыться. Перед

ней всё время возникал вопрос: «Почему Оскар не пожелал снимать линзы? Значит ли это, что он уже видел меня без них? Кто же я?».

Утро наступило, как всегда внезапно, но началось сегодня вяло. Оставив Оскара досыпать в кровати остаток утра, Аманда, проведя у зеркала времени больше обычного, вышла на улицу. Здесь, по-прежнему, царила мода на розовый. Сегодня розовый цвет вошёл полностью в свою силу. Если ещё вчера на улицах можно было встретить другие цвета, то сегодня розовым было всё – улицы, скверы, одежда прохожих – всё пестрело оттенками этого ясного жизнеутверждающего цвета.

Аманда забежала в ближайший магазин и там накупила себе море одежды розового цвета. Вдруг Аманде показалось, что продавщица как-то странно посмотрела на неё, когда Аманда, спрятав в сумочку эту гору покупок, оставила на себе лиловую юбку и блузку цвета фуксии.

«А вдруг, продавщица сейчас без линз и видит настоящую меня?» – промелькнула тревожная мысль.

Сделав вид, что она не заметила этого взгляда, Аманда слегка поправила причёску и выпорхнула на улицу.

Аманда шла вдоль ярко-розовых витрин с зазывающими ультра-лиловыми вывесками, окружённая пурпурными цветами, в наушниках её звучала игривая мелодия, а Аманда отчего-то заунывала. Она брела посреди этого жизнерадостного великолепия и думала только об одном. Разглядывая

этот восхитительный блистающий мир, к которому она так привыкла, Аманда каждый раз упиралась в мысль о том, что всё это ненастоящее. Созданное руками искусных дизайнеров всё это великолепие существовало лишь виртуально и было видимо лишь через надетые на глаза цифровые линзы. В линзы каждому транслировалось то, чего в реальности не было. Теперь Аманду это огорчало. Это был обман, неправда. Она смотрела на раскидистые деревья, ровно подстриженные кусты, цветущие газоны, зная, что стоит ей только снять линзы, они исчезнут. И этот забавный розовый автобус, он совсем не такой, каким всем видится, и нет никаких товаров на витринах магазинов, и все наряды Аманды – накупленные ею платья, туфли, шляпки, сумки, стоит лишь снять линзы, превратятся в пустоту, и никогда она не сможет увидеть и понять, как выглядит на самом деле она сама. Аманде стало грустно.

День на работе начался в привычном ритме. Аманда много болтала. Обсуждали с подружками утренние покупки Аманды, новую диету, новинки недели моды. Для своего скина Аманда поспешила прикупить себе «загадочный взгляд» и «локон мечты», добавив эти свежайшие новинки к скину своей виртуальной внешности. Теперь она стала выглядеть точно так, как требовала того современная мода. Аманда была совершенно счастлива.

Деловито принялась она за работу. Но вот, разбирая выданные ей на сегодняшний день бумаги, задорно подмигнув

при этом новенькому коллеге, она вдруг получила в ответ лишь равнодушный кивок. Это ничуть бы не насторожило её в любой прочий день, и до самого обеда она бы продолжала кидать на новенького свои многозначительные взгляды, пока тот не пожелал бы познакомиться с ней. Но сегодня... Аманде показалось, что этот человек смотрит на неё как-то неприязненно и странно. «А вдруг он без линз? Вдруг он видит меня...» – заволновалась она. И вдруг стало как-то бессмысленно подкрашивать губы, поправлять причёску, соблазнительно выгибать спину. Это бесполезно, если этот человек видит её сейчас такой, какая она есть. А какая она? «Старая! Ты такая старая!» – зазвучали в голове голоса знакомых Блеза.

Аманда зажала уши и выбежала из зала. Когда же она через десять минут снова вошла, ей казалось, что уже все присутствующие в зале люди, все её коллеги смотрят на неё иначе. Вон та, которая на самом деле толстуха, глядит на Аманду с жалостью так, как будто Аманда на самом деле ещё хуже её. А вон те... Они тоже бросают на Аманду какие-то новые, подозрительные взгляды. И начальник как-то стыдливо опускает глаза. Они что, они все сняли линзы?

– Мрия, ты в линзах? – стала теревить Аманда сидящую за соседним столом подругу.

– Конечно, – ответила та, но при этом как-то слишком уж быстро отвела в сторону глаза.

Нет, разве может Аманда верить ей? Остаток дня Аманда

провела в совершеннейшем испуге. Ей казалось, что все эти люди видят настоящую её. Они могут наблюдать её такой, какой она сама себя не знает.

На следующей день, объявившись больной, сделав десятков подтверждающих это фотографий, Аманда поспешила к врачу.

Пациентов в клинике было мало. Аманду принял врач молодой, приветливый, приятный.

– На что вы жалуетесь, Аманда? – обратился он к ней.

– На возраст, – выпалила Аманда.

– Ну, возраст, это не болезнь, – улыбнулся врач, – у вас что-то болит? Что-то вас беспокоит?

– Беспокоит, – продолжала Аманда. – Я хочу знать свой возраст. Вы же можете как-то определить, как-то сказать мне, сколько мне лет?

– Сколько вам лет? – удивился врач. – Зачем вам эта информация? Вы вполне можете считать, что вам столько лет, насколько вы себя ощущаете.

– Да, я знаю, – не унималась Аманда. – Но мой реальный возраст... Он ведь может быть совсем иным?

– В современной медицине нет такого понятия, как возраст. Вы можете сдать анализы, я могу определить, чем вы больны в текущий момент, или не больны. Могу назначить вам лечение.

– А вы можете снять линзы и без них хотя бы на минуту взглянуть на меня? Вам я поверю... – просила Аманда.

– Нет, – ответил врач. – Я же на работе. Нам запрещено смотреть на пациентов без линз. Без них я никак не смогу верно поставить диагноз. Я должен иметь доступ к медицинской энциклопедии, к вашей информации в базе данных, в конце концов, именно через линзы осуществляется цифровая диагностика заболевания, путём поиска в базе данных... Нет, это исключено. Смотреть без линз я на вас не буду. Да и зачем? Чего вы хотите от меня?

– Возраст, я хочу знать свой возраст. Сколько мне осталось жить? – взмолилась Аманда.

– Какой глупый вопрос. Вы проживёте столько, сколько проживёте, и возраст тут не причём.

– Но мне сказали, что я старая!

– Над вами, вероятно, хотели подшутить или просто желали вас обидеть, – невозмутимо отвечал врач.

– Но меня это беспокоит...

– Вы спите хорошо? Я выпишу вам успокоительное, будете принимать в течение дня...

– Ну, пожалуйста... Давайте я сдам какие-нибудь анализы... Ну обследуйте как-то меня, чтобы определить сколько мне лет, – хныкала Аманда.

– Какая глупая идея, – начинал злиться врач. – Возраст – это понятие, отсутствующее в современном медицинском лексиконе. Люди веками боролись за то, чтобы выглядеть бодро, молодо и вот... Посмотрите на себя.

Врач повернул Аманду к зеркалу.

– Вы молоды! Видите? Вы прекрасны! Чего же вам ещё нужно?

– Но это неправда!..

– А какую правду надо вам? Хотите, сдайте анализы, только что я по ним вам скажу? Я могу сказать те заболевания, которые обнаружу. Но вы же понимаете, они могут быть, как у пожилых, так и у молодых людей. В настоящее время нет никаких объективных показателей, которые показывали бы старение.

– А дети? Вы можете мне сказать, смогу ли я ещё их когда-нибудь завести?

– Ну, это вопрос, отнюдь, не вашего возраста. Вы всегда можете завести цифровых детей.

– Вы обманываете меня! Почему вы не хотите сказать правду? – чуть не плача, кричала Аманда.

– Да какую правду? – удивлялся врач. – Что у вас красивый skin? Что вы пришли ко мне, не имея никаких конкретных жалоб? Вы же ходите в спортивный зал? Фитнес-браслет носите?

Аманда утвердительно кивнула.

– Да, вот вижу, ваши отчёты в дневнике спортивных достижений. Три раза в неделю тренировки по одному часу, плюс три пробежки и три занятия по растяжке... Хорошие результаты. Для любого возраста хороши. Питаетесь правильно?

Аманда снова кивнула.

– Вижу. Массовые доли жира, костной и мышечной тканей в норме. Так чего же вы хотите?

– Правды... – прошептала Аманда.

– Не слышу вас, говорите громче, – сказал врач.

– Я хочу, чтобы ты, тупоголовый, сказал мне мой возраст.

Я хочу знать, могу ли я строить ещё какие-то планы? Есть ли у меня будущее? Сколько мне жить? Ответь мне, слышишь, сколько я ещё проживу? – кричала Аманда.

– Прекратите скандалить, – возмутился врач. – Я пытаюсь вам объяснить, что современными методами определить это невозможно. Может, когда-нибудь в будущем мы сможем определять оставшееся время жизни, но пока всё, что я могу, это сказать вам, что вам столько лет, насколько вы себя ощущаете, а проживёте вы столько, сколько вам отведено...

– Вы издеваетесь! Вы даже не хотите взглянуть на меня! – кричала Аманда.

Она кинулась на врача с кулаками. Ей хотелось побить его, но её рука пролетела сквозь тело этого человека, не встретив сопротивления.

– Успокойтесь, не надо истерик, – повторял врач, пока Аманда колотила руками воздух...

Она не успокоилась даже тогда, когда вошедший охранник, схватив её, попытался вывести из кабинета. Аманда вырывалась и тут, потеряла линзу. Та выпала и упала куда-то на пол. Аманда обернулась. Её окружали серые стены, а в кабинете не было никакого врача. Всё это время Аманда беседо-

вала лишь с электронным скином и была на приёме у того, кого даже не было рядом.

Зато охранник был вполне реален. Он не замедлил вывести Аманду за дверь, она оказалась на улице. Здесь было серо, бледно, уныло. Оставшаяся в глазе линза, пестрея изображениями Розового мира, только мешала. Идти стало легче, когда Аманда вынула и её из глаза.

Аманда осталась без подсказок о том, как попасть домой. Исчезли названия улиц, номера проезжающих мимо автобусов, карты маршрутов. Розовый цвет сошёл со стен домов. Люди, ставшие вдруг похожими друг на друга, шли, одетые в безликую серую одежду. Они проходили мимо, счастливо улыбаясь, но Аманда не могла видеть того, что радовало их. Они пребывали в том счастливом неведении, которого Аманда лишилась. Это был их мир, мир грёз в Розовых очках.

Аманде захотелось понять, так ли уж печально быть старой. Она вспомнила тех, кто выбирал для своей внешности кожины пожилых людей. Их надевали на себя те, кто уже в жизни много достиг, у кого были общественное положение, семьи, дети, кто обладал тем опытом, который позволял занимать самые высокие должности, кто желал заявить, что уже не желает придаваться юношеским забавам, кто имел несомненно обширную базу знаний, кто был мудр, самодостаточен и мог себе позволить не зависеть от царящих вокруг тенденций, течений и моды. Такие люди были авторитетны,

влиятельны, тверды, но Аманда была иной! Она чувствовала себя рядом с такими людьми совершеннейшей девчонкой... Милой и беззаботной.

Её лица коснулась капля влаги, потом ещё одна. Аманда знала, что в Розовом мире такое ощущение создают спускающиеся с небес цветные бабочки и волшебные феи. Их поцелуйчиков все с таким нетерпением ждут, потому что те приносят счастье, но сейчас, что-то прозрачное и бесформенное ползло по руке Аманды.

Люди вокруг оживились. Они с радостью подставляли свои лица падающим сверху крупицам воды, Аманда же наблюдала, как серое пространство вокруг потемнело, как сорвавшиеся с неба бледные стрелы несутся к земле, заставляя темнеть тротуары, стены домов, одежду людей. Прозрачные потоки побежали по дороге, под ногами всё заблестело.

Аманда шла, чувствуя пронизывающий холод, не имея возможность получить доступ к меню и включить подогрев одежды. Её знобило. Она остановилась, когда поняла, что ступни её вот уже почти полностью скрывает вода. То, что происходило, Аманду совсем не веселило. Этот мир был жесток и суров. Чтобы разглядеть, что произошло с тротуаром, Аманда наклонилась. Она нагнулась и тут же отпрянула. В ставшей зеркальной поверхности воды Аманда могла теперь увидеть своё отражение. Она ликовала. Теперь она сможет увидеть саму себя! Вот то, чего она добивалась. Природа, а не люди, сжалилась над ней и подарила её измученной душе

такую возможность.

Сердце Аманды учащённо забилося. Пару минут Аманда не решалась посмотреть себе под ноги. Наконец, собравшись с силами, она наклонилась над водой. Аманда увидела своё лицо. В следующий миг она уже закрывала его руками!

Она смеялась. Смеялась, растирая по лицу то ли слезы, то ли капли влаги.

Блез и его компания не обманули её, Аманда была стара. Глубокие борозды морщин сеткой покрывали её лицо, редкие волосы были белы, щёки – впалыми. Глаза Аманды, воспалённые, прикрытые обвисшими веками, выдавали всю горечь, разрывающейся от горя прожитой жизни во лжи души.

Аманда смотрела на своё истинное лицо, чувствуя, как в это мгновение разбиваются о реальность её мечты, угасают надежды, тонут в холодной воде под ногами прежние желания. Аманда теперь ясно осознавала, что не будет у неё уже времени реализовать всё то, что для неё выражалось словом – «будущее». Она стара, а значит, жизнь её близится к концу.

Беззаботный Розовый мир был разрушен для неё навсегда, его больше не существовало. Цифровой мир был миром счастливого самообмана. Как вернуться в него, зная правду о себе?

***

Через три месяца хоронили Аманду. Её многочисленные знакомые, коллеги, приятели устроили бурную переписку.

Целый день они обсуждали тему, как несправедлива судьба к тем, кто так красив, так молод, так здоров. Все сошлись во мнении, что это несправедливо. Прекрасная Аманда должна была бы ещё жить и жить. До вечера все фантазировали о том, что могла бы ещё, по их мнению, успеть в своей жизни сделать Аманда. Кто-то нашёл её давнишние рисунки, другой вспомнил, что она когда-то занималась танцами, иные утверждали, что Аманда довольно неплохо пела. Ей пророчили славу, вспоминали её беззаботный нрав и восторгались теми возможностями, которые открывает каждому восхитительный современный цифровой мир.

Наступила зима. Чистейший снег покрыл собою землю. Побелели крыши домов, улицы, дороги. Тончайшим инеем укутал мороз кроны деревьев, разрисовал узорами поверхность стёкол, но люди в линзах этой красоты не видели. В их глазах по-прежнему было лето.

Мода на розовый сошла на нет. Теперь набирал силу бордовый. Вывески цвета дымчатой розы поменяли цвет на яркий багряный. Облачно-розовые цвета, цвет розовой раковины, персикового румянца, розовой паутины сменяли жизнеутверждающие винный, рубиновый, коралловый, марсала, гранатовый.

Все спешили сменить skins собственной внешности, меняли цвета автомобилей, одежды, интерьеров, а где-то старенький, местами поржавевший робот-могильщик сжигал в печи безжизненное тело Аманды.

2018

Лето не наступит никогда

Часть 1

Надоедливый звук будильника. Один сигнал, ещё один, ещё... Бездушное устройство беспощадно. Леону приходится волевым усилием заставить себя вырваться из объятий сна и открыть глаза.

Темно.

Леон, нехотя, поднимается, бредёт к окну, раскрывает шторы. За окном темнота. Тусклый свет фонарей освещает лишь малые участки уличного пространства.

Почему-то каждый раз за эти два с лишним года Леон, подходя к окну, надеется, что, распахнув занавески вдруг, наконец, увидит пусть не солнечный свет, а хотя бы снег и побелевшие улицы, но нет. Сегодня опять ничего не изменилось – серость, сырость, грязь и тьма. Леон подходит к календарю и отмечает на нём ещё один день – семьсот семьдесят восьмой день осени.

Сложно поверить, но шестьсот восемьдесят семь дней назад, тоже был вот такой же серый унылый день. До того стояла ясная солнечная погода – золотая осень, та пора, когда холод лишь изредка морозит воздух, делая его кристально чистым, а небо синее-синее ещё озаряется каждый день собирающимися уйти на покой до весны солнцем. Сентябрь! Красота! Ещё тепло, ещё ясно... Леон, вспоминая о том време-

ни, вздохнул и принялся заваривать кофе. Ранней осенью деревья одеваются в жёлтое и даже на самых безжизненных бетонных улицах вдруг неизвестно откуда появляются янтарного цвета резные листья. Их приносит откуда-то ветер.

А потом пошли дожди. Небо затянуло серым, тучи опустились так низко, что порою Леону казалось, что он, того и гляди, заденет их своею головой. Стало мокро и сыро. Без зонта стало невозможно выйти из дома. Октябрь...

Но вот уже ноябрь. Дожди закончились. Природа, как будто, замерла в преддверии зимы. Наступила темнота. День стал короток, а облачность настолько густа, что свет на улицах перестали выключать даже в отсутствие ночи. Все желали одного – снега. Он, пусть колючий, пусть неизменно приносящий холод, хотя бы немного заставит посветлеть улицы.

Наступил декабрь – начало календарной зимы. Однако снег так и не выпал, температура и влажность не менялись. Было темно, сыро, грязно.

Пришёл январь. В сырости и темноте, без снега отметили начало нового года.

За январём, потянулись февраль, затем март. Март! То прекрасное время, когда солнце своими яркими лучами золотит тротуары и выгоняет с улиц снег, в тот год было серым, промозглым и по-осеннему унылым. В марте стоял всё тот же, ставший ненавистным всем ноябрь.

В апреле стало понятно, что зима уже не наступит. Это означало, что не придёт и обязанная следовать за ней весна.

Над землёй по-прежнему продолжали висеть плотные свинцовые тучи. Было холодно, уныло, мрачно, грязно. Вот тогда было официально объявлено, что осень продляется. Первый день декабря признали девяносто вторым днём осени, и начался новый отсчёт.

Вот уже семьсот семьдесят восьмой день все жили ожиданием зимы.

Леон вздохнул. Заварив кофе, он сел за стол. Каждый вечер он закрывал занавесками окна и каждое утро распахивал их в надежде увидеть снег, хотя бы несколько снежинок. Этим ожиданием жили все. Никто уже не мечтал о лете, не надеялся дожидаться тепла. Все понимали, что, наверно, не заслужили такого счастья. Люди были рады, если хотя бы началась зима и погода вернулась к своему годовичному циклу.

Причину плотной облачности никто не знал. Учёные пытались исследовать это новое явление, но, насколько было известно Леону, они так ничего и не добились.

Возможно, где-то далеко, ближе к экватору, оставались территории, над которыми светило солнце, но на обширной территории, в которую входил и этот город, природа пребывала в промозглом ожидании зимы. Семьсот семьдесят восемь дней...

Леон вышел в сеть, дочка ещё спала.

Допив кофе, Леон оделся, взял в руки зонт и вышел наружу. Тут же под ногами захлюпала грязь. Никто уже и не стремился заделать то и дело образующиеся в асфальте глу-

бокие трещины и ямы. Дождь моросил лишь иногда, но вода на земле не высыхала.

Заведя свой старенький седан, Леон отправился на работу.

Дождь все-таки начался, мелкий и надоедливый. Включив дворники, Леон подумал, что Лина – его дочка – в этот самый момент, наверно, только пробуждается ото сна в бывшем когда-то их общем доме. Леон даже представил, как она сладко потягивается в своей кровати, окованная ещё остатками ночных видений. Он скучал.

Добравшись до места, Леон первым делом вышел в сеть. Профиль Лины был активен, это означало, что она проснулась. Леон знал, что в школу ей сегодня ко второму уроку, что легла она вчера рано, а потому, наверняка, должна чувствовать себя отдохнувшей настолько, насколько можно чувствовать себя бодро в такую мрачную, унылую погоду.

Начался очередной рабочий день. Обычная болтовня коллег, как всегда, свелась к традиционному обсуждению погоды. Прогноз был неутешителен – и сегодня, и завтра, и все две последующие недели будет пасмурно, сыро, влажно. Будет моросить дождь.

Леон вздохнул и снова заглянул в аккаунт дочери. Там за тишьё, это значит, Лина спешит на урок и находится сейчас где-то по дороге в школу. Он открыл сайт ближайшего к дому Лины супермаркета, выкладывающего изображение со своих камер наружного наблюдения в сети. Все ссылки, ко-

торые помогли бы Леону видеть в течение дня дочку, были аккуратно сохранены у него в «Закладках».

Лина появилась на видео с камеры в 8.53. Накрапывал дождь и зонт скрывал от Леона её лицо, но отец по походке, по движениям, по одежде без труда узнал дочку.

– А вот Леон, он всё время смотрит в монитор и в смартфон, – услышал над собой Леон насмешливый голос Кима.

– Леон, я хочу познакомить тебя с нашей новой коллегой, – продолжал Ким.

Леон поднял глаза.

– Это Мина, – сказал Ким, подводя к Леону хорошенькую молоденькую женщину. – Она будет работать в отделе поддержки.

Леон торопливо пожал протянутую ему Миной руку.

– Леона беспощадно поглотил интернет и социальные сети, – продолжал представлять Леона Ким. – Он не отдыхает, не пьёт чай, не болтает с нами, а всегда сидит в сети. Так что, если вы захотите с ним пообщаться, пишите ему в чат или посылайте сообщение в любом из мессенджеров.

Поддержав остроумие Кима, Мина широко улыбнулась.

Леону было сейчас не до них, Лина выложила первую за сегодняшний день фотографию в сети. Это был портрет с подругой. Леон поморщился. Не нравилась ему эта девочка по имени Кира. Ребёнок был из неблагополучной семьи – отца давно нет, мать совершенно не следит за дочерью. Девочка сквернословит, учится плохо, взрослым грубит, учи-

телей не уважает. Леон покачал головой, плохо, что его Лина всё больше сходится с этим потерявшимся подростком. Леон догадывался о том, что объединяет судьбы этих двух детей и чувствовал свою невыносимую вину перед дочерью. Он мог бы силой попытаться отвадить от дочери нежелательных друзей, но делать этого не хотел. Лине надо учиться общаться и выбирать подруг, он же будет издали оберегать её. Вмешиваться пока рано.

Днём дочка молчала. Напрасно Леон ждал её постов на страницах в социальных сетях.

В обеденный перерыв Леон просмотрел расписание занятий Линино класса в школе. Уроков сегодня много, Лина была отмечена учителями на каждом. «Значит в школе», – подумалось Леону, и он погрузился в работу.

То время, которое его коллеги тратили на разговоры друг с другом, Леон использовал для того, чтобы просматривать страницу дочери; когда все болтали – он листал новости школы, когда обсуждали какое-нибудь очередное спортивное событие – он изучал страницы дочкиных одноклассников в сети. Ему хотелось знать всё о жизни дочери.

В пятнадцать часов Леон проверил записи со школьных камер и убедился, что Лина села в автобус, следующий до дома.

«Грустно... Лето не наступит никогда...», – появилась запись на её домашней странице и фотографии мрачных серых улиц, снятых через окно.

Леон вздохнул. Не удивительно, вот уже семьсот семьдесят восьмой день стояли мрак и сырость. Даже взрослые с трудом переносили такую погоду, что уж говорить о детях. Леон мог бы посоветовать дочери, чтобы не падать духом, почитать одну хорошую книгу, но современные подростки книжек не читали...

В 16.32 Лина выложила фотографию своего обеда, по мелькнувшим на заднем плане изображениям кухонного шкафа и микроволновой печи, Леон понял, что дочка дома.

К шести вечера Леон окончил работу. Снаружи накрапывал мелкий дождь, улицы были по-прежнему влажны и темны. Люди, укутавшись в такие же серые, как все здания вокруг, одежды, спешили по домам.

Вечером в квартире Леона появилась его знакомая Рита. Эта тощая женщина с крашеными волосами и морщинистым сухим лицом, ровесница Леона, разворачивала сейчас принесённый с собою ужин. В последнее время визиты её к Леону стали уже привычным делом.

Откупили бутылку вина.

– Ты только подумай, они утверждают, что никак не могут повлиять на погоду! – негодовала Рита. – Я уверена, есть средство разогнать эти ненавистные тучи, а они постоянно твердят нам, что ничего не могут сделать. Они нас обманывают...

Каждый раз при их встречах Рита злилась на бездействие властей по отношению к затянувшейся осени и на чём

свет ругала установившуюся погоду. Леону же казалось, что он уже привык к воцарившимся повсюду сырости и мраку. Именно такая погода соответствовала тому, что теперь творилось в его душе – затишье и сумрак.

Выпивали. Беспольным фоном звучал включённый телевизор.

– Люди давно умеют разгонять облачность, почему же сейчас никто не делает этого? – продолжала возмущаться Рита. – Почему они, глядя на небо, лишь разводят руками? А я тебе скажу. Потому что властям это выгодно, им выгодно, чтобы шли дожди и стояла серая унылая погода, и чтобы зима не начиналась. А то, что люди хотят снега, хотят кататься на коньках, встать на лыжи, хотят с детьми спускаться на санках с горок, им наплевать. Им нет никакого дела до нас.

Леон вспомнил о зиме и тут же поёжился. Будет холодно. Да, дороги и улицы, скорее всего, посветлеют, но придут морозы и все те зимние забавы, о которых сейчас толкует Рита, забудутся в одночасье. Будет слишком холодно для того, чтобы кто-то отважился покинуть тёплые стены собственного жилища. Почему никто не решается признаться, что хочет не зимы, а лета? Потому что сначала должна наступить зима...

– Эта облачность невыносима, мы все у неё под колпаком. У людей начинается депрессия. Мы уже два года не видели солнца, а правительство бездействует, им всё равно, им нет до нас никакого дела...

Леон взялся за смартфон. На страничке дочери появился новый пост – фотография дочери с ярким макияжем на лице и ниже подпись: «Ура! Идём с Кирой в Right Night!».

Клуб «Right Night» Леон знал, Лина бывала уже там.

– Ну почему ты всё время смотришь в свой смартфон? – донёсся до Леона недовольный голос его вечерней гостьи. – Ты совсем не слушаешь меня! Если не слушаешь, значит, ты меня совершенно не уважаешь! Совершенно!..

– Рита, – обратился Леон к ней. – Ты извини, но мне надо собираться. Не знаю, когда вернусь. Надо будет проводить дочь из клуба.

– Ты сумасшедший! Сумасшедший! Твоей дочери восемнадцать лет! Вы с женой развелись пять лет назад! Дочь с тех пор не желает видеть тебя, а ты!.. Ты продолжаешь ходить за ней! Ты ненормальный!

Леон лишь пожал плечами. Он давно уже не перед кем не оправдывался, потому что понял, что это бесполезно.

– Рита, оставайся здесь сколько захочешь. Ты знаешь, где лежат ключи, – сказал Леон, натягивая на себя тёплый свитер.

– Ты безумец! Зачем тебе всё это? Для чего ты опекаешь её? Она уже взрослая! Ты ей не нужен! – кричала Рита, пока Леон обувался. – Если ты уйдёшь, я больше никогда не приду! Ты что, не понимаешь, что, уходя сейчас, обижаешь меня? Клянусь, я больше никогда не переступлю порог этого дома! Ненавижу тебя! Ненавижу!.. – надрывалась Рита, пока

Леон надевал куртку.

Леон не знал, как успокоить Риту. Он поймал себя на мысли, что ему всё равно, останется ли эта женщина в его доме или нет.

Вслед ему понеслись ругательства. Пока Леон спускался по лестнице, на странице дочери появилась очередная её фотография, где она уже сидела в такси.

Надо было торопиться. Леон вышел на улицу. Поймать в это время автомобиль в его глухом районе, было делом невыполнимым, но ему повезло. Машина появилась уже через пять минут. Леон готов был броситься благодарить того, кому в этот вечер понадобилось добраться до соседнего дома. Леон занял освободившееся такси. Жёлтая машина понесла его по тёмным, холодным сырым улицам. Начал накрапывать дождь.

Разве мог он оставить свою дочь без защиты? Рита была права. Лина не желала видеть его, но это не означало, что он, её отец, должен отстраниться. Кто, кроме него, сможет позаботиться о его ребёнке?

Вот и клуб. У входа оживлённо. Зайти внутрь Леон не мог, он не желал быть замеченным Линой. Оставалось только ждать снаружи и надеяться на то, что внутри с его девочкой ничего не случится.

Когда народ немного рассеялся, Леон подошёл к охраннику и, сунув тому в руки, сложенную вчетверо купюру показал фотографию дочери с подругой и спросил:

– Заходили?

Охранник в ответ утвердительно кивнул, и подтвердил:

– Внутри.

Леон отошёл. Оставалось ждать.

Прислонившись к стене, он достал смартфон. Страница дочери новыми постами пока не пополнялась.

Начинал накрапывать дождь. Почему-то сейчас Леону вспомнилась Инга – девочка, которая всего полгода назад, ещё училась в одном классе с Линой. Признаться, в то время Леон ещё не был обеспокоен безопасностью дочери. Он надеялся, что общество, учителя, полиция, наконец, его бывшая жена – мать Лины, позаботятся об этом. Сам же он лишь изредка, тоскуя, просматривал фотографии дочери в сети. Даже нависший над городом сумрак затянувшейся осени не рождал в Леоне мыслей о том, что своего ребёнка пора бы начать защищать. Впервые тревога овладела его сердцем тогда, когда ему пришлось отбить на улице одного подростка, попавшего в руки приставших к тому ребят. Тут Леон стал замечать, что подворотни и ставшие в отсутствие солнца тёмными дворы, ранее совершенно безопасные и безлюдные, теперь уже не пусты. Из-за нависшей над городом темноты Леон не мог разглядеть, кого скрывает мрак, но, несомненно, теперь в нём прятались те, кто прежде не решался промышлять открыто на освещённых солнечным светом улицах.

Окончательно запаниковал Леон тогда, когда случилось несчастье с Ингой. Девочка – отчаянная бунтарка с корот-

кой стрижкой, татуировками и проколотой ноздрей, воспитываемая одной лишь матерью теперь будет, возможно, навсегда прикована к кровати. На спор с какими-то ребятами девочка в темноте полезла по водосточной трубе и упала. Нижняя часть её тела теперь парализована. Мятаж против взрослых с тех пор позабыт. Теперь мама – лучший друг, а на своей странице в социальной сети девочка собирает деньги на операцию и единственное её желание – это когда-нибудь просто встать на ноги. Удивительно, жестоко, парадоксально – но девочка теперь обрела цель в жизни. Теперь Инга показывает невиданную стойкость духа и учится заново жить. Но Леон, как и все прочие, понимал, что операция ведь не поможет... Леон вздохнул, он хорошо изучил поставленный девочке врачами диагноз, современная медицина не сможет поднять Ингу с постели. Леон ещё раз вздохнул и сделал небольшой денежный перевод по реквизитам, указанным на Ингиной странице. Он поступал так всегда, когда вспоминал про неё. Деньги не вернут Инге прежнюю жизнь, но они смогут хотя бы немного облегчить быт этого ставшего в один миг инвалидом ребёнка.

Произошедшее с Ингой несчастье заставило Леона кардинально изменить своё отношение к дочери. В этом мире защитить его Лину, кроме него, некому, а значит, он должен действовать. Он должен находиться с дочерью рядом, чтобы в нужный момент вмешаться, уберечь. Простого наблюдения со стороны мало...

Дождь заморосил чаще. Леон поёжился, натянул капюшон куртки и снова пробежался по всем страницам дочери в социальных сетях, новости от Лины отсутствовали.

После несчастья, случившегося с Ингой, Леон стал незримо присутствовать рядом с дочерью в каждый момент её жизни. Он не собирался дожидаться того часа, когда придётся собирать деньги на операцию попавшей в неприятности дочери. Леон решил своими руками обеспечить ей безопасность. Сегодня вечером его знакомая Рита прокричала правду – дочь не желала видеть его, поэтому Леон должен был скрываться от дочери, и в этом помогли ему цифровые социальные сети. Как и все современные подростки, многократно порицаемые взрослыми за пристрастие к гаджетам, Лина, к счастью Леона, была в своих аккаунтах довольно активна. Благодаря её записям на страницах социальных сетей, добавляемых ею регулярно в течение дня, Леон мог понять, где она и каковы её занятия в каждый момент времени. Кроме того, он нашёл множество ресурсов, которые помогли бы отслеживать перемещения Лины. Уже через пару месяцев он знал её режим дня. Она просыпалась, каждое утро выкладывала фотографию своего завтрака в сети, затем ехала на автобусе одного и того же маршрута в школу. В течение дня делала несколько снимков с занятий, на которых мелькали друзья-одноклассники Лины, имена их Леон без труда нашёл на сайте школы. Леон не поленился самым тщательным образом изучить социальные страницы каждого из них. За-

нятия дочери заканчивались в два часа дня, с этого времени следить за дочерью становилось сложнее. После школы она обычно отправлялась домой пешком, и Леону надо было внимательно переключаться с одной уличной камеры на другую, чтобы отследить перемещения Лины, но бывало Лина куда-нибудь уходила с привычного маршрута, и тогда только её записи в сети помогали Леону понять, чем она занята.

Случалось, слежения через сеть оказывалось недостаточным. Тогда Леон срывался с работы и отправлялся вслед за дочерью. Он обходил тёмные подворотни, ожидая Лину, пока та сидела в гостях у кого-нибудь из друзей, ждал её у дверей посещаемых ею кафе и магазинов. Скоро Леон понял, что для того, чтобы отпугнуть тех, кто мог скрываться в темноте, достаточно просто шуметь. Леон привык ходить, либо отчаянно кашляя, либо беззаботно напевая какую-либо из песен, и каждый раз он чувствовал, как при его шумном появлении кто-то незримый уходит глубже во тьму. Но самым действенным способом было затеять какую-либо деятельность. Леон с шумом начинал переносить всё, что находил под ногами с одной стороны улицы на другую, затем обратно. Он «чинил» на улице свой пока ещё исправный автомобиль. Леон был активен, боек и уверен. Он деловито сновал то туда, то сюда, и это пугало прятавшихся во тьме ещё больше. Много раз он видел, как создав вокруг себя движение, он вынуждал незнакомую чёрную фигуру выйти из своего тёмного убежища и поспешно удалиться. Нет, Леон им был не нужен. Они

поджидали тех, кто был физически слабее них и не смог бы ответить отпором.

Тьма – благодатная среда для сокрытия любого зла. В темноте зло не имеет лица, а потому имеет все шансы остаться безнаказанным. Творятся такие дела, которые постыдны в свете дня.

Дождь не утихал. На странице дочери появился новый снимок, на котором она была в окружении двух парней. Лица мальчишек Леону не понравились. Он хорошо знал этот тип расхлябанной беспутной молодёжи, что в поисках лёгких знакомств ходит по клубам. Нет, его девочке такие спутники не нужны.

Леон сжал зубы и поспешил к входу.

На этот раз в руке охранника оказалось сразу четыре купюры номиналом намного выше прежней.

– Вот этих сможешь вывести? – спросил Леон, указывая подростков на фото.

Охранник, немного помедлив, после появления в его руке ещё двух купюр, наконец, утвердительно кивнул, и подозвал другого.

Леону повезло. Минут через пять-десять, двое охранников выдворили из клуба парней с фото.

– Что вы творите?! Мы ничего не принимали! Вы не имеете права! – возмутились подростки.

Охранник кивнул Леону, но Леон дал жестом понять, что ему всего лишь надо, чтобы эти парни сегодня в клуб больше

не возвращались.

Лина оставалась внутри, Леон продолжил своё ожидание снаружи.

Очень хотелось выпить, пробирал холод. Вспомнилось, что дома осталась недопитой бутылка вина. Леон вздохнул. Лина становилась взрослой и могла попасть во всё более и более опасные истории, Леону необходимо всегда быть где-нибудь рядом, чтобы успеть уберечь её. Но что делать, когда сегодня дочь, навеселившись, выйдет из клуба? Леон не знал. Возможно, Лина отправится домой на такси, и тогда ему надо будет спешно поймать другое и ехать за ней, пытаясь незаметно проводить до самого дома. А что, если она пойдёт по улице? Тогда ему придётся, следовать за ней, снова прячась по углам. Будет хуже, если она покинет клуб с какой-нибудь компанией...

Сколько он ещё сможет быть рядом? В этом году она заканчивает школу. Что потом? Леон надеялся, что Лина захочет продолжить обучение? Что же делать ему, когда она начнёт учиться в каком-либо высшем заведении? Как оберегать студентку, которая с утра до вечера будет перемещаться по всему городу?

Леону повезло, Лина вышла сегодня одна. Она пошла по улице. Что же делать? «Всевышний, помоги!»

Идти по освещённой улице вслед за дочерью Леон не мог, она могла бы его заметить. Судорожно Леон пытался найти решение, а Лина, тем временем, удалялась. И тут группа под-

ростков вышла из клуба. Леон поспешил к ним. Молниеносно выделив в толпе пару парней, внешность которых, хоть и с большой натяжкой, но всё-таки внушала доверие, он подошёл к одному из них.

Разговор Леона с парнем был недолгим. Леон показал фотографию дочери, дал денег и попросил проследить за ней. Парню была обещана сумма вдвое большей первой за финальное фото Лины, входящий в подъезд её дома. Подросток, к счастью Леона, согласился. Он хотел было взять с собой друга, но Леон запретил. Парень отправился вслед за Линой один. Лина шла, не подозревая о том, что поблизости находится готовый прийти на помощь отец.

По приходящим от нанятого наблюдателя сообщениям, Леон понял, что Лина спустилась в метро. После того, как она снова поднялась наружу, на её странице в сети появилась злобная запись о её неудачном сегодняшнем походе в клуб, о том, как охранники ни за что вывели её новых знакомых, как она поссорилась со своей подружкой Кирой. Лина злилась, а Леон радовался тому, что его дочь благополучно дошла до дома. Он получил фото, подтверждающее это.

«Эх, девочка, девочка!» – думал Леон, возвращаясь домой. – «Кто знает, что могло случиться с тобою сегодня. Лучше бы ты никогда не узнала, как опасно ходить одной по тёмным улицам. И твоя подружка... С ней же пропадёшь... Не туда она тебя тянет, не туда...».

Наконец, и Леон оказался дома. Посмотрев на время, он

понял, что спать ему осталось всего три часа. Сколько ещё он сможет ходить за дочерью? Насколько хватит сил? Нет, надо что-то делать. Физически присутствовать рядом, оберегать, это, несомненно, хорошо, но это не выход. Как вразумить дочь? Чем повлиять на сознание дочери? Как помочь ей понять, что опасно, а что хорошо? Как уберечь от невзгод? К чему все эти глупые знакомства, посещения тусовок? Леон не против того, чтобы она знакомилась, чтобы, окончив школу, выбрала свой путь. Пусть не будет у Лины в жизни грандиозных успехов, но это не повод пустить всё под откос, связаться с плохими людьми, попасть в дурную компанию.

Часть 2

Шёл тысяча двести девяносто пятый день осени. Монотонный звук будильника, по обыкновению, разбудил Леона. Один сигнал, за ним ещё один... Надо вставать.

Леон потягивается, поднимается, умывается, одевается и, заварив кофе, выходит в сеть. Надо выбрать, с какого аккаунта лучше в это утро написать дочери.

«Бодрого утра!» – кинул он ей сообщение от имени увлечённой йогой девушки Нины.

Лина ответила. «Значит, уже не спит», – подумалось Леону. Немного поболтали. Пока Леон пил кофе, он с аккаунта Нины объяснял Лине, насколько полезны ранние пробуждения и лёгкая утренняя физическая нагрузка. О том, что вставать с постели ещё до рассвета полезно для здоровья Леон

вычитал где-то в сети. Знать бы ещё, когда теперь наступает этот рассвет. Леон отодвинул штору окна. За ним по-прежнему стояла сырая серая унылая осень. Кто бы мог подумать, что эти тучи не разойдутся никогда, что тоскливая пора с бесконечными морозящими дождями затянулась на годы. Леон задёрнул обратно занавески.

«Сегодня, наконец, выполнила все семь асан. Ты была права, чувствую себя намного бодрее», – писала Лина.

Леон улыбнулся.

Два месяца назад он выслал дочери с аккаунта Нины комплекс йоги. Потом вместе осваивали упражнения. Леон мало что в этом понимал, но всемирная сеть восполняла его пробелы. И вот теперь Лина делится с ним своими успехами.

Леон теперь много читал. Изучал не только то, что было бы полезным для здоровья, но главным образом интересовался, что могло бы занять ум Лины. Леон понял, что обезопасить дочь сможет лишь, очистив её разум от глупых, дурных идей. Все дела начинаются с мыслей.

Леон стремился вести с Линой разговоры, которые были бы интересны, полезны, глубоки. Он пытался настроить ум девочки на верный лад.

Лина не догадывается, но тринадцать аккаунтов в списке её друзей принадлежали Леону. Это те тринадцать человек, с которыми она ведёт наиболее активную переписку, тринадцать, которые первыми реагируют на её сообщения, кто не медлит поставить под её постами заветные лайки, трин-

дцать тех, кого интересуется всё то, чем интересуется она. Кто-то из них любит читать, один рисовать, пара девочек серьёзно увлекается музыкой, трое учатся на схожих с Линой специальностях, четыре человека обожают спорт, ещё парочка мечтает о путешествиях. Среди этих тринадцати всегда найдётся тот, кто выслушает её, даст совет, поделится чем-то новым.

Леон спешит на работу. Садясь в свой автомобиль, он уже думает о том, как с аккаунта начитанной умницы Арины начать бы с Линой обсуждение новой книги, а с аккаунта любительницы театральной жизни Виолы предложить Лине очередной «пропадающий» у неё билет, но неожиданно Лина его опередила. «Привет! Я хочу тебе кое-что рассказать. Помнишь того парня, о котором я тебе писала?» – спрашивает она, написав в чат своей близкой подруге Регине.

«Конечно, помню», – ответил Леон от имени подруги.

«Так вот он меня пригласил! Я сделала всё, как ты сказала. Вчера он познакомился со мной и пригласил!»

«Куда?»

«В кино», – пишет Лина.

Леон облегчённо вздохнул. Он знал, о ком она говорит. Этого парня он хорошо изучил.

Лине двадцать второй год, она студентка. Это время, когда молодой девушке пора задуматься о том, кто будет всю оставшуюся жизнь рядом с ней. Из всего окружения Лины Леон выбрал того, кому смог бы доверить дочь. Он нашёл та-

кого. Парень был из обычной небогатой, но дружной семьи. Скромн, не кичлив, с детства приучен к труду, не глуп, не болтлив, вынослив, непритязателен, в своём желании овладеть выбранной профессией настойчив. Но главное, парень был ответственным. Леон следил за ним и ни разу не смог обличить молодого человека в том, что тот не выполнил данного кому-либо слова. Кроме того, Леон разузнал, кем являются его родители, и понял, что те не могли воспитать плохого сына. Паренёк пока беден, но трудолюбив.

Мальчишка понравился Леону. Дело оставалось за малым – обратить его внимание на Лину, а внимание Лины – на этого парня.

Пусть Лина считает, что это всего лишь случайность, что парень сам догадался подойти к ней, пусть думает, что это она по собственной воле сделала его объектом своих желаний.

«Ты была права, он оказался очень лёгок в общении. Мне кажется, я даже сама могла бы познакомиться с ним первой... Но все-таки девушке лучше ждать, а первый шаг должен делать мужчина... Иначе, как я буду знать, что он заинтересован во мне?» – писала Лина, повторяя Леону его же слова, написанные им в своё время от имени ставшей подружкой Лины Регины.

«Замечательно! Значит вечером у тебя свидание!» – писал Леон дочери. – «Не торопись, присмотришь к нему»...

«Конечно, я не желаю повторять прошлых ошибок... Мы

же можем не подходить друг другу... Хотя, будет жаль».

«Где вы договорились встретиться?»

«Ян зайдёт за мной. Сказал, что не хорошо ходить девушке одной по темноте».

Жаль, что эти слова ещё не означали, что Леону можно будет остаться сегодня дома. Пока он не мог доверять этому парню.

Вечером Леон, отложив все дела, стоял у своего бывшего дома. Погрузившись в темноту улицы, он наблюдал. Он видел, как в шесть вечера к входу подошёл скромно одетый парнишка, как вышла к нему Лина, как пошли они по ещё не успевшим избавиться от дневной суеты улицам. Леон последовал за ними.

Вернулись всеми к дому уже почти в полночь. Леон за это время ничем не обнаружил себя. Оставаясь незаметным, он проделал весь путь за молодыми людьми. Теперь же, схоронившись в темноте, он ждал. Меньше всего ему хотелось бы видеть, как парень по приглашению Лины последует за ней домой. «Всевышний, только не это!»

Но вот, наговорившись, дети расстались. Парнишка поспешил к станции метро, а Лина, стоя и улыбаясь ему вслед, наконец, вошла в двери своего дома.

Уже через минуту она писала своей подружке Регине:

«Всё прошло замечательно! Мне было хорошо с ним! Мы гуляли, смотрели кино, сидели в кафе! А проводив меня, он тут же попросил следующего свидания! Я счастлива!»

Леон улыбнулся.

Сегодня впервые за последние три года он уснул, не испытывав острого чувства тревоги.

Часть 3

Взволнованно Леон смотрел на страницу дочери.

Ян и Лина, ликующие, нарядные, стояли на ней рядом. Лина была в белом платье, с букетом цветов, Ян – в торжественном костюме, а подпись под фотографией гласила: «Наш день!!!». Даже унылая серая осенняя грязь не могла сделать этот снимок ничуть менее счастливым.

Леон восторженно смотрел на свою девочку. Как же она была красива!

Стоял тысяча девятьсот восемнадцатый день осени. Удивительный для Леона день! Природа замерла, а человеческая жизнь продолжалась. Люди встречались, влюблялись, женились. Леону взгрустнулось. Девочка его подросла. Вот она уже не ребёнок, а невеста, жена.

Был ли Леон счастлив? Он был доволен. Всё шло своим чередом, шло правильно. Лина с Яном, узнав друг друга, связали свои жизни воедино.

Прощай наблюдения, бессонные ночи. Охрана Леона больше его дочери не нужна, теперь у Лины есть тот, кто делает это лучше отца. Не Леон, а её муж станет тем, кто всегда будет рядом. Он будет встречать её, провожать, охранять, оберегать сначала её, а потом и их детей.

Леону вспомнилось время, когда он жил вместе с женой и Линой. Ему очень нравилось готовить для дочки завтрак. Он оставлял на блюде два бутерброда – один с арахисовой пастой, другой с шоколадным кремом и уходил на работу. Пробуждаясь, дочка уже не заставляла отца дома, но оставалось нечто, что говорило ей о его любви.

Леон вздохнул. Страницы дочери в сети вот уже больше года потеряли активность. Лишь изредка удавалось Леону выудить о дочке хоть какую-то новость. Даже о её свадьбе он узнает вот так, неожиданно, только сейчас, всего лишь по одному выложенному в сеть фото.

Своё дело Леон сделал. Свою девочку он уберёт, хотя она и не заметила этого.

Леону вдруг вспомнился тот случай, когда, ожидая Лину из гостей, он чуть было не угодил в больницу. Изрядно его тогда побили. Когда напавшие на него подростки наносили ему увесистые удары, он радовался лишь тому, что в этот момент Лина прошла мимо них незамеченной.

Леон привык «расчищать» для дочери дорогу, хотя она об этом и не знала. Он втянулся в такой образ жизни. Он полюбил прогулки. Его могли бы посчитать местным сумасшедшим, которому нравится серыми дождливыми днями бродить по улицам города, но это было не так. Леону, так же, как и прочим, не по душе была установившаяся промозглая погода. Он радовался тем вечерам, когда можно было остаться в тепле дома.

Ему нравилось не ходить за Линой, а переписываться с ней. Он вспомнил сейчас, как мило обсуждали они в чате прочитанные романы, размышляли, рассуждали о счастье. Посылая дочери сообщения с вымышленных аккаунтов Леон ощущал себя ловцом из «Над пропастью во ржи». Он уберегал Лину от чего-то непоправимого, формируя и направляя её взгляды.

Удивительно, но Лина никогда не пыталась встретиться вживую со своими виртуальными друзьями. Может быть, она догадывалась, что они это он – Леон? Или нет... Обычно подростки не замечает мелочей, жизнь их течёт слишком насыщено, слишком бурно, слишком ярко. Лина всегда была окружена людьми. Леон видел, как вертелась она в кругу ровесников. Леон до сих пор считал чудом то, что ему удалось подружиться с дочерью в сети. Как смогли персонажи созданных им аккаунтов стать её лучшими друзьями? Отчего их внимание, оценки, мнения были для неё так важны?

Быть может, при всём многообразии её контактов, она не находила у прочих понимания.

Одиночество, как оно было хорошо знакомо Леону. Вот и сейчас он чувствовал, что остаётся один. Лина выросла и обрела своего единственного, самого важного друга. Удивительно, но даже в такую унылую, мрачную непогоду люди могут быть счастливы, это счастье давала любовь.

Что же осталось Леону? Он не грустил. За то время, что он охранял дочь, в нём установилась чёткая уверенность в том,

что и его самого тоже кто-то незримо охраняет. Кому-то он небезразличен, кому-то важен и нужен. Неизвестный «Всевышний» слышал его. Леон больше не был один. В каждую минуту своей жизни он ощущал в ней присутствие кого-то, кто заботится о нём самом.

Леон вспомнил тот самый первый раз, когда отправился вслед за Линой. Она была тогда в гостях у кого-то из друзей. Леон пошёл пешком, было поздно. Нельзя сказать, чтобы он боялся, но в тот вечер он чувствовал себя неуютно. Улицы, по которым он привык ездить на автомобиле, виделись теперь ему иначе. Мысленно Леон желал, чтобы никто не встретился ему на пути, и о чудо! «Всевышний!» Все дворы и переулки были абсолютно пусты. Леон мог спокойно идти, и с каждым шагом росла его уверенность в том, что его воззвания кто-то слышит. Потом много раз Леон убеждался в этом: ему «везло» в тех случаях, когда что-то дурное, по всем предпосылкам, должно было бы приключиться. Безднадёжные ситуации вдруг оказывались разрешимыми, опасность отступала. Кто-то могущественный, своей влиятельной рукою отводил опасность, оставаясь в тени. Леон хотел узнать его.

Леон снова взглянул на фотографию дочери и надел пальто. Он вышел на улицу. Что это было – утро или вечер? Сложно сказать. Времена суток, давно утратив свои цвета, стали друг от друга не отличимы. Леон посмотрел на небо и тут снежинка, затем ещё одна мелькнули в темноте и опусти-

лись на рукав его пальто. Леон разглядывал их, пока они не растаяли. Это были настоящие ровные шестиконечные снежинки, хрупкие и красивые. Возвращался он домой уже по настоящему снегопаду.

Когда же утром Леон распахнул окно, всё вокруг было белым. Улицы, деревья, крыши домов завалил пушистый снег. Стало светло.

Жизнь закипела. Люди выбегали из своих жилищ, хватая, кто лыжи, кто санки. Проносились снежки, резвилась детвора, всё пространство наполнилось возгласами беспечного счастья. Дворники очищали от сугробов дворы.

Осень окончилась. Началась зима.

2018

Ангел

Моему Ангелу-Хранителю

1 Старик

*Усталый ангел загрустил,
Он взял с небес тогда спустился,
И, обратившись стариком,
Тем к подопечному явился.*

– Ты что, не знаешь, как поступать? Ну не в первый раз же уже... Делай, как мы всегда делаем – пиши один товар в накладной, ставь другой!.. И что?.. Клиент не заметит. Сам подумай, он в этом ничего не понимает! – кричал в телефон Марк.

На его звучный сердитый голос обернулась пара человек.

– Не звони мне больше по этому вопросу!.. Ну где я тебе возьму оригинальные запчасти?.. А я что должен делать?.. Да не за рулём я... Да. Отдал в ремонт, – продолжал Марк, не замечая косящихся на него окружающих.

– Какие это мои знакомые! Они так сказали? Не помню я таких!.. Ну, тем более, ставь им то, что у нас есть!.. Как поломается, снова к нам приедут, там уж я разберусь... Всё, давай, делай, как говорю. Скоро буду.

Марк нажал кнопку отбоя и спрятал в карман телефон. Пять-шесть пристальных взглядов сверлили его своим неодобрением.

Отвык Марк от поездок в общественном транспорте. Да уж, отвык...

Марка теснили те, кто только что вошёл на очередной остановке.

Снова зазвонил телефон.

– Да, Зайчонок, еду... Почему ты спрашиваешь?.. Да да-лась тебе эта мебель!.. Ну и что, купим потом... Ты же знаешь, мне ремонтировать сейчас надо, денег нет... И что?.. Ну и ладно... Мало ли, что сейчас скидка... Это тебе нужно... Да нормально я с тобой разговариваю... Я же говорю – нет... И что?.. Да сама ты ...! Ну и что?.. Ну и катись!.. И что?.. Да пошла ты!.. Истеричка!

Марк нервно нажал кнопку отбоя вызова, с досадой сжал телефон.

Ехавшие рядом с ним бросали на него осуждающие взгляды. Марк поёжился. Давно не случалось ему находиться в столь плотной массе людей.

И вот опять звонок, телефон. Теперь Марк решил держаться спокойнее.

– Да, Паш... Да, привет... Нормально всё... Лерка просто взбесила... Да опять денег просит... Да ремонтируюсь я... Ага, отдал сегодня в ремонт, потом буду продавать... Обещали сделать так, что никто ничего не заметит... Ага, пробег

тоже... Не, не на колёсах сегодня... Да, в транспорте сейчас. Лучше бы такси взял!.. – шептал в трубку Марк, косясь на своих попутчиков. – Когда? Сегодня? – продолжал он. – А Маринка будет?.. Приду... Да, давай, до вечера. Буду!

Люди выходили на остановках, входили новые.

Непривычная обстановка заставила Марка оглядеться по сторонам. Среди этой окружавшей его сейчас пёстрой небогатой публики внимание Марка привлёк один старик. Он сидел на скамье как раз напротив повисшего на поручне Марка и не был похож на всех остальных. Его добротный, хорошо скроенный костюм выделял Старика в массе прочих бесформенных одежд. Ровная осанка, в руках трость-палка. Место Старику уступили, но тот сидел так, что, казалось, в любой момент он готов встать, и с благородностью истинного джентльмена усадить вместо себя кого-либо другого. Белые седые его волосы, белая густая борода создавали образ не старика, но старца. Его синие ясные глаза светились мудростью и каким-то невероятным теплом. Старик посмотрел прямо на Марка, и Марк поспешил потупить взгляд, отчего-то стало стыдно...

– Да перепечатай накладные другим числом, печать возьми у меня в столе... Да не на колёсах я сегодня... Еду... Скоро уже буду... – летели слова Марка в телефон.

– Не реви, психопатка!.. Не ори мне в трубку! Здесь люди... Я в транспорте... Да какие любовницы! На работу еду... – кричал Марк, ответив на следующий звонок.

И снова взгляд Старика устремлён на Марка, такой чистый, пристальный, ясный.

– Марин, ну приходи сегодня... Да ладно тебе, хочешь, поговорю с твоим мужем?.. Ну тогда оставлю его на вторую смену, а ты приходи...

– Серёг, подзадержи там клиентика. Я подъеду скоро, может получится его развести...

Продолжались телефонные разговоры Марка. Напротив него неподвижно сидел Старик, и каждый раз, как Марк решился посмотреть на того, возникало острое желание снова опустить глаза и умолкнуть.

Старик молчал, его спокойный ровный взгляд был полон сострадания. «А брови хмурит...» – заметил Марк, – «прямо хоть не берись за телефон».

И снова, то разговоры, то перебранка.

Марк вздохнул свободно только тогда, когда выйдя, наконец, на своей остановке, остался один.

«Глупец! Отчего я не взял такси?..», – несясь вдоль улицы, бормотал он.

***

*Как много в жизни суматохи,
Как много пагубных идей,
Ввергающих людские души
В порочный круг мирских страстей.*

– Мам, ну не могу я, ну дел по горло... – говорил в телефонную трубку Марк, выкручивая руль. – Да знаю я, что у тебя ноги... Ну, что я сделаю?... Да, работы слишком много... Ну ладно, ладно, только не волнуйся... Мам, у тебя сердце... Хорошо, я всё сделаю. Не переживай, всё сделаю... Хорошо... Ладно, ничего подождут дела... Съезжу... Когда?... Хорошо, сейчас поеду... Всё сделаю... Давай, не переживай, жди...

«Вот ведь незадача», – твердил про себя Марк, разворачивая свой автомобиль обратно и набирая на телефоне новый номер.

– Марин, привет. Слушай, ну извини, чуть подзадержусь, – виноватым голосом говорил в трубку он. – Ну, не сердись, я быстро. Мать звонила, какие-то её анализы надо в поликлинике найти и забрать. Ей же скоро на операцию... Ну, не шуми... Да, честно... Да знаю я... Знаю, что сегодня у тебя выходной, что договаривались, что его нет пока дома... Ну подожди немножко... Скоро увидимся, целую...

– Лер, мать звонила, – вёл уже другой разговор он. – Да надо в больницу, анализы там её какие-то потеряли, надо найти... Да не вру я... Хочешь, матери моей позвони... Чего ты орёшь! Не вру я, в больницу еду...

«Достала, истеричка!» – со злостью Марк бросил на сиденье телефон.

Марк нёсся по шумным улицам города.

«Сейчас всё побыстрее сделаю, завезу анализы матери и к Маринке!» – думал он.

И вот больница. Коридоры полны.

– Это вам не сюда, у нас приёмное отделение, а вам надо в поликлинику, – отстояв очередь, услышал в регистрационном окошке Марк.

Поликлиника – безликое здание. Марк бредёт по выкрашенным какой-то на удивленье бесцветной краской коридоры. Двери, ещё двери, сплошные кабинеты.

– Что-то не вижу ваших анализов, может у врача в кабинете, – говорит ему монотонный голос женщины в окошке выдачи результатов.

«Ничего, сейчас всё быстренько сделаю, и к Маринке», – успокаивает себя Марк.

Минут через десять он находит нужный кабинет.

– Вы куда, молодой человек? Здесь очередь! – возмущаются сидящая возле дверей кабинета плотная толпа.

– Да мне... Мне только анализы забрать. Успокойтесь! Да ладно, ладно... – машет рукой Марк. – Подожду, не шумите... Кто крайний?

Все стулья заняты. Марк, встав поближе к двери, опершись о стену, терпеливо ждёт. За ним зорко следят, чтобы он вдруг не сорвался с места и не прошмыгнул к врачу в кабинет.

Кто бы мог подумать, что так много времени уходит на приём. Каждый счастливчик, дождавшийся своей очереди,

выходит из кабинета не раньше, чем через двадцать минут.

Пациентов много. Можно было бы зайти впереди кого-то, но скандалы Марку не нужны, матери здесь ещё долго лечиться. Марк ждёт.

«Марин, стою в очереди» – отправляет сообщение он.

Проходит минут пять. От Маринки получен злобный смайлик.

– Может пропустите меня, мне всего на пару минут, – сделав умоляющий жест, просит одну из женщин Марк.

– Знаем мы таких, – ворчит она, заслоняя собою дверь.

Надо ждать.

В коридоре освобождается один стул, Марк садится. Впереди него длинная очередь к врачу: полная женщина в синей кофте, рядом пенсионерка в очках, затем какая-то разговорчивая дама, возле неё – угрюмо слушающая её подруга, после – старушка в длинной юбке, женщина с книгой, старик... Взгляд Марка задержался. Старик показался ему очень знакомым. Где же он видел его? Ну конечно, вспомнил! Это тот самый Старик, запомнившийся Марку в ту единственную его поездку в транспорте, когда машина его была отдана в ремонт. Старик сегодня выглядел абсолютно также. Спина его была также пряма, снова на нём всё тот же добротный хорошо выглаженный костюм, а руки по-прежнему сложены на палке-трости. Взгляд синих глаз Старика светел, мудр и добр. Покорно Старик ждёт своей очереди и, глядя на его седины, Марк снова опускает взгляд, и становится как-то со-

вестно пытаться пробиться вперёд больных.

– Мариночка, ну подожди... Я пока не освободился... ну, Марин!.. – шепчет Марк в телефон, косясь на окружающих. – Да понимаю я, что другого такого случая не будет... я приеду, только подожди.

Марк уверен, окружающие женщины были бы рады узнать его историю, но только не Старик. Он смотрит на Марка с пониманием и, кажется, опять жалеет его.

– Марин, скоро освобожусь и приеду... – шепчет Марк. – Да в поликлинике я...

Разговор пока окончен. Марк вглядывается в глубь коридора, в конце его окно, за ним светло, оттуда иногда прорываются звуки бурлящего своей дневной суетой города.

Подступает голод. «Надо бы перекусить где-нибудь по дороге к Маринке, та ведь не накормит...» – думает Марк. – «Пообедаю в «Трактирчике». Марк уже привык питаться где-нибудь вне дома, это вкуснее и проще. «После Маринки надо бы ещё заскочить в банк, потом на работу. К матери вечером... или нет, лучше сначала к матери, потом в банк», – продолжает строить планы Марк.

– Да, продаю, не битая, не крашенная, в аварии не была... Посмотреть? Конечно, можно, – принимает Марк очередной звонок. – Сегодня? Хорошо, вечером могу, можем пересечься где-нибудь...

«Так, к маме, значит, сегодня уже не успею...» – записывая контакт возможного покупателя его автомобиля, думает

Марк. – «Ну и ладно, потом... Завтра заеду. Очередь совсем что-то не движется. Надо бы как-то поторопить тут всех. Но как?»... Врач ведёт приём невероятно неторопливо. За пятнадцать минут из кабинета вышел только один человек.

Марк продолжает размышлять, мысли уже не остановить. «Так, машину, может быть, получится продать. Невезуха какая-то с ней, вторая авария уже за полгода, надо избавляться, не сложилось, не задалось... На эти деньги куплю другую. А вот что делать с Леркой?..» – начинает прикидывать Марк. – «Не задаётся с ней жизнь... Тут ещё Маринка... А Лерку просто так не выгонишь, некуда... Так и будет дома сидеть и нервы трепать».

И тут раздаётся крик:

– Помогите, мужчине плохо!..

Марк не сразу понимает, что произошло. Это Старик... Он покачнулся раз, другой, затем как-то обмяк...

– Молодой человек! Да помогите же, мужчине плохо, вы, что не видите?! – это уже кричит одна из соседок Старика, обращаясь к Марку.

Марк вскакивает. Старик высок, широкоплеч и грузен.

– Вам плохо? Что с вами? Где болит? – пытаюсь добиться ответа от Старика, повторяет Марк.

Стрик молчит.

Всё вокруг вдруг закипело, забурлило. Вот уже вокруг Марка и Старика толпа. Женщина в белом халате, возникнув из ниоткуда, уже расстёгивает рубашку Старика.

– Так, молодой человек, ведите мужчину на первый этаж, – командует она. – Да быстрее же!..

Марк, взвалив на себя Старика, ничего не соображая, повинуется. Вот они уже возле лестницы, их ждут. Старика кладут на носилки с колёсами.

– Молодой человек! Везите дедушку прямо по коридору, я вам сейчас дверь открою, прямо в больницу... – распоряжается бойкая медсестра.

– А там? Что мне делать с ним? – спрашивает Марк.

– Езжайте-езжайте! Вас встретят, я уже предупредила... Да скорее же!..

И вот уже Марк мчится по тусклому длинному коридору, зачем-то приговаривая:

– Э, Старик, ты держись... Сейчас домчу тебя... Ты только держись...

Старик молчит. Лежит неподвижно и за те секунды, что они наедине, Марку кажется, что Старика уже не помочь. Они несутся. Бегом, быстрее...

И вот уже их встречает врач.

– Ждите, – говорит он Марку.

И отчего-то Марк слушается, садится на жёсткий стул и даже не пытается объяснить, что он ведь в этом деле совершенно посторонний.

Старика увозят. В больничном коридоре тихо. Здесь никого нет. Марк, боясь нарушить царящий здесь зловещий покой, ставит на бесшумный режим телефон.

Через несколько минут его зовут в палату.

– Модой человек, посидите с дедушкой... Следите за капельницей, будем готовить для него операционную, – зовёт Марка медсестра.

– Э, сестричка... – пытается окликнуть её Марк.

– Сидите, сидите... Я скоро, – говорит она на ходу.

Марк остаётся со Стариком один на один. Тот лежит на кровати, синие глаза его открыты, к руке его тянется трубка. Течёт лекарство... Кап-кап... Марк садится на край постели и старательно следит за тем, как жидкость спускается к закреплённой в вене Старика игле. Как же так? Марк достаёт телефон. С момента последнего разговора прошло девять минут. Девять минут, и он уже сидит в больничной палате и рядом умирающий человек...

– Э, Старик! – обращается при этой мысли Марк к лежащему на кровати. – Старик! Ты это... Ты держись... Они там операционную готовят...

«Что же говорят в таких случаях?» – судорожно вспоминает Марк.

– Ты это... Всё будет хорошо, – повторяет Марк.

Старик лишь чуть качает головой.

– В кармане... – шепчет он.

Марк кидается к Старику.

– Что там? Лекарство? Достать?..

– Там икона...

– Икона?!

– Мне её в руку...

– Старик, ты чего это? Зачем?..

– Молиться буду...

– Э, Старик, ты чего? Сейчас врачи подлечат тебя... Ты чего? Зачем?

Старик закрывает глаза, затем открывает их снова.

– Я достаточно пожил, – отвечает он, поворачивая голову к Марку, и Марку кажется, что в этот момент на лице Старика едва уловимая улыбка. Глаза Старика ясны и чисты.

– Я Бога нашёл, узнал и полюбил... – говорит Старик.

– Э, Старик, какой там Бог... Врачи сейчас придут. Слышишь? Подлечат тебя, поживёшь ещё. Ты что это надумал?..

Старик снова качает головой.

– Я уже достаточно пожил. Пора к Нему...

– Да как же так? Дети, внуки у тебя есть? Друзья?..

Старик закрывает глаза.

– Сестра, сестра! – выбегает в коридор Марк. – Ему там... Да скорее же!

Опять начинается суета.

– Вы родственник? – трясёт сидящего в коридоре на жёстком стуле уставшего Марка мужчина в белом халате.

– Я? Нет...

Мужчина уходит.

– Такой хороший старичок, – вытирая слезу, подходит к Марку пухлая медсестра. – Так ушёл достойно... Тихо, улыбаясь...

– Да сумасшедший он, ваш Старик! – отталкивая её сочувствующую руку, выкрикивает Марк.

И вот он уже бежит вон.

«Да как же так? Как же так... Жил человек, и умер... Не прошло и пятнадцати минут... Вот он был, и вот его уже нет...»

Наконец, Марк на улице. Позади осталась больница. Марк судорожно глотает свежий воздух.

Всё, можно успокоиться, но не выходит из головы этот Старик. Такой спокойный, тихий. Что-то там говорил про Бога... а ведь Марк был с ним в последние минуты его жизни... Такой странный...

Куда теперь? К Маринке? Марк вдруг понимает, что меньше всего ему сейчас хочется к ней. К Лерке домой?

Марк проходит мимо «Трактирчика», но аппетита нет. До сих пор в носу у него специфический больничный запах, а перед глазами методично капающее лекарство и спокойный взгляд умирающего Старика, и никак не отделаться от мыслей об этой ужасающе внезапной смерти. Несколько минут, и человека уже нет...

Марк достаёт из кармана телефон, включает, набирает номер.

– Мам, это я. Я приеду сейчас...

И вот несёт его опять

Сквозь улиц шум шального города,

*Тот ангел, что успел сказать,
Слова, ценней земного золота.*

2 Мальчик

*У человека много дел,
Клонясь к земле под тяжким бременем,
Он ценит суету сует,
Забыв про быстротечность времени.*

– Дяденька, пожалуйста, не надо! Дяденька, отпустите!.. –
вопил в руках Марка мальчишка. – Я случайно! Я не хотел!
Пожалуйста, отпустите!..

– Ты посмотри, что ты натворил, паршивец! – кричит
Марк.

Одной рукой он держит мальчишку, а указательным паль-
цем второй руки тычет в огромную вмятину на водительской
двери своей машины.

– Новая машина! Ты понимаешь?!.. Гадёныш! Смотри,
что ты натворил?

Мальчишка всхлипывает и от страха плачет. На вид ему
лет восемь-девять, не больше.

– Где твои родители, гад ты такой? Давай, говори, поедем
разбираться, – трясёт Марк мальчишку.

– Ро-ро-родители?.. Они там... – начав заикаться, залепе-
тал Мальчик.

– Ну так показывай, буду с ними говорить. С тебя то, чего взять... Поехали!

Марк запихнул Мальчишку на заднее сиденье своего автомобиля и громко захлопнул за ним дверь.

Три дня автомобилю, только что из салона, а тут этот паршивец врывается на своём велосипеде.

– Да как же так?! – возмущается Марк.

С злостью кидает он в пока ещё пустой багажник покорёженный велосипед Мальчишки. Садится за руль, трогается.

Вокруг настоящая зима. Всё покрыто белым. Первый декабрьский снег посеребрил улицы, дороги.

– Показывай, паршивец, куда ехать! Гад ты такой! Где ваш дом?

– По-пока прямо... – лепечет, заикаясь, Мальчишка.

– Как? Как тебя угораздило? Ты что не видел меня? Куда ты смотрел, поганец?

– Я... Я... Меня занесло... Снег, я не успел затормозить...

– Не успел! А мне теперь из-за тебя машину в ремонт отдавать! Ей всего три дня!!! Ты понимаешь? Три!!!

Марк махнул рукой.

– Тут направо... – дрожащим голосом пролепетал Мальчишка.

Марк резко дёрнул руль, машину повело, но сработала антиблокировочная система.

Марк выругался.

– Ты видишь? Из-за тебя всё!..

– Дяденька, это зима, снег... – пытается оправдаться

Мальчишка. – Я тоже тормозил...

– Тормозил он! Ты чего вообще на велосипеде поехал?
Снег кругом! Летом надо было кататься!

– Я... Я и катался летом, а потом Мишке решил продать,
а себе новый захотел.

– Чего? Как продать?... Тебе лет то сколько?..

– Я Мишке сказал, что он хороший, новый, а на нём царапины были. Я сегодня хотел в последний раз прокатиться, – залепетал Мальчишка.

– Новый он захотел... – пробормотал Марк.

– Я думал Мишка не заметит царапин... Это меня Бог наказал, я обмануть хотел... Дяденька, ты вот там останови, приехали.

Мальчишка махнул на стоянку вдоль высокого кованного забора.

Марк припарковал машину и остановился.

– Ну, пошли, – вытягивая Мальчишку на улицу, сказал он.

Мальчишка повёл Марка в открытую калитку.

– Ты куда это меня привёл? – удивился Марк, увидев впереди белоснежные стены увенчанного золочёными крестами храма. – Где твои родители?

– Там... – показал рукой на дверь в церковь Мальчишка.

– Ну, пойдём... – недоверчиво покосившись на Мальчишку, сказал Марк. – Работают тут что ли?

– Не, мирские. Служба сейчас, заканчивается уже навер-

но... – отвечал Мальчишка.

Марк нерешительно потоптался на пороге калитки, затем недовольно пробурчал:

– Ладно, пошли...

Мальчишка устремился вперёд.

– Эй, парень, постой, а ты чего хромаешь? – окликнул через десяток метров Мальчишку Марк.

– Ударился сильно...

– Это на велосипеде что ли? Болит?

– Болит...

– Покажи...

Марк принялся ощупывать ногу Мальчишки.

– Ушиб сильный, ерунда, – махнул рукой Марк, – пройдёт. Со мной много раз такое бывало...

Мальчишка согласился:

– Пройдёт.

И махнул рукой, вторя Марку, вышло у него это так забавно, что Марк улыбнулся.

Вошли в храм. Здесь было тепло, уютно, горели свечи, благоухало ладаном, многолюдно.

Мальчишка, стоя у двери, перекрестился. Марк хотел было тоже, но как-то постеснялся.

– Ну и что, где тут твои? – наклонился он к Мальчишке.

– Вон там, – прошептал тот, указывая на прихожан, столпившихся возле вышедшего к ним на проповедь батюшки.

– Ладно, подождём...

– Подождём, – согласился Мальчишка и направился к какой-то иконе.

– Эй, парень, ты куда, – ринулся за ним Марк.

Мальчишка уже стоял перед иконой и крестился.

– Это Николай-чудотворец, – прошептал он, подоспевшему к ним Марку. – Я всегда ему молюсь.

– Зачем?

– Он всем помогает, всё слышит...

– Нам вот тут ещё надо помолиться, это святитель Спиридон... Я попрошу, и ваша машина быстро отремонтируется, вот увидите, уже через неделю будет как новенькая!

– Вот чудак! Какой шустрый! Неделя!.. – усмехнулся Марк. – Ну молись, молись, может кто тебя здесь и услышит... Эй, парень, ты опять? Теперь то куда?

– Это целитель Пантелеймон, он болящим помогает, – прошептал, крестясь перед очередной иконой Мальчишка.

– Смотрю, ты тут многих «знаешь». Часто здесь бываешь? – спросил Марк.

– Не часто, – вздохнул Мальчишка.

– О, а эту икону я знаю. Богородица? – спросил Марк, указывая на образ.

Мальчишка утвердительно кивнул.

– И её будешь просить?

– Не, её благодарить буду. Она ж наша мамочка...

– Чудной ты! – ухмыльнулся снова Марк. – А чего служба то не заканчивается?..

– Да почти уже. Это литургия, сейчас причастие, потом заключительные молитвы и к кресту все пойдут. Самая главная служба, в воскресенье надо обязательно быть в храме.

– Тогда это... – замялся Марк. – Пойдём, малый, на улице что ли подождём...

– Пойдём, – согласился Мальчишка. – Только ещё одну минуточку, дяденька...

Мальчишка быстрыми шагами засеменил к огромному кресту. Там он перекрестился и вдруг упал на колени перед распятым Христом. Мальчик сделал всего три поклона, но каких! Стоя на коленях, он опускал свою голову так сокрушённо, так отчаянно, что Марку стало не по себе.

– Я готов, дяденька, пойдём, – сказал, вернувшись, Мальчишка и робко взял Марка за руку.

– Ты это... – пробормотал Марк, освобождая свою руку. – Не надо. Оставайся здесь, не надо мне ничего... Пойду я.

– Дяденька, а как же ваша машина?... Я ж её испортил.

– Не надо мне ничего, – повторил Марк, пятясь к двери.

– Дяденька, если я вам нужен, каждое воскресенье я здесь, в 8.30 начинается литургия, я буду тут, в храме... Дяденька, в половине девятого я тут.

– Ничего мне не надо... – проговорил Марк и бросился наружу.

Декабрьский мороз тут же обжёг лицо холодом, белый снег ослепил.

«Да что же это за люди такие...» – бормотал, пробира-

ьясь сквозь свежие сугробы, Марк. – «Один умирать не боялся... Этот Мальчишка не трусит перед наказанием... а что я? Я? Лгу, изворачиваюсь, кручусь как могу... Ведь я тоже, как этот Мальчишка... Только он велосипед хотел другу за новый выдать, а я машину разбил, покрасил, подправил и продал, как новую...»

Марк вскочил в свой автомобиль и, нажав на газ, тут же рванул с места. Он нёсся прочь.

На первом же повороте что-то загромыхало в багажнике. «Да что ж такое! Как же так!..» Только сейчас Марк понял, что велосипед Мальчишка так и остался у него.

На следующем перекрёстке он повернул обратно, минут через десять аккуратно припарковал свою машину у храма, снова вошёл в калитку и направился в уже знакомые стены. Прихожане расходились. Марк заглянул внутрь, прошёлся по всему помещению храма, Мальчишки уже нигде не было.

«Ушёл!» – с горечью подумал Марк. – «Как же так?! Я совсем забыл про велосипед, и Мальчишка не напомнил... Ну ладно, как он там говорил, в 8.30 в воскресенье...»

В следующее воскресенье в 8.30 Марк уже стоял возле калитки забора, отгораживающей от шумной улицы двор церкви.

Глядя на его автомобиль, никто бы и не подумал, что на боковой двери его ещё неделю назад были глубокая вмятина и царапина. Уже на следующий день после столкновения с Мальчишкой Марк отправился ремонтировать его велоси-

пед, а получилось так, что удалось восстановить и велосипед, и собственную машину. Сервис попался хороший, сделали быстро, денег взяли немного. Теперь свежевыкрашенный велосипед Мальчика с выправленным колесом, натянутой цепью спокойно ждал своего владельца в багажнике.

Марк помялся у калитки, и вошёл во двор. По расчищенной дорожке прошёл к двери церкви и осторожно зашёл внутрь храма. Благоухание ладана, тепло, свет свечей – всё показалось знакомым. Стало спокойно. В толпе Марк попытался рассмотреть Мальчика. Началась служба. Марк так и остался стоять у входа, чтобы потом, по окончании не пропустить Мальчишку.

*А он стоял здесь, за спиной,
Не мальчик, из иного племени,
Он ангел был Мальчишкой тем,
Он возвещал о скором времени.*

3 Ангел

Март. Марк вышел на крыльцо и вдохнул свежий весенний воздух. За его спиной величаво возвышались белоснежные стены храма.

Первое причастие! Оно всё-таки состоялось! Марк довольно зажмурился под яркими лучами весеннего солнца. Ну мог ли подумать он, что будет когда-нибудь вот так радоваться тому, что он теперь полноценный член той многоли-

кой священной толпы верующих, чьими молитвами держится ещё пока этот мир.

Марк стоял на крыльце, не желая двигаться, и улыбался.

Каждое воскресенье в половине девятого стал он приезжать сюда, чтобы отдать велосипед Мальчишке, но Мальчишка нигде не находил. Ожидая встретить его, стал Марк прислушиваться к службе. И, о Боже, сколько ждало его открытий!

Марк вспомнил, как решил разобраться в непонятных словах и отыскал Новый завет, как потом несколько ночей запоем читал Евангелие, как отозвались в его душе чувством глубокой усталости от собственной суеты строки «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас...», как стал он вместе со всеми петь на службе «Господи помилуй!» и вдруг почувствовал, что счастлив. Пришло всё: интерес, понимание, желание, осознание, покаяние, исповедь...

Марк взглянул на синее небо, ещё немного потоптался на крыльце и направился к своему автомобилю. Мальчишку он так и не дождался, но Марк не сомневался, что тот, пусть где-то далеко, пусть в другом месте, но точно также, как и Марк, в это же самое время молится вместе с ним словами священной литургии, проходящей в утренние воскресные часы во всех храмах.

Марк сел в машину, включил оставленный в ней на время службы телефон, набрал номер пропущенного вызова.

– Сергей, ты звонил?.. Извини, дружище, я был занят... Да, всё хорошо, я в церкви был... Уже подъехали? Ты справишься?.. Знаешь, я их, если честно, совершенно не помню, но прошу, постарайся, ладно? Сделай, как для своих!

Марк положил трубку телефона, двигатель прогрелся, можно было ехать.

У магазина Марк затормозил.

– Лера, ты уже проснулась?.. Скажи, домой что-нибудь нужно? Что купить?.. Хлеб закончился, понял... Больше ничего?.. Да, уже еду, скоро буду...

Через десять минут Марк вышел из магазина с пакетом, в котором лежали хлеб, молоко, яблочный пирог, сок и рыбные консервы. По привычке, оставшейся от зимних холодов, Марк натянул на себя объёмный капюшон. Неосторожно ступив в образовавшуюся перед входом первую весеннюю проталину, поскользнулся и пока поправлял продукты в пакете не заметил, как чей-то автомобиль, не рассчитав на подтаявшей дороге скорости, влетел на тротуар.

Всё случилось быстро, Марк даже не успел сообразить, что произошло. Он даже не почувствовал боли.

Мгновенье! И вот он уже смотрит со стороны на своё окровавленное тело. Вдруг становится так легко, так хорошо, как будто давно надо бы было освободиться от чего-то сковывающего, не нужного. Его внезапно охватывает какое-то непомерное счастье, неиссякаемое блаженство.

Люди суетятся там, внизу, а Марку смешно смотреть на

все их бессмысленные действия. «Я не там!» – хочется крикнуть ему, когда его достают из-под обломков машины. «Я здесь...» – думает Марк, и ему, вдруг становится грустно. Он знал, он поверил, что вечная жизнь есть, но он не думал, что вступить в неё предстоит так быстро.

Марк растерян. Все житейские привязанности надо оставить в прошлом. Надеялся через двадцать минут быть дома, завтра – на работе...

Что дальше? Куда теперь?..

– Ты не один!

– Мальчик?..

*Не мальчик, Ангел перед ним ,
– Я здесь! Я рядом, будь смелее!
Я был с тобой и буду впредь,
Я провожу до самой Двери.*

**– А я ведь знаю кто ты,
Ты – Хранитель... Верно? Я ведь верил!
Но как случилось так, скажи,
Что смерти ты меня доверил?**

*– Я был встречен тобой ранним утром,
День тот летний для нас стал рождением,
Помню, пели тогда славно птицы,
Для тебя проводилось крещение.*

*Ты был мал и тогда много плакал,
Но в тебе я был твёрдо уверен,
Ждал я долго, шли годы, однажды,
Понял я, бесполезно терпение.*

*Грех твой первый, внезапный и жалкий,
Я покрыл, сделав просто нечаянным,
Но возвёл ты нечестие в норму,
Мной тогда овладело отчаянье.*

*Видел я, ты не хочешь быть с Богом,
Отстранился, порвав себе душу,
Ты грехами мне связывал крылья,
Я не верил, что больше не нужен.*

*Бился я не с тобой, а с той силой,
Что людей ловит просто сетями,
Над тобой уже пахло могилой,
А ты время губил со страстями.*

– Но постой, стариком тем в больнице...
Был ты? Как и зачем?.. – Так случилось,
*Ты был должен познать запах смерти,
Чтоб душа твоя тем пробудилась.*

*Ты не жил ожиданием вечного,
В суете топил время желаниями,
Между тем, твой исход был уж близко,
Я был должен развеять незнание.*

Жизни дней оставалось немного...

– Подожди, уж не та ли авария...

Прошлогодняя, помнишь?..

Она ведь, всё окончить должна была?

Правда?

-Не правильно!

*Силы злобы тогда поднебесной
На тебя мне права предъявили,
Доказали, живёшь ты нечестно,
Но о том, как всегда, позабыли,
Что срок жизни, отмерянный Богом,
Для тебя до конца весь не вышел,
Это значит, есть время раскаяться,
Покаянный вопль будет услышан.*

*Принял бой я жестокий и страшный,
Но когда вдруг тебя закрутило
На дороге в машине, я понял,
Не справляюсь, утрачены силы.*

– Я в больницу попал, ты же знаешь?

– Знаю, ночью своею рукою,
Я держал тебя, чтобы хирурги
Не ошиблись, склонясь над тобою.

**– Я отделался лишь переломом,
Первым в жизни...**

– Я знаю, я знаю...
Ты не понял, что это знаменье,
Начинается эра иная.

Я теряю в бессилии силы,
А конец твой так близко, так близко!..
Ты ж живёшь, богатея грехами...

– И тогда ты явился мальчишкой?!..

– Да пришёл, ожидая лишь чуда...

– И оно таки всё же случилось!

Я поверил! Там у распятия!

– Ты не знал, но тогда изменилась,
Вся судьба твоя. После причастия,
Тебя ждёт не геенна, а небо.
Ты успел, была боль покаяния.

– А с Маринкой нам ты всё расстроил?

– Знал я всё, что могло совершиться,

*Связь с замуженной – тяжёлое бремя,
Я сумел помешать злу случиться.*

*Я готов двигать стены и камни,
Проливаться дождём, ветром мчаться,
Чтоб душе твоей вечной, прекрасной
Не упасть туда, где не подняться.*

– А я велик возил твой с собою...

Ожидая, когда-нибудь встречи...

*– Я был рядом, был рядом с тобою,
Но тобой я не мог быть замечен.*

*Надо мной потешались и черти,
И другие бесплотные силы,
А я верил в тебя, свято верил,
Знал, что сможешь ещё ты красиво,
Отказать их невиданной власти,
Я дождался, увидел, пришлось им,
Убегать прочь, забрав с собой снасти.*

– А ты помнишь?.. – Я помню...

– И знаешь?.. – Знаю всё, рядом был, всё я видел...

**– Ты прости, своей жизнью, пожалуй,
Я тебя очень сильно обидел...**

– Всё забыто, поверь!

– Слава Богу! И хвала ему в вышних! – И в людях!

– Получается, что мне родней

Тебя нет, да и больше не будет...

Так летели они над Землёю,

Две души вне пространства, вне времени,

Познавая друг друга, беседуя,

Славя жизнь и того, в кого верили.

2019

Путь

Дороги, кто вас придумал? Что вы есть? Вы живительные артерии, покрывающие свою сетью всю поверхность суши Земли. Люди, грузы, вам всё равно, вы принимаете всех и несёте, несёте, несёте... И нет вам числа. Нет, вы не только лишь полоса твёрдого полотна, соединяющая пункт «Б» с пунктом «А», вы нечто большее.

Ты въезжаешь на дорогу, и для тебя начинается совсем иная жизнь. В твоём арсенале лишь то, что догадался взять с собой, твоё время исчисляется теперь не минутами, а километрами, а вокруг тебя такой простор, что захватывает дух, и страшно застрять тут где-нибудь одному в пути, и опасаться сбиться, поэтому то и дело прислушиваешься к ритмичной работе двигателя, к гулу колёс под собой и несёшься, несёшься, несёшься... Твой дом теперь – автомобиль, твой обеденный стол – колени, твои глаза – зеркала бокового вида, твои друзья – навигатор и спидометр. С тобой может произойти всё, что угодно, и невозможно заранее предугадать всего.

Андрей с Ликой выехали ранним утром. Загрузив ещё с вечера всё необходимое, едва забрезжил рассвет, запрыгнули они в автомобиль. Лика впорхнула лёгкая и беззаботная, Андрей сел сосредоточенный и собранный. Путь начался. Замелькала под колёсами разметка дорог. Предстояло про-

ехать больше тысячи километров на юг, а уж там солнце и шум прибоя, и две недели долгожданного беспечного счастья.

Выехав за город, Андрей набрал скорость. Суета улиц осталась позади. Теперь вокруг лишь поля и резвящийся в поспевших колосьях ветер, впереди – море, а наверху небо синее-синее с белыми клубами проплывающих по нему облаков. «Да, такое в городе не увидишь», – подумалось Андрею. Действительно, небо в городе прикрыто громадами зданий за исключением небольших его участков, что пролегают над полосками улиц, да и на те в городе некогда бросить взгляд.

А здесь дышится легко. Даже салонный фильтр автомобиля не способен преградить путь запаху луговых трав, и воздух чистый, бодрящий, несущий в себе будоражащий аромат свободы проникает внутрь и обдувает лицо. Проблемы, заботы остались позади, все они там, в шумном городе, а впереди сладостное время отдыха, лишённое хлопот. Но это потом, а сначала дорога-дорога-дорога...

Время тянется невыносимо долго. Андрей мыслями уже на море. Вот он плывёт по волнам, а вот нежится под солнцем, расположившись на надувном матрасе...

Андрей, смотрит на счётчик километража, увы, не пройдена даже первая сотня километров. Он вздыхает и движется дальше.

Ему вспомнилось, как впервые увидел он море. Это было

их первое путешествие вдвоём с отцом. Был поезд, душный вагон и беспрестанный стук колёс. Более суток ехали они тогда в неведомый пока Андрею край. Отец лишь сказал: «Ты увидишь место, где вода не имеет границ. Представь реку, у которой нет одного берега...». И маленький Андрей пытался представить, а за окном был лишь однообразный пейзаж – поля-деревья-деревья-поля... Наступила ночь, уснули соседи, а Андрей лежал, и ждал, когда же там, в тёмном окне появится вода, и он увидит, как она, не имея краёв, тянется до самого горизонта. Он уснул, а когда проснулся, лучи солнца уже скользили по вагону. Андрей прильнул к окну, там были горы и пальмы, и сразу стало понятно, что состав въезжает в какую-то неведомую иную страну. Поезд поворачивал, и маленький Андрей увидел его хвост и последние вагоны, за ними оставались деревья и поля, а нос поезда был уже за горой в каком-то новом волшебном мире. А уже через пару минут Андрей увидел море. До сих пор свежи в нём его первые впечатления, когда, прижавшись к прохладному стеклу окна, он, замерев, впивается своими глазами в безграничную водную синеву. Море было удивительно! Оно действительно было бескрайним. Глядя на эту лазурную бирюзу, на белые верхушки волн, маленький Андрей понимал, что его ждёт теперь какое-то неведомое пока ему новое счастье. Радость охватила всё его существо. А потом был шум прибоя, крик чаек, солёные брызги волн, забавные прозрачные медузы, шелест гальки под ногами, листья пальм, холод-

ный шипучий лимонад, золотая дорожка на воде от уходящего за безбрежный горизонт солнца. Волны, солнце, шторм, вновь солнце и какая-то нескончаемая сказка... Всё ново, всё радостно, всё красиво. Отдых, рядом отец. Андрей завёл тогда тетрадку и изрисовал всю её картинками волн, закатов, пальм и парящими в полёте чаек...

Лица задремала. Она забавно посапывала во сне, а Андрей вёл автомобиль вперёд и вперёд. За окнами пшеничные поля сменили поля с кукурузой, после них пошли те, на которых наклонили к земле свои отяжелевшие цветы подсолнухи. Редкие деревья мельтешили ветками, и снова поля, поля, поля...

Первая заправка. Пятьдесят литров истрачены. Андрей заправляет полный бак и снова мчит вперёд.

Лица, сладко потянувшись, проснулась.

– Сколько ещё? – спрашивает она, и, получив ответ, снова закрывает глаза.

Устала. Кто она ему? Подруга, девушка, любовница, жена... Да кто их теперь разберёт, эти начинающиеся со случайной встречи и растягивающиеся на годы связи. Андрею с ней хорошо и это главное. Их ждёт солнце, море и самый чудесный месяц лета. Но пока дорога, дорога, дорога...

Первый крупный город. Как же все они похожи один на другой – высокие здания, тесные улицы, развязки дорог, затор.

Сколько радости, когда удаётся вырваться из лап нескон-

чаемых перекрёстков.

Надо перекусить. Андрей останавливается возле одной из дорожных кафешек и будит Лику. Еда проста и вкусна.

Они сидят за столиком возле окна, а за окном проносятся автомобили, автобусы, фуры. Это дорога.

Фото на память и опять в путь. И вот вновь под колёсами мелькает разметка автострады, снова шум ветра, обдувающего лобовое стекло.

Вечер. Наверно, Андрей должен бы чувствовать себя уставшим, но он по-прежнему бодр, лишь немного начинает ныть спина.

Лица рядом, надев наушники, она смотрит кино, Андрей же впивается глазами в дорогу.

Закат. Он случается каждый день, но всегда остаётся совершенно незамеченным в городе. Здесь же, небесный простор сначала окрашивается оранжевым, потом синим, и вот, наконец, огненный диск солнца неспешно касается линии горизонта.

– Лица, смотри, – толкает легонько локтем свою спутницу Андрей.

Лица отрывает взгляд от экрана, смотрит в ту сторону, куда указывает Андрей и на мгновение, Андрей это чувствует, замирает от восторга. Потом она делает фото прямо через запылившееся стекло окна и снова устремляет свой взгляд на экран. Андрей же провожает глазами солнце и только потом вновь набирает скорость.

День близится к концу. Пространство вокруг обволакивает тьма. Зажигаются огни. Дороге всё равно, день ли, ночь ли, движение не прекращается ни на минуту. Последним темнеет небо.

И вот мост. Андрей тихонечко трясёт задремавшую Лику. Та, открыв глаза, радостно прильнув к окну, всматривается вдаль, а там уже виднеется цепочка огней.

– Смотри, смотри, вода! – кричит Лика.

Андрей довольно кивает головой. Дорога взмывает ввысь, а внизу оно – море!

Тысяча километров позади!

Лика, вмиг растеряв свой ночной сон, оживлённо щебечет:

– Смотри, корабли! Я вижу их! Корабли!..

Андрей не должен отвлекаться от дороги, на скорости корабли ему не видны, но он улыбается, радуясь восторгу Лики. Его воображение само рисует ему картины величественно качающихся под огромными пролётами моста суден.

– Волны! Я вижу волны, а вон там уже земля!

Андрей тоже замечает в темноте неясный рельеф желанного полуострова.

Мост остаётся позади, дорога уходит в сторону от моря и теперь его уже не различить во мраке. Лика поудобнее устраивается в кресле, Андрей чувствует, что устал.

Темно. Ночь окончательно вступила в свои права. Последние двести километров пути, как же они тяжелы! Где-то со-

всем рядом плещется желанное море, но до посёлка, где Андрея с Ликой ждёт комната и мягкая постель, ещё далеко.

Дождь настигает неожиданно. Крупные капли одна за другой размеренно падают на лобовое стекло, а потом, всё ускоряясь, начинают шумно барабанить по крыше, и вот уже потоки воды текут по стёклам, заливают зеркала, и это именно тогда, когда предстоит после долгого пути спуск по извилистому серпантину. Лица сонная, растрёпанная растерянно трёт глаза.

Андрей сбрасывает скорость и пытается разглядеть дорогу. Навигатор ведёт под гору, Андрей слушается его, но дороги дальше нет. Вместо неё, размытая полоса грунта и тупик.

Андрей спешит вернуться на шоссе. Остановиться бы где-нибудь, переждать дождь, но обочины нет. Справа – каменный склон горы, который, и Андрей этого очень боится, скоро начнёт размывать дождём, слева – тёмный склон, уходящий куда-то вниз.

Андрею удаётся вручить навигатор перепуганной Лике, чтобы та попыталась проложить новый маршрут, сам же он впивается утомлённым взглядом в дорогу. Машин немного, но, уже через минуту Андрей становится заложником горящих впереди красных огней автомобиля такого же, как он бедолаги, застигнутого ночью грозой. Из-за бесконечных спусков и подъёмов обогнать того, возможности нет. Так и плетутся они вдвоём по этой мокрой, опасной дороге.

Молния, яркая, стремительная, полоснув, озаряет на мгновение небо, а за ней через несколько секунд гремит мощный, раскатистый гром.

Лица нервно терзает навигатор, который то и дело меняет трек. Куда ехать? Ждать времени нет. Очередной съезд, Андрей решается предпринять очередной спуск вниз.

Дорога извилиста и узка. Больше всего Андрей боится сейчас любого встречного автомобиля, им тогда не разминуться. Вокруг темнота. В свете фар видны лишь сомкнувшиеся над крышей тяжёлые ветви деревьев.

Андрей слышит, как Лица начинает тихонько всхлипывать. Андрея это безумно злит, он с трудом сдерживается, чтобы не сорвать на Лице всё своё зло, всё отчаяние. Он устал, он голоден и совершенно не знает, чем окончится их спуск.

Спуск заканчивается внезапно. Андрей упирается колёсами в высокую траву и останавливается где-то посреди кустов. Лица плачет, она просит отвезти её в посёлок. Андрей выходит, льёт дождь, дороги впереди нет. В слабом свете автомобильных огней не видно ничего. Андрей возвращается за руль и вырывает из рук Лицы злосчастный навигатор. Громыкает гром. Лица уже не просто рыдает, у неё истерика, она оскорбляет Андрея и бранится. Ему хочется бросить её прямо здесь и вернуться домой, но он настойчиво мучает злополучное электронное устройство, пока оно, наконец, не выдаёт ему трек до места назначения.

Подниматься тяжело. Скользящая дорога то и дело NOROVIT стянуть автомобиль вниз, Андрей же, надрывая двигатель, пытается выбраться наверх. Поворот, ещё один. Андрей строго следует треку навигатора, но через пять минут понимает, что они совершенно заблудились. Посёлка нет, а вокруг деревья, кусты и, возможно, Андрей опасается этого больше всего, каменистый обрыв. Море, скорее всего, совсем близко, но разве можно что-то различить в такой тьме. Гроза не унимается.

– Лика, я больше не могу, заночуем здесь, – устало проносит Андрей, глуша двигатель.

Испуганная Лика давно уже притихла. Теперь она, торопливо кивая, соглашается с Андреем. Кое-как разложив сиденья, вымокшие, уставшие, голодные, прижавшись друг к другу, они, окончательно вымотанные дорогой, засыпают.

Просыпается Андрей, почувствовав, что вокруг уже светло. Утро. Открыв глаза, он видит, как робкий солнечный луч щекочет щеку Лики, она смешно морщит нос и тоже открывает глаза.

– Дождя нет? – спрашивает она.

– Закончился, – успокаивает её Андрей и открывает дверь.

Дождя как не бывало и случившаяся ночью гроза кажется теперь всего лишь видением дурного сна. Вокруг совершенно сухо. Хорошо.

Выйдя из машины, Андрей с Ликой могут теперь рассмотреть то место, в котором оказались.

– Андрей, смотри! – машет радостно рукой Лика.

Совсем рядом, всего лишь в десятке метров от них плещется вода.

– Море, море! – восторженно кричит Лика.

Через мгновение она уже, сбросив обувь, радостно бежит в пену разбивающейся у её ног волны.

Андрей недоверчиво осматривается.

Повезло, ночью в темноте, он успел вовремя остановить автомобиль. Обрыва нет, есть прекрасный небольшой пологий пляж с мелкой галькой, по бокам которого огромные валуны предваряют уходящие ввысь скалы, образуя уютную бухту. Красиво, пустынно, кругом зелень, дышится легко.

– Андрей, иди ко мне, – зовёт Лика, сбрасывая одежду. – Вода такая тёплая.

Действительно хорошо. Когда Андрей погружается в воду, когда, наконец, чувствует, как плотная тягучая волна обволакивает тело и затем, осторожно покачивая, держит его, он забывает обо всех трудностях вчерашнего дня. Позади дорога, гроза, усталость, голод, а впереди блаженство, тепло и долгожданный отдых. Лика плавает тут же, рядом, она сияет.

– Знаешь, – говорит она, когда они оба, наплававшись вдоволь, выходят на берег. – Давай останемся здесь. Хотя бы на несколько дней...

«А почему бы и не остаться?» – думает Андрей. В машине

есть купленная когда-то по случаю палатка.

Среди багажа отыскивается и сумка с продуктами, про которую вчера, почему-то забыли...

При свете дня теперь отлично просматривается дорога. Трасса осталась там, наверху, и теперь Андрей с Ликой, могут видеть отсюда, снизу, как машины, кажущиеся отсюда просто игрушечными, снуют где-то далеко, среди каменистых скал. Здесь же, внизу спокойно, безлюдно, а рядом, всего в двух шагах, плещется море.

– Давай останемся, – соглашается Андрей, вспоминая, что там, в посёлке, куда они так стремились, море не будет уже так близко. Там будет многолюдно, шумно, дорого, тесно. Здесь же у них своя бухта, до которой они доехали каким-то чудом. Спускаться было тяжело, но зато теперь в их распоряжении своё маленькое уютное место и безграничное море. Вряд ли кто-то в ближайшее время сможет повторить их спуск.

Через полчаса палатка расставлена, багаж разобран, и даже установлена небольшая керосиновая горелка.

– Андрюш, а вода? – растерянно вопрошает Лика, доставая котелок.

Пресной воды с собой нет. Андрей перерывает всю машину и выясняется, что утром ими была осушена последняя бутылка. Есть взятая отпраздновать приезд бутылка вина, есть три ставшие уже тёплыми банки пива, есть полное солёной воды море, но обычная пресная, жизненно необходимая во-

да... Её нет.

– Ничего, – успокаивает, обнимая, Лику, Андрей. – Я съезжу, раздобуду...

– Я с тобой, – порывается Лица.

– А вещи?

Не хочется оставлять Лику тут одну, но и вещи не бро-
сишь. Не запихивать же всё обратно в машину?

– Ну, Малыш, я быстренько, – пытается уговорить Лику Андрей.

Та обиженно надувает губы, но все-таки соглашается остаться.

Андрей достаёт навигатор. До ближайшего посёлка чуть больше десятка километров. Сейчас день, и Андрей надеется, что раздобыть воду большого труда не составит. Есть правда странный участок дороги, который навигатор рисует пунктиром. «Ничего», – думает, заводя двигатель, Андрей. – «Главное добраться до шоссе, а там уж разберёмся...».

– Андрей, вода! Вода! – кричит бегущая к нему Лица.

Андрей не сразу понимает, в чём дело. В руках Лицы бутылка.

– Попробуй, – протягивает она Андрею прозрачную ёмкость.

Андрей отпивает глоток, другой.

– Где ты взяла её, Лица?

– В море... – растерянно отвечает она.

– Лица, не шути. Где ты набрала её? Её много?

– Её, целое море, – смущённо шепчет Лика.

Она хватает его за руку и тянет к морю. Он черпает рукой воду, подносит к губам. Вода, в которой он плавал менее часа назад, солёный вкус которой чувствовал тогда на губах, кристаллики соли от которой ещё осталась на плечах, теперь совершенно чиста.

– Этого не может быть, – бормочет Андрей.

Они с Ликой спешат наполнить водою всю имеющуюся у них посуду.

– Как такое может быть? – спрашивает Лика.

Андрей задумчив.

– Знаешь, – произносит он, наконец, – надо бы хорошенько её прокипятить. Наверно, течение. Скорее всего, принесло воду с какой-нибудь местной впадающей в море реки.

Насколько он помнит, никаких рек поблизости нет, но Лика такой ответ вполне устраивает.

Через полчаса уже готов и обед. Жарко, хочется окунуться. Когда Андрей снова оказывается в воде, та уже опять солёна. «Сменилось течение», – думает Андрей.

Сладок и приятен послеобеденный сон. Андрею снится крик чаек и белая яхта, уходящая в море. Открыв глаза, он видит синее небо, парящих в воздухе чаек, слышит шум подбирающегося прямо к его ногам прибой.

Лика задремала рядом, прямо на камнях. Андрей протягивает руку, что убрать из-под её щеки крупный камень. Камень тяжёл, но странно, он мягок. На секунду, Андрею ка-

жется, что это не увесистый булыжник, а привезённая Ликой подушка. Но нет, это камень. Андрей поражён. Лица открывает глаза, поворачивается и сладко потягивается. Камни под ней сминаются, словно состоят они не из твёрдой породы, а сделаны из мягкой губки. На щеке Лики ни отметины, ни следа...

«Перегрелся», – думает Андрей. Бросает всё ещё находящийся в его руке камень, тот с шумом, падает в воду. «Точно, перегрелся», – повторяет Андрей, спеша укрыться в палатке. – «Уже и галька мне кажется мягкой, потом покажется ещё и твёрдой вода, да что же это такое?»

– Андрей, Андрей! – зовёт его Лица. Испуганно она сжимает ладонями сминающуюся под её пальцами гальку. – Что это? – шепчет она.

– Успокойся, верно, какая-то особенная порода. Становится пластичной, от нагрева, – деловито объясняет Андрей.

– Такое бывает? – недоверчиво спрашивает Лица.

– Бывает, наверно, ты же видишь. Я не физик, – пожимает он плечами, и ему самому от своих слов становится спокойнее.

Мягкими камнями усыпан весь пляж, и Андрей с Ликой ходят теперь повсюду босиком.

Они купаются, заплывают далеко-далеко, качаются на волнах, а вернувшись на берег снова ступают на мягкую, сминающуюся под ногами гальку.

Но безмятежная радость коротка.

– Лика, убери-ка свои вещи в машину, – говорит Андрей, глядя, как на небе начинают сгущаться тучи. Быстро несёт их откуда-то с суши неугомонный ветер. Полчаса и вот уже они окончательно закрывают собою солнце. Ещё немного, и вновь повторится вчерашняя гроза.

«Да что же это такое», – с досадой думает Андрей. – «Вот уже второй день вечером непогода».

А чем заниматься на пляже в грозу? Палатка, конечно, может на первое время укрыться, но что предпринять, когда ночные потоки воды окончательно заливают всё вокруг?

Лика расстроена, Андрей тоже.

Раздаются раскаты грома и вот уже первые капли дождя крупные, тяжёлые шумят листвой деревьев, шелестят каменной породой скал, но пляжа, где находится Андрей, так и не достигают. Вокруг дождь, воздух наполняется сыростью. Андрей вытягивает вперёд руку, но та остаётся суха. Дождь идёт, но вся их бухта ничуть не тронута влагой. Суха галька, суха земля, трава. В небе сверкают молнии, хлещут потоки дождя, а над Андреем и Ликой сухо.

Лика выбирается из палатки.

– Андрей, Андрей, скорее! Смотри! Что это?! – через мгновенье испуганно кричит она.

Андрей срывается с места, бежит к ней по мягкой гальке и устремляет взгляд туда, куда безотрывно смотрит Лика – в небо. Это невероятно. Как будто огромный прозрачный купол накрывает их бухту. Андрей видит, как потоки дождя,

огибая его поверхность снаружи, стекают вниз, оставляя всё сухим внутри.

Андрей хватается Лику за руку.

– Скорее! Собираемся! – командует он.

Лица подчиняется. Спешно принимаются они закидывать в машину вещи. Сумка с провизией, одежда, складные стулья, рюкзак – всё летит в багажник.

«Нет», – думает он. – «Этого мне уже не объяснить». Он смотрит на воздвигнутую над ним сферу купола. Не видно ни её поверхности, ни материала, из которого она сделана, только лишь образующие её струи дождя. «Это аномалия, это невозможно»!

Торопливо Андрей срывает с места палатку, та хрустит, сопротивляется, наконец, кое-как свернув непослушную конструкцию, Андрей и её отправляет в багажник.

– Скорее! – приказывает он.

Лица напуганная, притихшая тут же занимает место в пассажирском кресле.

«Всё, здесь всё не так», – думает Андрей, заводя двигатель. – «Скорее, надо уезжать из этого странного места. В грозу, в темноту, куда угодно, лишь бы оказаться там, где всё привычно и понятно».

Направив свой автомобиль на дорогу, Андрей ведёт его навстречу грозе. Сквозь ветви деревьев виднеется та граница, что отделяет их от дождя. Вот уже явственно видна промокшая земля, заметны струящиеся по ней потоки воды.

Скоро, совсем скоро забарабанят по крыше привычные капли нагрянувшего ливня.

Андрей доезжает до края укрывающего их небесного купола и продолжает свой путь. Двигатель ревёт, но вместо того, чтобы двигаться вперёд, автомобиль устремляется вверх. Впереди облака и серые грозовые тучи, внизу остаются кроны деревьев, полоска пляжа, море, дорога, скала. Где-то сбоку – потоки ливня. Автомобиль движется дальше, поднимаясь при этом всё выше и выше. Лица вопит. Ноги Андрея, кажется, приросли к педалям, а руки мёртвой хваткой впились в руль. Он не в силах передохнуть, боится остановиться и упасть, оказаться внизу, разбиться. Лице так страшно, что она не решается пошевелиться. Они едут дальше. И вот самый верх! Это чудовищно, это необъяснимо! Это пугает, это невероятно и очень красиво! Так совершают, наверно, пилоты свою мёртвую петлю. Тот момент, когда тело вжимается в кресло, сердце бешено стучит от перегрузок, а душа замирает от восторга и счастья. Небо, оно так близко, так прекрасна под ним земля. Тёмная, уставшая от ненастья, она всё равно завораживающе красива.

По невидимой сфере огибают Андрей с Ликой всё небо и спускаются на другую сторону пляжа. Снова под колёсами твёрдая земля. Андрей ведёт автомобиль сквозь кусты, ветви деревьев, вновь оказывается на дороге и снова устремляется вперёд. И опять вместо того, чтобы проехать сквозь небесный купол и оказаться под потоками грозового дождя,

автомобиль взмывает вверх, в небо. Так продолжается от раза к разу. Андрей неутомим, он ищет новые тропинки, иные пути, но каждый раз вместо того, чтобы выехать за пределы невидимой преграды, оказывается наверху. Небо прекрасно, прекрасна и земля, но каждый раз разум бунтует, твердя о том, что всё происходящее невозможно.

Наконец, когда на землю опускаются сумерки, Андрей, обессиленный, уставший, останавливается. Они с Ликой, измученные событиями сегодняшнего дня засыпают прямо в автомобиле, когда же Андрей, пробудившись, открывает глаза, он видит, что, проблуждав в вечерней темноте, они остановились ровно на том же самом месте пляжа, с которого начали свой путь вчера. Уже утро. Небо ясно, и солнечный луч опять скользит по щеке спящей рядом Лики.

Но сегодня они тут не одни. С пляжа вверх уходит дымок костра. Какой-то старичок, сидя прямо на гальке, что-то печёт на углях. Андрей решается подойти.

Тихонько прикрыв за собою дверь, так, чтобы не разбудить Лику, Андрей выбирается наружу.

На костре у старичка на прутьях-палочках жарятся две рыбки. Пахнет так вкусно, что у Андрея начинает ныть пустой со вчерашнего дня желудок.

– Подкрепись, дружок, бери, подкрепись, – торопливо снимает одну из рыбок старичок, завидев Андрея.

Седая борода, добрые светлые глаза, взгляд которых сохранил в себе ещё задор былой молодости.

Он протягивает Андрею рыбу, Андрей берёт и ест. Рыбка вкусна.

– Я думал, мы тут одни. Вы из посёлка? – принимается расспрашивать, жуя Андрей.

– Рыбачил здесь на заре, – объясняет старик.

Андрей замечает стоящую неподалёку лодку.

– И как, много здесь рыбы? – продолжает Андрей, отправляя хрустящий кусочек в рот.

– Бывает, сегодня неплохой клёв, – добродушно отвечает, чуть растягивая слова, рыбак.

– Андрей, вытерев об штаны ладонь, протягивает руку старику, представляясь – Андрей.

– И я Андрей, – отвечает тот, и улыбаясь, жмёт Андрею руку.

– Значит тёзки. Часто тут рыбачите?

– Бывает, но не так часто, как хотелось бы.

– Понимаю, мы тоже нечасто выбираемся на природу. Хотели две недели провести на море, а тут такая погода, два дня идут дожди.

– Только вечером дождь, – отвечает старик. – Днём хорошо.

– Днём хорошо, – соглашается Андрей. – А вы местный?

– Нет, приплываю сюда иногда, – отвечает, подрумянивая вторую рыбку старик.

– Жаль, а то бы рассказали мне про погоду. Всегда тут так? Днём солнечно, а вечером... – Андрей, хотел было за-

икнуться о небесном куполе, но осёкся. – А вечером грозы.

– Не всегда, – отвечает Старик. – И галька не всегда мягкая, и морская вода обычно не пресная, а солёная.

– Так вы тоже заметили? – оживился Андрей. – Вы тоже замечаете, что тут что-то странное...

– Чего ж странного? – вопрошает старик. – Обычное изменение свойств вещества.

– А вы что, физик? – удивляется Андрей, продолжая один за другим поглощать кусочки, которые отламывает от своей поджаристой, аппетитной рыбки.

– Я рыбак, – отвечает старик. – Но в том, что вещества изменяют свои свойства, нет ничего странного. Я видел однажды такое «чудо» – учитель мой шёл по воде...

– Здесь?

– Нет, далеко отсюда...

– Он был йог что ли? – продолжая жевать, деловито спрашивает Андрей.

– Нет, он был и есть Бог...

– Ну, скажите тоже... Бог! – негодуя, прерывает свою трапезу Андрей. – Я уж подумал, что вы физик, а вы мне про Бога.

– А что же Бог, вы полагаете, к физике никакого отношения не имеет? Он этот мир создал, в его руках физические законы.

– Вот именно, это законы, они неизменны!

– Вы сейчас видно вспоминаете тот разговор, что состо-

ялся у вас перед поездкой? – улыбаясь, напомнил рыбак Андрею недавний спорт того в компании друзей.

– Да, я тогда и сейчас утверждаю, что Бог и религия неприемлемы для современного образованного человека! – воскликнул, сильно удивившись тому, что о той беседе знает этот старик. – Тогда был мне приведён пример с хождением Христа по воде и никто, заметьте, никто мне тогда вразумительного объяснения этому факту не дал...

– То есть вы полагаете, что личность, создавшая вселенную, установившая физические законы для её порядка, во-первых, не может их менять, а, во-вторых, позволила людям познать абсолютно всё о природе веществ? Но, друг мой, это по меньшей мере неразумно.

– Мы без всякого Бога открыли законы квантовой механики и ядерной физики, – начинает злиться Андрей.

– Бог открывает знания только совершенным личностям, знающим, что есть добро, и что есть зло, чтобы использовали люди свои знания во благо, а не во вред себе. Но люди таковыми совершенными, увы, не являются. Вы не видите всей картины мира и потому не знаете всех возможностей материи.

– Ерунда какая-то! Вы сами-то кто? Вы видели, как кто-то ходил по воде?

– Я видел и брат мой, и ещё десятеро...

– А я вот нет! Я не видел! И всему тому, что происходит здесь, есть, должно быть, научное объяснение... И даже если

его нет, значит надо изучать каждое явление, и объяснение найдётся.

– Не найдётся, это вера... – возразил рыбак. – Я был свидетелем, по меньшей мере, трёх чудес – хождение по водам, умножение хлебов, усмирение бури – и объяснение им даже ваша современная наука не дала и не даст. От людей будет всегда что-то сокрыто, потому что Богу нужна от людей вера – осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом.

– Вы просто видели здесь то же, что и я, и также, как и я, не можете объяснить увиденных явлений, поэтому и приплетаете Бога. Бог всегда появляется в разговорах людей, когда они сталкиваются с тем, чего пока не знают... – раздосадованно сказал Андрей, доедая свою рыбу. – Никакого Бога нет...

– Вы так полагаете?

– Я в этом уверен, вот в чём моя вера! Я реалист и материалист, я не верю в то, что невидимо. Я видел здесь чудеса природы, но я уверен, что, если учёные займутся изучением этих явлений, им найдётся простое и разумное объяснение.

Рыбак нахмурился.

– Ну надо же, похоже, опять будет дождь, – огорчённо произнёс Андрей, взглянув на сгущающиеся на небе тучи.

– Не будет, – успокоил старик, направив взгляд вверх.

Несколько секунд его пристального взгляда и тучи, словно от невидимого выстрела в их центр, разлетаются в стороны. И вот уже снова небо чисто, снова солнце.

– Ветер, воздушные потоки, – отвечает Андрей. – А Бога

нет. Пока своими глазами не увижу его, не поверю... А все эти штуки, что здесь происходят, я уверен, с научной точки зрения, вполне объяснимы.

– Да уж... «Пока не вложу перста моего в раны от гвоздей... Не поверю», – вздыхает рыбак. – Вот уж воистину блаженны невидящие, но уверовавшие...

– Это вы про что? – спрашивает Андрей.

Рыбак в ответ лишь качает головой.

– Вы не замечаете присутствие Бога в вашей жизни, потому что хотите сначала его понять человеческим материалистическим умом, а Он ведь всегда рядом. Будьте осторожны, постарайтесь, чтобы Он от вас не отвернулся... а мне пора.

Рыбак поднялся и заковылял к своей лодке. Сутулая спина, крепкие руки. В лодке весла, сложенные наподобие буквы «Х» крестом.

– Если и мёртвые восстанут, не поверят... – бормочет себе под нос он.

– Э... А рыба? – окликнул Андрей уходящего старика, заметив, что на затухшем костре осталась вторая аппетитная рыбёшка.

Тот обернулся.

– Нет, нет... Это вам. Ваша спутница, наверняка, проснётся голодной, – поспешил ответить тот, берясь за вёсла.

«Странный какой-то?» – подумал Андрей, снова отламывая кусок от своей рыбы. – «И слова странные. Одним словом – Старик».

А рыбка вкусна. Андрей отламывает кусок за куском от своей рыбы, удивляясь тому, что та никак не заканчивается.

Ли́ка просыпается не в духе. От неудобной позы во время сна у неё разболелась спина. Завтрак из той рыбы, что испёк старик, она назвала невкусным, а к обеду выясняется, что у Андрея с Ликой закончилась пресная вода. Ли́ка начинает твердить о том, что надо перебираться в посёлок, в бухте ей надоело, Андрей же боится, что и сегодня им не миновать помех на дороге отсюда. Об этом он, разумеется, молчит, но всячески медлит с отъездом, чем окончательно выводит Ли́ку из себя. Странно видеть, как она измученная, беспомощная, пытается ругаться с Андреем. Наконец, перепроверив в десятый раз все сложенные в машину вещи, несколько раз искупавшись и обсохнув, Андрей не находит больше уже предлогов, чтобы не тронуться в путь.

Как ни странно, ту черту, которую не могли они преодолеть вчера во время дождя, сегодня автомобиль пересекает без всяких хлопот. Уже через десять минут Андрей с Ликой на трассе, а ещё через десять – они въезжают в посёлок.

Жильё, которое они планировали снять, занято и Андрею приходится ещё два часа колесить по посёлку, чтобы найти мало-мальски приемлемую квартиру. Наконец, устав, заплатив втридорога за номер в какой-то гостинице, которая, вопреки обещаниям хозяев, оказалась довольно далеко от моря, Андрей и Ли́ка все десять последующих дней вынуждены проделывать получасовой путь по скалистому обрыву, что-

бы оказаться на пляже.

Море ежедневно штормит. Казалось, погода в этом году решила сыграть над отдыхающими злую шутку. Ветер и постоянные дожди заставляют приехавших на курорт надеть куртки. Иногда солнце всё же появлялось на небе, разгоняя тучи, и в такие дни Андрей с Ликой сидят на берегу, вглядываясь в небо.

– Бывает... – разводят руками местные, когда их спрашивали про погоду.

В день отъезда сгон верхних слоёв сделал воду в море ледяной.

Уезжали Андрей и Лика с досадным разочарованием. Страх от неизъяснимых явлений в бухте забылся и те два дня, что провели они на том уединённом пляже, вспоминались теперь, как лучшее время отпуска.

Домой! И вот снова дорога, вновь гул колёс. Без особой радости, но и без сильного сожаления покидают Андрей с Ликой посёлок.

Двести километров и море уже остаётся где-то далеко, ещё сто – и уже ничто не напоминает о нём. Тянутся за окном бескрайние пашни. Изредка, бывает, мелькнёт река, да какая-нибудь деревушка.

Лика, надев наушники, включает планшет.

Андрей вглядывается в дорогу. Почему-то вспоминается рыбак-старик. «Станный он», – думает Андрей, – «Говорил так, как будто существование Бога для него не требует дока-

зательств. Почему? Неужели он никогда не сомневался? И эта его фраза... «Смотрите, чтобы Бог от вас не отвернулся». Сколько лет живу без Бога и ничего, жив, здоров...»

И тут... То, что с двигателем что-то неладно Андрей почувствовал сразу. Исчезла ритмичность, упала мощность, а ещё через пять секунд «умный» автомобиль выдал на экран предупреждение и рекомендацию на иностранном языке отправиться в сервис. Андрею пришлось сбросить скорость, свернуть на обочину и встать. Лица удивлённо смотрит на него, когда он, переворачивая всё, ищет среди вещей инструкцию к автомобилю. Код предупреждения говорит о том, что есть какая-то неисправность в топливной системе. Андрей выходит наружу и открывается капот. Что он мог там увидеть? Всё на месте, всё как обычно.

Андрей завёл двигатель, тронулся и понял, что не проедет и сотни метров. Двигатель захлёбываясь, чихает.

– Что нам делать? – захныкала Лица.

Гневный взгляд Андрея заставил её притихнуть. Андрей же в душе паниковал. Что с автомобилем, он не знал. Друзья-автомобилисты далеко. Звонки им не прояснили ничего, их советы сводились к одному – доберись как-нибудь до ближайшего сервиса.

Оставив Лику в машине, Андрей вышел на шоссе. За два часа, что он голосовал, ни один автомобиль так и не остановился. Как такое могло быть? Все спешили куда-то, проносились мимо, и не нашлось никого, кто вызвался бы по-

мочь. Никого... Андрей вернулся в машину и открыл карту. До ближайшего населённого пункта далеко. Вокруг лишь поля. Связь плохая, интернета нет. Начинало смеркаться.

Побросав лишь самые необходимые вещи в рюкзак, взяв за руку Лику, закрыв автомобиль, Андрей отправился по обочине шоссе к ближайшей заправке. Там он надеялся найти хоть кого-нибудь, кто мог бы помочь. Когда Лика поняла, куда они направляются, она принялась ругаться. Она припомнила Андрею всё – все их заключения, заявила об испорченном отпуске и даже вменила Андрею в вину, преследующую их все последние две недели непогоду. Андрей сначала пытался на её слова не отвечать, но когда Лика принялась браниться и обзывать, он бросил её руку и зашагал вперёд один. Лика догнала его минут через десять. Притихшая, она пыталась от него не отставать. Только сейчас Андрей заметил, что на ногах у неё пляжные сланцы, в которых идти по усыпанной гравием обочине тяжело. Андрей покачал головой и пожалел, что не проследил, чтобы она надела в путь кроссовки. Автомобиль был уже далеко, к нему не вернуться. Пришлось снова взять Лику за руку и вести её за собой.

Андрей шёл и думал, как могло случиться, что автомобиль, которому и нет трёх лет, поломался, да ещё и как назло там, где нет даже приличной связи.

До заправки они дошли, когда уже совсем стемнело. Вспыхнувший яркими огнями этот островок цивилизации показался настоящим раем.

Андрей тут же кинулся искать подмогу. Выведав, наконец, всё, что ему было нужно, договорившись с местными, что те добросят их с Ликой до ближайшей деревни, где, по их словам, был какой-то автосервис, Андрей огляделся и увидел, что Лики поблизости нет. Куда она могла деться? Признаться, сначала Андрей подумал, что она бродит где-то рядом, но, когда она не появилась ни через пять, ни через десять минут, он забеспокоился.

Андрей оббежал всю заправку, просмотрел все столики в кафе, зашёл в магазин, снова оббежал заправку, проверил все туалетные комнаты, вновь обошёл магазин и кафе, но Ликку так и не нашёл.

Лика пропала, растворилась... Расспросы о Лике не дали никакого результата, никто её не видел, она исчезла. Андрей пытался звонить, но связи в этом Богом забытом месте не было. Попутчики, пообещавшие добросить до деревни, торопили его, собираясь уезжать, а Лика исчезла. Кто-то предположил, что она могла сесть в заехавший на заправку минут пять назад автобус. Андрей, уставший, измученный, как ни странно в это поверил. Он сел в автомобиль к своим новым знакомым в надежде догнать автобус на дороге.

Никакого автобуса на дороге они так и не повстречали. Через двадцать минут машина, на заднем сиденье которой ехал теперь Андрей, свернула с шоссе под указатель деревни, названия которой Андрей в темноте не разобрал. Колеса между покрытых мраком полей, под шлепки разбивающих-

ся о лобовое стекло летящих на свет фар насекомых Андрей сидел и думал, как случилось, что за каких-то три часа он лишился того, что никак не ожидал потерять. Автомобиль его стоит сейчас где-то далеко на дороге, Ли́ка исчезла. При-скорбно было осознавать, что у Ли́ки в сумке остались и все их наличные деньги, Андрей пошарил в кармане и обнаружил у себя лишь несколько сотен, большую часть из которых пришлось отдать тем ребятам, которые привезли его в село.

Здесь была связь. Первым делом Андрей принялся набирать номер Ли́ки, но её телефон был отключён. Она была вне зоны действия сети.

Автосервис, возле которого высадили Андрея, был уже закрыт, да Андрею сейчас было не до него. Ему надо было найти Ли́ку. Андрей бросился разыскивать полицейский участок. Должен же быть в этом себе хоть кто-то из представителей правопорядка! Улицы были совершенно пусты. Андрей блуждал в надежде повстречать хоть кого-нибудь из жителей, пока, наконец, не догадался просто постучать в один из домов. Выглянувшая из окна встревоженная грузная женщина, узнав, что ему нужно, попыталась объяснить путь до полиции, называя при этом ориентиры, которых Андрей совершенно не знал. Наконец, Андрей, поблагодарив женщину, просто пошел в том направлении, в котором та махнула рукой.

Было темно, Андрея знобило, он чувствовал, что заболевает. Одолевала слабость, кости охватывала ломота, мышцы

болели. Он был один. И тут, в темноте, теряя последние надежды на помощь, в полубреду, или же напротив, чувствуя обострённую чёткость сознания, Андрей вдруг ясно осознал, что Бог есть. Он существует. Тот рыбак, что говорил с ним в бухте, предупреждал не зря. Сейчас Андрей понял слова старика: «постарайтесь, чтобы Он от вас не отвернулся...». Вот оно объяснение, Бог отвернулся. Как? Как могло случиться, что столько злоключений навалились вот так сразу? Бог отвернулся... Иначе как?..

Андрей споткнулся, порвал об острый камень кроссовку. Начал накрапывать дождь, совсем небольшой, но почему-то на земле тут же образовались лужи. В порванной кроссовке захлюпала вода. Андрею было плохо. Разболелось горло, тело ныло, горела голова. «Да помоги же мне, Господи! Помоги!» – взмолился Андрей. Так он брёл, повторяя: «Не отворачивайся, помоги!», пока не уткнулся в Храм. Тот стоял, величаво возвышаясь над сельскими домами, блестя в ночи своими куполами, устремляя в небо золото крестов. Андрей поднял руку, неумело перекрестился, сказал: «Верю в Тебя!» и постучался ослабшей рукой в первый же стоящий на углу дом. Там отворили, почти ничего не спрашивая, провели внутрь, дали сухой одежды, напоили чаем и уложили в постель. Андрей даже толком не разглядел хозяев дома. Как только голова его коснулась подушки, он как будто провалился, сознание его отключилось, он уснул.

Спал Андрей долго, без снов, крепко, а проснулся от тёп-

лого прикосновения луча солнца.

– Ну как себя чувствуешь? – спросила хозяйка, женщина лет пятидесяти, и пригласила Андрея за стол.

Чувствовал себя Андрей отдохнувшим, бодрым. Горло прошло, температура спала.

– Это всё травки, – приговаривала хозяйка, подливая Андрею чай. – У нас тут у всех травы, сами собираем, от простуды, от любой хвори помогают, отпоили тебя вчера...

«Как же, травы», – думал Андрей. – «Не помоги бы ваши травы, если бы не Бог...»

– Э, Тёть Марусь, постояльца ночью не брали? – слышался голос из-за окна.

– Как же не брали, вот он, – ответила женщина, впуская в дом вчерашних попутчиков Андрея.

– Так и знали, дружище, что ты где-то здесь. У нас все тут возле храма оседают, – вваливаясь в комнату, затараторили вчерашние ребята. – А мы как тебя высадили, поехали Мишку искать, сервис то он закрыл, за это время ты делся куда-то. Зато вот, смотри!

Они, довольные, поволокли Андрея к окну. Андрей ахнул. Ребята довольно переглянулись.

– Твой красавчик?

– Мой, – пробормотал Андрей, глядя на свой автомобиль.

– Он там так и стоял на дороге, мы его быстро отыскали, да эвакуатором с Мишкой привезли. Пойдём, показывай, что там с ним не так!

Андрей готов был петь от радости, оказавшись вновь на водительском кресле своей машины. «Господи, благодарю! Благодарю, Господи! Знаю, что это Ты... Ты послал этих людей мне в помощь».

– Давай, заводи, – деловито сказал тот, кого все называли Мишкой.

Андрей послушался, и повернул ключ. Раздался ровный звук двигателя, ритмичный и чёткий, Андрей проехался, остановился, заглушил двигатель, снова завёлся, опять заглушил. Двигатель работал исправно.

– Бывает, – развёл руками Мишка. – Техника импортная, чувствительная...

«Господи, благодарю тебя!» – твердил про себя Андрей.

– Ну и слава Богу! – перекрестила машину Андрея выглянувшая из окна Тётя Маруся.

На дороге поднялась пыль и вот уже автомобиль, старенький, потрёпанный остановился возле ребят. Из него к Андрею выскочила Ли́ка. Она принялась сначала своими маленькими кулачками дубасить Андрея, а потом прижалась и заплакала.

– Ты что же это девчонку на стоянке бросил, – раздался из машины голос коренастого мужичка. – Она у нас всю ночь в подсобке провела. Хорошо мы вспомнили, что ты с Яшкой и Данькой в деревню поехал, а так куда ей деваться без тебя?

Андрей целовал Лику и сам чуть не плакал.

– Ли́ка, девочка моя, ну как же так? – гладил он её по

голове. – Я же искал тебя, где же ты была?

– Да у нас она была, на заправке. И как вы там потерялись, ума не приложу... – качал головой мужичок.

«Господи, Слава тебе! Благодарю тебя!» – уже никого не опасаясь, вслух говорил Андрей.

А потом все разъехались, а Андрей с Ликой пошли пить чай с пряниками к растроганной до слез их встречей Тёте Марусе.

– Тётъ Марусь, а что храм то ваш открыт? – спросил Андрей, допивая вторую чашку чая.

– А чего ж ему быть закрытым? – ответила женщина. – Открыт, конечно, день же. И Батюшка, наверняка, там. Вон видишь, его мотоцикл стоит у ворот.

– Пойду, зайду, надо мне, – сказал Андрей, вставая.

– Я с тобой, – сорвалась с места Лика.

– Идите, детки, сходите, – перекрестила их Тётя Маруся.

Вышли, и вот уж двор Храма. Двери открыты, чуть помявшись на пороге, Андрей решительно зашёл внутрь. За ним прошмыгнула в дверь Лика.

Внутри тихо, спокойно светло, горят немногочисленные свечи.

– Простите, вы Батюшка? – обратился Андрей к человеку в длинной чёрной рясе, сколачивающим стоящую у стены разохшуюся от времени скамейку.

– Я, – ответил тот, поднимаясь и вытирая чистым платком руки.

– Я к вам, мне креститься надо, – выпалил Андрей.

– Вот как, – чуть приподнял священник брови. – Дело хорошее, вот так прямо сразу и креститься? А о Боге вы что-нибудь знаете?

– Знаю, – снова выпалил Андрей.

– И что же?

– Что он есть!

И боясь, что священник откажет, Андрей залепетал:

– Я теперь точно знаю, что он есть! Он со мной, он не отвернулся... Я раньше полагал, что его нет, а он есть!..

– В Христа веруете? – спросил священник.

– Верую.

– Ну, пойдём.

Обряд крещения священник провёл по всем правилам. Лица, притихшая, серьёзная, покрыв голову взятым у входа в храм платком, стояла рядом молчаливо и торжественно.

«Место крещения: Храм Андрея Первозванного...» – прочёл на выданном ему после крещения свидетельстве Андрей. «Тоже Андрей» – подумалось ему и как-то стало тепло на сердце от таких совпадений. Андрей поднял взгляд на иконостас и обомлел. Там с иконы смотрел на него тот самый рыбак-старик, что угощал его рыбой в необычной бухте.

– Батюшка, Батюшка! Кто это? – обратился Андрей к успевшему уже отойти от него священнику.

– Это Святой апостол Андрей Первозванный в честь которого освящён наш храм...

В том, что это был тот самый рыбак, Андрей не сомневался. Даже крест позади Андрея-рыбака на иконе был сложен так же, как тогда в их встречу весла у лодки.

– Знаете... – заминаясь, начал Андрей. – А ведь видел его. Недавно... Две недели назад, в бухте, он ловил рыбу...

– Ну, правильно, он же до того, как стал апостолом, был рыбаком, – даже не поведя бровью, ответил священник.

– Мы с ним беседовали, вот прямо так же, как с вами сейчас...

– Как замечательно, и о чём же? – заинтересовался священник.

– Да о разном... О Боге, о материи, о чудесах. Там в бухте происходило что-то странное, а он сказал мне, что был свидетелем и других чудес...

– Усмирение Христом бури или иными словами – управление физическими процессами, умножение им хлебов – изменение количества материи и хождения Спасителя по водам – изменение свойств материи...

– А откуда вы знаете? – удивился Андрей.

Священник улыбнулся.

– Это евангельские события, – ответил он. – Апостол Андрей, рыбак, брат Апостола Петра. Вместе с ним ходил он за Господом нашим Иисусом Христом.

«Брат мой, и ещё десятеро...», – тут же вспомнилась Андрею сказанная стариком фраза.

– Выходит, вы очень ценны вы для Бога, раз прислал он к

вам одного из своих Апостолов, – заметил священник.

«Неужели сам апостол! Пришёл и говорил, и угощал рыбой, и так всё было просто...» – думал Андрей, покупая в церковной лавке Новый завет.

Пообещав Батюшке в ближайшее же время исповедаться и причаститься, Андрей вышел наружу с поблёскивающим на груди крестиком.

– Ну вот и всё, теперь домой, – сказал он Лике.

Та в ответ кивнула.

И снова дорога, снова мелькает разметка, снова монотонный гул колёс...

Дороги, дороги, кто вас придумал? Кто проложил те пути, что соединяют пункты назначения между собой.

Какое счастье – слышать ритмичную работу двигателя, чувствовать, что Лика рядом, вот она сидит сбоку и держит, не решаясь положить к другим вещам, большую новенькую икону, а с неё смотрит тот самый старик, что встретился Андрею всего две недели назад.

«Господи, прости и благодарю!» – повторяет про себя Андрей. – «Я искал не там, не там... Я хотел постичь Твоё существование умом, увидеть глазами, доказать Твоё существование с помощью физических законов. Глупец! А надо было всего лишь позвать... Просто позвать, обратиться и получить помощь, и каждый такой ответ будет отныне радостью отзываться в сердце. Нет, не радостью исполнения задуманного, а радостью ощущения того, что Ты не отвернулся, Ты

рядом!»

Автомобиль нёсся вперёд.

«Ох, рыбак-рыбак, знал ты, как забросить удочку», – думал Андрей, вспоминая свой разговор с тёзкой. – «Одной своей фразой «постарайтесь, чтобы Он от вас не отвернулся...» в один миг превратил ты абстрактного Бога в личность».

Андрей потрогал на груди металлический крестик.

«Не оставь меня, Господи! Не отворачивайся от меня!»

Да, пока Андрей уверовал из страха в момент беды, но он чувствовал, что в его душе страх перед силой Бога уже сменяет благодарность и любовь.

Впереди дом, под ногами дорога, а вокруг такой простор, от которого захватывает дух!..

«Слава Тебе, явившему непостижимую силу в законах вселенной, вся природа полна законов Твоего бытия.

Слава Тебе за всё открытое нам по благодати Твоей; Слава Тебе за то, что Ты сокрыл по мудрости Твоей.»

(Из Икоса 7 Акафиста «Слава Богу за всё»).

2020

Поклонись мне

Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. (Бытие 3:1)

Смеркалось. Эмиль поспешил примкнуть к стоявшей на тротуаре толпе.

Он знал, для чего собрались здесь все эти люди и сейчас сожалел лишь о том, что не решился улизнуть с работы пораньше, чтобы быть теперь хотя бы немного ближе к началу этой многочисленной очереди. «Хорошо, что хоть догадался заранее собрать сумку», – ругал себя он.

Эмиль встал в самый конец цепочки собравшихся людей.

Всё. Теперь и у него здесь есть своё законное место. Через минуту за ним уже выстроилось несколько человек. Теперь он не был последним, очередь продолжала удлиняться.

Эмиль, кусая губы, продолжал корить себя за то, что не пришёл сюда раньше. Надо было бы сорваться с работы, сорвать начальнику, что заболел, и бежать сюда.

Людей в очереди было много. Эмиль, боясь сойти со своего места, вытянул шею и посмотрел вперёд. Беглый взгляд, брошенный им на толпу, подсказывал, что перед ним стоит не меньше полусотни человек. Это много, очень много! Эмиль, снова с досадой закусил губу, боль была ощутима, но Эмиль заслужил её. Он злился на себя, на свою нерасто-

ропность, на свою глупость! Он же знал, что интерес к событию, ради которого выстраивается эта очередь, будет велик, и всё-таки позволил себя замешкаться. Не смог верно оценить ситуацию. И что теперь? Перед ним больше полусотни человек, и все они – его прямые конкуренты. Стоило прийти пораньше, и нынешней проблемы бы не существовало. Но в какое же время начала стекаться сюда эта толпа?

Эмиль достал смартфон и судорожно принялся просматривать сообщения сети. И как он не заметил? Посты в соцсетях от тех, кто уже занял место в очереди, появились более двенадцати часов назад. Первый человек встал сюда ещё в 5.25 утра, об этом Эмиль знал. Но разве можно ориентироваться на первого? Всегда находятся такие люди, которые делают что-то первыми. Как им это удаётся? Да кто их знает. Это не значит ничего. За первым далеко не всегда сразу же появляется второй.

«Стою за Ботми-3», «Ура! Я в очереди Ботми-3» – пестрели посты с фотографиями счастливых лиц.

Просмотрев сообщения, Эмиль понял, что основная масса людей добавилась к очереди всего пару часов назад, и вот это было обидно. Проклятая работа! Если бы не она, Эмиль ещё бы днём был здесь и занимал бы сейчас место в первой десятке. Эмиль снова со злостью закусил губу. «Больно? Ну и поделом тебе!..» – прошептал он себе под нос.

Между тем, на улице зажглись огни. Они включились как-то все и сразу, их свет на фоне бледнеющего уличного пей-

зажа был предвестником неумолимо приближающейся темноты.

Надо было устраиваться на ночлег. Эмиль осмотрелся. Нечего было и думать о том, чтобы провести всю эту ночь на ногах. Здесь, в этой очереди Эмилю предстояло провести ещё весь завтрашний день. Ложиться нельзя – разгонит полиция, сходить с места тоже нельзя – тут же потеряешь своё место в очереди. Эмиль поставил свою объёмную сумку на тротуар и достал оттуда миниатюрный раскладной стул. Он уже имел опыт участия в подобных «мероприятиях» и хорошо знал, что может понадобиться человеку, решающемуся отстоять очередь за новым гаджетом.

Когда вышел Ботми-2, Эмиль стоял за ним трое суток. Теперь будет проще, стоять ему всего лишь сутки. Правда, в этот раз новый Ботми-3 пока можно будет не купить, а всего лишь подержать в руках и немного протестировать, но и этого будет достаточно для того, чтобы написать обзор, который из-за невероятного интереса к Ботми-3, обязательно займёт лидирующие позиции в сети. Спрос обещает быть невероятным. Эмиль не знал, сколько будет отведено ему времени на знакомство с очередным Ботми, но надеялся успеть отснять достойный ролик об этом для своего блога, ради этого он и пришёл сюда, и будет стоять здесь всю ночь и весь завтрашний день.

Завтра в двадцать один час официальный салон фирмы «Серпент» откроет свои двери тем, кто, отстояв вот эту са-

мую очередь, станет счастливым, взявшим в свои руки раньше всех прочих, пусть и на короткое время, новенький Ботми-3.

Новость о выходе очередного Ботми была пущена в сеть ещё полгода назад и с тех пор вокруг этого события не угасала шумиха. Всеобщий интерес подогревался тем, что «Серпент» на этот раз не стала выпускать полный анонс, а лишь изредка кидала пользователям некоторые факты, которые порождали ещё большие слухи о новом устройстве. Поэтому, когда, наконец, стало известно о таком событии, как предварительная презентация для желающих, сеть загудела. Эмиль, как истинный блогер, не мог не воспользоваться таким случаем.

Эмиль, безусловно, совершил сегодня досадную оплошность, не поспешив занять более выгодное место в очереди, теперь его ролик будет, в лучшем случае, двадцатым или тридцатым среди тех, что появятся в сети, но оставалась ещё надежда, перекупить место у тех, кто стоит впереди. Деньги для этого у Эмиля имелись. Однако, прежде, чем выложить немалую сумму, надо было оценить возможных конкурентов. Эмиль принялся рыскать по сети, благо его Ботми-2 был отлично заточен под подобные поисковые задачи.

По тэгу #стоювочередизаБотми-3 тут же отыскивались конкуренты Эмиля. Некоторых из них он знал. Десяток человек стоит в этой очереди просто из спортивного азарта, ещё пара десятков будут продавать свои места, человек пятнадцать –

истинные фанаты «Серпент», мечтающие подержать в руках новый гаджет, остальные же, как и Эмиль, готовятся сделать репортаж о новом Ботми-3 и тем самым повысить свою популярность в сети. Среди них, что очень порадовало Эмиля, блогеров с количеством подписчиков больше, чем у него, пока не было.

Сидя на маленьком складном стульчике, в окружении темноты, устремив взгляд в озаряющий лицо бледным светом смартфон, нервно перебирая пальцами электронные страницы, Эмиль вглядывался в аватарки тех, кто стоял сейчас где-то рядом с ним в очереди за Ботми-3. Он вчитывался в блоги конкурентов, стараясь изучить характер каждого из них, силится понять, кто представляет для него опасность.

Окончательно стемнело. Бледный свет фонарей не в силах был вернуть пространству прежний вид. Всё стало неясным, исчезли цвета, а толпа людей впереди и позади Эмиля стала лишь скопищем тёмных силуэтов. Начиналось любимое время суток Эмиля – ночь. Если день сковывал Эмиля по рукам и ногам грузом долга и обременительных обязанностей, то ночь делала его по-настоящему свободным. Ночью Эмиль был предоставлен сам себе, это означало, что можно беспрепятственно погрузиться в дебри сети. Эмиль не опасался того, что в эту ночь ему будет скучно. Имея в руках Ботми, можно было не волноваться о собственном времяпрепровождении. Беспокоило другое – хватит ли энергетика для себя и аккумуляторов для Ботми. Эмиль покосился

на свою увесистую сумку и успокоился. К суткам без сна он был готов.

Ночь – благодатное время для всех тех, чьи интересы принадлежат глобальной сети. Все самые интересные посты появляются ночью. День окончен, начинается жизнь под покровом тьмы. Именно сейчас будут опубликованы самые откровенные посты, размещены самые провокационные фото. Многие из них не продержатся в сети до утра и будут безжалостно удалены цензурой, но Эмиль успеет прочитать всё. Ночь – время работы самых отвязных личностей. Эмиль тоже будет писать. Будет сочинять новые посты и читать то, что пишут другие. Он будет всю ночь выкладывать в сеть информацию о собственном стоянии в очереди и делать фото. Его подписчики вместе с ним дождутся завтрашнего вечера и тогда, одними из первых, увидят новый Ботми-3.

Эмиль будет писать... Он подсчитал, что через полгода число его подписчиков станет таковым, что он сможет жить за счёт блогерства и, наконец, бросит нынешнюю работу. Он будет заниматься только тем, что ему интересно, он станет охотником за впечатлениями. Он будет выкладывать посты обо всём, будет пробовать всё, бывать везде и станет одним из самых уважаемых людей, он будет профессиональным блогером. С его мнением будут считаться, его слов – слушаться. Эмиль будет писать то, что ему захочется, и его мысли будут приниматься, как истина. Пока же он вынужден идти на поводу у своих подписчиков и выкладывать те по-

сты, которые они хотят видеть. Поэтому-то он и будет стоять в этой очереди целые сутки, чтобы когда-нибудь потом стать свободным...

Эмиль выбрал поудачней ракурс и сфотографировался на фоне улицы с толпящимися в очереди людьми. Используя для обработки свой уникальный пресет, он быстренько выложил фото на всех своих страницах в социальных сетях. Тэґ для всех был одинаков – #стоювочередизаБотми-3.

Через полчаса в очереди возникло оживление. Зашелестели слова: «Списки... Списки... Пишут списки». Удивительно, но в то время, когда люди практически разучились писать что-то от руки, когда у каждого стоящего здесь была, по крайней мере, пара гаджетов для электронного письма, по очереди пустили бумажный лист, в который каждый стоящий собственноручно вписывал своё имя. Эмиль был уже знаком с такой практикой. Создавали списки те, кто обычно стоял в первой десятке. Делалось это ими для того, чтобы они окончательно могли за собой зафиксировать занятое ими место. Эмиль написал своё имя, с горечью осознав, что стоит только лишь под номером «шестьдесят три». Зато теперь он мог быть спокоен, у него тоже появилось официальное место, не просто цифровое фото, показывающее, что он стоит где-то в очереди за Ботми-3, а реальное, написанное его собственной рукой на настоящей бумаге подтверждение того, что он имеет место в очереди у офиса «Серпент», да ещё и не просто где-то, а между номерами «шестьдесят два»

и «шестьдесят четыре».

Ночь окончательно вступила в свои права. Близилось полночь. Новые сутки ещё не наступили, а Эмиль же уже жил событиями завтрашнего дня. Силясь не упасть с маленького складного стула, согнувшись, Эмиль устремил свой взгляд в смартфон. Его Ботми-2 дружелюбно подсвечивал лицо Эмиля своим бело-голубым светом. Эмиль был поглощён чтением чужих постов. Он благоговел перед теми, чьи страницы насчитывали более миллиона подписчиков. Эти люди казались ему богами, небожителями, ведущими совершенно неземной образ жизни, а немногословные фразы под их фото были для Эмиля эталоном. «Жизнь должна меняться», или «Реальность существует только миг», или «Когда у тебя проблемы – просто пой». Разве это было сказано не прекрасно? Для Эмиля эти слова были не просто фразами, а школой жизни. Эмиль хотел когда-нибудь также, с такой же несокрушимой мудростью вещать миру то, что будет его собственным опытом.

Перед взглядом Эмиля проносились яркие фото неизвестных стран, дорогие автомобили, шикарные женщины... Эмиль мечтал. Мечтал, что когда-нибудь также будет выкладывать здесь свои фото. Его фантазия уносила его далеко... Эмилю было всего лишь двадцать два года. Он верил, что у него всё впереди. Он мечтал о впечатлениях, с которыми был пока не знаком.

Эмиль сидел в темноте на маленьком складном стульчике

в окружении полутора сотен людей, но их не замечал. Лицо каждого в этой очереди освещалось магическим бело-синим светом. Все были поглощены тем, что показывал каждому вожаденный светящийся экран. Прекрасное обезличенное общение, при котором все находятся на одних и тех же ресурсах, но никто друг друга не знает, где каждый может написать фразу, которую прочтут тысячи.

Эмиль дождался, когда в сети появится один из его любимцев – блогер @alexpost. Его жизнь была невероятно разнообразна, блогер жил захватывающе интересно. В его постах было всё, о чём мечтал Эмиль – яркая жизнь ночью и самые невероятные приключения днём. Сегодня @alexpost побывал в горах, там шёл снег, а горы были белыми-белыми, и небо синим-синим...

Эмиль в очередной раз подумал, что хорошо бы сделать татуировку на запястье, подобную той, что была у @alexpost и переключился на поиск подходящего для него рисунка тату.

Эмиль любовался фотографиями девушек с расписанными диковинными татуировками телами, когда почувствовал, что его начинает пронизывать холод. Это ночь. Она спустилась и теперь пробиралась своей сентябрьской прохладой под ветровку.

Эмиль потянулся к сумке и отыскал в ней свитер. Натянув его, он снова уселся на свой складной стул. Пожалев о том, что забыл приготовить себе чай, Эмиль вернулся к просмотр-

ру постов, появляющихся в сети. Понравилось фото с подписью «Просто ешьте, просто живите, просто любите, и каждое утро повторяйте новый день» с рыжеволосой девушкой, несущейся по горной дороге в машине. Фраза была банальной, но глядя на развивающуюся огненную гриву красавицы, Эмилю вспомнилась Нина. Расстались они пару месяцев назад, после чего Нина удалила Эмиля из списка своих друзей. Вспомнив о ней, он набрал в поиске @ninna_lovelife_07 и тут же попал на её страницу. Нина, похоже, спала. Самое позднее её фото было сделано в одеяле у тёмного ночного окна, вместо подписи лишь – смайлики звёзд и месяца. Оформлено всё было, как и всегда, красиво. Нина умела преподнести себя. Она обходилась без слов, и вся её жизнь была лишь потоком ярких изысканных фотографий. В реальности Нина была далеко не так хороша.

Половина первого ночи. Эмилю надо было бы выложить очередное фото, но вокруг совершенно ничего интересного не происходило. Он попытался сфотографировать то место, на котором стоял, получилась тёмная улица и одинокая бледная витрина какого-то магазина. Эмиль не придумал ничего лучше, как сфотографировать опущенные вниз к экранам своих смартфонов окружающие его бледные лица. После обработки фото они превратились в удивительные синие лики с ясной печатью от света смартфона на каждом лбу. Фото удалось! В первые же минуты оно собрало более трёх тысяч просмотров! Эмиль был доволен.

Сидя на своём маленьком стульчике, Эмиль с замиранием сердца следил за ростом количества просмотров.

Шёл первый час ночи, начались новые сутки. Лучшие блогеры спешили опубликовать свои посты. Активизировались Алекс_34 и Боня_ди_3855. Эмиль не успевал читать посты всех, кто был ему интересен, поэтому просматривал лишь фото и листал ленту дальше. В два часа ночи Эмиль сменил разрядившийся аккумулятор своего смартфона. Ботми-2 был невероятно прожорлив. Самому же Эмилю захотелось пить. Он достал из сумки бутылку воды и разрешил себе сделать всего лишь пару глотков. Хотелось чего-нибудь горячительного, но Эмилю ещё нужны были силы, поэтому то, чтобы не искушать себя, он умышленно не положил в свою сумку алкоголь.

К трём часам ночи новости в ленте стали появляться всё реже и реже. Это означало, что даже выдающихся блогеров ближе к утру одолевал обычный человеческий сон. Эмилю и самому невероятно хотелось спать, к тому же, он замёрз. Если бы не холод этой сентябрьской ночи, его глаза, наверняка, уже бы сомкнулись. Он встал. Впервые за несколько часов он оторвал свой взгляд от экрана смартфона. Было по-прежнему темно, фонари проливали лишь бледный неясный свет на окружающее пространство, рядом с Эмилем, как и прежде, находилась всё та же, сфотографированная им ещё несколько часов назад витрина. Одна из ламп в ней была неисправна и теперь, монотонно жужжа, то включалась, то выключалась.

В витрине были накиданы какие-то вещи, странные и непонятные, они не давали никакого представления о том, что продавалось в этом магазине: пара сумок, ботинки, несколько каких-то женских украшений, чемодан, пылесос, газонокосилка, два женских платка, электронный замок. Два манекена – один одетый во что-то совершенно нелепое, другой раздетый, но в какой-то безумной шляпе – безжизненными глазами смотрели куда-то вдаль. Их стеклянный взгляд скользил поверх голов тех людей, кто толпился сейчас на улице.

Впереди и сзади Эмиля стояли те, кто в этот час, также, как и он, силились не уснуть. Из-за темноты Эмиль не мог разглядеть их лиц, а потому не мог пока опознать своих конкурентов, но он понял, что в этой очереди многие друг с другом знакомы. Стояли ли они здесь целыми компаниями или парами, или в одиночку каждый за себя, но большинство членов этого возникшего сегодня на улице перед офисом «Сerpент» сообщества, заговорили. Над очередью висел едва слышимый гул. Люди перебрасывались словами не в чатах на страницах соцсетей, а друг с другом вживую, открыто. Эмиля это немного удивило. Было странно видеть, как стоящие за очередным цифровым гаджетом изменяют сейчас своему привычному виртуальному электронному пространству. Эмиль был предан, ему казалось, что молчит он один.

Эмиль поводил камерой вокруг себя, и, не найдя подходящий для съёмки объект, сфотографировал просто припарков-

ванный на противоположном краю дороги автомобиль. После обработки на фото остался кусок стены, автомобиль и разметка пешеходного перехода в бледном свете фонаря. Пустота и одиночество покинутой своим владельцем машины. Такие чувства испытывал сейчас и сам Эмиль. Фото полетело в сеть, не прошло и трёх минут, как оно собрало более двух тысяч просмотров. Это было не плохо, однако, Эмиля пробирал озноб. Холод, казалось, уже навсегда поселился в ботинках Эмиля. Хотелось пить. Эмиль позволил себе ещё немного глотков из бутылки. Вода была ледяной, и Эмиль позавидовал сейчас тому парню, что стоял на два метра впереди него. К нему пришла девушка, принеся с собою сумку еды, и теперь она поила чаем. Девчонка была некрасивой и нескладной, её волосы тоненькие и жидкие, сбиваясь, спускались по сутулым плечам, но Эмиль был бы рад, если бы рядом с ним сейчас была, хотя бы такая. У неё был горячий чай и еда! Только сейчас Эмиль почувствовал, что и голод начинает донимать его. Он потянулся к своей сумке, достал запасной аккумулятор, и вставил его в свой смартфон. Ботми-2 был разряжен на 95%. Питание этого электронного устройства было важнее своего собственного. Холод мог ускорить разрядку Ботми-2, поэтому Эмиль заботливо положил его в свой внутренний карман, поближе к телу, и только после этого достал из сумки энергетический батончик. Вкус этого сладкого пластилина был ужасен, но в нём содержалось всё то, что поможет Эмилю продержаться ещё несколько ча-

сов.

Хотелось спать. Эмилю пришлось достать из сумки и выпить целую банку энергетического напитка. Рассматривая очередь, он понял, что он один из немногих, кто намеревается продержаться до утра в одиночку. Прочие, позвав друзей, подменяли друг друга, и тот автомобиль, что фотографировал Эмиль, был отнюдь не оставлен своим владельцем, в нём кто-то спал.

У Эмиля же не было никого. С друзьями он не водился, девушек растерял. Да и мог бы кто-нибудь из них прийти подменить его, дав поспать? Эмиль вытащил из кармана смартфон и принялся пролистывать содержащий контакты всех его знакомых список. Своих бывших он даже не рассматривал, отношения с ними были давно испорчены, а вот, пожалуй, Лизу_ян_777 можно было бы побеспокоить. Они как-то пересекались, и кажется, Эмиль даже ей понравился. Он отправил сообщение, но ответа так и не получил, смартфон молчал. Эмиль был один.

Хотелось спать. Чтобы разогнать одолевающую дремоту Эмиль попробовал было снова полистать новости сети, но посты в этот час обновлялись так вяло, что вызвали у Эмиля лишь досаду. Он стал замечать, что устаёт от однообразных фото, что записи словами настолько скудны, что не могут удовлетворить всё более разрастающийся в Эмиле информационный голод.

Это случилось с ним давно, ещё несколько месяцев на-

зад, когда он стал, к своему удивлению, обнаруживать собственное насыщение всеобщим информационным пространством. Эмилю хотелось чего-то большего, чем подписанные одной фразой, или вовсе бессловесные фото. Эмиль пытался найти мудрость у опытных блогеров, общественных деятелей, известных людей, но вся их жизненная философия заключалась в двух простейших фразах: «Ты можешь всё» и «Радуйся жизни». Однако, личный опыт Эмиля твердил ему о том, что в жизни удаётся далеко не всё, и радоваться жизни постоянно невозможно, в этом Эмиля убедили первые серьёзные потери.

Где искать истины? Эмиль не знал. Он чувствовал, что упускает что-то важное, и вместо серьёзного знания о жизни ему подсовывают лишь красочные картинки...

Между тем, время шло, неожиданно очередь загудела. Где-то в начале её раздались крики и звук бьющегося стекла. Эмиль вскочил со стульчика. Вытянув шею он, как и все стоящие рядом, силился в темноте царящей ночи разобрать, что же происходит. До Эмиля долетели неразборчивые ругательства, звуки глухих ударов. Стоящие рядом тоже всполошились. Попрятав свои смартфоны, они, боязливо поднимая головы, поглядывали вперёд. Никто не решался сдвинуться с места. Тягостное чувство тревоги, будто по цепочке, дошло и до Эмиля. Ему нужна была информация, и он принялся кидать в сеть поисковые запросы. К тому времени, как крики умолкли, Эмиль уже знал, что произошло. Случившееся

в очереди не несло ничего хорошего. На выложенной в сети записи было видно, как в самом начале очереди завязалась драка между теми, кто стоял там уже давно и какой-то группировкой громил, появившихся из ниоткуда. Они уверенно заняли первое место, напугав и потеснив тех, кто стоял с самого начала. По очереди поползли новые списки. Под строгими взглядами пары крепких ребят участники очереди уныло переписывали свои имена. Того, кто был не согласен сдвинуться на десяток позиций назад, просто выкидывали из очереди. После этой переписи Эмиль стал семьдесят вторым.

Эмилем овладело отчаянье. Его задача – раньше прочих разместить в сети топовый обзор о Ботми-3 – всё более усложнялась. В висках застучало, пульс поднялся, браслет выдал предупреждение о слишком активной работе сердца. В расстройстве Эмиль опустил на стул. Схватив свой смартфон, судорожно Эмиль пытался найти информацию о том, для чего вклинились в очередь новые люди. Выудить из сети удалось немного. По брошенным кем-то в сеть случайным фразам, он понял, что первые места, скорее всего, заняты громилками ради перепродажи. Застолбив первую десятку, они даже не позаботились о том, чтобы встать в очередь, а исчезли куда-то также внезапно, как и появились. В этой очереди не было законов, не было правил, кроме тех, что устанавливали её члены. Все стоящие понимали, что сейчас, под покровом ночи совершилась некая несправедливость, но противостоять ей никто из членов в очереди был не в силах.

Эмиль с тоской смотрел на тех, кто был рядом. Зачем? Для чего они все здесь собрались? Вот, например, этот тощий престарелый дядька с голым, как колено, черепом. Его морщинистая кожа выдавала его немалый возраст, а одежда почему-то была молодёжной. Кем он считает себя? Юнцом? Он тоже будет писать обзоры в сеть? В его возрасте Эмиль меньше всего хотел бы толкаться с молодыми в очереди за очередным гаджетом. Эмиль хотел бы в таком возрасте быть... Кем, Эмиль пока даже не мог представить, настолько старым показался ему этот молодящийся дед.

А вот та понурая девчонка? Для чего она стоит здесь, дрожа и пряча поглубже голову в низенький воротник куцей куртки? Она тоже будет писать обзор? Ну, конечно, нет. Наверняка её оставил стоять вместо себя какой-нибудь парень. Чем он заплатит ей за те лишения, что ей придётся претерпеть. Ей так нужны деньги, что она готова ради них стоять сутки напролёт. Но кто же придёт потом на её место? Почему никто из известных блогеров пока не заявил о том, что занял место в этой очереди? Эмиль стоит здесь, по сути, вслепую, не зная, чего ожидать, с кем придётся тягаться.

Покачиваясь на стульчике, Эмиль открыл вторую банку энергетика. Он замёрз, ему хотелось спать.

В шесть утра забрезжил рассвет. Нехотя, стала отступать темнота. Она уходила лениво, оставляя за собою мусор и грязь прошедшей ночи. Скоро появились первые моющие машины. Они проехали по дороге, обдав стоящих на тротуа-

ре брызгами струй, разбивающихся о бордюры. Эмиль поёжился.

День начался. С рассветом всё как-то вокруг задвигалось, ожило. Появились первые прохожие, которые провели ночь в своих тёплых квартирах. Зашагали пешеходы, заспешили куда-то. Очередь, в которой стоял Эмиль, не представляла для этих людей никакого интереса. На дорогу выкатились автомобили.

Протирая уставшие глаза, Эмиль разглядывал начало нового дня, в котором, к его изумлению, многие имели отличные от его собственных намерения и интересы. Казалось бы, все должны были спешить встать в выросшую за ночь очередь, но нет, люди торопились по своим делам.

С приходом дня наступало самое время запустить дрон. Эмиль снова открыл свою сумку. Маленький, складной квадрокоптер быстро взмыл вверх и пронёсся над головами тех, кто стоял в очереди. Теперь Эмиль мог разглядеть их лица. Он делал снимки, пытаясь сопоставить их с фото в сетях. Эмиль силился найти тех, кого мог бы узнать. Первый облёт очереди дал немного. Знакомых Эмиль не обнаружил. Он был бы очень рад, если бы к вечеру состав очереди не изменился.

Но кое-что в составе очереди все-таки настораживало Эмиля. Почему в сети нет пока никого из известных блогеров? Они не могли без причин проигнорировать такое событие. Эмиль заволновался. Что он упустил? Чего не знал?

Эмиль сделал последнее фото очереди с воздуха и опустил дрон.

Сидя на своём маленьком складном стульчике, Эмиль принялся отбирать фотографии для того, чтобы выложить лучшие в сеть. Всё время, пока он был занят обработкой выбранных фото, голову не покидали мысли о том, что его ещё ждёт. Эмиль силился предугадать, сколько сюрпризов готовит ему сегодняшний день. Стоящие в очереди люди, в большинстве своём, были малоизвестны и имели в сети низкие рейтинги, не верилось, что всю ночь они простояли просто из преданности фирме «Серпент» и почитанию нового выпущенного этой корпорацией устройства. Безусловно, новый Ботми-3 обещал быть интересен, но насколько?

В одной новой функции, которую будет содержать Ботми-3, не приходилось сомневаться, о ней было официально объявлено, на неё делала ставку «Серпент». В Ботми-3 будет печать для торговли в сети. Это делало Ботми-3 уникальным устройством, отличным от всех прочих. Ожидалось, что уже через год купля-продажа без подобной печати в сети будет под запретом. Это значит, что в электронной торговле фирма «Серпент» станет монополистом.

«И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это на-

чертание, или имя зверя, или число имени его.» (Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис) 13:16-17)

Репортаж о Ботми-3 надо будет снять быстро, времени, наверняка, дадут не много. Эмиль раскрыл сумку и проверил аппаратуру: экшн-камера с креплением на голову, фотоаппарат на штативе для более качественной съёмки – всё было готово, аккумуляторы заряжены, батареи всех устройств полны.

Между тем, новый день всё больше оживлял улицы. Теперь они уже не были, как прежде ночью, пусты. К первым немногочисленным прохожим добавились новые, на дороге усилился поток машин, и до Эмиля донеслись их первые за сегодняшнее утро, обращённые к прочим участникам движения, гудки. Пронеслась куда-то с сиреной машина скорой помощи. На противоположной стороне распахнула свои двери лавка с выпечкой, чего там только не было! Даже сквозь поток пронсящихся по дороге автомобилей Эмиль мог видеть, как на витрину выкладывают свежие пышные булочки, пирожки со всевозможными начинками, творожные ватрушки, помазанные глазурью пончики. Вся эта восхитительная сдоба дразнила своим ароматом, а через пять минут к нему добавилось ещё и благоухание свежесваренного кофе. Всё это заставило тех, кто стоял в очереди компанией или парой, отправить своих помощников на противоположную сторону улицы, где те тут же образовали уже новую очередь, но уже

не в офис электронной техники, а в булочную. Эмиль же, боясь сдвинуться с места, полез в свою сумку и достал оттуда батончик с орехами. Глазурь из шоколада тут же расплылась в руках Эмиля, испачкав его пальцы липкой коричневой массой. Эмиль с горечью принялся жевать. Батончик был невкусный, но его состав давал надежду на продолжительное время утолить голод.

Фотография очереди, выложенная Эмилем в сеть, несмотря на ранний час, начала все-таки набирать популярность. Интерес к презентации Ботми-3 сегодня стал расти. По тэгу #стоювочередизаБотми-3 теперь выдавались не менее трёх сотен сообщений. Эмиль хотел было запустить ещё раз дрон, но тут среди фотографий из постов в сети мелькнуло лицо, которое Эмиль совершенно не хотел бы тут увидеть. Получалось, что где-то в очереди рядом с ним стоял Лука.iv.152303. Это был довольно известный блогер, по рейтингу равным Эмилю. Если Эмиль брал своих подписчиков тем, что был постоянно на связи и каждые пару часов стремился подкинуть в ленту новостей, то Лука.iv.152303, хоть выходил в сеть реже, но делал очень уж классные фото. Вот и сейчас, он выложил красочно обработанный снимок на фоне утренней улицы, радостно демонстрируя список, в котором он значился под номером «23». Двадцать три! Это было так близко, к началу очереди! Эмиль от досады прикусил губу. Двадцать три... Это означало, что у его конкурента будет возможность не только отснять, но и без всякой спешки смонтировать ре-

портаж о новом Ботми-3, пока Эмиль будет стоять, дожидаясь своей очереди. Эмиль не должен был этого допустить, он открыл сайт аукционов. Места 4, 6, 8 уже продавались, но стоили баснословно дорого. Эмиль остановил свой выбор на месте с номером «двадцать». Его он мог бы купить уже сейчас, но нет, рано. Было ещё только начало дня, утро, а презентация должна была начаться в девять часов вечера. Это значит, битва за места ещё даже не начата. Ещё неизвестно, кто перекупит первую десятку. Перемещаться на двадцатое место сейчас означало выдать себя, а значит способствовать началу дорогостоящей и затяжной гонки. Надо было ждать.

Через час Эмиль запустил дрон. В начале очереди, по-прежнему пестрели неизвестные лица, но вот на восемнадцатом месте Эмиль заметил ещё одну хорошо ему знакомую личность. Появление этого человека в очереди означало, что блогеры активизировались и начали выкупать места. Двадцатое место, что присмотрел для себя Эмиль час назад, теперь подорожало. Подумав, Эмиль решил, что нужно все-таки попытаться пробиться в первую десятку. Конечно, он понимал, что первые места достанутся именитым, и именно они первыми выложат в сеть классные репортажи, после которых все ролики прочих не соберут и пары сотен просмотров, но была у Эмиля одна идея, которая позволяла ему надеяться снять такое видео, которое потеснит даже самых известных.

Последующие несколько часов Эмиль был очень занят.

Он прошерстил все торговые площадки, перечитал все новостные ленты, пересмотрел все страницы с тэгом #стоюво-чередизаБотми-3, и всё это для того, чтобы понять расстановку мест. Результатом его работы стал список из двадцати строчек. Теперь Эмиль обладал данными о том, кто занимает самые завидные в очереди места.

«Кто владеет информацией, тот владеет миром» – запомнил Эмиль ещё со школы. Он научился получать информацию чуть ли не из пустоты. Он знал, как использовать скрытые возможности поисковиков и там, где прочие бы только развели руками, Эмиль не сдавался и продолжал искать. Сегодня Эмиль был доволен собой. Итак, места одиннадцать, двенадцать, пятнадцать, восемнадцать были заняты блогерами, которых Эмиль знал. Знал, конечно, не лично, а по их авторским страницам в сети. Места десять, тринадцать, четырнадцать, семнадцать, девятнадцать продавались. До сих пор велся аукцион по примеченному Эмилем месту двадцать. Интереснее обстояло дело с первой десяткой мест. Данных по ним было совсем немного. Только восьмое место было продано и занято тем, с кем Эмиль даже не решился бы тягаться. Остальные же составляющие первую десятку места пока не были ни заявлены к продаже, ни заняты кем-то известным. Это означало, что в первой десятке стоят подставные лица либо продавцов, либо самых именитых блогеров, которые появятся лично только к вечеру. Было десять часов утра, Эмилю оставалось только ждать и беспрестанно сле-

дить за всеми изменениями, происходящими в очереди.

Сам Эмиль теперь занимал место тридцать три. Возможность переместиться почти на сорок позиций вперед открылась Эмилю неожиданно и, можно сказать, случайно. Собирая информацию о стоящих в очереди по сети Эмиль заметил, что одно из мест в третьем десятке готово освободиться. Парнишка, занимавший его, написал на своей странице о том, что собирается уйти. Он отстоял ночь в надежде утром получить за своё место денег, но его оттеснили, и место его теперь большой ценности не представляло. Эмиль списался с ним и доторговался до того, что парень уступил свою очередь за три тысячи голосов подписчиков Эмиля. Для Эмиля это была выгодная сделка. Конечно, тридцать третьего места было недостаточно для осуществления собственных планов, но переместиться поближе к началу очереди без денег, Эмиль посчитал удачей. С тридцать третьего места были уже хорошо видны и начало очереди, и вход в офис «Серпент». Эти огромные стеклянные двери высотой в два этажа возвышались среди улицы, подобно двум столпам. Зеркальный фасад офиса украшал логотип «Серпент» – обвившая столб змея с молнией на хвосте. Эта змейка красовалась на любом гаджете и была всем хорошо знакома, но здесь, на улице, в свете дня она выглядела просто потрясающе, а весь логотип целиком напоминал огромный знак доллара.

Эмиль сфотографировал гигантский знак «Серпент» над своей головой и принялся обрабатывать фото, чтобы выло-

жить его в сети. Через пять минут к склонившемуся над своим гаджетом, балансирующему на шатком стульчике Эмилю подошёл полицейский.

– Встаньте, сидеть запрещено, – ледяным голосом произнёс он.

Эмиль поднял удивлённый взгляд на блюстителя порядка.

– Сидеть на улице в течение рабочего дня запрещено. Если вы не уберёте стул, я буду вынужден привлечь вас, как человека, нарушающего общественный порядок.

Эмиль встал. Предупреждение полицейского было вполне правомерно. Закон, по которому в рабочие часы на улицах нельзя было сидеть, лежать, используя для этого собственные средства, существовал. Эмиль был вынужден подчиниться. Маленький складной стул был спрятан в сумку. Стоять было тяжело. Эмиль с удовольствием нырнул бы сейчас в двери одной из тех кафешек, что находились совсем рядом, но он боялся потерять своё место, поэтому продолжал упорно стоять, направив взгляд в свой смартфон. Путешествие по сети – вот то, что давало силы и отвлекало от временных физических неудобств.

День набирал обороты, инфо-ленты сети снова запестрели потоком новостей. Эмиль читал всё – кто и где умер, что случилось в тех местах, которые были совершенно ему не знакомы, о случившихся катастрофах, наводнениях, крушениях, тайфунах, но самыми удачными для Эмиля были новости о происшествиях в жизни известных людей. Эмиль обязан был

знать всё. Одна фраза о верно угаданном событии, написанная в посте собственной страницы, могла привести к Эмилю сотни или тысячи новых подписчиков. Поэтому Эмиль читал и читал. Он пытался угадать, что вызовет сегодня наибольший резонанс, а в это время ноги его всё сильнее затекали. Ещё через час Эмиль не мог уже думать ни о чём, кроме собственной физической немощи. Он устал. Что помешало фирме «Сerpент» организовать электронную очередь? Как было бы хорошо, сидя где-нибудь в мягком кресле дома знать, что, придя к девяти часам вечера на презентацию нового смартфона Ботми-3, ты будешь тридцать третьим или двадцатым в очереди желающих подержать в руках заветный гаджет. Так нет, Сerpент, имея все возможности для этого, не желала упрощать жизнь своим преданным фанатам, напротив, они устроили свой офис именно там, где, как назло, всегда полно блюстителей порядка. Эмиль огляделся. Пока рядом не было никого из них, он ненадолго присел на тротуар. Покрывающая его плитка была твёрдой и холодной. Через пять минут Эмилю пришлось снова подняться.

День шёл. Проходили часы. Эмиль то поднимался, то снова опускался, мучаясь от того, что не привыкшее к физическим нагрузкам тело всё сильнее и сильнее ныло и болело. Эмиль не мог сосредоточиться уже на чтении, однако, он не забывал делать фото.

В 12 часов дня Эмиль снова запустил свой дрон. Тот стремительно взмыл вверх. Изображения с камер никакой новой

информации Эмилю не принесли, они не помогли прояснить состав первых двух десятков. Оставалось только ждать. Между тем в сети разворачивалась настоящая битва за эти места. Ряд известных блогеров заявили о своей готовности выкупить первое место. Дорожали и остальные позиции, а Эмилю всё никак не удавалось определиться с собственным местом. Примеченное им ранее место под номером «двадцать» купили. Эмиль хотел было уже выкупить место под номером «восемнадцать», пока на то была приемлемая цена, но к трём часам дня в очереди появился тот, кто делал бессмысленной покупку восемнадцатой позиции. На шестнадцатом месте расположился Тимон_332. С ним и ещё парочкой других блогеров Эмиль вёл свою скрытую войну. Бились не за что-нибудь, а за внимание пользователей. Писали все примерно об одном и том же, надеясь или опередить друг друга, или же представить материалы в какой-нибудь более привлекательной, чем у конкурентов форме.

Последующие два часа Эмиль потратил на то, чтобы сторговаться за место пятнадцать. Когда же, заплатив немалую сумму он, наконец, выкупил его, но скоро понял, что совершил ошибку. Хозяин пятнадцатого места, как положено, привёл того, у кого хранился список очередности и официально вписал вместо себя Эмиля. Эмиль переместился, встав прямо перед своим противником с ником Тимон_332. Эмиль попытался сделать победное фото для своей страницы в сети, но тут же получил подножку, причём совершенно

реальную. Он полетел на землю и выронил камеру. Вопреки страхам Эмиля, камера осталась цела, но Эмиль сильно ударился коленкой и у него ужасно разболелась нога.

Столь близкое присутствие ненавидящего его Тимона_332, угнетало. Ни Эмиль, ни Тимона_332 не желали тратить пока деньги, чтобы занять иные места, поэтому вынуждены были терпеть друг друга. Всю свою желчь, всю злость Тимона_332 выплеснул на своей странице и в комментариях на странице Эмиля. Когда Эмиль забанил у себя его посты, тот пнул Эмиля в спину так, что Эмиль полетел на того, кто стоял на месте четырнадцать. Эмиль получил тумака ещё и оттуда.

Эмиль устал, энергетические батончики подходили к концу, да они уже и мало помогали утолить одолевающий голод, а надо было не только стоять, но ещё и следить за тем, что происходит вокруг. Аккумулятор смартфона Эмиля Ботми-2 в очередной раз просил подзарядки, а один из пауэрбанков для зарядки был уже полностью опустошён. Сам Эмиль, измученный, уставший, мечтал только лишь о том, чтобы наступило девять часов вечера и офис «Сerpент» распахнул уже, наконец, всем ожидающим презентации Ботми-3 свои двери.

Ныл мочевого пузыря. Давно надо бы было отойти куда-нибудь опорожнить его, но Эмиль не желал из-за такой мелочи лишиться места.

В шесть часов вечера, когда на улицах появились первые

признаки наступающих сумерек и как-то все, разом зажглись фонари, по очереди пронёсся слух, что на тест Ботми-3 будут давать всего лишь десять минут. Это был пока лишь слух, но, как и во всех слухах, в нём могла оказаться значительная доля правды. Эмиль схватился за голову. Десять минут! Этого было мало.

Похоже, эта новость окончательно разозлила стоящего за Эмилем Тимона_332. Находиться рядом с ним становилось всё менее и менее безопасно. Эмиль замечал всё: как Тимон_332, как бы случайно, постоянно толкает его в спину, как подбирается к сумке, в которой у Эмиля хранится самое ценное – приготовленная для съёмки аппаратура. Находясь в такой плотной близости с противником, Эмиль сильно рисковал. Пока мозг Эмиля пытался придумать, как за десять минут успеть отснять всё необходимое, руки Эмиля судорожно листали страницы торговых площадок. К семи часам вечера Эмиль решился – он готов был потратить все имеющиеся у него деньги на выкуп десятого места в очереди.

«Так же, как было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили;» (Евангелие от Луки 17:28)

Всё решали деньги.

Когда Эмиль совершал перевод, руки его тряслись, к горлу подступил ком. Гонка за места была для Эмиля окончена. Он перемещался в первую десятку.

Эту сделку он желал оформить не только простым пере­чёркиванием фамилий в списках. Эмиль запросил с продав­ца расписку и подтверждение личности. Очередь не имела правил, поэтому электронную расписку продавец прислал, а в качестве подтверждения личности парень просто помахал со своего десятого места рукой. Эмилю было этого достаточ­но. Он поспешил переместиться на место десять, на котором его ждала очередная беда. Естественно его соседи не желали видеть его там. Тем, кто стоял впереди, не было до Эмиля никакого дела, а вот те, кто был на местах одиннадцать, две­надцать и тринадцать взбунтовались.

– Эй, чел, ты не стоял здесь! – услышал Эмиль за своей спиной. – Уходи!

Эмиль не знал, что ответить. Продажа мест была, есте­ственно, не запрещена, но и легальной называть её было нельзя, так как в очереди не существовало правил и законов.

– Э... – промычал Эмиль, пытаясь глазами отыскать сво­его продавца, но парень после продажи, поспешил покинуть очередь и это место. Эмиль был один.

– А ну давай, иди отсюда! – закричал тот, кто занимал место двенадцать.

Парень на одиннадцатом месте больно пнул Эмиля.

На восьмом месте стоял известный блогер «Navarra.666». Эмиль хорошо знал его по публикациям в сети, Эмиль ча­стенько оставлял хвалебные комментарии на его странице. «Navarra.666» и сам занял своё место только недавно. Сей-

час Эмиль с надеждой устремил к «Navarra.666» свой взгляд, но тот безразлично уставился в свой смартфон.

Между тем, места одиннадцать и двенадцать не унимались. Они принялись пинать Эмиля, Эмиль упал.

Поддержка пришла совершенно неожиданно. Огромный громила вдруг возник из ни от куда.

– Что за беспорядок? – обратился он к взбунтовавшимся одиннадцать и двенадцать.

– Он не стоял здесь! Его здесь не было! – загалдели они.

Громила поднял с асфальта и, тряхнув, поставил на ноги Эмиля.

– Имя? – спросил у Эмиля громила.

Проведя рукой по окровавленной губе, Эмиль назвал.

Громила достал свой смартфон и набил в нём имя Эмиля.

– Всё нормально, – сказал он через несколько секунд, одобрительно похлопав Эмиля по спине. – Он в списках. Будете выталкивать его, пожалеете, – сказал громила, замахнувшись на «одиннадцать» и «двенадцать» кулаком.

Все стоящие за Эмилем притихли. Кто-то сзади размером побольше прочих было заикнулся что-то о законах очереди, но к громиле подошёл ещё один и вся толпа возле Эмиля окончательно притихла.

Впервые Эмиль стоял и радовался существованию в мире грубой физической силы. Эмиль, воспитанный в духе гуманизма и уважения личности, был безмерно счастлив тому, что люди с мышцами, похожими на раздутые шары, ещё но-

чью навели в первой десятке порядок. По-видимому, именно они контролировали теперь продажу лучших мест.

Семь вечера. У полуголодного Эмиля невыносимо ноют ноги и спина, болят места побоев. Похоже, Эмиль все-таки успел получить удар под ребро, от чего теперь больно дышать. Кроме того, переполненный мочевой пузырь не даёт покоя. Эмиль было хотел опорожнить его прямо здесь, отвернувшись к стене, но постеснялся. Так и продолжал он стоять, переминаясь с ноги на ногу.

В восемь вечера Эмиль, пошатнувшись, сделал шаг к стене, расположенного рядом дома. Ему было всё равно. Наплевав на стеснение, он расстегнул штаны и сделал огромную лужу. Стоящие рядом направили на него камеры своих смартфонов, но Эмиль успел спрятать лицо, так что видео с ним, хоть и попали в сеть, но личность Эмиля не разоблачило.

Наконец, появились, известные блогеры. Конечно, именно им предназначались первые места. Подъезжали он помпезно. Небрежно бросая свои дорогие авто прямо у обочины тротуара, они проходили сквозь толпу, через восторженный шёпот и благоговейные взгляды устремлённых на них глаз.

В девять вечера офис «Сerpент» распахнул свои двери. Эмиль торжествовал. Он ослабший, голодный, побитый, уставший прослушал всё, что говорил в своей получасовой приветственной речи представитель «Сerpент». Эмиль своим утомлённым, измученным умом не уловил, чем новый

Ботми-3 хорош, чем отличается он от Ботми-2. В этой речи так и не прозвучало, как будет организовано знакомство с новым Ботми, но в десять вечера, двери «Сerpент» погло- тили в себя первую пару человек. Эмиль и все прочие сто- яли не шелохнувшись, ожидая возвращения тех двух счаст- ливчиков, которые сейчас держали в руках заветный Бот- ми-3. Прошло десять минут, пятнадцать, двадцать... Из две- рей никто не выходил. Через тридцать четыре минуты вышел первый. Очередь зашелестела множеством голосов. Первым был самый известный hi-end блогер, известный в сети потом ником Логос. Он торжественно приветствовал всех, помахав рукой, и быстренько скользнул в свой автомобиль. Второй вышел минут через пять, более спокойно, но не менее до- вольно. Эмиль посмотрел на часы, те показывали двадцать два часа, сорок две минуты, это означало, что «Сerpент» не ввели ограничения времени. Эмиль спокойно выдохнул. Бы- ла надежда, что и всем прочим будет разрешено держать Бот- ми-3 в руках, по крайней мере, не менее сорока минут. Эми- лю этого времени было бы достаточно, хотя нет, возможно, ему понадобится больше...

Запустили вторую пару стоящих в очереди. Их так же, как и первых, поглотили стеклянные, непроницаемые для улич- ных взглядов двери. Участники очереди под номерами «че- тыре» и «три» пробыли внутри сорок шесть и пятьдесят во- семь минут. Это было немислимо! Сerpент, похоже, давало участником презентации столько времени на знакомство с

Ботми-3, сколько каждому было нужно. Это было безобразия! Эмиль ожидал своей очереди, понимая, что стоять ему ещё, как минимум, два часа. Кто откажет себе в удовольствии подольше подержать в своих руках Ботми-3? Надо было ждать.

На город опустилась тьма. Улицы окутала ночь, и лишь слабый свет фонарей позволял разглядеть то, что творилось вокруг. Эмиль оглянулся назад, толпа людей за ним показалась ему нескончаемой. Очередь протяжённостью два квартала в конце сворачивала куда-то за угол, так что Эмиль уже и не видел, где оканчивается она. Эмиль судорожно пытался отыскать в сети информацию обо всех тех, кто стоит рядом с ним. Где-то чуть дальше него, стояла парочка известных актёров. Их конкуренции Эмиль не боялся, они не будут снимать ролики с тестами и выкладывать их в сети. Им, с их именами, достаточно выложить всего лишь одно фото с Ботми-3 на своих страницах для поддержки собственной популярности, а вот некоторые hi-end блогеры, стояли хоть и позади Эмиля, но отставали от него совсем немного. Это означало, что Эмиль опередит их от силы на час. Все его конкуренты мастерски умеют работать в программах монтажа и свои видео они выложат очень быстро, да и тестирование Ботми-3 они проведут за самое короткое время, не то, что первые участники очереди.

Эмиль подсчитал, основное количество просмотров своего обзора он соберёт в первые десять минут, а потом поль-

зователи, как это обычно бывает, потеряют интерес к его посту и расползутся по новым страницам. Значит, он успевает опередить своих конкурентов.

Тем временем, Эмиля неумолимо одолевало гнетущее чувство голода. Он чувствовал, что слабеет. Начиная болеть живот. Эмиля покачивало.

Очередная пара, запущенная в двери «Серпент» пробыла там более получаса. К тому времени у Эмиль совсем ослабел. Не было сил, ни фотографироваться, ни создавать новые посты. Ныл желудок, болели ноги. Для Эмиля оставалось загадкой, как выдерживают эту гонку за знакомство Ботми-3 те, кто остался в пятой или шестой десятке. Он радовался уже не тому, что опередил их, а был счастлив, что через час-два перестанет быть заложником этой очереди.

Когда пара человек с номерами «семь» и «восемь» была поглощена стеклянными дверьми «Серпент», Эмиль опустился к своей сумке. Судорожно он доставал оттуда камеры, он боялся не успеть. Спешно крепил он устройства на себе, озираясь, как бы никто из окружающих не ударил его и не повредил технику.

Когда подошла очередь Эмиля, он был совершенно готов. Камеры, зафиксированные в специальном жилете, были проверены и запущены. Эмиль мог снимать теперь Ботми-3 с разных ракурсов, со всех сторон. Рот Эмиля закрывал микрофон, даже на лбу Эмиля размещалась камера. Но вот, когда уже между дверьми «Серпент» и Эмилем не оставалось

никого, вдруг его оттолкнул возникший от ниоткуда громила.

– Этот пойдёт перед тобой, а ты жди, зайдёшь следующим, – сказал он, впуская перед Эмилем совершенно незнакомого парня.

Эмиль опешил.

– Но как же так?! – через мгновение возмутился он.

Но верзила ткнул ему под нос кулак и сказал лишь два слова:

– Так надо.

Вместо Эмиля в двери «Сerpент» поспешил войти кто-то другой. Обескураженный Эмиль остался стоять на улице, озираясь, в поисках поддержки, по сторонам. Все стоящие за Эмилем только потупили взгляд и предоставили Эмилю самому разбираться со своим обидчиком.

Эмиль сильно рисковал. Одно движение кулака громилы могло свести всю подготовку съёмки к нулю. Эмилю надо было беречь закреплённые по всему телу микрофоны и камеры.

Эмиль предпочёл смириться и ждать. В очереди правил не существовало.

Переминаясь с ноги на ногу, Эмиль снова ожидал своей очереди. Он не разглядел того, кто прошёл вместо него, но надеялся, что это все-таки был не блогер, желающий написать о Ботми-3, а просто один из фанатов новых гаджетов. Однако, в любом случае, это означало потерю времени.

Прошёл час, или два... Эмиль потерял счёт, ему казалось, что он ожидает своей очереди вечность. Ноги ныли, спина болела.

Но вот, наконец, двери распахнулись. Выпустив наружу обидчика, они готовы были впустить Эмиля. Эмиль оглянулся, никто ему не препятствовал, путь был свободен. Пошатываясь, Эмиль вошёл. Робко ступая по зеркальному полу цвета чёрного гранита, он неуверенно начал продвигаться вперёд. Там, в конце пути, яркий свет освещал заветный стенд, где на подставке из глянцевого мрамора красовался вожделенный Ботми-3. Два его экземпляра были выставлены под сияющими лучами мощных прожекторов. Второй участник очереди, вошедший вместе с Эмилем, уже был у одного из них. Эмилю надо было спешить.

Эмиль рядом с вожделенным гаджетом. Тот великолепен! Глянцевый чёрный корпус поражает красотой своих линий. Пластик высшего качества. Эмиль счастлив! Сейчас он станет, пусть и на время, владельцем этого заветного устройства. Эмиль протягивает руку и дотрагивается до Ботми-3. Холодный гладкий корпус того вспыхивает, включая экран. Ботми-3 понимает и чувствует приближение хозяина. Торжествуя Эмиль смотрит на Ботми-3 сверху вниз, Ботми-3 покоится на постаменте примерно на уровне колен Эмиля. Эмиль, желая поднести устройство ближе к лицу, делает рывок, но нет, Ботми-3 надёжно вмонтирован в стенд. Эмиль беспомощно озирается по сторонам. Вокруг пустота, нет ни-

кого, лишь только объективы камер со стен зорко следят за ним. Рядом единственно сосед, вошедший вместе с Эмилем. Эмиль вытирает пот со лба.

Мощный свет прожекторов изводит своим жаром. Сосед Эмиля не теряется, его совершенно не смущает тот факт, что и его Ботми-3 невозможно поднять выше уровня колен, он берет и с поспешностью сам опускается перед Ботми-3 на колени. В таком положении Ботми-3 оказывается на уровне груди. Сосед Эмиля уже внизу и для него Ботми-3 уже зажёл свой экран, Эмиль же стоит понимая, что ему, если он хочет, наконец, начать тест, надо прямо сейчас тоже опуститься перед Ботми-3 на колени. Вот как организаторы мероприятия решили ограничить время теста – сколько сможешь простоять на коленях на твёрдом холодном полу перед Ботми-3, столько и будет в твоих руках находиться вожделенный гаджет.

Встать на колени! И тут Эмиля охватывает ужас. Гордость, обычная человеческая гордость начинает душить его. Он не становился на колени ни перед кем, и никогда. Само это движение, кажется Эмилю невероятно постыдным. Он исполнил всё! В угоду современному социуму он сделал свою жизнь общедоступной, он отснял каждое мгновение собственной жизни и самолично выложил их на обозрение в сети. Сейчас он – клоун с камерой на голове, обвешанный всевозможными гаджетами и, невзирая на боль, на усталость, стоит, думая лишь о том, чем ещё удивить всех. Он голоден, но давно для него стало важнее питание

не собственное, а хранимого рядом с сердцем электронного устройства. Но встать на колени!.. Эмиль посмотрел вверх и увидел над собой огромную змею логотипа «Серпент», обвивающую словно дерево, столб. Молния на хвосте змеи направлена сейчас прямо на Эмиля.

Эмиль опускает голову вниз. Увы, не станет он хозяином Ботми-3, напротив, это оно, это пакостное устройство, давно стало хозяином людей, поглотив всё время, вобрав в себя все интересы, впитав все стремления и желания, а теперь оно хочет последнее – чтобы Эмиль встал на колени и поклонился змее «Серпент». «Ботми» – «Bow to me!» – приказывает оно. Сосед Эмиля так и сделал, он давно уже на коленях и с удовольствием открывает одно за другим электронные приложения, а Эмиль делает шаг назад, дрожа, пятится к двери. «Я не могу... Не могу... Это уже слишком», – шепчет он разорванной в драке губой и, разворачиваясь, выбегает наружу. На него устремлены удивлённые взгляды, но Эмилю уже всё равно. Он, отстоявший сутки ради того, чтобы поддержать в руках Ботми-3, теперь бежит прочь. Эмиль несётся, не различая, улиц.

«не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю.» (Второе послание к Тимофею 2:25-26)

Ночной город тих. Лишь там, перед офисом «Серпент»

сейчас многолюдно, а прочие районы города пусты. Больной, измученный, голодный Эмиль терзаем лишь одним – мыслью «Я не смог». Растратив в очереди все свои силы, лишившись всех сбережений, приняв побои, он отступил. Что делать теперь? Куда идти? Как восстановить свою репутацию в сети? Он глупец! Это безумие – бросить всё, находясь прямо у цели.

Эмиль бредёт к ночному кафе, заходит в него, покупает бутерброд и чай, и как только тепло этого горячего напитка разливается внутри него, Эмилю становится, как никогда раньше, хорошо. Он ест, ощущая давно забытое удовольствие от вкуса еды, берётся за смартфон, но, включив, выключает и опускает его снова в карман. Ему больше нечего делать в сети. Он столько времени писал о том, что приближается к Ботми-3, что отсутствие репортажа о нём станет роковым. Сеть не прощает подобных ошибок. Если Эмиль намерен был оставаться блогером, то надо было идти до конца, надо было опуститься перед Ботми-3 на колени, отснять репортаж и выложить его на своих страницах, но Эмиль не сделал этого... Значит, теперь он остался один. Он больше не блогер. Он будет выкинут из сообщества. А так ли уж это плохо? У Эмиля есть работа, а значит, есть заработок, есть дом. Это уже немало. Нет друзей, но ведь и те, что добавились к нему в друзья в сети, Эмилю чужды. Что они знают о нём? Только то, что он писал на своей странице, но ведь он писал в угоду им, и совершенно не то, что было в его голове,

что сам считал важным и нужным. С кем он поделится своими сокровенными мыслями, своими желаниями? С кем?.. У Эмиля нет девушки, той что отговорила бы его от безумия стоять в той проклятой очереди, или которая, стояла бы там рядом с ним и поила бы его горячим чаем, но ведь отношения с женщинами – дело наживное, и сеть этому не подмога, как и не помеха.

Эмиль покупает второй бутерброд и выходит из кафе. Прохладно, но, когда идёшь, а не стоишь, согреваешься. Эмилю теперь тепло.

«Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему.» (Евангелие от Матфея 4:11)

Транспорт уже не ходит, значит домой надо добираться пешком.

Эмиль бредёт кварталами многоквартирных домов, размышляя о том, откуда в сети так много фотографий звёзд и млечного пути, ведь на самом деле жителям мегаполисов они не видны, лишь одна луна...

Эмиль жуёт свой бутерброд, чувствуя, как постепенно возвращаются к нему силы.

К тому времени, когда Эмиль, наконец, входит в свой район, небо уже посветлело. Начинается рассвет. Солнце возвращает цвет улицам, пробегает светом по застывшим стенам домов, а затем, величаво поднимается и окрашивает

небо в такие цвета, что у Эмиля захватывает дух. Он уставший, сонный, замирает. Эмиль не спешит заходить в дом. Он стоит, прислонившись к дверному косяку и наслаждается утренним чудом.

Рассвет. Почему Эмиль раньше не замечал его? Воздух свеж, дышится легко. Улицы девственно пустынно. Никого. Священный покой ещё не начавшегося дня.

Отчего Эмиль раньше никогда не замечал чуда восхода, великолепия неба?.. Ведь они всегда были тут, рядом, каждый день. Сколько ещё красот таит в себе окружающий мир? И не надо делать фото, хвататься за камеру. Можно просто стоять и любоваться магией зарождающегося утра.

«И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма.» (Бытие 1:31)

Кто ещё чувствует сейчас эту красоту? Эмиль понимает, что этот рассвет весь полностью его, он принадлежит только ему одному.

Зачем делать его достоянием толпы? Ни один объектив ни одной самой современной камеры не передаст с точностью всего великолепия этой божественной картины, когда сиреневые облака сначала окрашиваются розовым, затем золотым, а потом превращаются в белые-белые, и вот уже яркий свет солнечного утра, набрав силу окрашивает небо в чистейшую синеву. Сколько времени уйдёт на обработку тако-

го фото? Что получится в результате? Лишь очередная фальшивка.

Не лучше ли просто жить, ища смысл в красоте, не пытаясь обогатиться за счёт неё в сети. Бережно хранить её лишь в своих воспоминаниях. Её много, хватит на всех, выходи, поднимай голову вверх и смотри. Для чего искать благосклонность сообщества, существующего в виртуальной сети, когда сам обладаешь бесценным сокровищем – свободой?

«И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать и хранить его.» (Книга Бытие 2:15)

Эмиль поражён своим открытием. Человеку принадлежит весь мир, Эмиль это ясно почувствовал. Вдруг он осознал свои истинные желания. Кто сказал, что жить надо в погоне за славой?

Эмиль достал из кармана смартфон. «Кто создал небо» – задал он запрос в поисковике. Поисковик выдал не менее сотни совершенно нелепых ответов.

«Для чего на земле живёт человек?», «В чём смысл человеческой жизни?» – не сдавался Эмиль.

«Знаем также, что Сын Божий пришёл и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном

Сыне его Иисусе Христе. Сей есть истинный Бог и жизнь вечная. Дети! Храните себя от идолов.» (Первое послание Иоанна 5:21)

2019

Пандерия

«И говорит им: что вы так боязливы, маловерные?» (Мф. 8:26)

Дин проснулся сегодня на семь минут раньше, чем вчера. Его часы, синхронизированные по восходу солнца, показывали «4.25». Дин очень любил встречать рассвет. Несмотря на то, что он видел его уже тысячу раз, каждый раз он вставал так, чтобы не пропустить восход солнца.

Дин вышел из дома. Светало. Было то восхитительное время суток, когда господствующая с вечера темнота уже начинает уступать права только ещё зарождающемуся дню. Громады городских зданий, устремлённые ввысь, закрывали от Дина небо, но разве могло это остановить его? Дин знал место, где ему будет хорошо виден восход. Ему надо дойти до конца Восточной улицы и подняться вверх, в парк.

Как же Дин любил эти утренние часы. Свежесть, невинность очистившихся за ночь улиц! Город, отдохнувший, обновлённый, ещё нетронутый заботами, был готов к встрече нового дня. Дин неспешно двигался в пустоте притихших дворов.

Каждый день был не похож один на другой. Вот и сегодня, дул какой-то особенный, присущий только этому дню ветер. На кусте в конце Восточной улицы, распустились цветы, и

Дин знал, что ни вчера, ни завтра они уже не будут такими же, как сегодня. Вчера их бутоны были чуть плотнее и ярче, завтра будут немного бледнее. А небо? Оно уж точно каждый день представляется иным. Казалось, неведомый художник, трудясь всю ночь, создаёт на этом восхитительно раскинувшемся над головою холсте всё новые и новые картины. Для сегодняшнего пейзажа были взяты бледные, неяркие краски и пушистыми, круглыми отдельными мазками нарисованы похожие на ватные шарики облачка, а вот вчера тончайшими перьями была прорисована белая полупрозрачная дымка, а до этого была похожая дымка, но с воздушными полосами легчайших тучек. Дин мог вспомнить не меньше полусотни различных видов облаков, как жаль, что люди придумали для всех них всего лишь пару названий... Сегодняшние, выделяясь на фоне наливающегося синевой неба, всегда являлись предвестниками дождя.

Дин поднялся на холм, начинался парк. Луч света скользнул по верхушкам сосен. Дин не мог пока видеть самого солнца, его скрывали кроны деревьев, но с высоты склона он смотрел на озаряемый светом город. Это было волшебно! Полоса света один за другим охватывала кварталы домов, разделённые сетками улиц. Город преображался. Выходя из тени, безликое серое пространство превращалось в яркое, цветное. Удивительно, как всего лишь один единственный луч способен был изменить любую вещь, любой предмет. Город запестрел разнобоями красок.

Дин прошёл спортивной аллеей парка и спустился по южной стороне склона. Пора было приниматься за работу. Здесь располагался обслуживаемый Дином район. Работа Дина была проста – привезти жителям домов те товары, что они заказали вчера, и забрать накопившийся у них за прошедшие сутки мусор. Дин надеялся управиться со всеми делами часам к трём дня.

Район Дина состоял из двадцати трёх многоквартирных домов. Каждый из них вмещал не меньше тысячи жителей. За ночь логисты центрального склада подготовили для Дина контейнеры с товарами, которые надо было доставить. Чего тут только не было – продукты, одежда, косметика, бытовая техника, игрушки, сегодня был даже один спортивный тренажёр – то есть всё то, что может понадобиться людям, долгие месяцы не оставляющим своих квартир. Раньше часто покупали электронных домашних питомцев, ведь настоящих живых пришлось запретить, но в последнее время подобных заказов уже не поступало.

В гараже склада Дин взял грузовик, началась погрузка. Контейнеров было сегодня много, но Дин привык. Работы он не боялся. Каждый день нёс с собою что-то новое, тем и был интересен, каждый день был не похож один на другой.

С первой партией товара Дин отправился в ближайший из домов. Дин окрестил его Синим. Пока никто не видел, Дин раскрасил стены домов в разные цвета. Идея разрисовать дома своего района пришла ему внезапно, стоило лишь

ему однажды на складе увидеть баллончик с краской. После этого он методично, день за днём осуществлял свой проект. У него уже были Синий дом, дом Красный, Жёлтый, Зелёный и Лиловый, остальные оставались пока серыми, и Дину приходилось различать их лишь по номерам. Конечно, Дин не имел ни сил, ни времени, ни средств покрасить каждый огромный дом целиком, поэтому он покрывал краской лишь крохотные кусочки стен.

Синий дом был ближайшим к складу, его жильцы могли быть уверены в том, что к семи часам утра уже получают свои товары. Стараясь не разбудить тех, кто ещё спал, Дин медленно въехал на улицу. Как Дин ни старался сохранять тишину, на перекрёстке грузовик предательски громыхнул. Дин свернул с улицы и въехал во двор. Двери подъезда распахнуты, его уже ждут. Дину нельзя приближаться к дому ближе, чем на пять метров, но ближе и не требуется. Со всей работой отлично справляется механический погрузчик. Два контейнера, снятые один за другим, отправлены в чернеющую пустоту подъезда, двери тут же затворяются. Сидя за рулём, Дин ждёт. Через пять минут два контейнера с отходами выставлены ему из дверей. Мусор. Дин всегда удивлялся, как люди могут выбрасывать по объёму столько же, сколько покупают. У него даже иногда возникал вопрос, а употребляют ли они в дело то, что он им привозит? Дин поспешил подхватить подъёмником контейнеры с отбросами, поставил их в специальный отсек своего грузовика. Подождал, гото-

вый забрать что-либо ещё, но нет, в глубине дома ни звука.

Дин отправился к следующему дому.

Дом Красный. Дин нарисовал красную полосу на нём ещё прошлой весной. Дом располагался прямо за Синим, но, чтобы добраться до него, пришлось снова выехать на главную дорогу. Дин старался ехать бесшумно.

Красный дом был особенным. Въехав во двор и заметив, что двери подъезда пока закрыты, Дин остановился на углу. Нашупав под сиденьем специально припасённую ещё со вчерашнего вечера бутылочку воды, он вышел. Возле стены Красного дома на месте, где была когда-то давно разбита клумба, распустились цветы. Дин заметил их ещё неделю назад, когда старые побеги вдруг выбросили бутоны. Он наблюдал за ними несколько дней из кабины грузовика, а три дня назад цветы расцвели! Дин подошёл к ним и аккуратно полил землю под цветами. Лепестки цветов были изящны и в то же время так упруги и крепки, что Дин, сражённый яркостью их цветения, невольно ими залюбовался. Но вот заскрипел тяжёлый засов. Дин поспешил в кабину машины. Никто не должен был заметить, что он выходил.

Отгрузка-погрузка прошла по обычному распорядку. Дин не мог видеть тех, кто принимал контейнеры внутри здания, но ему хотелось верить, что механическими погрузчиками из темноты пространства управляют всё-таки люди.

Следующим был Жёлтый дом. Когда Дин подъехал к нему, солнце уже высоко поднялось над горизонтом и теперь

сам диск солнца, его лучи и дом казались Дину единого ярко жёлтого цвета. Блестели жёлтым сохранившиеся во дворе фонарные столбы, жёлтыми были старые скамейки.

Дину надо было проехать как можно ближе к стене дома. Здесь, у одного из окон первого этажа он притормозил. Штора окна колыхнулась, и девчушка лет семи с аккуратно заплетённой косичкой забралась на подоконник. Она улыбнулась и принялась махать Дину рукой. Дин помахал в ответ. Каждое утро она ждала его машину. Ждала без всякой необходимости, для того, чтобы просто улыбнуться и помахать ему своей забавной детской ладошкой. «Машина! Машина! С добрым утром, машина!» – читал Дин по её губам. Он всё понимал. Приезд его грузовика был для ребёнка, безвылазно сидящего дома, настоящим событием. Машина приедет, разгрузится и уедет, и это будет единственной новостью, случившейся за окном. Никто уже сегодня не появится на улице, не заглянет во двор. Люди сами так решили. Пандемия. Выходить на улицу опасно, контактировать с посторонними запрещено. Никому нельзя покидать пределы собственной квартиры. Всё необходимое доставляется на дом, общение и развлечения только виртуальные, скоростная цифровая сеть без ограничений, и так уже почти пять с половиной лет. Зато смертность удалось свести к минимуму. Пробовали отменять карантин, ничего не вышло. Статистика заболеваемости взлетела, и все снова вернулись в свои квартиры. Такие, как Дин, единственные, кто имеет право перемещаться по

улицам. Каждый обслуживает свой район. Если все изолированы и сидят по домам, то тому одному, кто остаётся снаружи, достаётся весь мир, но для того, чтобы находиться в нём, надо трудиться, заботясь обо всех прочих, кто сидит дома.

Дина это устраивало. Он готов был убирать мусор, доставлять товары, мыть машины, таскать контейнеры, лишь бы только видеть небо, ощущать тепло солнца, слышать шорох листвы. Он был счастлив возможности видеть, чувствовать мир, хотя был обречён в нём на одиночество. Он был один. Ему, как имеющему постоянный контакт с окружающей средой, было запрещено приближаться к людям. Для всех них, обитателей огромных домов, он был потенциально опасен.

С девочкой они подружились больше года назад. Дин, скорее всего, прежде просто не замечал её. Возможно, она давно маячила в окне, заприметив его грузовик и давно, увидев его, кричала: «Машина! Машина!», но как же много было в этих домах окон. Дин посмотрел вверх. Окна, окна, окна... Блестящими прямоугольниками они чернели на стенах, уходящих ввысь. Окна... В них давно уже никто не появлялся. Раньше, в первый год пандемии, частенько можно было увидеть за стеклом тот или иной силуэт, а теперь Дину казалось, что люди окончательно потеряли интерес к окружающему миру. Всё, что сегодня их интересовало, было заключено в их же квартирах. Они натащили в свои дома множество всякой всячины, уж Дин то знал, какое количество товаров они заказывали ежедневно, они привыкли общаться, ви-

дя друг друга только лишь на экране. Цифровые гаджеты были самым популярным и самым доставляемым продуктом.

Девочка, увидела, что Дин собирается уже уезжать. Она принялась радостно махать ему на прощенье рукой. Дин притормозил и помахал ребёнку в ответ. Девочка ещё больше заулыбалась.

Следующим был Зелёный дом. Зелёным Дин назвал в честь парка, находящегося на холме за углом. Дину захотелось, чтобы хотя бы часть дома походила на тот клочок природы, что ему виделся со двора этого дома. И вот часть стены стала зелёной – цвета пышных крон, цвета травы, цвета листвы, сочного цвета лета.

Три контейнера ушли в пустую темноту грузовой шахты дома.

Дин заметил это окно не сразу. Сначала, глаза во время ожидания мусора на дом, он подумал, что ему показалось. Но, приняв контейнеры с мусором, погрузив их и уже готовясь уезжать, он вспомнил об этом окне и направил свой взгляд на четвёртый этаж. Нет, он не ошибся, окно было открыто! Это было невозможно, открывать окна в домах было строжайше запрещено. Современные здания не для того имели сложнейшую систему вентиляции со множеством фильтров, чтобы вот так просто кто-то из жильцов открывал бы окно, впуская к себе воздух с улицы, в котором мог находиться вирус, и подвергая тем самым всех жителей дома смертельной опасности. Дин вышел из кабины грузовика.

Он обязан был сообщить об этом нарушении в соответствующие службы, но он, вместо того, чтобы зафиксировать факт открытия окна и отправить сигнал в службу контроля, остановился и замер. Из открытого окна в пустынный двор лилась невероятной красоты музыка. Звуки, соединяясь, сплетаясь друг с другом, вырастая один из другого, образовывали неповторимую изумительную мелодию. Она наполняла собою пространство, усиливалась, и, отражаясь от каменных стен, уходила ввысь. Дин стоял и слушал. Музыка была прекрасна, она напоминала о чём-то давнем, забытом, возвращала его в те времена, когда город был совсем иным, не заброшенным, как сейчас, а живым, бурлящим, ярким, настоящим. Дин не мог оторваться, он стоял, слушал и слушал. Как же это было красиво! Ему казалось, что он уже любит того, кто в этот день, включив эту мелодию, открыл окно. За мгновенья он сроднился душою с ним. Человек, слушающий такую музыку, не мог быть зол, не мог быть некрасив, иначе он слушал бы совсем иное. Этот человек был прекрасен! Но выхода не было, если Дин не сообщит об этом инциденте, о нём всё равно узнают, и тогда накажут уже самого Дина, а Дин больше всего боялся потерять возможность видеть, слышать этот мир. Он не мог допустить, чтобы у него этот прекрасный, оставленный всеми город отняли.

Патруль приехал через три минуты после сигнала, отправленного Дином по специальному каналу. Две тёмные бронированные машины с красным знаком пандемии бесшумно

въехали во двор. Патрульные в серых, почти черных плотных прорезиненных костюмах, в сапогах и перчатках, не оставляющих ни одного открытого участка кожи, в объёмных шлемах, зеркальные стекла которых не давали разглядеть их лиц, с баллонами воздуха для дыхания, прикреплёнными к поясу, властным жестом приказали Дину оставаться на месте и не выходить из кабины его машины. Стремительно, уверенными шагами патрульные вошли в подъезд. Через пару минут они вывели наружу какого-то человека, Дин даже не успел разглядеть его, так быстро патрульные усадили нарушителя в свой автомобиль и наглухо задраили за ним толстую герметичную дверь. Операция была завершена. Этот человек сюда уже больше никогда не вернётся, такие никогда не возвращались. Включив сирену с красным маяком, две патрульные машины шумно скрылись. Дин снова остался один.

Он выехал на улицу и направился к Лиловому дому. Цвет этому зданию Дин выбирал долго. Дело в том, что это был единственный дом его района, во дворе которого сохранились три старых дерева. Кажется, эти деревья даже когда-то плодоносили, но теперь остались лишь узловатые ветви, да сохранившие ещё былую сочность листья. Вот из-за этих-то раскидистых зелёных крон Дин никак и не мог выбрать для дома цвет. Ему хотелось покрасить стену за деревьями так, чтобы их зелень казалась ещё сочнее, ещё ярче. Красный, жёлтый, синий, оранжевый и даже розовый цвет были, в конце концов, им отклонены и дом, наконец, было решено по-

красить в лиловый. Теперь каждый раз, заезжая в этот двор, Дин останавливался в одном и том же месте, чтобы насладиться яркой природной зеленью деревьев на фоне лиловой стены выстроенного человеческими руками здания.

После Лилового дома Дин вернулся на склад. Его грузовик был заставлен контейнерами с мусором. Его обычно, укладывали плохо, и Дин мог видеть, как развеваются на ветру вырывающиеся из-под упаковочной плёнки куски пластика и картона. Дин поспешил отправить контейнеры под пресс, и пока хрустели, сжимались в лапах безжалостной машины отходы, Дин уже ставил на свой грузовик новый груз. Предстояла поездка в квартал серых домов, так окрестил Дин для себя ту часть своего района, дома в которой он не успел ещё раскрасить, да если честно, ему пока и не хотелось этого делать. Серый квартал Дин не любил. Находился тот, через дорогу от цветных домов, разделял их широкий ручей, соединял мост. Серые дома были значительно больше и выше цветных, безликими громадами возвышались они над уютным цветным кварталом.

Наконец, Дин был готов. Он выехал, заметив, что на небе, ясным с утра, теперь появились серые тучи. Тёмные, низкие они неумолимо сгущались. Когда же Дин проехал мост, дождь шумный, звучный обрушился с неба. Потoki воды полились по лобовому стеклу, забарабанили по крыше грузовика. Но когда Дин подъехал к нужному дому, дождь уже прекратился. Пролитшись в считанные минуты, оставив за

собой потоки воды, полоса дождя пошла дальше. Дин огляделся. Дом, и весь его двор были теперь одного глянцево-мокрого цвета. Блестели лужи на превратившимся в зеркало асфальте, блестели серые стены домов, в стёклах окон которых отражалось посветлевшее небо.

Дин был сейчас в настоящем каменном мешке. Бетон, бетон, бетон, стены со всех четырёх сторон... Казалось, если бы здесь и захотела поселиться хоть какая-то жизнь, ей просто негде было бы закрепиться. Смыкающиеся стены домов образовали правильный квадрат, основанием которого была закатанная толстым бетонным покрытием детская площадка.

Товаров в эти дома заказывали всегда много. Пока проходила отгрузка, Дину вдруг подумалось, а видят ли небо жители тех квартир, окна которых выходят в этот глухой двор? Он попытался представить, как живут эти люди, ведь, посмотрев в окно, они, наверно, тут же упираются взглядом в окна соседней стены. Больше им не видно ничего. Дин задрал голову, но из кабины своего грузовика так и не смог увидеть ни солнца, ни туч, ни самого неба. «Вот и никто из них его не видит», – подумалось ему. – «И даже если захотят, уже не увидят». А нужно ли им оно? Для чего они построили такие огромные дома – безжалостные своей безжизненностью постройки?

Там в квартале цветных домов, хотя бы было оставлено место для природы, а здесь? Пустота, только асфальт и бе-

тон, да мусор, гоняемый ветром. Дин всегда удивлялся, почему в квартале серых домов так грязно. Как жильцы, которым нельзя было открывать окон, умудрялись так замусорить двор. Погрузка затягивалась, и Дину ничего не оставалось, как наблюдать, за хаотичными движениями перелетающих из угла в угол использованных полиэтиленовых пакетов. Но вот, наконец, разболтанные двери погрузочно-разгрузочного дока с шумом закрылись, можно было уезжать.

Дин объехал дом и остановился в той части двора, где была парковка. Машины, вот уже пять лет не видевшие своих хозяев, покоились под горами отходов из пластика и бумаги. Дин достал список, взял щётку, шампунь и вышел. Отыскав те автомобили, чьи номера находились в его списке, он принялся очищать их. Их хозяева оплатили сегодня их мойку. Один хозяин оплатил сегодня даже полный комплекс. Дин тщательно вытер пыль с его машины, помыл с шампунем кузов, натёр до блеска стёкла. Этот человек, похоже, не потерял ещё надежды когда-нибудь сесть в свой автомобиль, а многие уже сдались. Раньше мыть машины приходилось часто, сейчас же лишь некоторые хозяева вспоминают о том, что их автомобили ещё по-прежнему находятся на парковке. Люди потеряли интерес к внешнему миру, и теперь автотранспорт им просто не нужен. Вот они, когда-то бывшие предметом желания и гордости новомодные машины, теперь вместе со старыми и разбитыми покрываются пылью, разрушаясь под тяжестью неумолимой силы времени.

Дин покачал головой. В квартале серых домов жильцам следовало бы оплачивать уборку мусора со своих автомобилей почаще, уж очень у них было грязно.

Методично Дин объезжал серые дома. Все они были похожи один на другой. Наверняка, этот унылый бетонный район спроектировал бездушный горе-архитектор, ненавидящий людей, да и вообще всё живое. А люди? Что заставило их поселиться в этих безликих жилищах, лишаящих их возможности видеть хотя бы частичку неумолимо съедаемой городами природы. Как они живут там, узники собственных квартир, загнанные в бетонные стены собственным страхом и незримым вирусом?

Был среди серых домов один дом, который Дин хотел бы все-таки покрасить. Он сделал бы его бордового, даже скорее, багряного цвета. Шумный, неугомонный, этот дом всегда гудел, словно улей. Так всегда казалось, возгласы и крики голосов пробивались сквозь толстые стекла закрытых наглухо окон. Нет, это были не дружественные восклицания, не радостные приветствия и даже не стоны бурных объятий. Это была брань ссор, вопли скандалов. Дин, не мог разобрать слов, но дом шумел рёвом споров, завыванием перебранок. Мужские, женские, детские голоса сливались в ком людских раздоров. Дин не любил этот дом. Что заставляло их жить так беспокойно? Быть может, эти люди считают подобное общение нормой? Знают ли они, что прочие дома безмолвно тихи?

Дину вспомнилось начало пандемии. Когда вирус только возник, никто его не испугался. Все отшучивались, смеялись, надеялись на то, что болезнь далеко, но, когда по новостям стали показывать морги и каждый день оглашать количество смертей, людьми овладел страх. Все поспешили запереться в своих квартирах. Закрылось всё, кроме продовольственных магазинов и аптек. Началось время напряжённого выжидания. СМИ, как могли, нагнетали страх, чтобы побудить людей оставаться дома, и распространение вируса почти прекратилось. Люди боялись общаться, боялись встречаться, боялись покидать стены собственных квартир. Настало время «Уклонения от объятий». Никто не знал, что его ждёт, вирус был не изведен и мало изучен. Боялись все. Но сколько современный человек может просидеть в изоляции дома? Через месяц, улицы снова наполнились, людьми, через два – жизнь вернулась в привычное русло. Заработали рабочие, открылись торговые центры, возобновились поездки, и тут же покатила вторая волна. Заболевших было столько, что их никто уже не считал, никто уже не делал тестов, система здравоохранения не справлялась, лечения не существовало. Спешно создаваемые вакцины одна за другой доказывали свою неэффективность, а между тем болели все. Вторая волна унесла семь процентов населения планеты. Но тогда никто даже не предполагал, что это только начало.

Третья волна оглушила известием о том, что вирус мутировал. Он научился приспосабливаться ко всему. Теперь от

него было невозможно защититься. Он передавался воздушным путём за доли секунды и поражал самые слабые в организме органы.

Дин посмотрел на дом. Он знал, что нет тут ни одной квартиры, в которой жизнь хотя бы одного члена семьи не унесла пандемия.

Дин закончил отгрузку, но как положено, не уезжал, а ждал. Каждый день в каком-нибудь из своих домов, он получал особый груз. Сегодня этим домом был вот этот самый, с обычными серыми стенами и таким же серым невзрачным двором. После основной отгрузки, двери подъезда открылись, и к подъёмнику Дина выкатился чёрный герметичный пластиковый гроб. Когда-то умерших хоронили, но теперь их запрещено предавать земле, тела отдают Дину, он везёт их к специальной печи и там их сжигают. Даже прах отдавать родственникам запрещено. Всё, что останется тем в память – это страница умершего в социальной сети, хранящая историю с видеороликами и ленту фотографий.

Для Дина жизни людей возникали всегда из ниоткуда. Дин никогда не видел, чтобы кто-нибудь вносил маленького человека в дом, но он всегда видел, как люди эту жизнь покидали. Дин был единственным, кто провожал их в последний путь. И если зарождение жизни представлялось Дину неким мистическим чудом, то её конец, во всяком случае, для Дина был вполне осязаем, неизбежен и обозрим. Вот он чёрный пластиковый предмет, содержащий то, что было когда-то на-

стоящим живым человеком. Дин погрузил гроб в грузовик, рядом с контейнерами с мусором и надёжно закрепил.

И вот, последний на сегодня дом. Отгрузка прошла быстро. Дин посмотрел на часы – «14.37». Бывало, Дин справлялся со всеми делами быстрее, бывало и дольше. Каждый раз разное время, каждый день не похож один на другой.

Надо было, правда, ещё вернуться на склад, оставить там последние контейнеры с мусором и поставить в гараж грузовик, но это Дин уже за работу не считал. Уже можно было ехать не спеша, не беспокоясь о том, чтобы доставить груз к определённой времени. Можно было свернуть с короткого пути и проехать по той дороге, что граничила с заброшенным пустырьём, откуда виден был горизонт. Дин ехал, любуясь окончательно посветлевшим небом. Тучи ушли, и диск солнца стоял теперь прямо над головой. От дождя, уже не осталось и следа, теперь о нём напоминали лишь оставшиеся кое-где в тени непросохшие лужи.

Дин приехал на склад. Прежде, чем закрыть за собою гараж, он вышел из кабины грузовика с бутылкой и набрал воды. Это для тех цветов, что рядом с Красным домом, и которые он завтра снова польёт. Дин прикрыл двери гаража, так чтобы грузовик не нагрелся под набиравшими силу лучами солнца. Двери можно было не запирать. В этой части города Дин был один.

Четвертая волна пандемии окончательно загнала людей в свои жилища. Именно тогда стало понятно, что, если чело-

вечество хочет выжить, всем придётся оставаться дома. Открылись виртуальные развлекательные центры, кафе, кино-театры, заработали в полную силу виртуальные рабочие места, дистанционное обучение и интернет-магазины. Оказалось, что жить, не выходя из дома, не только возможно, но и во многом удобно. Всё, к чему люди привыкли, было теперь под рукой, виртуальная сеть стала полным аналогом прежней жизни.

Закончив на сегодня все дела, Дин отправился в парк. Наступали те часы дня, когда он предоставлен самому себе. Он был один, а значит, ему сейчас принадлежит весь мир, по крайней мере, та часть, что находилась в пределах обслуживаемого им района.

– Дружище, ну подожди, давай через пол часика, а лучше минут через сорок, – услышал Дин, голос в трубке, когда набрал один из номеров из своего списка контактов.

Дин мог и подождать, он никуда не спешил. Значит, у него освободилось время, чтобы погулять возле пруда.

Дин сел на скамейку и принялся рассматривать круживших над водоёмом чаек. Странно, три года назад их тут совершенно не было, да и откуда им взяться? Белые чайки птицы крупные и по большей части морские. А тут, где-то полгода назад, Дин заметил одну из них на пруду, а потом подтянулись и остальные. Нельзя было сказать, что городской пруд был велик, скорее наоборот, если сравнивать его с морем, так это просто лужа, но, видно, в отсутствие людей в

пруду развелось рыбы столько, что чайки решили сорваться с привычных мест и прилететь сюда. И вот теперь Дин любовался этими парящими в синем небе сильными белоснежными птицами. Под их крики Дину представлялось, что море, бурное, глубокое, само пришло к нему.

– Эй, Дин, я готов, – прозвучал бодрый голос, когда Дин ответил на звонок.

Дин встал. Пробежка! Это была их договорённость – его и этого человека, который когда-то занимался тут бегом, а теперь не имел возможности выйти в парк. Дин включил камеру.

– Ну, на старт! Побежали! – скомандовал голос позвонившего.

Включив секундомер, Дин понёсся по аллее. Любил он эти моменты, когда мчишься, рассекая пространство, ощущая нарастающее от скорости давление ветра, рассматривая склоняющиеся над тобою пышные ветви крон. Дину не с кем было сейчас соревноваться, на дорожке он был один. Мягкое покрытие, когда-то знававшее шаги тысячи ног, теперь пустовало. Дин каждый день соревновался только лишь с самим собой. Он бежал, вспоминая, какой была эта пробежка вчера, позавчера, неделю назад. Дин следил за временем. Он видел, что куст с дикой бузиной вчера он прошёл позже, а поворот на горку чуть раньше, спуск удался ему сегодня лучше, чем вчера. Дин соревновался с собою прежним.

– Плавней, плавней, – просил голос с позвонившего. –

Мягче входи в поворот. А вот там, видишь засохшее дерево, вот там ускорься...

Дин слушался. Они бежали вместе, Дин и тот человек, что смотрел сейчас на мир через закреплённую на Дине камеру. Он был далеко, где-то в своей квартире, и видел этот мир сейчас глазами Дина. Кода-то он тренировался здесь. Он знал трассу хорошо, очень хорошо, чувствовалось, что он бегал тут когда-то часами. По тому, какие инструкции он давал, Дин понял, насколько тот любит этот парк, эту дорожку и бег. Денег с этого человека Дин не брал. Он хотел под его руководством просто научиться бегать. Бег походил на полёт – скорость, ветер, свобода.

– Ух, почти идеально! – радовался голос, когда Дин закончил пробежку. – Спасибо тебе. Дружище! Не представляешь, как мне этого сейчас не хватает.

Дин не представлял. Он стал бегать относительно недавно, а этот человек, провёл на этих дорожках, казалось, целую жизнь. Он знал каждую ветку, каждый куст, каждый изгиб дорожки. Но Дин превзошёл его. Он стал самостоятельно тренироваться и изучил трассу досконально. Он знал теперь плотность покрытия на каждом её сантиметре, научился пересчитывать её характеристики в зависимости от погодных условий, анализировать новые помехи, будь то камушек, непросохшая лужица или упавший с дерева лист. Дин посмотрел на секундомер. Сегодня он на три с половиной секунды улучшил свой результат.

Раньше Дин оказывал и другим людям подобные услуги. Через камеру он показывал им тот их привычный мир, от которого они были вынуждены отказаться. Дин был их глазами, ушами, руками. Но тех, кто скучал по своим прежним занятиям, осталось теперь мало. Один раз Дину довелось запустить воздушного змея. Это было здорово. Человек оплатил змея и Дин забрал его на складе, а потом они вместе смотрели в небо. Яркий змей с длинным хвостом взмыл ввысь и долго парил, удерживаемый Дином. Странно, вроде бы такое бесполезное занятие, но какой восторг вызывало оно, как завораживал этот, похожий на парившую птицу, «Семицвет». Тот человек, что заказал этот удивительный полёт, он тоже был в этот момент счастлив, Дин это почувствовал. Дин с удовольствием пережил бы ещё раз тот день, но змея ему пришлось отдать хозяину, а полёты больше никто не заказывал.

Люди, закрывшись в квартирах, погрузились в созданную ими цифровую среду. Там они теперь работают, творят и отдыхают. Программы симуляторы заменили людям весь тот мир, что их окружал. Теперь, чтобы покататься по морю, посоревноваться и даже поужинать в ресторане, достаточно было всего лишь оплатить доступ к соответствующему сервису. Люди знакомились, общались, встречались, не выходя из стен собственных квартир. Друг друга они видели только лишь через объективы камер. Чтобы мужчине и женщине встретиться лицом к лицу, надо было создать семью. Разре-

шения на брак дожидались месяцами.

Пятая волна пандемии была опаснее всех предыдущих. Вирус, казалось, стал вездесущ. Он обнаруживался у всех. Дин не помнил уже, насколько тогда увеличилось количество смертей, но людьми окончательно овладел страх. Они стали бояться общаться даже с членами собственных семей.

Дин оказался сейчас на противоположной от его района части склона. Было красиво. Солнце стояло ещё высоко, но уже чувствовалось, что день близится к концу. Дин заметил, как возвращается на свой склад грузовик соседнего района.

Весь город был теперь поделён, Дину нельзя было покидать свою зону. Там, в соседнем районе, работает кто-то подобный ему, единственный, кому принадлежит та область настоящего, живого мира, с границами из красных лент. Возможно тот, кто сидит сейчас в кабине грузовика, тоже это ценит и счастлив. Он, подобно Дину, радуется тому, что может наслаждаться солнцем и небом, слышать щебетание птиц. Улицы были пусты и тихи, это означало, что, выйдя из кабины грузовика, можно будет, прислушавшись, услышать звук ветра.

Когда-то у Дина был напарник. Они работали вдвоём. Вместе катались они, выполняя заказы, вместе доставляли грузы, по очереди водили грузовик. Болтали, частенько спорили и делили оставшийся в их распоряжении мир на двоих. Они с Дином были разными, но их объединяла искренняя привязанность к реальному живому миру. Они работа-

ли вместе с начала пятой волны. К тому времени выяснилось, что каждая из вновь создаваемых вакцин, в конечном счёте, оказывается неэффективна, а каждый массовый выход людей из своих квартир неизбежно ведёт к возобновлению пандемии. Все в очередной раз оказались загнанными в свои жилища, Дин же с напарником работали вдвоём, обслуживая весь район, а потом у напарника обнаружился вирус. Он чихал целый день, а на следующий приехал патруль и забрал его. Дин хотел было сообщить патрулю, что просто зацвела амброзия – жёлтый невзрачный цветок, являющийся мощным аллергеном. Ветер доносил её пыльцу с полей. Но то, что творилось сейчас в умах людей, Дин назвал про себя «пандерией». Это был уже не просто страх перед эпидемией, к пандемии примешалась настоящая истерия. Люди боялись всего. Любого признака, похожего на тот, что вызывает вирус, было достаточно для того, чтобы человека заключили в изолятор. Карантин был строжайший. Дин попытался вспомнить, встречал ли он когда-нибудь потом тех, кого забрал однажды патруль, но припомнить таких не смог. Чёрная машина приезжала быстро и никого обратно уже никогда не привозила. Хроники только множили количество смертей. Дин хотел было сказать, тем, кто приехал за напарником, что у того, по всем признакам, просто обычная аллергия. Но, во-первых, во времена бушующей «пандерии», вызывающей панику при любом признаке простуды, ему бы никто не поверил, а, во-вторых, в отсутствие напарника, он

понимал это, и в тайне этого хотел, ему одному оставался весь мир. Всю полноту своего одиночества Дин ощутил на следующий день, после того, как лишился напарника. Минут пять он даже по тому скучал, но, когда Дин понял, что может теперь, жить в своём ритме, не подстраиваясь под того, кто бывало, очень ему докучал, Дин ощутил настоящую свободу и радость. Он остался совсем один и неожиданно это ему понравилось. Ему достался целиком весь район, который он так полюбил. Можно было жить, трудиться и наслаждаться тем, что каждый день так неповторим и так не похож ни на какой другой.

Солнце неумолимо двигалось к горизонту, а у Дина оставалась ещё пара дел. Настало время проверить, зацвели ли сегодня розы. В парке остался старый розарий. Теперь за ними никто не следил. Цветы стали дикими и росли сами собой. Дождь поливал их, ветер обламывал старые ветви, снег укрывал. Дин регулярно приходил полюбоваться цветами и знал, казалось, каждый бутон. В эту пору цвели красные розы, жёлтые, жёлтые с красной серединкой, ярко-розовые и бледно-розовые, Дин же дожидался цветения белых. Их пышные ветвистые кусты уже выкинули бутоны и теперь, дразня Дина, каждый день были готовы раскрыть их, но ждали, не распускались.

Дин, подгоняемый неизбежным приближением заката, поспешил к кустам. Белые бутоны раскрылись! Не все, но три нежных, покачивающихся на ветру бледных цветка, рас-

пустились. Дин застыл, цветы были великолепны. Плотные белые прожилки выделялись на полупрозрачном дымчато-белом фоне каждого листка, края же листьев были какого-то изумительного розоватого цвета. Дин любовался. Он рассматривал каждый цветок, удивляясь искусству создавшего их творца, когда услышал какое-то движение за кустами. Он заглянул за листву и от неожиданности отпрянул. Двое подростков – парень и девушка, удивлённо смотрели на него. Что они делали? Откуда взялись? Кто они? Кто разрешил им покидать дом? Увидев Дина, дети, испугались. Девушка боязливо выдернула руку из руки парня, рядом с подростками валялась бутылка, в волосах у девушки был сорванный с куста четвёртый распустившийся цветок, самый крупный, самый красивый. Дину надо было срочно принять решение. Формально, нарушители изоляции не относились к его району, парк вообще никому не принадлежал. Дин пытался отыскать в памяти инструкцию собственных действий в подобной ситуации. Должен ли он сообщить о нарушителях? В тот же самый момент подростки, видимо, лихорадочно пытались сообразить, спрятаться ли им или же побежать, и что делать с обнаружившим их Дином? Дин силился найти основания сделать сигнал в органы надзора. Подростки, переглянувшись, кажется, решили Дина устранить.

Всё разрешилось быстро и само собой. В прозрачной тишине Дин своим привыкшим к отсутствию звуков слухом уже слышал слабый, но, в то же время, ясный гул лопастей

неумолимо приближающегося вертолѐта. Ну конечно, как он мог забыть о том, что перемещения всех людей давно отслеживаются. На что надеялись эти дети? Как им вообще удалось забраться так далеко? Как они смогли выбраться из своего района?

Люди в защитных костюмах с отличительными знаками работников патруля на рукавах опустили бесшумно и быстро. За доли секунды было всё решено. Подростки сопротивлялись. Парень пытался вырваться, девушка кричала, но что могли сделать они против тех, кто был натренирован выявлять и изолировать нарушителей режима пандемии. Патрульные действовали слаженно и чётко, и вот уже дети были заключены в вертолѐт, тот взмыл в небо, обдав оставшегося в одиночестве Дина, мощным потоком воздуха. Дин бережно поднял с травы растоптанный белый цветок, ещё несколько минут назад украшавший причѐску девушки. Листья его были растерзаны и безвозвратно смяты.

Что наделали эти дети? Зачем? Покидать свои жилища категорически запрещено. Чтобы прийти сюда им пришлось оставить дома все свои электронные гаджеты, браслеты смартфоны, по которым их могли бы отследить. Они пришли сюда, свободные от всего, только для того, чтобы побыть вдвоём. Для чего? Чтобы лишь удовлетворить зов природы. Не нашли места для уединения в здании? Люди их возраста давно привыкли не стесняться объективов вездесущих камер. А они? Что им было нужно здесь?

Дин рукой провёл по траве, пытаясь разгладить смятый её покров, с сожалением посмотрел на сломанные подростками ветви розы.

Их не вернут, он в этом был уверен. Все те, кого забирал патруль, уже не возвращались. Неужели дети этого не знали? Или там, в зданиях, людей держат в неведении? Неужели они не знают, что происходит с теми, кто может быть заражён? Знают ли они, что заражённым считается любой, кто выйдет наружу? Формально, переносчиком вируса был и сам Дин, но он был особенным, он был один и был изолирован от тех, кто оставался в домах.

Стоило ли бессмысленное увлечение детей их сломанных теперь навсегда жизней? Дин посмотрел на скомканный, смятый белый цветок. Их уже не вернуть...

Дин снова попытался разровнять траву и бросил это занятие. Трава поднимется сама, а вот сломанным ветвям никогда уже не быть одним целым с кустом. Дин взял их, на них были бутоны, много бутонов.

Почему везде, где появлялись люди, они оставляли свои разрушительные следы? Дин всё понимал, людям по праву рождения принадлежал весь этот мир. Их разумность давала им право властвовать над животными, растениям, цветами... Но почему всегда так грубо, так губительно, так варварски обращались они с тем, что и без того готово было им подчиняться. Что за неуёмная страсть всеобъемлющего превосходства?

Дин планировал ещё сходить сегодня в ту часть парка, где когда-то работали аттракционы, но приблизился закат, надо было занять место, с которого он будет виден. На примете у Дина было несколько локаций. Сегодня он решил наблюдать закат со склона западного холма там, где заканчивалась ветвистая изгородь, и начиналось широкое необъятное пространство. Здесь был обрыв, и высоченные сосны, росшие внизу, казалось, специально раскачивали своими ветвями, чтобы дотянуться до стоявшего наверху Дина своими остренькими иголками.

Нет, никогда ни один день не будет похож на другой. Вчера в это же время Дин сидел на скамье парка, в окружении кустов цветущего шиповника и тоже наблюдал закат. А позавчера, любясь на заходящий диск солнца, увидел взмывшую вверх стаю птиц. Птицы пронеслись в клубах позолоченных закатом облаков, и это было красиво. Каждый вечер был не похож один на другой, но солнце... Оно было самую вечностью. Каждый день оно неизменно поднималось на востоке и так же неизменно садилось на западе, ничто не нарушало его величественный ход. Оно объединяло собою и время, и пространство, делая день днём, ночь ночью.

Дин включил камеру, чтобы провести трансляцию заката в сети. И если рассвет никого не интересовал, люди попросту в это время ещё спали, то закат некоторые, кто ещё не потерял память об окружающем мире, смотрели. Интересно, а знают ли они, что солнце утром поднимается над горизон-

том, обратно тому, как уходит вечером за горизонт и это тоже красиво. Не думают ли они, что свет сам собою возникает из темноты, чтобы осветить их окна.

Дин знал, что о том, что происходит снаружи, а люди знают, зачастую, лишь из программ-симуляторов действительности? Интересно, что показывают они? Как детям объясняют, что такое, например, дождь? Что это некая влага, которая льётся с неба подобно тому, как течёт вода из крана? А ветер? Как объяснить ребёнку, не побывавшему на улице, что такое ветер? Наверно, люди должны ещё помнить, что такое небо или шум листвы. Но Дин хорошо знал, что даже его трансляция заката в сети будет идти с автоматическим улучшением и коррекцией изображения видео. Люди привыкли видеть мир иным, не таким, каким он был на самом деле.

Солнце стало садиться. Дин наблюдал, как сначала самый краешек солнечного диска дотронулся земли, а потом всё увереннее и неумолимо весь этот огненный шар уходит за пределы потемневшей земли. В трансляцию посыпались одобрителные лайки. Дину подумалось, а кому эти «лайки» нужны? Солнцу? Оно величественное, вечное и без людей будет уходить и потом снова подниматься над горизонтом. Дину? Он тоже без всяких лайков будет проводить трансляции, потому что это оговорено в контракте с нанявшей его на работу компанией. Самой этой компании? Нет, она получала доход не от лайков, а от количества просмотров трансляции. Скорее всего, людям просто хотелось хоть как-то вы-

ражать друг перед другом свои чувства. Что им ещё оставалось? Скучный инвентарь эмоций. Для положительных – только лишь цифровая иконка с поднятым вверх пальцем. Теперь это и одобрение, и радость, и восторг. Добро – противоположность всему дурному, злу – опущенному вниз пальцу. Эмоции в отсутствии контакта с окружающей природой тоже выродились и превратились вот в этот одинокий палец. А Дин сейчас испытывал то, что наверно было бы правильно назвать благоговейным созерцанием. Он видел, как солнце, окрасив напоследок облака в розовый цвет, блеснуло последним лучом и скрылось. Дин завершил трансляцию.

Настало время сумерек. После захода солнца Дин долго смотрел в небо, как будто ожидая увидеть ещё какое-нибудь чудо, пока оно, сначала окрасившись в бледно-васильковый, затем в пурпурный цвет не стало, наконец тёмно-синим. Дин дождался первой звезды. Крупная, яркая она зажглась совсем недалеко от линии горизонта. Дин знал, что это даже не звезда, а планета, сегодня, как и вчера это была ближайшая к Земле, Венера. Пора было домой.

Какое-то время Дин брёл в темноте, но вот, у начала улицы он, наконец, попал в свет первого фонаря, за ним был другой, потом ещё один. Фонари горели теперь один через два. В мире, где не было людей, излишняя иллюминация была ни к чему. Свет включали только лишь для того, чтобы камерам слежения было проще распознать лица возможных нарушителей, хотя Дин давно уже, даже с наступлением темноты, на

улицах никого не встречал. Раньше, во времена шестой, может даже седьмой волны такое ещё случалось, но сейчас было время уже двенадцатой. Люди боялись. К нынешнему времени весь свод законов, весь государственный аппарат работал на то, чтобы не позволить человеку покинуть стены собственного дома. Вирус был страшен, в этом никто не сомневался. Он видоизменялся, мутировал, и неизбежно вёл к вспышкам эпидемии, как только люди начинали контактировать друг с другом. Так было раньше, а теперь... Дин уже и не знал. Прошли времена восьмой, девятой, десятой волн... О начале каждой из них регулярно твердили все средства массовой информации, но Дин видел, что уже после седьмой волны никто не решался выходить из зданий, улицы оставались пусты. Люди привыкли сидеть дома, они боялись выходить на улицу, а их пугали вирусом всё больше и больше. Во время первой волны, Дин это видел по покупкам людей, у тех началась настоящая истерия. Они скупали средства личной защиты и продукты долгого хранения. Для чего? Зачем? Что им говорили? К объявлению начала восьмой волны, людям окончательно было запрещено покидать стены своих домов. Вся деятельность человека должна была происходить исключительно средствами цифровой электронной сети. К новым правилам привыкли быстро, все оставались дома.

А Дину, работающему уже много лет доставщиком товаров, неожиданно, достался весь покинутый людьми мир. Теперь люди пребывали всеми своими мыслями в каком-то

цифровом виртуальном пространстве, а Дин мог сейчас любоваться листвой в свете фонарей. Это было потрясающе! Странно, при ярком солнечном свете вся листва сливалась в единую зелёную крону, а при свете неяркого одиночного фонаря, пронизывающего своим бледным лучом ветви, вдруг каждый отдельный лист приобретал свои особенные очертания. Каждый, что попадал под этот желтоватый прозрачный свет, внезапно становился уникальным своей изящностью и неповторимостью. Дин мог бы любоваться узором этого живого кружева часами. Тот же свет лился на дорогу, на глянцево-окна первых этажей. Красиво. Всё вокруг было красиво. Иногда Дину казалось, что он понял, почему случилась пандемия – люди просо перестали любить этот мир. Они ходили либо, устремив взгляд прямо перед собой, либо опустив голову вниз, не глядя по сторонам.

СМИ пугали всё возрастающим количеством смертей, но Дин то знал, что число забираемых им из домов ящичков с телами не изменилось. Может где-то там, куда забирали тех, кого считали заражённым, было всё иначе, но в районе Дина, люди умирали и рождались так же, как и прежде.

Дин посмотрел вверх. Уже не одна звёздочка, а больше сотни были различимы и, если присмотреться внимательнее, можно было сложить их в созвездия. Дин знал, почему люди оставили этот мир, он стал им просто не нужен. Уже давно, задолго до начала пандемии, люди перестали смотреть в небо.

Дин задумался, каким бы цветом он мог определить сегодняшний день. Когда-то у него возникло желание красить стену хотя бы одного дома полосками в цвет прожитого дня. Дин призадумался. Нет, каждый раз он сталкивался с одной и той же проблемой. Разве может быть день определён лишь одним каким-то цветом? Люди часто говорили: «началась тёмная полоса» или «прошла светлая полоса», а у Дина каждый день не только не был похож один на другой, но и внутри того вмещалась масса разноцветных событий. Сегодняшний день, например, включал в себя жёлтую полоску рассвета, серую – пролившегося дождя, зелёную полоску – в цвет дома, из которого Дин слышал потрясающую музыку, чёрную – цвета полученного им очередного ящика с телом ушедшего сегодня из жизни человека, красную – цвета знака патруля, жестоко забравших из парка нарушивших изоляцию подростков... Завтра будет новый день и он, как и все прочие, не будет похож ни на один другой.

Перед входом в своё жилище Дин снова посмотрел в небо. На него смотрело сверху бескрайнее, необъятное, завораживающее своей красотой, усеянное звёздами вечное бесконечное пространство.

Дин отворил дверь, проскользнул в образовавшуюся узкую щель и прошелестел по гладкому полу своими колёсами. Он был дома. В стекле тёмного окна отразился пластиковый корпус тела Дина, его четыре манипулятора-руки и гладкая, с расположенными по окружности камерами голо-

ва. Дин – «Digital Intelligence No. 2042-232» – надпись на его груди. Аккумуляторная батарея Дина была разряжена до одиннадцати процентов. Дин подключился к розетке. Через несколько часов он снова будет готов к встрече нового дня.

2020

Дезинформация

«Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким!» (Ис. 5:20)

– Мне смотреть в камеру?.. – несмело уточнил Дэвид.

– Не обязательно, – не поднимая на Дэвида глаз, ответил ему тот, кого Дэвиду сказали именовать «Вашей честью». – Это ещё не слушание. Сегодня нам всего лишь предстоит выяснить вопрос с вашей защитой. Итак, вы намерены воспользоваться услугами адвоката или будете защищать себя сами?

– Я?.. Нет... Сам я не смогу... Я не знаю...

– Намерены ли вы пригласить своего защитника? У вас есть личный адвокат?

– Нет... – замялся Дэвид.

– В таком случае защитник будет вам назначен судом.

На этом первая встреча с судьёй была окончена. Человек в чёрной мантии звучно стукнул молотком и Дэвида повели обратно в камеру.

***

– Ну что ж, давайте знакомиться. Я Лион-Чарльз или Чарльз-Лион, это уж как вам угодно. Буду представлять ваши интересы в суде, – представился вошедший в камеру пухленький человечек в очках.

– Странное у вас имя, – пробормотал Дэвид, бросив на своего адвоката недоверчивый взгляд.

– Ничего странного, – доставая из кармана помятый платок и вытирая им свой лоб, ответил защитник. – Отец хотел, чтобы я был Лион, мать желала назвать меня в честь деда, вот и получился Лион-Чарльз. Что ж, давайте попробуем перейти к нашим делам...

– Мне смотреть в камеру? – поинтересовался Дэвид, приподнимаясь на кровати.

– Сейчас совсем не обязательно, а вот на слушаньях очень рекомендую не забывать, что ваше изображение транслируется на всю сеть.

– Вы полагаете, есть шанс выиграть моё дело? – неуверенно уточнил Дэвид.

– Ну, если вам дали меня, то значит, шансов выиграть это дело нет... – протяжно произнёс Лион-Чарльз, протирая очки тем же самым платком, которым он только что вытирал лоб.

– Вы считаете себя настолько плохим адвокатом? – поинтересовался Дэвид.

– Адвокат, я может и неплохой, но вы должны понимать, что адвокат я бесплатный, значит я, априори, не могу хорошо вести свои дела, иначе для чего бы тогда людям оплачивать услуги платных адвокатов.

– И что это значит? – удивлённо спросил Дэвид.

– Это значит, что ваше дело будет проиграно, моя же за-

дача проиграть его красиво, зрелищно, чтобы пользователи судебного канала были заинтересованы в просмотре нашего процесса и удовлетворены. На вашем месте я бы не расстраивался такому положению вещей.

Лион-Чарльз взял стул и уже устраивался напротив Дэвида, громоздя на своих коленях объёмный потрёпанный портфель.

– Я ознакомился с вашим делом. С вашей стороны было правильным решением отказаться от платных защитников, да они и сами не взялись бы за вас, шансов выиграть по вашему делу нет. Компания, в которой вы работаете, не желает брать на себя ответственность за случившееся, а значит, отвечать за то, что произошло, придётся вам, как человеку, в чьи прямые обязанности входит не допущение ситуаций, подобно произошедшей.

– Если понятно, что я виноват, зачем же нужен суд, весь этот процесс? Можно сейчас же признать меня виновным и назначить наказание...

– Закон! – Лион-Чарльз прервал Дэвида и торжественно поднял вверх указательный палец. – Над нами закон, никто не может быть признан виновным без суда.

– Ясно, – уныло смирился Дэвид. – И вы мне предоставлены тоже по закону?..

– Совершенно верно, – одобрительно кивнул Чарльз-Лион. – Каждому положен защитник в суде.

– Красиво звучит, – задумчиво произнёс Дэвид.

– Красиво, – согласился Лион-Чарльз. – Вы то сами признаете себя виновным?

– Да вроде я и виноват... Но как-то странно всё... Не вижу я самого преступления, да и все остальные, разве они лучше?..

– Вот именно, – обрадовался Лион-Чарльз, пересаживаясь к Дэвиду на кровать. – На этом я и собираюсь строить защиту. Вот здесь, – Лион-Чарльз раскрыл портфель, – достаточно всяких материалов. Я называю это методом «Защиты нападением». Мы докажем, что современное общество таково, что подобные случаи не редкость, и в мире происходит много всего и похуже.

– Вы думаете это поможет выиграть процесс? – поднял Дэвид на своего собеседника глаза.

– Нет, – покачал отрицательно головой защитник и устремил свой взгляд в пол. – Но, несомненно, это поможет сделать его увлекательнее.

– Для чего это вам? – уныло спросил Дэвид.

Лион-Чарльз призадумался.

– Учился я неплохо, – начал он, – даже делал успехи, но по выходу из университета мне предложили именно эту работу – бесплатного государственного защитника. Я согласился. Мне доходчиво объяснили мою роль. Выигранные дела – не моя цель. Но, знаете, я не жалуясь. Каждый раз я берусь за дело так, как будто хочу его выиграть, но на самом деле мне всего лишь надо сделать процесс интересным, чтобы поддер-

жать престиж судопроизводства перед гражданами нашего государства. Нашему каналу в сети нужны просмотры, платные зрители, крупные рекламодатели, доход. Вот и всё.

Дэвид с сочувствием посмотрел на Лиона-Чарльза. Скорее всего, они с ним были ровесниками, только Дэвид высокий, худощавый программист, а Лион-Чарльз упитанный кругленький адвокат. Дэвид вздохнул.

***

– Встать, суд идёт! – раздался возглас.

И, несмотря на то, что при этой фразе давно уже никто не вставал, именно она, до сих пор возвещала о начале любого судебного заседания.

Включились камеры. На мониторах подписчиков судебного канала, решивших сегодня посмотреть разбирательство очередного дела, один за другим открылись окна судьи, прокурора, Дэвида, и, наконец, окно в котором был Лион-Чарльз. Дэвид немного нервничал. В последнее время он приучил себя смотреть прямо в камеру, но от осознания того, что там сейчас находятся те, кто будут решать его судьбу, было не по себе. Он-лайн участников трансляции было пока немного – сто три. Именно они, люди, заплатившие за подписку на канал и включившие его во время разбирательства процесса, автоматически становились присяжными, каждому из них давалось право отдать свой голос за обвинительный, либо за оправдательный приговор.

Разбирательство началось. «Сегодня 24 мая 2046 го-

да...» – монотонно принялся зачитывать данные по процессу электронный информатор-секретарь.

Итак, разбиралось дело, в котором некий Джон Стрип... «Джон Стрип, самое банальнейшее из всех современных имён», – неприязненно подумал Майк. Итак, некий Джон Стрип обвинял компанию «Бельвелл медиа энд групп банк» в дезинформации. Компания «Бельвелл медиа энд групп банк» перекладывала всю ответственность на компанию «Инвелл индастрик», занимающуюся обслуживанием её серверов, та, в свою очередь, переводила ответственность на фирму «РСР», с которой заключила договор подряда на выполнение программного сопровождения, и которая всю вину переложила на своего работника Дэвида Клайва, не справившегося со своими должностными обязанностями и ставшего вследствие этого виновником случившегося.

Секретарь зачитывал длинные фразы, изобилующие юридическими терминами, суть же дела состояла в том, что этому самому Джону Стрипу примерно два месяца назад пришло электронное уведомление о поступившего на его банковский счёт некого перевода суммой в одну электронную банкноту. Сумма была ничтожно мала. В сообщении ни отправителя, ни цели перевода не значилось. Через три дня ситуация повторилась, ещё через несколько дней, проверив свой счёт в банке, Джон Стрип поступившие ему две банкноты в выписке приходных операций по счёту не обнаружил. Сумма была мизерная, плательщик неизвестен, да и

деньги эти Джон Стрип ни откуда получить не ожидал, но то, что уведомления об их поступлении оказались ложными было достаточно, для возбуждения уголовного дела против Дэвида Клайва – нанятого фирмой «RCP» свободно-го программиста, ответственным за стабильность работ клиентских процедур. Так Дэвид оказался в камере, и именно на него, в случае признания его виновным по одной из самых популярных на сегодняшний день статей «Дезинформация», будет возложена уплата суммы в миллион цифровых банкнот за причинённый Джону Стрипу моральный ущерб.

Сам Джон Стрип на судебное заседание не явился. Его интересы представлял в суде прокурор, выступающий в роли обвинителя, в качестве защитника выступал государственный адвокат Чарльз-Лион.

Сначала суд обратился к Дэвиду. Обыкновенные вопросы о его имени, возрасте, месте проживания, роде занятий сегодня Дэвиду показались невероятно унижительными. Все зрители процесса, которые оставались сейчас где-то за другой стороной экрана, были ему совершенно невидимы и неизвестны, а вот он обязан был предстать перед всеми открыто вопреки своей воле.

Дэвид то и дело посматривал в нижний угол своего монитора, где отображалось число зрителей-присяжных процесса. Их было уже сто пять. В Дэвиде ещё теплилась надежда, что дело его окажется столь малоинтересным и незначительным, что большинство участников скоро покинут эту транс-

ляцию, и тогда из оставшихся десяти человек найдутся хотя бы пять, которые проголосуют за оправдательный приговор. Этих голосов будет достаточно для того, чтобы Дэвид снова обрёл свободу.

Когда судья задал Дэвиду вопрос: «Признает ли он подсудимый себя виновным?» – Дэвид, по научению Чарльза-Лиона, ответил: «Нет».

Начались судебные прения. И вот, на всех экранах крупным планом возник обвинитель. С его появлением количество участников процесса резко пошло вверх, а каждое сказанное им слово оставляло Дэвиду всё меньше шансов оправдаться.

– «Информация»! – так начал обвинитель свою речь. – «Информация!» – вот, что мы ценим сегодня превыше всего. Правдивая, достоверная информация – вот что составляет основу нашего общества. «Кто владеет информацией, тот владеет миром!». В наш век, век немыслимого развития цифровых технологий, давайте представим, что случится, если хотя бы на минуту мы перестанем владеть достоверной информацией. Это будет крах, крах всей системы, хаос! Чем успокоить нам десять миллиардов человек, проживающих сейчас на земле, если они потеряют веру в то, что цифровые данные, хранимые в нашей общей, накопленной за почти что век существования базе, неверны? Как люди смогут доверять государственной и экономической системе? Кто станет размещать свои деньги в банках, если те не смогут

обеспечивать надёжность цифровых вкладов? Как заключать договоры директорам крупнейших предприятий, если не будет обеспечена сохранность их цифровых подписей? Как совершать покупки простым обывателям, если не будет надёжной системы защиты их электронных платежей? Как, наконец, человек сможет доказать, что он, это он, если мы допустим закрасться ошибкам в единый цифровой реестр личных данных граждан.

Дэвид сник. Он понял, к чему клонит обвинитель. Но тут ему пришло сообщение от Чарльза-Лиона: «Не переживай, каждый процесс по статье «Дезинформация» он начинает с этих слов».

– Информация – основа основ! Вот, что мы обязаны беречь! Вот, что требуется защищать самым ревностным образом! Вот, в чём мы не должны допустить никаких, даже малейших ошибок. Что же произошло в нашем случае? В разбираемом нами деле мой клиент был самым жестоким образом дезинформирован.

– Протестую, Ваша честь, – перевёл на себя взгляд камер Лион-Чарльз. – Обвинитель даёт свою субъективную оценку.

– Протест принят, – возгласил судья.

– В разбираемом нами деле моей клиент был дезинформирован, – поправился обвинитель, к одобряющим оценкам зрителей судебной трансляции. – Факт дезинформации налицо – два сообщения о поступивших на счёт денежных суммах.

– Ответчик, что вы можете сказать в своё оправдание? – обратился судья к Дэвиду.

Дэвид поёжился. Что он мог сказать? Что в его практике это впервые? Было проведено расследование, в ходе которого специально приглашённые его работодателем независимые эксперты признали, что это по вине Дэвида на обслуживаемый им банковский сервер не была вовремя установлена какая-то очередная системная заплатка. И хотя сам Дэвид очень сомневался, что именно в этом причина, но времени досконально проверить программный код ему не дали, начался судебный процесс.

– Ваша честь, – перевёл на себя внимание Лион-Чарльз. – Мой подзащитный ответственности с себя за происшедшее не снимает, но давайте разберёмся, попадает ли его проступок под столь серьёзную статью, как «Дезинформация».

Судья кивнул, Лион-Чарльз продолжил.

– Итак, потерпевший утверждает, что получил сообщения о поступлении неких денежных сумм, но из его же слов следует, что переводов этих он ни откуда не ожидал. О каком же тогда причинённом ущербе мы можем вести речь? Если никакого поступления денежных средств не ожидалось, соответственно, оно и не произошло.

– Протестую, – перевёл на себя внимание прокурор. – Мы говорим сейчас не об ожиданиях пострадавшего, а о конкретном факте. Пришла информация о поступлении денег, а на счету их не оказалось.

– Хорошо, – согласился Лион-Чарльз, – давайте посмотрим на этот факт с другой стороны. О каком ущербе мы можем говорить, если суммы, указанные в сообщениях малы? Что можно купить на две электронные банкноты?

– Давайте не будем делать выводов о том, каким образом мог бы потратить деньги потерпевший, – возразил прокурор. – Ему пришло сообщение о зачислении на счёт средств, а самих денег он не получил. Это явный факт дезинформации. За генерирование подобной информации банковским сервером «ВЕ-034» в силу своих должностных обязанностей отвечает наш сегодняшний подсудимый.

Дэвид сник. Когда там, в камере, Лион-Чарльз сказал, что им не оправдаться, он был прав. Судья и прокурор затихли и чего-то выжидали.

– Тогда я готов ради защиты моего клиента поспорить с обществом за смысл самого термина «Дезинформация»! – помпезно произнёс Лион-Чарльз.

Дэвид не мог не заметить радостных взглядов прокурора и судьи. Дэвид понял, начинается то, чего все ждут и ради чего и был затеян этот процесс. Начиналась борьба за число платных подписчиков судебного канала.

– В качестве свидетеля вызываю Тину Лейн, – возгласил Лион-Чарльз.

Раскрылось новое цифровое окно, в котором предстала женщина тучная и угрюмая. Габариты тела её были таковы, что камера с трудом охватывала её дородное тело и обрюзг-

шее лицо.

Отчего-то Дэвиду эта женщина показалась знакомой.

После слов стандартной для свидетелей присяги Лион-Чарльз начал свой допрос.

На экране возникла фотография. Ну конечно, изящную девушку с длинными локонами, улыбающуюся с фотографии, Дэвид сразу узнал. Они переписывались пару лет назад. Переписка длилась почти месяц, а встреча в реальности всё откладывалась, когда же Дэвид, влюблённый и сражённый соблазнительными обещаниями встретился с той, в чьём аккаунте красовалась эта самая фотография, то узнал, что фотография, как и все прочие, размещённые на странице видео и фото, была сделана восемь лет назад и девушка за это время, мягко говоря, изменилась. Имя её было Тина Лейн.

– Итак, свидетельница, вы подтверждаете, что это ваше фото? – задал вопрос Лион-Чарльз.

Лицо в окне свидетеля утвердительно кивнуло.

На экранах появилась страница в электронной сети, на которой это же фото использовалось в качестве аватарки.

– Подтверждаете ли вы, что это ваш аккаунт?

Женщина, начиная что-то жевать, снова кивнула.

– А теперь, уважаемые зрители-присяжные, посмотрите на фото и на ту женщину, что вы видите сейчас на экране и скажите мне, не это ли «Дезинформация»?

Десяток присяжных тут же поддержали Лиона-Чарльза лайками.

– И сколько таких трансформаций можно увидеть в сети? – продолжил он. – Нет, я не пытаюсь ни в коем случае назвать это обманом. Это не обман, а всего лишь не совсем верная информация. Никто не виноват в том, что фото аккаунта сделано не вчера, а несколько лет назад. И кто виноват в том, что вы понадеялись увидеть вживую человека, неотличимого лицом от того, что на старом фото? Возможно, мой пример слишком банален. Давайте возьмём что-нибудь посложнее.

На экранах появился врач. То, что это офтальмолог, глазила надпись на его бэйдже.

Лион-Чарльз направил свой следующий вопрос к Дэвиду:

– Скажите, подсудимый, обладаете ли вы стопроцентным зрением?

– Нет... – ответил Дэвид, и поразился, как глухо прозвучал показавшийся ему совершенно чужим собственный голос.

– Обращались ли вы когда-нибудь к врачу с целью восстановить ваше зрение?

– Давно... Когда-то давно обращался, – ответил неуверенно Дэвид.

– Вы помните врача, к которому обращались?

– Нет... Кажется, нет... Не помню...

– Торес Грей, имя того врача и он сейчас перед нами.

Действительно, на бэйдже врача значилось имя Торес Грей.

– Скажите, а вы помните подсудимого? – обратился Лион-Чарльз уже к Торесу Грею.

– Нет, – ответил тот.

– Между тем амбулаторная цифровая карта моего клиента говорит о том, что именно этот врач был тем, к кому наш сегодняшний подсудимый обратился с целью излечить начавшуюся у него в возрасте четырнадцати лет близорукость. Что это? Цифровая «Дезинформация» или просто слабая память двух людей? Но я продолжу. Итак, мой клиент обратился к врачу. Скажите, Дэвид, ваше зрение улучшилось, по сравнению с тем, каким оно было в четырнадцать лет?

– Нет... – ответил Дэвид, не понимая пока, куда клонит Лион-Чарльз.

– И как вы теперь обходитесь?

– Я ношу контактные линзы.

– То есть ваше зрение не улучшилось, но вы нашли способ скорректировать зрение?

– Да.

– Скажите, удобно ли это?

– Протестую, – прервал адвоката прокурор. – Слово «удобно» слишком субъективно.

– Протест принят, – ответил судья. – Защитник, сформулируйте ваш вопрос иначе.

– Хорошо, Ваша честь. Подсудимый, скажите, приходится ли вам снимать и вставлять заново в глаза линзы? Обращать их раствором? Покупать новые? Оставаться на то

время, что вы не в линзах беспомощным и плохо видящим человеком?

– Да, – подтвердил Дэвид.

– А теперь, господа присяжные, я позволю себе зачитать вам выписку из определения, кто же является врачом. Итак, «Врач – человек, использующий свои навыки, знания и опыт в предупреждении и лечении заболеваний». Лечение же в свою очередь по определению является системой мероприятий, направленных на восстановление здоровья. А теперь скажите мне, господа присяжные, было ли в случае моего подзащитного выполнено лечение, если с момента обращения здоровье, в частности, зрение не улучшилось. Оно не восстановилось.

– Но позвольте, мы не можем требовать от врачей невозможного, – возмутился прокурор. – А если у человека будет оторвана голова, вы что попросите её пришить и при этом будете требовать, чтобы она функционировала так же, как и раньше?

– Вот именно, – обрадовался Чарльз-Лион. – Вы продолжили мою мысль. Итак, мы обращаемся к врачам в надежде на исцеление. Посмотрите, на этом человеке, на его бэйджике, на двери его кабинета мы нигде не видим надписи о том, что он нас излечит, однако, мы идём к нему в надежде именно на это. Можем ли мы обвинять врача в том, что он нам не помог излечиться? Нет. Потому что, этого нигде и не было написано, но с другой стороны было бы абсурдным,

если бы мы шли к любому неподготовленному человеку, в надежде вернуть утраченное здоровье. Значит, что-то даёт нам основание думать, что именно человек в белом халате, с бэйджем, на котором написано, что он врач, может нам помочь. Что это? Это «Дезинформация»?

– Это абсурд, любой человек знает от рождения, что врач может помочь, только если это будет в его силах. Мы не можем требовать от врачей чудес и стопроцентного результата в выполнении своих обязанностей.

– Тогда почему вы требуете этого от моего подзащитного? – в свою очередь возмутился Лион-Чарльз.

– Давайте не путать сферу финансов с прочими. В финансовых операциях беспорядок и дезинформация просто не допустимы!

– Недопустимы?! – воскликнул Лион-Чарльз. – А давайте тогда вспомним, как появилась та самая фраза, которую вы так часто любите цитировать и которой руководствуется большинство экономистов и финансистов: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Итак, 1815 год, битва при Ватерлоо, в которой Наполеон проигрывает, но об этом в Великобритании никто не знает, кроме Натана Ротшильда, благодаря его шпионам. И что делает Ротшильд? Он говорит всем, что Наполеон победил, то есть дезинформирует всех и за три дня успевает скупить по дешёвке английские, австрийские, прусские ценные бумаги. К моменту получения правительством официальной информации о победе англичан,

Ротшильд успел увеличить своё состояние на сорок миллиардов фунтов стерлингов.

– Это было давно, за давностью лет мы можем не брать подобный инцидент во внимание. К тому же Ротшильд первым стал продавать и свои облигации английских предприятий.

– Исключительно для того, чтобы сделать более убедительными свои слова о победе Наполеона, вызвать тем самым панику на бирже и тем самым ещё больше дезинформировать окружающих.

– Ваша Честь, я требую переноса слушания на другой день, – выкрикнул прокурор.

Решением судьи слушания были перенесены.

***

Лион-Чарльз пришёл к Дэвиду на следующий после первого заседания день.

– Вы видели, сколько людей смотрело наш процесс в конце вчерашних слушаний?

– Больше двух тысяч человек... – растерянно произнёс Дэвид.

– Точно, две тысячи четыреста три! – торжествующе отозвался Чарльз-Лион.

– Это хорошо? – удивлённый реакцией своего защитника робко поинтересовался Дэвид.

– Для первого дня слушания постановочного процесса очень даже неплохо, – ответил Лион-Чарльз.

– Постановочного?!

– Да, разумеется. А вы не догадались? Тогда я сейчас объясню. Есть некая негласная отработанная схема проведения слушаний. Если хотите, сценарий. Мы знаем, что нравится зрителям, поэтому разыгрываем процесс согласно сложившемуся плану. Первое заседание – разогревочное, в основном, оно состоит из заготовленных фраз. Я знаю, что будет говорить обвинитель, он знает, что я буду отвечать ему, как защитник.

– Подождите, так значит, вы знали, как будет строить своё обвинение прокурор.

– Конечно, по статье «Дезинформация» – всегда одна и та же схема. Он говорит однотипные фразы, я отвечаю...

– И ваша история про Ватерлоо...

– Да мы на неё выходим почти каждый раз при разыгрывании очередного процесса. Пользователям она нравится. Да если хотите, мы даже слова «Протестую» говорим в условленные моменты, согласно таймингу заседания, не давая пользователям скучать. Подождите, только не говорите, что вы об этом не догадывались...

– Я думал всё по-настоящему, – пробормотал Дэвид. – Удивился вашей эрудиции...

– Похоже, вы не были подписчиком нашего канала.

– Не был...

– Да нет у меня никакой эрудиции. Первое заседание я веду не лучше студента четвёртого курса юрфака. Интереснее будет потом. Вчера я всего лишь прощупывал тех, кто

собрался за мониторами. Вы видели лайки пользователей во время допроса свидетелей?

– Как-то не обратил внимание... – признался Дэвид, вспоминая, только лишь свой вчерашний ужас от всё возрастающего числа участников трансляции.

– Нам надо придерживаться выбранной тактики, пользователи её одобрили. Им интересны примеры дезинформации в современном обществе, так что надо подумать, чем бы их ещё удивить.

– Но откуда вы взяли этих свидетелей? Я и сам-то, признаться, их уже давно позабыл...

– Вы, может, и забыли, а вот социальные сети и электронные базы до сих пор хранят данные всех людей, с которыми у вас были контакты. Все их можно поднять в любой момент, но меня беспокоит другое. Примеры из вашей личной жизни на втором слушании уже всем надоедят, а нам надо дотянуть как-то до конца третьего слушания, поэтому если у вас есть идеи, чем ещё развлечь зрителей-присяжных – с удовольствием выслушаю.

Дэвид задумался.

Дезинформация, что это такое? По сути это просто заведомая ложь, обман. Странно, что называется это теперь таким длинным словом – «дезинформация». По сути же это враньё, обычное человеческая ложь, направленная на скрывание фактов или же на их представление в выгодном для обманывающего свете.

– А, что если новости, примеры из СМИ... – предложил Дэвид. – Ведь все знают, что правды в них давно уже нет. Ну, вернее, может совсем немного, а остальное дезинформация... Политика, власть, да даже ток-шоу... Ведь это всё неправда...

Лион-Чарльз нахмурился.

– Похоже, вы плохо представляете, что такое «дезинформация». Политику, власть, СМИ трогать нельзя. У них монополия на информацию. Если хотите, они определяют, что будет правдой на сегодняшний день.

– Но разве такое возможно??? Разве правда не едина? Одна, сама по себе, истина...

Лион-Чарльз ещё больше нахмурился и неодобрительно покачал головой. «Истина! Да кто теперь знает, что это такое», – как будто говорил его молчаливый взгляд. – «В наше время правда то, что скажут считать правдой свыше».

– Ладно, – хлопнул себя по коленям Лион-Чарльз, вставая. – Придётся покопаться в моём портфеле, потому что смотрю, вы ещё плохо представляете, куда попали. Дэвид, вы хороший парень, вы мне нравитесь, в следующий раз обязательно принесу вам пива.

***

Второе заседание началось, подобно первому, с традиционного возгласа «Встать, суд идёт!», который все чтили, но на который действием никто не отзывался.

Дэвид посмотрел на количество собравшихся сегодня

пользователей – пять тысяч двести человек, и цифра эта продолжала расти. Дэвид был в панике, он даже представить не мог, что придётся держать ответ перед столь обширной аудиторией. Чарльз-Лион был прав, им не выиграть процесс, но сам Чарльз-Лион, сегодня, похоже, ликовал. Дэвид видел его торжествующий взгляд в адвокатском окне монитора. Дэвид понял, что ничего не понимает в стратегии судебных разбирательств.

Защита вызвала свидетеля – работника рекламной компании Дика Флэйма. Имя Дик Флэйм было на самом деле псевдонимом Турчано Ризи, давнего знакомого Дэвида. Дэвид встрепенулся. И точно, на экранах возник его приятель Дик.

– Скажите, свидетель, – обратился к Дику Чарльз-Лион. – Вы работаете в индустрии рекламы и, в частности, вы являетесь одним из тех, кто работает над проектом «Наш уик-энд». Напомню зрителям-присяжным, что «Наш уик-энд» является реалити-шоу, в котором показывается, как проводит уик-энд выбранная из числа телезрителей семья. А теперь, свидетель, скажите, действительно ли уик-энд, показываемый зрителям, снимается в течение двух выходных дней.

Дик кашлянул, и потом ответил:

– Нет. Это же постановочное шоу, снять всё, запланированное по сценарию, за два дня просто невозможно.

– И сколько же уходит на это дней? – спросил Лион-Чарльз.

– Дней пять... – ответил Дик.

– Вы сказали, что шоу постановочное, правильно ли я понимаю, это означает, что шоу имеет написанный заранее сценарий.

– Да, к каждому выпуску пишется сценарий...

– То есть зрители видят не спонтанно возникающие события, а цепочку действий, разыгранных участниками проекта согласно написанному заранее сценарию?

– Протестую, – раздался голос обвинителя. – Ваша честь, защитник пытается навязать свидетелю свою точку зрения.

– Протест принят, – согласился судья.

– Хорошо, тогда позвольте задать следующий вопрос, – продолжил Чарльз-Лион. – Свидетель, являются ли семьи-герои проекта, действительно выбранными среди телезрителей?

– Нет... – негромко произнёс Дик.

– Но они являются хотя бы семьями?

Дик отрицательно покачал головой и произнёс:

– Не всегда...

– Ваша Честь, – снова раздался возглас обвинителя. – Я понимаю, что сейчас защитник пытается нам всем показать, что популярный телевизионный проект на самом деле является некоторым постановочным действием и тем самым, якобы, дезинформирует зрителей. Но давайте подумаем, а почему мы считаем, что он должен быть правдивым.

– Потому что он называется реалити-шоу, «реалити», то

есть реальное! – ответил Лион-Чарльз.

– А кто вам сказал, что слово «реалити» означает абсолютную реальность. Любому современному человеку понятно, что снять реальность так, чтобы она была смотрибельна невозможно без предварительной подготовки, без некоего сценария. Телевидение обязано быть зрелищным. В конце концов, события шоу ведь реально где-то происходят.

– Но тогда давайте разбираться с понятием, что же такое реальность... – возразил Лион-Чарльз. – Реальность – это не то, что просто абстрактно где-то происходит, это то, что происходит с конкретными людьми, в конкретное время, в конкретном месте...

– Ну, коллега, это просто разница понятий и формулировок, – возразил обвинитель. – Это наша с вами разница смыслового понимания одного и того же слова. Давайте не будем отклоняться от рассмотрения конкретно нашей ситуации. Мой подзащитный получил два весьма однозначных сообщения от банковской системы и вполне логично, что он рассчитывал увидеть указанные в них суммы на своём счёту. Он вправе требовать не только наказания за «дезинформацию», но и возмещения морального ущерба. Мой подзащитный планировал свои покупки, считая, что имеет в своём распоряжении данные суммы.

– Хорошо, Ваша честь, тогда я прошу провести опрос. Зрители-присяжные, напишите нам в комментариях, были ли случаи, когда ваши ожидания были кем-либо обмануты,

то есть, случалось ли вам быть дезинформированными.

Дэвиду показалось это предложение Чарльза-Лиона совсем не уместным и не относящимся к его делу. Опрос во время процесса, как соответствующая судебная процедура, появился только лет десять назад и раньше никогда не применялся. Будь воля Дэвида, он сейчас, с удовольствием, прервал бы заседание и выключил камеру, но неожиданно для него вдруг полетели лайки зрителей-присяжных, и судья одобрительно кивнул. Понеслись сообщения-комментарии:

«В рекламе зубной пасты говорится о увеличении белизны зубов на 43%. А как можно объективно измерить белизну зубов?»

«Продавец гарантировал мне отправку товара 23 мая, а отправил 25 мая. Я отправил претензию, на которую продавец заявил, что конкретно мой товар не вошёл в отправку 23 мая, а понятие «отправка» не означает, что будет отправлен именно мой товар. 23 мая была осуществлена отправка товара, но не купленного мною, а товары других покупателей».

«Я был подписан на канал блогера, ведущего занятия по отношениям в семье, а через полгода узнал, что брак этого человека давно распался».

«В социальных сетях я слушала советы по питанию и тренировкам от женщин, чью внешность брала для себя за пример, а потом каждый раз узнавала, что их внешность – результат пластической хирургии, а не здорового образа жизни, они просто не упоминали об этом. Почему не запретят

ЭТИМ СИЛИКОНОВЫМ КУКЛАМ ВВОДИТЬ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ ЛЮДЕЙ?!»

Чарльз-Лион зачитывал лишь некоторые из беспрерывного потока примеров-сообщений.

«На плакате, страны, в которую я поехал отдыхать, был показан красивый пейзаж, я, как здравомыслящий человек, рассчитывал увидеть, конечно, не это место, но хотя бы подобное. Но приехав на место, я понял, что место моего пребывания и вся страна в целом выглядит совершенно не так, как на рекламных фото».

– А вот, Ваша честь, сообщения, касающиеся нашей государственной системы: «Данные о рождении и смерти людей на земле обновляются лишь раз в сутки, это значит, что мы, во-первых, не знаем реального числа проживающих на земле, а, во-вторых, умерший человек во всех системах может ещё до двадцати четырёх часов значится живым, а родившийся, ещё целые сутки может считаться не родившимся», – прочитал Чарльз-Лион. – Благодарю автора за столь интересный комментарий. Мы можем представить, сколько экономических преступлений может быть совершено от лица человека, которого не существует.

– Протестую, – закричал защитник. – Ваша Честь, мы не можем здесь фантазировать.

– Хорошо, – продолжил Чарльз-Лион. – Вот пример того, что дезинформация, как вынужденное явление имеет место быть. «Выписка по совершаемым банковским операциям содержит сведения только о уже полностью завершённом и

всегда будет разниться с операциями снятия с нашего счета средств. Все знают, что расходные суммы с наших счетов зачисляются на то время, которое оставляет себе банк для окончательного проведения наших операций».

– Протестую, – снова возмутился защитник. – Это не дезинформация, это вынужденная техническая мера.

– Простите, но как тогда простые клиенты могут узнать реальное состояние своих счетов?..

– Это всего лишь вопрос знания банковских формулировок, в которых чётко говорится, как проводится банковская операция.

Дэвид видел, как Чарльз-Лион упускал из внимания комментарии, касающиеся властей, однако, их число росло, и скоро он уже не мог их дальше игнорировать. Чарльз-Лион выбрал самый безобидный из них:

– «N числа... N года... Я обратился в главное управление медицинской федерации предоставить полагающийся мне по закону протез марки N, мне пришёл ответ о том, что моё обращение перенаправлено в региональное представительство ведомства, оттуда пришёл ответ, что такие вопросы решаются в районном филиале, оттуда мне прислали протез другой марки, а на моё прошение предоставить протез именно марки N сказали обращаться в главное управление медицинской федерации, куда я изначально и направлял своё заявление».

Пользователи жаловались на стандартные формальные

отговорки в ответ на их обращения и заявления в органы власти, на результаты выборов, известные всем заранее, на новости, не отражающие реальное положение вещей.

Дэвид видел, что даже его обвинитель комментировать подобные сообщения не брался, их просто не зачитывали, предоставляя зрителям право читать их самостоятельно в общем чате.

Дэвид не мог не заметить, что множилось и количество примеров, когда человека просто кто-то обманул. На самом деле под понятие «дезинформация» подходил любой случай из разряда тех, что в прошлом бы любой человек назвал словом «ложь». Но нет, сейчас слова «обман» и «ложь» вышли из обихода. Дэвид видел, как закипают, поднимаются наверх из людей их обиды на то, что правильнее было бы назвать не дезинформацией, а неправдой. Многие присылали по несколько сообщений. Электронный чат канала заменял фамилии, названия городов буквами алфавита, дабы избежать дальнейших разбирательств ещё и по этим делам, и в этом Дэвиду виделась опять всё та же ложь.

– Ваша честь, я прошу перерыв, – взмолился обвинитель, не успевая уже отвечать на град комментариев.

Перерыв был назначен. Когда же процесс возобновился вновь, Дэвид увидел, что число зрителей достигло числа более двухсот тысяч человек. Теперь столь высокая цифра Дэвида уже не пугала. Напротив, в том потоке присланных подписчиками канала примеров лжи его собственный просту-

пок становился всё менее значительным и терялся. У Дэвида появилась надежда.

Обвинитель начал с того, что стал настаивать на уточнении понятий, дабы избежать неверного понимания того, что вроде бы по умолчанию должно быть всем и так понятно.

– Прочитав все сообщения наших уважаемых зрителей-присяжных, – сказал обвинитель. – Я обнаружил, что множество проблем возникает из-за того, что два разных человека вкладывают различный смысл в одно и то же понятие. Согласен, в нашем обществе до сих пор нет полного перечня определения каждого из употребляемых в нашем языке слов, но, видимо, он крайне необходим. Когда мы говорим, что сегодня день, то один человек считает днём промежуток времени от восхода до заката солнца, другой почему-то приравнивает понятие «день» понятию «сутки от текущего момента», третий считает, что день начинается и заканчивается в ноль часов ноль минут. Большинства подобных проблем можно было бы избежать, если бы мы имели одинаковое понимание употребляемых в нашем языке слов. Мы говорим «товар», и человек думает, что это та вещь, что продаётся, исключая возможность того, что эта вещь не «продаётся», а «продавалась». Это «дезинформация»? Нет, это лишь неверно истолкованное понятие. Муж уходит из дома и говорит жене, что вернётся в шесть часов, но почему она думает, что он вернётся именно в этот день? Это лишь косвенным образом следует из контекста ситуации. Опять «дезинформа-

ция»? Отнюдь, требуется лишь пояснение понятия «возвратиться».

Дэвид наблюдал, как растёт одобряющая реакция присяжных на слова прокурора, и в то же время поднимается и негодование по поводу произносимых им слов. Зрители-присяжные в своих мнениях разделялись.

– Нам нужно ввести точные, узаконенные определения хотя бы основных понятий. Вы пишете, что власти обязаны выполнять ваши требования, но могут ли обычные люди выполнить всё то, чего хотят граждане их страны? Очевидно, что нет. Значит, в их должностных обязанностях надо прописать не «обязаны», а «обязаны стараться». Если пластическая хирургия сделала возможным людям менять свой облик до совершенно футуристического, то чтобы избежать недоумений, нам надо просто уточнить понятие «человек».

– Да, всё верно, нам надо задуматься, кто же такой человек, люди... – вступил Чарльз-Лион. – Что вообще есть наш мир, жизнь?.. С какого момента мы считаем живое существо человеком. Кто такой мужчина, кто женщина?.. Может ли искусственно выращенный эмбрион считаться ребёнком... Что есть семья?

– Вы, коллега, говорите как раз о тех понятиях, которые понятны, потому что оговорены в гражданском кодексе, – отмахнулся от Чарльза-Лиона прокурор. – А вот такие глаголы, как «получил», «отдал» требуют указания чётких временных рамок, потому что из-за этого возникает обычная

пустая путаница, а не «дезинформация». Каждый начинает думать что-то своё...

– Почему же человек, интересы которого вы теперь представляете, подумал, что-то там себе на основании полученных сообщений и теперь выдвигает обвинения? Где написано, что клиент банка может рассчитывать на получение денег на основании каких-то сообщений?..

– Нет, позвольте, не каких-то, а сообщений от той же самой банковской системы, что ведёт отслеживание его расчётного счета. Всё, что касается системы финансов, это не просто халатность, это уже преступление. Ваша честь, я предлагаю завершить наши сегодняшние прения и назначить дату следующего заседания.

Судья стукнул молоточком об стол, обозначив конец дебатов. Чем закончилось сегодняшнее слушание, Дэвид так и не понял.

На следующий день к нему в камеру пришёл Чарльз-Лион. Выглядел он довольным и принёс пиво.

– Ну что ж, у меня хорошие новости, – начал он, открывая и протягивая Дэвиду холодную жестяную банку. – Вы заметили, как подскочило число участников процесса, когда мы объявили опрос? Собрать более пятисот тысяч зрителей трансляции – это небывалый успех. И какая была проявлена активность... Хочу вам сказать, нами заинтересовалось не меньше сотни крупных рекламодателей. Ваше имя теперь известно многим. Ваше лицо, несомненно, станет востребо-

ванным ведущими мировыми брендами. И ещё новость, у нас теперь появился сценарист...

– Что это значит?.. – робко поинтересовался Дэвид. – Это хорошо?

– Хорошо тем, что сам этот факт подтверждает высокий рейтинг нашего процесса. Сценаристы берутся писать только избранным. Понимаете, это показывает, что наш процесс, несомненно, повысил в глазах общественности свой статус. Но плохо тем, что мы с вами, равно как и судья, и прокурор, теперь лишаемся свободы в своих словах и действиях. Следующее заседание, чтобы удержать внимание и интерес участников, пройдёт согласно написанному профессионалом тексту. Завтра, кстати, принесу уже сочинённую сценаристом вашу речь. Вам надо будет выучить и произнести её слово в слово...

– Почему же так? – спрашивал Дэвид, когда они уже допивали по второй банке пива. – Столько лжи в этом мире, а судят меня, и я должен следовать правилам, и подчиняться...

– Ну... – протянул Лион-Чарльз. – Наше общество давно уже утратило свободу. Да и что такое свобода? Разве свободен человек? Вот смотрите, у меня есть тело. Я хочу, например, взлететь. Прыгаю...

Чарльз-Лион встал и подпрыгнул, благо пива в его банке уже не осталось.

– И что? – спросил он.

– Что? – переспросил Дэвид.

– И ничего, – ответил Чарльз-Лион, открывая по второй банке. – Я не взлетел. Тело не слушает мои желания, а значит, я ограничен им и уже тем несвободен. К тому же, оно болит, хочет есть, хочет спать. Да и вообще я трачу почти всю свою жизнь на то, чтобы обслуживать его. Ну и скажите, и в чём тут свобода?

– Нет, это другое... – протянул Дэвид. – Это необходимость, некая данность...

– Вот именно! Есть понятия, которые мы должны воспринимать, как некую данность... Они не должны требовать объяснений, потому что и так должны отзываться где-то... Ну, в душе каждого человека что ли... Но вам не кажется, что мы утратили этот самый базис в наших душах?

Дэвид задумался. Кажется, он понимал, о чём говорит Чарльз-Лион, но он не мог этого четко сформулировать.

– Мир, человек, добро, зло, жизнь... Это то, что не должно требовать объяснений. Семья, ложь, закон... А мы теперь вынуждены писать какие-то юридические определения для всего, для самых фундаментальных понятий. Жизнь... С какого момента её считать? С момента зачатия человека в утробе матери или с момента, когда происходит первый вздох? А ведь это две разные даты... Разность составляет целых девять месяцев. Теперь заметьте, что все наши законы действуют именно с момента рождения человека, а до этого, кто это существо? Биологами доказано, что в утробе нахо-

дится существо со всеми признаками человека, но он, получается, вне закона... Смерть... Когда она наступает?.. Кто те люди, которые лежат на поддерживающих их жизнь искусственных аппаратах?.. Кто вправе решать их судьбу?..

Дэвид кашлянул.

– Если мы будем писать определения всем понятиям, то каждое из них будет занимать по десятку листов... Человек? Вы можете мне описать, кто такой человек? А ведь весь наш закон, строится именно на этом понятии. Нет человека, нет закона... Почему люди раньше не нуждались в этих определениях, а теперь мы дошли до того, что должны описывать самое базовое понятие?

Дэвид слушал, допивая уже третью банку.

– Базис, базис... – приговаривал Чарльз-Лион, – мы утратили какой-то наш общий внутренний базис...

Допив третью банку, он встал.

– Ну что ж, мне пора, – сказал он. – Завтра вернусь к вам с вашей речью. Надо же, они взялись писать нам сценарий... – растерянно почесал он свой затылок. – В моей практике такого ещё не бывало, я не того масштаба личность, а вот надо же, смотри... Глядишь, ещё и процесс выиграем, хотя это вряд ли...

Адвокат ушёл, а Дэвид остался один на один со своими мыслями.

То, что произошло вчера, его взволновало. Он, не разбираясь во всех тонкостях юриспруденции, увидел лишь то, что

людей задело. Причинённая в результате лжи каждому из них обида не забывалась. Они, добропорядочные граждане, как все современные люди, живущие в огромных многолюдных городах, вынуждены были находить общий язык со всеми окружающими, о чём старательно твердили им психологи. Они пытались сдерживаться, старались похоронить воспоминания о лжи в своих душах. Но стоило лишь дать людям легальную возможность пожаловаться... Ведь дело Дэвида простенькое, проще некуда, он, возможно, проявил некую халатность, из-за которой человек был дезинформирован, но люди ухватились за возможность высказаться на счет замеченной ими в прочих ситуациях лжи. Что же такое неправда? Почему она так ранит человека?.. И почему ею пропитано уже всё общество? А теперь её требуют узаконить, дать чёткую формулировку каждому существительному. Потом что? Будем писать, что означают числительные, предлоги, местоимения? Проще и безопаснее вообще перестать разговаривать...

Дэвид лёг и отвернулся к стене.

***

Третье заседание началось бурно. Зрители-присяжные активно продолжали присылать свои случаи «дезинформации», но их уже никто не читал, это не входило в регламент сегодняшнего заседания. Дэвид, выучивший написанную ему речь, ожидал своей очереди.

Началось заседание с обвинительной речи прокурора. Го-

ворил он красиво, монолог его с частыми обращениями к присяжным был составлен по всем классическим законам риторики. Обвинитель взывал к правосудию, к установлению законной справедливости, речь была полна обобщений, что позволило ему раздуть преступление Дэвида до немыслимых масштабов.

Когда он закончил, все заметили, что почти сто тысяч зрителей покинули процесс. Это было провалом. Речь, красивая, правильная, не вызвала у зрителей-присяжных интереса.

Настала очередь защиты. Камеры устремились на Чарльза-Лиона. Дэвид заметил, что тот переживал. Потеря рейтинга во время речи его соперника, вроде бы, должна была Чарльза-Лиона лишь подбодрить, но в том то и была загвоздка, что любое судебное заседание, любой судебный процесс, имел своей целью собрать как можно больший рейтинг участников и тем самым получить как можно большую прибыль от каждого процесса, а для этого требовалось, чтобы все его участники были бы друг с другом заодно. Как по нотам, разными голосами они должны были пропеть единое, пришедшееся зрителям бы по вкусу произведение. Чарльзу-Лиону предстояло теперь исправить ту оплошность, что допустил прокурор, надо было вернуть и приумножить зрителей.

– Ваша честь, Господа присяжные, – начал Чарльз-Лион. – Защита признает, что подсудимый виновен, но давайте раз-

берём, так ли уж велика степень его вины? Заслуживает ли он того, чтобы быть осуждённым по столь серьёзной статье, как «Дезинформация»?

Дэвид сразу же понял, что сейчас Чарльз-Лион произносит слова, написанные для него сценаристом. Чарльз-Лион по своей воле никогда бы не назвал Дэвида виновным. Вся последующая произносимая адвокатом речь перекликалась с тем, что предстояло после него сказать в своей последней заключительной речи самому Дэвиду. Чарльз-Лион говорил о том, что согласно всему сказанному на прошлых заседаниях, он просит пересмотреть статью и степень наказания, изменив «Дезинформацию», на «Служебную халатность». Чарльз-Лион приводил аргументы в пользу того, что Дэвид не имел выгоды, а любая «Дезинформация» предполагает факт корысти. Он говорил красивые фразы, а зрители убывали и убывали. Когда Чарльз-Лион закончил, стало понятно, что канал покинули более половины смотрящих. Зрителям было скучно.

Чарльз-Лион опустил на место. Дэвид видел, как тот раздосадовано смотрит в угол экрана, где красовалась цифровая банкнота. Она крупная, красивая говорила о сумме денег, заработанных за время процесса. И тут, Дэвид заметил, как Чарльз-Лион сверкнул стёклами очков и прошептал: «К черту сценарий».

– Ваша Честь, прошу слова! – выкрикнул Чарльз-Лион.

Пока судья пытался сообразить, в каком месте сценария

предусмотрен такой ход, Чарльз-Лион уже говорил:

– Господа присяжные, мы три дня говорили здесь о фактах «Дезинформации» и все они оказались неубедительными. Признаюсь, я хотел доказать, что дезинформировать друг друга давно уже стало привычкой и основой современного общества, а если что-то стало нормой, то это надо узаконить, отклонение от нормы нельзя уже считать нарушением закона, соответственно мой подзащитный невиновен. Но, по словам обвинения, примеров, присланных вами недостаточно. Тогда позвольте, я приведу последний пример.

Дэвид видел, как понеслись одобрительные реакции, количество зрителей начало расти.

– Уважаемые присяжные, – продолжал Чарльз-Лион, – призываю вас посмотреть на самый узнаваемый символ нашего общества, на нашу цифровую банкноту. Вот она, красивая, яркая красуется у всех на мониторе. Она знакома всем нам с детства. Напишите в комментариях, какая надпись, помимо его достоинства, размещена на ней.

«В Боге наша вера», «В БОГЕ НАША ВЕРА», «На Бога уповаем» – тут же понеслись комментарии.

– Всё верно! Вы все верно пишете: «В Боге наша вера». А теперь, Ваша честь, я прошу провести опрос. Уважаемые присяжные, напишите в ваших комментариях, кто же такой этот самый Бог? Кто он для вас? Как вы его представляете? Кто он или что он?

Судья проведение опроса разрешил.

Наступила тишина. Все напряжённо ждали комментариев. Количество зрителей принялось расти, также росли их одобрительные оценки, но комментариев не было... Присяжные думали. Судья заёрзал. Складывалась нехорошая ситуация. Если бы количество зрителей не продолжало ползти вверх, он, наверняка, уже бы прерывал опрос. Почти минута и ни одного сообщения... И вот, наконец, появился первый комментарий:

- Бог – это тот, в кого мы верим...
- Кому мы поклоняемся...
- Кто является высшей силой...
- Он самый главный...
- Он исполняет наши желания!

Комментарии летели теперь один за другим.

- Он защищает нас...
- Он даёт нам пищу и жильё...
- Он способен исцелить любого...

И снова:

- Он самый лучший...
- Мы в него верим...
- Он самый главный...
- Он самый могущественный!

Комментарии повторяли друг друга, дополняли друг друга.

Число зрителей процесса летело вверх.

- А теперь, Ваша Честь, – продолжил Чарльз-Лион. – Про-

шу провести голосование. Всего один вопрос: «Видели ли вы когда-нибудь Бога?».

Судья на мгновение замялся, он всё ещё надеялся найти эти фразы Чарльза-Лиона в сценарии, но, не найдя их, голосование провести всё же разрешил.

И вот теперь весь главный экран заняла таблица, в которой был вопрос: «Видели ли вы когда-нибудь Бога?» и два варианта ответа «Да» и «Нет».

Голосование началось. К его концу количество зрителей-присяжных достигло миллиона. Люди спорили, делились комментариями и единогласно ответили «Нет».

– И вот, я задаю последний свой вопрос, – произнёс Лион-Чарльз. – Итак, почему, если никто не видел Бога, фраза о том, что в нём наша вера, записана на том, без чего немыслима жизнь нашего общества – на цифровой банкноте? Разве это не самая чудовищная дезинформация? Писать на самом главном атрибуте нашего общества о Боге, о самом главном, притом, что его не видел никто, что косвенно может свидетельствовать о том, что его просто нет.

Наступила тишина, только теперь она была какой-то угрожающей. Дэвид, даже через экран чувствовал, как думают, как ищут в своих головах ответ зрители-присяжные. Этот факт дезинформации сложно было оспорить. Дэвиду показалось, что его дело, такое простое, но разросшееся до решения столь серьёзных вопросов, может быть выиграно. Более миллиона человек, молчало и думало, и число их росло.

Судья объявил перерыв, а когда после этого заседание возобновилось, число участников процесса исчислялось уже десятками миллионов. Сеть гудела. Все обсуждали, почему был задан такой вопрос. Кто допустил такую вопиющую «дезинформацию» на цифровой банкноте? Были уже созданы новые форумы, информационные площадки, обсуждения, голосования. Люди спорили, дискутировали, разбирались, совещались. И вот, наконец, появился выработанный целой группой присяжных комментарий-ответ:

– Наш бог – деньги.

– Деньги наш бог, в них наша сила, поэтому эта фраза записана на цифровой банкноте.

– Признать деньги нашим Богом!

– За них можно купить всё!

– Они исполняют любые желания!

– Деньги самая могущественная сила!

– Деньги главнее всего.

Дэвид почувствовал, что его охватывает ужас.

Деньги, за них можно было купить в современном обществе всё – любовь, власть, красоту, здоровье. Будь у Дэвида достаточное количество денег, он бы не сидел сейчас здесь, не провёл бы томительные дни в одиночной камере.

Цифровая банкнота давно была признана самым узнаваемым символьным знаком. Деньги – они исполняли мечты, ради них люди лишались сна, ради зарабатывания денег готовы были стать на всю жизнь рабами.

***

Вечером в камеру Дэвида пришёл Чарльз-Лион.

– Мы проиграем? – безнадёжно спросил у него Дэвид.

– Проиграем, – подтвердил Чарльз-Лион. – Завтра четвёртое заседание, но приговор уже ясен.

– Скажи, а тебе хотелось бы выиграть этот процесс? Хотя бы один процесс в своей жизни? – спросил Дэвид, принимая из рук Чарльза-Лиона принесённую им банку пива.

– Выиграть... – задумался адвокат. – Хотелось бы, наверно, особенно когда появилась надежда, только вот зачем?.. Моя задача ведь была не выиграть, а собрать как можно больше зрителей, для повышения доходности нашего процесса.

– Вы так спокойно об этом говорите...

– А вы видели, чем закончился процесс? Идея прочитать о том, что написано на цифровой банкноте пришла мне спонтанно, а чем всё закончилось? Общество решило, что деньги – наш бог. А ведь они правы...

– И вы с ними согласны?

– Я?.. – задумался Чарльз-Лион. – Беда в том, что мы забыли, что такое Бог. Вот вы помните?

– Я?.. – переспросил Дэвид. – Не знаю... Но мне казалось, что это всё-таки не деньги. Это нечто большее... Что-то великое... Какой-то недостижимый могущественный идеал.

– Недостижимый могущественный идеал – это большая сумма денег, – произнёс Чарльз-Лион. – Вот и получается, что опять правы они, а не мы...

– То, что даёт счастье, свободу... – продолжал размышлять Дэвид.

– Опять получают деньги...

– Но этого не может быть! – возмутился Дэвид. – Бог это что-то другое...

– Другое, – согласился Лион-Чарльз. – Но как вы это докажете? Его никто не видел, знание о нём, за всей суетой нашей жизни, утрачено. Кто он?

Дэвиду оставалось лишь грустно пожать плечами.

Всю ночь он силился понять, кто же такой Бог. Человек ли это, вещь, личность или какая-то иная сущность? Он пытался вспомнить то, что знает о Боге, но ничего, кроме общих фраз придумать так и не смог. Только почему-то всё внутри него бунтовало, когда он понуждал себя приравнять деньги Богу. С исчезновением денег у конкретного человека исчезало постепенно и всё то, что было за них куплено: проходила любовь, увядала красота, покидали слава, уважение и почёт, испарялось здоровье, время нещадно разрушало дома, яхты, машины, а Дэвид помнил, как и без денег был когда-то счастлив. Был счастлив, когда рыбачил на рассвете с отцом, когда рвал вишни с росшего возле дома дерева и нёс их матери, а та варила из них варенье, когда бежал в школу после летних каникул, чтобы поболтать там с друзьями... Для этого не нужно было денег! Он чувствовал себя обманутым этим миром. Общество его самого самым беспощадным образом дезинформировало. «Деньги не бог, они не могут

быть богом» – шептал про себя в ночи одолеваемый думами Дэвид.

***

Четвёртое заседание началось бурно, прямо с голосования. Присяжные, практически единодушно признали Дэвида виновным, а заодно они проголосовали за необходимость введения точных, включающих в себя все нюансы и утверждённые на уровне закона юридические определения всех используемых в обществе понятий, а ещё присяжные единодушно проголосовали за то, чтобы отныне считать деньги Богом и именно в таком контексте использовать понятие Бог.

– И, что теперь? – спросил после заседания у Чарльза-Лиона растерянный Дэвид.

– Ну, ваш процесс окончен. Вы теперь известный человек и, хочу заметить, довольно богатый. Нам удалось привлечь к вашему процессу рекордное количество зрителей. На процессе заработано столько, что вы можете сразу же купить себе свободу. В наше время она такой же предмет открытой купли-продажи, как и всё остальное. Сумма необходимая для уплаты вам установлена, она у вас есть, выплачивайте её, а потом... Я думаю, у вас не будет отбоя от крупных компаний. Снимайтесь в рекламе, давайте интервью, принимайте участие в ток-шоу, в общем, зарабатывайте. Вы будете обеспеченным человеком до конца своих дней.

– И это всё? – удивлённо спросил Дэвид.

– Всё, – подтвердил Чарльз-Лион. – А вы что хотели? Я сделал для вас, всё что смог... Пользуйтесь моментом. Популярным вы будете недолго. Сейчас сеть шумит. Ваш процесс всколыхнул сообщество. Ваше лицо известно каждому. Люди активно отозвались на поднятые в ходе нашего процесса вопросы. Тысячи новых сообществ, миллионы новых созданных тем, миллиарды комментариев... Но, уверяю вас, через неделю-другую о вас забудут... Людям потребуются новые эмоции, новые страсти, новые лица. Зарабатывайте деньги и уезжайте куда-нибудь, в какой-нибудь райский уголок...

На следующий день всё общество шумело. Самого популярного человека, имя которого и без того было сейчас у всех на слуху, Дэвида Клайва, не стало. Обсуждали, был ли это несчастный случай, самоубийство, убийство...

Чарльз-Лион на все вопросы лишь многозначительно вздыхал и потирал очки.

2020

Снаружи

– Ты всё-таки сделал это? – произнесла Марика, робко заглядывая в пустоту Дыры.

Зак довольно кивнул головой.

– Страшно, – сказала Марика, отходя назад.

Действительно, в сгущающихся сумерках темнота Дыры пугала.

– Ну что ты, – нежно обнял Зак Марику за плечи. – Чего бояться? Там никого...

– А откуда ты знаешь? – возмутилась Марика, убирая руку Зака с плеча. – Ты уже ходил туда?

– Без тебя? Конечно, нет! Мы же договаривались, что пойдём вместе. Но знаешь, я закончил работать над ней ещё вчера, и пока она ведёт себя вполне спокойно... – улыбнулся Зак.

– Зак, давай позовём ещё кого-нибудь с нами, – жалобно попросила Марика, вытягивая шею и пытаясь поближе разглядеть то пространство, что покоилось в глубине Дыры.

– Ну, если ты хочешь... Пожалуй, можно... Ждана, Пыша... – поглаживая подбородок, задумался Зак. – Поговорим завтра с ними.

– А сегодня? Не пойдём туда? – Марика повернулась к Заку.

– Нет, малыш, – Зак заключил Марику в свои объятия. –

Я сегодня и не планировал, мы не готовы. Просто хотел тебе показать Дыру.

– Лучше завтра, да... Завтра поговорим с ребятами и пойдём туда уже вместе.

– Хорошо. Останешься со мною сегодня?

Марика расстроено покачала головой.

– Не могу, надо в кампус. Ты же знаешь, у нас теперь каждый день проверки.

– Тогда побудь ещё немного со мной, а потом я тебя отвезу, – сказал Зак.

Он был старше Марики на три года, студент четвёртого курса. Это давало ему право жить за пределами студенческого общежития.

Ещё давно Зак задумал, как только появится возможность, снять дом. Ему нужно было совсем небольшое жилище, главное, чтобы дом находился на самой окраине города. Такое жильё не ценилось и стоило дёшево, но главное, такие постройки граничили со Стеной.

Зак выбрал ближайший к студенческому городку район, однако даже отсюда добраться на учёбу вовремя было довольно проблематично.

– Зак, как думаешь, а что там, в Дыре? – спросила Марика, решившись подойти к Дыре чуть ближе.

Дыра с приближением ночи выглядела на бледном фоне Стены ещё более устрашающе.

– Скоро узнаем, – ответил Зак. – Уверен, ничего опасного

в ней нет. Там просто та часть мира, которую мы пока не знаем. Пойдем-ка пока в дом...

Обняв Марику за талию, Зак увлек её подальше от Дыры. Они расположились на диване-кровати крошечной гостиной. Здесь было уютно и комфортно – тёплый свет одинаковых ламп, полный белковыми картриджами холодильник, вместо стен – цифровой сферический экран.

Через час Зак повёз Марику в кампус. Когда они выехали, уже совсем стемнело. Город осветили тысячи рекламных экранов-щитов. Они пронизывали город своими яркими лучами, делая тот похожим на переливающуюся игрушку. Светилось всё – стены домов, стекла окон, галереи витрин, даже гладкое покрытие дороги излучало свет, мигала дорожная разметка.

Миниатюрный электромобиль Зака, управляемый автоботом, уверенно двигался среди таких же крохотных автоустройств. Люди, спешили кто куда.

Марика прижалась к Заку, положила голову ему на плечо, он нежно погладил её.

– Включить фильм? – спросил Зак.

– Не надо... – ответила Марика.

Так они ехали вместе, глядя на красочные рекламные ролики, транслируемые со всех сторон. Огромные экраны на стенах зданий озаряли всё вокруг ярким светом. Они погружали в сказочный мир, наполненный вещами, которые Заку с Марикой были пока не по карману. Но это только пока...

Пройдёт время, Зак и Марика станут взрослыми, самостоятельными людьми, и тогда у них появятся и красивые автомобили, и просторные, оснащённые всевозможными цифровыми гаджетами квартиры, и даже то, что ещё не создано, что пока даже сложно вообразить...

– Твой браслет почти разряжен, – заметил Зак, взяв руку Марики в свою.

– И почему не придумают устройств, которое не надо было бы заряжать. Так надоедает, это же неудобно... – ответила Марика.

– Когда-нибудь придумают, – сказал Зак, и крепче прижал Марику к себе.

Вернувшись поздней ночью обратно домой, Зак поспешил к Стене. Дыра чернела в темноте, за ней по-прежнему было тихо.

Заку пока не верилось в то, что Дыра, наконец, готова. Несколько дней он работал над ней, методично разбирая Стену, и несколько месяцев до того разрабатывал план, как сделать это тихо и незаметно для окружающих. Ему повезло, два соседних с его домом участка пока пустовали. Пришлось, конечно, купить дополнительный инструмент и работать тайно вечерами, когда не велась активная съёмка района. Но вот теперь Дыра была готова. Она существовала, она была. Теперь она соединяла Зака с той частью окружающего мира, что был основательно отгорожен от всех трёхметровой Стеной.

Зак вернулся в дом. Он дождался, когда принтер напечатает ему печенье, а шейкер взобьёт белковый коктейль, после чего плюхнулся на диван и запустил экран. Оплатить Премиум-подписку сетевых каналов было Заку пока не под силу, поэтому приходилось смотреть всё подряд вместе с рекламой. Зак не заметил, как задремал. Ему стало казаться, что перед ним сейчас не экран, а Дыра, и она манит его каким-то невообразимым буйством красок...

Проснулся Зак рано. Диван, определив по показателям жизнедеятельности, что его хозяин пробудился, теперь всеми силами пытался помочь Заку подняться. Но Зак и сам сегодня готов был незамедлительно встать. Дыра... Она по-прежнему зияла в безграничности Стены и, может быть, именно сегодня, Зак, наконец, найдёт возможность пройти через неё в совсем иной мир.

Но, ничто не должно было выдать волнения Зака. Поэтому он, поднявшись, послушно следуя указаниям электронного помощника, следящего за здоровьем каждого современного человека, последовал в ванную. Пульс, давление, замеры, тесты, чистка тела, чистка полости рта, приём энергетиков, приём протеинов, приём витаминов... Зак терпеливо выдержал все процедуры. Как только раздался разрешающий переходить к прочим действиям сигнал, Зак поспешил во двор. Дыра была на месте... Она уже не чернела, не пугала. Зак понял, что Дыра имеет свой цвет, и этот цвет – «зелёный». Вчера Заку пришлось заканчивать свою работу уже

в сумерках, когда любой цвет теряет свою самобытность и становится всего лишь одним из оттенков серого, но сейчас, в лучах утреннего солнца что-то зелёного цвета колыхалось где-то внутри Дыры.

Заку надо было спешить. До того, как он покинет дом, Дыру надо было заделать. Никто не должен догадаться, что в стене, защищающей город от прочего мира, теперь есть Дыра. Зак аккуратно вернул вынутые им из Стены блоки обратно на место, но скреплять их ничем не стал, а лишь прикрыл их снятой в самом начале работы над Дырой пластиковой обшивкой. Того, что Дыра теперь не видна ни сверху, с воздуха, ни с окон соседних домов, ни включившимся при дневном свете редкими в этом районе камерами слежения, будет достаточно для того, чтобы никто её не обнаружил. Только Зак и Марика знают пока о существовании Дыры.

Зак поспешил на занятия в университет. По обыкновению, чтобы занять себя в дороге, Зак принялся набивать сообщения Марике. Он слал ей забавные смайлики, она присылала свои забавные смайлики в ответ. Как и все современные люди, Зак и Марика выражали свои чувства, не используя слов.

Зак хотел было заодно написать и Ждану, и Пышу, послав им приглашение посетить Дыру, но вовремя остановился. Несмотря на всевозможные каналы шифрования, все в современном обществе знали, что любая переписка взламывается без особого труда. Зак решил, что разумнее будет най-

ти друзей в университете и поговорить с ними лично.

Так и случилось, найти друзей в перерывах между занятиями было не сложно. Они сидели в студенческой столовой. Вместе с крепким силачом Жданом и пухленьким низеньким Пышом за столом сегодня был долговязый Люк. Зак решил, что это даже неплохо, что Люк здесь, его тоже можно пригласить посетить Дыру.

– Вот смотри, – объяснял Пышу Люк, не глядя, подавая при этом руку подсевшему к ним Заку. – Сегодня ставили классический опыт – крыса в лабиринте. Я беру, оставляю животному только один проход в каждой стене, крыса идёт прямо в них и так находит выход. А теперь смотри, начинается самое интересное, я увеличиваю количество проходов в стенах, тем самым предоставляю животному право выбирать, каким путём пойти к выходу и вот что получается, одно и то же животное практически каждый раз выбирает один и тот же путь. А вот смотри, – Люк запустил следующее видео, пока Ждан и Пыш молчаливо приветствовали Зака, – это уже другое животное и видишь, оно выбирает уже совсем другой путь.

– А, – махнул рукой Пыш, – ничего интересного, всё равно в конце выход всего один. Какая разница, каким путём животных придут к исходу.

– Ну как это не интересно?! – возмутился Люк. – Это имитация психологических реакций человек. Крысы могут вообще никуда не бежать...

– Не могут. Искать выход – это инстинкт, обычный природный инстинкт, – невозмутимо возразил Пыш.

– А откуда он взялся? Или ты хочешь сказать, что это просто нервные реакции? Почему тогда каждое животное избирает свой путь? И заметь, он повторялся у одного животного и различался от пути прочих...

– А выход всё равно только один... – произнёс Ждан. – У крыс всего лишь иллюзия выбора, а на самом деле они всего лишь подопытные и следуют твоему замыслу.

– Ребята, мне надо поговорить с вами, перерыв скоро закончится, – прервал всех Зак.

Друзья умолкли и устремили свои взгляды на Зака.

– Я сделал в Стене Дыру, – тихо произнёс Зак.

Ждан, Пыш и Люк переглянулись.

– А зачем? – спросил, наконец, после некоего всеобщего замешательства Пыш.

– Чтобы посмотреть, что за Стеной? Марика предложила позвать вас с нами...

– Отлично! Я пойду, – оживился Ждан. – Когда?

– Сегодня после занятий, – ответил Зак.

– А ты? Ты сам уже ходил за Стену? – спросил Люк Зака.

– Пока нет...

Посыпались вопросы: «Что видно в Дыру?», «Насколько она большая?», стали размышлять насколько там безопасно... Наконец, договорились, что, захватив Марику, приятели приедут к Заку после занятий.

Зак освободился сегодня раньше всех. Сразу же после окончания последнего урока, он поспешил из университета, чтобы к приезду друзей разобрать Стену, но как он не стремился побыстрее добраться домой, его автомобиль ехал с постоянной и безопасной скоростью, а автобот, ведущий его, наотрез отказывался перестраиваться в соседний, более свободный, ряд. Заку ничего не оставалось, как ехать в общем потоке, согласно разметке, с рекомендованной скоростью.

За окном мелькали зеркальные стены домов, белоснежные панели ограждений дороги... А Заку вспомнилось, что вот так же когда-то ехали они с отцом, которому вздумалось показать как-то Заку место, где, как сказал отец, заканчивается город. Но сколько бы они не двигались, за окном продолжало возвышаться ограждение. Оно полностью блокировало обзор, оставляя видимым лишь пространство дороги.

– Да что же это такое... – злился отец. – Ни свернуть, ни остановиться...

Через сотню километров им попалась техническая площадка, но и та была огорожена стеной.

Стена, Стена... Она тянулась, закрывая от движущихся по автостраде машин всё, что их окружало.

– Как же так... – удивлённо бормотал отец. – Я же помню, что раньше здесь был съезд... А что теперь? Стена...

Стена была построена для общей безопасности. Зак знал, что это хорошо. Тот мир, что был снаружи Стены, не был предназначен для жизни, потому границы городского про-

странства обозначили Стеной. Она служила надёжной защитой. Но, похоже, теперь не только города, но и соединяющие их трассы, опоясала всё та же Стена.

– Ладно, повернём обратно... – сказал, наконец, отец. – Вообще-то, ничего интересного там за Стеной нет. Хотел просто так, для общего твоего развития показать, как выглядят территории за пределами города, но нет, так нет. Слишком давно не выбирался я в эти места, всё изменилось.

Они развернулись и уехали, но с тех пор Зака стал волновать вопрос о том, что же всё-таки находится там, за Стеной?

Постепенно ему удалось отыскать об этом в сети кое-какую информацию. Нельзя сказать, чтобы кто-то её скрывал, её просто не было... Казалось, все просто предпочли забыть о том, что расположено за пределами города. Несколько найденных Заком в сети фото, да старенькое видео о строительстве Стены, не прояснили ничего. Мир за пределами города был таинственным, незнакомым и непонятным. Ничто из того, что удалось разглядеть Заку на фото не походило на то, что привык он видеть, находясь внутри мегаполиса.

Автомобиль Зака, наконец, доехал. Зак был дома, он тут же поспешил к Стене. Надо было разобрать её до приезда друзей.

Вынув последний блок, Зак заглянул в Дыру. Что-то плоское зелёное дотронулось его щеки. Зак отпрянул. Зелень Дыры стала ярче, чем утром. По спине Зака пробежал лёгкий холодок. Что там? Что скрывает Дыра? Зак решил дождаться-

ся друзей.

Те приехали поздно. Солнце уже прошло верхушки самых высоких зданий квартала и приближалось к крышам низеньких дешёвеньких домов.

– Да тихо ты, увязался на нашу голову... – услышал Зак голос Люка.

Марика выпорхнула из авто и прильнула к Заку, он нежно поцеловал её. Его девочка, наконец, была с ним.

Из автомобиля выгружались Люк, Пыш и Ждан.

– Что вы так долго? Скоро стемнеет, мы ничего не увидим... – недовольно обратился Зак к друзьям.

И тут он заметил, что те, возятся над тем, чтобы выкатить из авто электрическое кресло для людей с ограниченной подвижностью с сидящим в ней Эмилем.

–Э... – попытался возразить Зак. – Мы так не договаривались...

По недовольным взглядам друзей Зак понял, что те тоже не были рады появлению в их компании нового «друга».

– Послушай, – отвёл Зака в сторону Люк, оставив Ждана и Пыша пыхтеть над креслом Эмиля. – Представляешь, он подслушал нас в столовой. Ты ушёл, а он привязался, стал проситься с нами. Мы, конечно, отказались, а он пригрозил, что всё расскажет взрослым, пообещал отправить видео с нашим разговором в сеть...

Это было Заку, потратившим столько сил на создание Дыры, совершенно не нужно.

– И что? Что вы решили? – взволнованно спросил он.

– Ну, а что мы могли сделать? – развёл руками Люк. –

Пришлось тащить его сюда.

Зак посмотрел на Эмиля. Тот смиренно сидел в коляске.

– Ладно, – махнул рукой Зак, – возьмём с собой. Надо спешить, солнце скоро сядет.

– Ого! – протянул Ждан, когда Зак подвёл друзей к Дыре. – Как же ты её проделал?

– Долгая история, – сказал Зак. – Ну что, кто со мной? Кто хочет быть первым?

– Я пойду!

– И я!..

Вместе с друзьями Зак уже ничего не боялся. Он первым вошёл в Дыру, не обращая внимания на шлёпающую по его ногам густую зелень. Отодвинув торчащие из земли крепкие гнутые прутья он, наконец, оказался внутри зелёного пространства.

– Ух ты! Деревья... – произнёс пробирающийся вслед за Заком Пыш.

Зак посмотрел вверх, куда устремил свой взгляд Пыш, и обомлел. Пышные зелёные кроны, всего в каких-то паре-тройке метрах от головы Зака, смыкались друг с другом.

– Деревья... – пробормотала подоспевшая вслед за всеми Марика.

Зак обнял её.

– Да, определённо, это деревья, – произнёс Люк. – Я видел

такие в учебниках...

– А я в нашем аэриуме, – отозвался Пыш.

– Да нет, в аэриуме они другие, с резными листьями и длинными лианами, и намного ниже... – недоверчиво глядя на окружающую приятелей листву, произнесла Марика.

– Эй, где вы все? Помогите мне... – услышали все откуда-то голос Ждана. – Кресло Эмиля не проходит в эту Дыру.

Зак поспешил на зов. Он застал такую картину: здоровенный Ждан, то появляясь, то пропадая снова в Дыре, безуспешно бился над тем, чтобы протащить кресло с Эмилем в проделанную Заком щель. Ждан поворачивал кресло то задом, то боком, Эмиль, не в силах ничем помочь, безропотно переносил все повороты, наклоны и тряски Ждана.

– Не, не пройдёт... – произнёс Зак, оглядывая размеры Дыры. – Слушай, Эмиль, скоро стемнеет. Придётся тебе подождать до завтра. Сегодняшний мой вечер уйдёт на то, чтобы расширить из-за тебя Дыру.

– Хорошо, хорошо, я подожду до завтра, – покорно согласился Эмиль.

– И зачем он увязался с нами... – недовольно пробормотал Пыш.

Эмиль грозно посмотрел на Пыша.

– Ладно, – сказал Зак. – Всё равно вы приехали поздно, сегодня идти куда-то дальше не имеет смысла, скоро стемнеет. Отложим поход через Дыру до завтра.

Остаток вечера приятели провели в гостинной обсуждая

то, что увидели в Дыре.

– Никогда не видел столько зелени, – говорил Люк, запуская в очередной раз аппарат для взбалтывания коктейлей.

– Интересно, конечно, а что там дальше?.. Зелени не может быть много, когда-то она закончится и что за ней?..

– Может очередная стена... – предположила Марика. – Как в аэриуме. Всегда за деревьями, стеклянная стена, через которую проникает свет...

Сегодняшний проход через Дыру только ещё больше распалил любопытство Зака. Завтра ему, непременно, хотелось продвинуться дальше.

Пока приятели болтали, он пошёл и, обмерив кресло Эмиля, вынул из стены ещё несколько блоков.

– А помнишь, – сказал Зак, когда они с Марикой, отделившись от компании друзей, остались вдвоём на скамейке возле пустовавшего пока соседнего дома. – Помнишь, мы как-то видели, как сквозь плиты на заднем дворе кампуса пророс жёлтый цветок?..

Небо уже совсем потемнело, но вокруг было светло, как днём. Огромные прожектора освещали улицу, дом, скамейку.

– Нет, – ответила Марика. – Я не помню... У меня скоро разрядится браслет.

Заку очень не хотелось отпускать от себя Марику, он притянул её к себе и обнял. Так они сидели вместе, пока не при-

шло снова вернуться в дом. Никто не спросил их, где они были и чем занимались...

– Смотрите, смотрите! Что это? – вдруг раздался встревоженный голос Люка. – Трек светится красным! ААА, смотрите!.. Наша вылазка у меня выделена красным цветом.

Все прильнули к экрану, на который Люк вывел карту с записью их похода в Дыру. Сердце Зака тревожно забилось. Та часть трека, которая выходила за пределы Стены, зловеще светилась красным.

К тому, что перемещения каждого человека в течение дня записывались, все давно уже привыкли, но никогда Зак не видел, чтобы на карте трек записи был выделен красным, он всегда был синим.

– Я только хотел посмотреть, насколько далеко мы ушли от Стены... – продолжал Люк – И вот... Смотрите, красный цвет!..

– И у меня...

– И у меня тоже...

– И что это значит? – спросил Пыш.

– Я не знаю... – ответил Люк.

– Я тоже не знаю, – признался Зак. – Но, ничего хорошего в этом нет...

– Красный цвет...

– Красный цвет! Он никогда не обозначает ничего хорошего...

– Что теперь делать?..

– Что теперь с нами будет?

– Нас накажут?

– Нас арестуют?..

– Предупреждений нет...

– Кому-нибудь пришло сообщение о правонарушении?..

– Я не слышал, чтобы кого-то арестовывали за то, что он прошел за Стену...

– А я не слышал, чтобы вообще кто-то за неё ходил...

Разбирая Стену, Зак больше всего опасался того, что его арестуют за порчу общественного имущества или за хулиганство, а тут возникла новая проблема – красный трек. Что это значит?

– Знаете, что... – уверенно начал Люк. – Нам завтра нужно снять все наши гаджеты, по которым может быть определено наше местоположение.

– Конечно, – обрадовался Пыш. – Надо оставить их дома! Тогда никто не догадается, что мы за Стеной.

Зак поддержал всех. Он не знал, что означает красный трек, но, возможно, следующий их поход закончится тем, что их обвинят в нарушении каких-нибудь правил и законов. Он не мог с уверенностью утверждать, что бывать за Стеной не запрещено.

– Наверняка, ходить за стену нельзя... – продолжал рассуждать Люк.

– Конечно, нельзя, – поддержал его Пыш. – Вот ты слышал, чтобы кто-то ходил за Стену?

– Я не слышал...

– Я тоже... А почему? Неужели никому не интересно, что там?

– Они точно что-то скрывают за Стеной! – воодушевился Ждан.

Ну конечно! Зак всегда подозревал это. Не зря вокруг городов, вдоль автострад и всех дорог возвели такое сооружение, как Стена!

– Нам надо завтра подготовиться. Подумайте все, что надо оставить дома, чтобы нас не вычислили: вайфоны, браслеты, камеры, часы, гарнитуры, брелоки...

Любое из этих устройств регистрировало в сети местоположение своего обладателя.

Марика тронула Зака за руку.

– Уже поздно, – сказала она.

Действительно, друзьям давно уже надо было бы выехать обратно в кампус.

– Купим тебе другой браслет, этот слишком быстро сжигает заряд, – сказал Зак, беря запястье Марики в свою руку.

Друзья стали собираться.

После их отъезда остаток вечера Зак провёл в поисках информации о том, какое наказание предусмотрено за проход через Стену, но так ничего и не нашёл. Это его немного успокоило... Похоже, никто за Стену не ходил и даже не желал этого. Официально проход через стену не был запрещён, он был просто невозможен. Стена, возведённая строго по стан-

дарту, окружала все населённые пункты, а также все трассы сообщения между населёнными пунктами, высотой она должна была быть не менее трёх с половиной метров и была призвана охранять людей от всего, что находилось за Стеной.

Следующий день у Зака по расписанию был «Днём социальных инициатив», так называлось то время, которое каждый студент был обязан посвятить общественной работе. Посмотрев на расписание, Зак обнаружил, что сегодня будет занят до двух часов дня. Всё это время ему предстояло провести в младшей школьной группе. Работа с детьми четырёх-пяти лет считалась необходимой для развития собственных личностных качеств, но Зак возиться с детьми не любил. Увильнуть от подобных занятий было невозможно, они стояли в списке «обязательных» и считались особо важными, поэтому Заку ничего не оставалось, как отправиться в поглупому разукрашенный класс. Его встретили стены с нарисованными клоунами, паровозиками и героями популярных детских игр.

Дети шумели, копошились, сновали и путались под ногами. Приставленный к классу воспитатель строго следил за действиями Зака. Когда Заку кое-как удалось малышей уgomонить и усадить по местам, ему дали задание учить с детьми буквы. В качестве подсобных материалов предоставлялись электронные таблички. Зак принялся показывать детям стандартные картинки, заставляя весь класс повторять за ним «А», затем «Б», потом «В»... На «Г» Зак отвлёкся, на

«Д» думал уже о своём, о Дыре, о предстоящем сегодняшнем походе. На «Е» он принялся размышлять, что делают сейчас Люк, Ждан и Пыш, готовы ли они к очередному походу за Стену, после «Ж» мыслями Зака завладела уже Марика. На букве «К» Заку вдруг подумалось, а почему на картинках рядом с буквами изображены какие-то странные предметы и животные. Например, сейчас, рядом с буквой «К» красовалась то, что Зак, прочитав громко вслух, назвал словом «корова». А кто это? Кто видел это загадочное существо с рогами и пятнистой кожей? Если бы дети спросили сейчас об этом животном Зака, он не знал бы, что им ответить. Он никогда не видел этого неведомого зверя, но и в его детстве, и в детстве его родителей рядом с буквой «К» рисовали почему-то именно – корову. Возле буквы «Л» Зак разглядел «лист». И вдруг он вспомнил, как щекотали его вчера по щеке настоящие, живые листья. Изображения этого листа на картинке было настолько далеко от реальности, что вчера Зак даже не вспомнил о том, что видел вот такой же зелёный лист, уча букву «Л» в детстве. Рядом с «Н» было нарисовано ещё более странное животное – носорог, возле «С» – какая-то «собака». Дети быстрее бы запомнили этот звук, если бы возле «С» увидели хотя бы смартфон или любое другое современное смартустройство, но Зак был вынужден читать названия тех вещей и предметов, которых он никогда не видел и не знал. Все они считались относящимися к старинному понятию «природа». Зак мог только догадываться о том,

что сама природа находилась где-то далеко за Стеной и из современных людей её мало кто видел. В городе пользовались понятием «Экосреда» – специально выделенные участки пространства с растениями в гидропочве. Исключение составлял аэриум. Площадью более десяти тысяч квадратных метров он располагался в самом центре студенческого городка и был рекомендован для посещения студентам в целях оздоровления и знакомства с «природой». Там на гладком основании глянцевого пластикового пола располагалось более тысячи ёмкостей с декоративным грунтом, в котором росли всевозможные зелёные насаждения. Выделяемый ими кислород считался весьма полезным. Стены аэриума были сплошь увиты плетущимися зелёными лианами, а всё это сооружение, вмещающее в себя сотни видов деревьев, цветов и трав накрывал громадный стеклянный купол, образуя, тем самым, в этом месте особую замкнутую изолированную от прочих построек экосистему. Там, внутри неё была даже искусственная река и сделанный руками самих студентов водопад. Говорят, где-то в ветвях деревьев даже жили птицы, их никто, конечно, не видел, но их пение разносилось по аэриуму непрерывно. Кто знает, может это была лишь музыкальная запись. Всё в аэриуме было красиво и ничуть не походило на то, что увидел Зак вчера. Где-то, в чём-то был обман, либо там – за Стеной, либо здесь – в городе.

– «Уууу», – гудели дети, повторяя за Заком букву, на которую начиналось неизвестное им слово «улитка».

Когда Зак вернулся домой, друзья его уже ждали.

– Что так долго? – недовольно пробурчал Пыш.

Разобрать спрятанную в Стене Дыру оказалось делом недолгим.

– Так, снимаем все гаджеты и кладём их на кресла и диван, – деловито скомандовал Люк. – Создаём видимость того, что все мы вместе находимся в пределах дома.

Зак вынул из кармана и положил на стол свой вайфон, и тут почувствовал себя совершенно беззащитным.

– А как мы будем общаться? Как найдём дорогу обратно?

– Всё продуманно, – спокойно ответил Люк. – Мы не будем удаляться друг от друга. Дорогу запомним.

Марика, глядя на всех, послушно сняла свой браслет.

Зак взял её за руку и только сейчас понял, насколько тонкое у неё запястье.

– Пойдёмте, – звал Ждан.

Ему уже не терпелось пройти сквозь Дыру. Все посмотрели на Эмиля. Ему, как и вчера, чтобы пройти сквозь Стену нужна была помощь. Пыш недовольно поморщился, Ждан, потерев руки, взялся за коляску. Он протолкнул в Дыру кресло Эмиля и сам прошёл за ним. Раздались недовольные возгласы и шлепки листвы.

Все поспешили в Дыру.

Сегодня в ярком свете солнца зелень казалась ещё сочнее. Миновав ветви кустарника, все оказались на поляне.

– Трава, – восторженно произнёс Эмиль.

Только сейчас Зак обратил внимание на странное покрытие у него под ногами. Это был какой-то зелёный ковёр, но не ровный, гладкий, пластиковый с короткой ворсой, какой обычно стелили на эко-дорожках города, а высокий, неровный, пестреющий всеми оттенками зелёного.

– А это что? Цветок? – удивился Пыш.

Действительно, в траве рос бледно-фиолетовый цветок и ещё один, и ещё... Их было много. Ни один, ни два, а несчётное количество, они росли прямо в траве. Вся компания застыла.

– Ух ты! – произнёс Ждан, глядя, как на один из цветков опустилось существо, очень похожее на те, что в учебниках значились в разделе «Насекомые».

– Кажется, это жук, – сказал Люк, наклоняясь над цветком.

– Пойдёмте, – предложил Зак.

Ему не терпелось увидеть, что будет дальше.

Теперь он осознал, что не зря проделал Дыру. Тот мир, что скрывался за Стеной, был забавен и интересен, но главное, он не походил ни на что, к чему Зак привык. Цивилизация осталась позади, а здесь был неизвестный, ни на что не похожий край. Заку казалось, что он попал в какую-то старую, давно забытую всеми сказку. Это была настоящая Природа.

Взяв оробевшую Марику за руку, Зак, пробираясь между деревьев, уверенно пошёл вперёд. Остальная компания двинулась за ним.

– Подождите, подождите... – раздался голос Эмиля. – Я хочу встать.

Зак остановился. Он обернулся назад и увидел, как Эмиль, отстегнув страховочные ремни своего кресла, заворочено глядя на траву, пытается подняться.

– Э, дружище... – почёсывая затылок, обратился к Эмилю Ждан. – Ты уж прости, но ты уверен? Ты можешь ходить?

Эмиль посмотрел на Ждана взглядом, полным решимости и укора:

– Я для того и хотел попасть сюда. Мне говорили, что если встать ногами на настоящую траву, я снова смогу ходить!

Друзья удивлённо переглянулись.

Зак, сколько знал Эмиля, всегда видел того в кресле-коляске. Нельзя сказать, что они были близко знакомы, но насколько Зак знал, Эмиль никогда не ходил. То, о чём просил сейчас Эмиль казалось абсолютной глупостью, но общество давно научило Зака с особым уважением относиться к людям, подобным Эмилю.

– Ладно, – махнул рукой Зак. – Раз ты так хочешь, мы поможем... Эй, Ждан, давай со мной.

Отпустив руку Марики Зак направился к коляске. Подставив свою спину под правую руку Эмиля он дождался, когда Ждан сделает то же самое с другой стороны. Так они приподняли Эмиля и осторожно поставили его на траву. Вялые, слабые ноги Эмиля совершенно не были способны удержать того, и Зак чувствовал, как Эмиль всё сильнее наваливается

на них со Жданом своим телом.

– Меня надо разуть... Разуйте меня, – попросил Эмиль. – Мне надо быть босым...

Все снова обменялись недоумевающими взглядами. Но уже через минуту Марика, сев прямо на траву, расшнуровывала ботинки Эмиля. Когда босые ступни Эмиля дотронулись травы, все замерли. Идея Эмиля выглядела абсолютной глупостью, но почему-то в этом месте, таком не обычном, в окружении зелени листвы, хотелось чуда. Босые ступни Эмиля всё глубже погружались в волшебный зелёный покров. Эмиль, довольно закрыл глаза. На мгновенье Заку показалось, что Эмиль держится уже без их с Жданом помощи, и он попытался ослабить свою поддержку, но нет, Эмиль не мог стоять. Его ноги стали сгибаться.

– Ты пойдёшь, – сказал Ждан, заметив разочарование Эмиля.

Зак почувствовал, как Ждан приподнимает Эмиля со своей стороны и сделал то же самое.

– Пойдём, Эмиль, пойдём! – кричал Ждан.

Ждан и Зак побежали. Они несли Эмиля. Босой Эмиль парил над землёй. Он летел, едва касаясь своими босыми ступнями зелёной травы. Он улыбался.

– Ты бежишь! Эмиль, ты бежишь! – кричал Ждан.

Эмиль смеялся.

– Я бегу! Бегу! – зачарованно повторял он.

Зак старался двигаться плавно, чтобы избежать лишней

тряски.

Общее веселье захватило всех. Бежали Марика, Люк и даже неуклюжий Пыш. Хотелось чуда.

Через минуту Ждан и Зак, проделав несколько виражей между стволов деревьев, вынесли Эмиля на большую поляну. Запела какая-то птица.

Покружив по поляне, друзья опустили Эмиля на траву.

– Спасибо вам! – держась одной рукой за Ждана, сказал Эмиль. – Я не очень-то надеялся, но мне надо было проверить... Природа... Говорили, она лечит.

– Не расстраивайся, – ответил Зак.

Ему вдруг очень захотелось разуться. Он снял обувь и, подобно Эмилю, погрузил свои ноги в траву. Его ступни окутала мягкая шёлковая прохлада. Это было волшебно. Зак не испытывал никогда ничего подобного.

– Эмиль, – сказал он, – ты чувствуешь траву?

Эмиль только грустно покачал головой в ответ.

– Тебя не обманули, она волшебна.

Зак поднялся, сделал шаг, затем ещё один. Он шёл, как ребёнок первый раз вставший на ноги, шёл несмело, осторожно.

– И как? Как это? – спросил его с интересом Люк.

– Попробуй, разуйся...

Зелёная трава поглотила снятые кеды, кроссовки, ботинки...

– Ух ты!

– Я иду!..

И тут Зак увидел птицу. Настоящая, живая, она пролетела между крон и села на толстую ветку. Никогда раньше Зак не видел настоящих живых птиц, может только когда-то давно, в детстве, сидящих в клетке. Волшебство продолжалось. Птица, издав какой-то громкий звук, расправив крылья, взлетела.

– Ты видел? Ты видел это?! – спросил у Зака подошедший Пыш. – А вдруг здесь ещё есть кто-то?

Но Зака уже ничего не пугало. Он хотел познать этот мир. Всё было ново, всё было интересно, Зак был счастлив.

Он повёл всю компанию вперёд.

Эмиля снова пришлось усадить в коляску, и теперь её колеса, приминая зелень, оставляли за собою в траве след.

Так они пробирались между деревьев. Зак уже привык к прикосновениям ветвей, к зелени густой листвы, к смыкающейся над головою кроне. Он шёл впереди, держа за руку Марику, за ними пробирался Люк, после, вскрикивая каждый раз, как какое-нибудь насекомое пролетало мимо его лица, шёл Пыш, за ним ехал Эмиль, колеса кресла которого и дело увязали в траве, и тогда Ждан, замыкающий процессию, сжав зубы, чтобы не выругаться, принимался катить коляску Эмиля.

Зак брёл, ожидая, что вот-вот они упрутся в очередную стену, или перед ними возникнут края какого-нибудь стеклянного купола, накрывающего собою это место, но вместо

этого, они дошли до того места, где заканчивали расти деревья. Огромное пространство открылось взгляду изумлённой компании. Все ахнули.

Никогда, никто из друзей не мог бы представить себе, что существует на свете такой простор. Рука Зака невольно потянулась в карман за вайфоном, ему хотелось запечатлеть такую красоту, однако его ладонь нащупала лишь пустоту. Гаджеты остались там, в городе, а здесь густая сочная высотой почти по пояс трава, перекатывалась волнами от того, что по ней проносился бодрящий, свежий ветер. Здесь над головами был не купол, нет, а нечто огромное, бездонное, бесконечное.

– Небо! – в один голос воскликнули все.

Оно действительно было прекрасно. Глубокое, бескрайне. Никогда никто из друзей не видел ничего подобного. Там, в городе, можно было увидеть лишь его клочки, мелькающие где-то в вышине между стен домов и крыш. А тут, небо было одним великим, нескончаемым полотном. Оно не поместилось бы целиком в кадр, будь у кого-нибудь сейчас под рукой вайфон.

– Зак, смотри, – тронула Марика Зака за плечо. – Это так красиво!

Над землёй, подсвеченные лучами солнца, по бескрайней синеве неба плыли золотые облака. Огромные, объёмные они образовывали собою на небе какое-то невиданное зрелище. В городе из-за плотной застройки нельзя было раз-

глядеть ни одного облака целиком, здесь же они во всей своей красе величаво выстраивались одно за другим. Дальние оставались неподвижными, ближние были гонимы всё тем же веселящимся над луговыми травами ветром, и все вместе разворачивали перед своими зрителями одно немислимое, грандиозное действие. Оно завораживало.

Зак впервые в своей жизни видел горизонт. О той линии, что разделала землю и небо, он только читал, но никогда ему не доводилось видеть вот так, вживую, то место, где небо соединяется с землёй.

– Зак!.. – восторженно произнесла Марика. – Ты был прав, сюда стоило стремиться...

Зак нежно обнял её.

Вся компания, опустившись в мягкую шёлковую траву, расположилась прямо на границе луга и леса. Никто не в силах был оторвать взгляда от неба.

– Странно, почему это всё скрывают от нас? – задумался Ждан.

– Да потому что, кому-то выгодно отгородить город Стеной. Так проще всех контролировать. Держать всех вместе... – ответил Люк.

– Точно. Они не хотят показывать нам то, что снаружи, за пределами Стены, потому что тут так красиво!.. – протянул Пыш.

Действительно, солнце, неумолимо двигаясь к горизонту, покрасило небо сначала в бледно-розовый, затем в нежно-фи-

олетовый цвет.

Зак осторожно повлёк Марику обратно в лес. И вот, их уже поглотила зелёная листва, скрыли от всех стволы деревьев. Они удалились от друзей и стали тем совсем не видны.

– Иди ко мне, – сказал Зак, опускаясь на мягкую траву.

Марика послушно села рядом с ним под пышную крону громадного дерева. Зак обнял её, провёл рукой по её волосам и вдохнул такой новый, свежий изумительный запах её прядей. В этом месте всё было чудесно, всё становилось иным.

Зак поцеловал Марику, привлёк ближе к себе, и она так и осталась в его объятьях.

– Давай сделаем это прямо здесь, – произнёс Зак.

Марика промолчала.

Он стянул с себя куртку, и тут же почувствовал, как ему вбок впилась какая-то ветка. Марика вскрикнула, когда какой-то паук стал спускаться на тонкой паутине прямо из шелестящих над головами ветвей.

Выходил из леса Зак с чувством лёгкой досады. Земля оказалась твёрдой, трава слишком прохладой. Природа, такая красивая, такая удивительная при близком контакте оказывалась уже не такой дружелюбной.

Приблизившись к друзьям, Зак увидел, что все суетятся возле Пыша.

– Ну и куда вы пропали? – накинулся на них Люк. – Пыш повредил ногу чем-то в траве, а у нас ни у кого не оказалось медицинской ленты.

Зак посмотрел на голою лодыжку Пыша, на ней была огромная ссадина. Пыш кряхтел и стонал. Марика запустила руку в свой рюкзак и, наконец, нащупав там что-то, достала липкий эластичный бинт. Зак в очередной раз порадовался тому, что большинство девчонок не расстаются со своими сумками и рюкзаками, в которых, казалось, они носят всё, что только можно представить. Марика обмотала ленту вокруг ноги Пыша, тот продолжал жалобно подвывать.

– Я только хотел пройтись, даже не успел до конца разуться... – причитал он. – Даже не знаю, как так получилось.

Зак только пожал плечами. Он уже понял, сколько неприятностей может таить в себе такая красивая, шелковистая сочная трава.

Зак посмотрел на небо. Яркий диск солнца приближался к горизонту.

– Я хочу есть, – сказал Ждан.

– А у меня нога болит, – ныл Пыш. – Надоело, хочу домой.

– Малыш, ты тоже хочешь домой? – спросил Зак, наклонившись к Марике так близко, что ощутил запах листвы, впитавшийся в копну её волос.

Марика посмотрела на него и утвердительно кивнула.

– Мне нужно в душ, – шёпотом призналась она.

– Так, – скомандовал Зак. – Возвращаемся домой!

Все оживились. Люк помог Пышу подняться, Ждан взялся за кресло Эмиля, но когда все повернули к лесу, то увидели лишь густую зелень деревьев.

– А где же нам искать Стену?.. – растерянно произнёс Ждан.

Действительно, пока компания продвигалась вперёд, казалось, что Стена всегда остаётся позади, она где-то совсем рядом, всем хотелось оторваться от неё, но теперь вокруг был один лес. Листья, стволы, кусты, ветви деревьев.

– Кто-нибудь запомнил дорогу? – спросил Зак.

Каждый смотрел один на другого.

– Ну... – начала Люк. – Мы шли всё время в направлении от Стены, пока не дошли до этого луга, значит, если мы войдём в лес и пойдём в противоположном от луга направлении, то снова вернёмся к Стене.

– А как нам выйти к Дыре? – спросил Ждан. – Кто-нибудь запомнил какие-нибудь ориентиры, которые приведут нас к ней?

– Да какие тут ориентиры... – простонал Пыш. – Тут всё одинаково, ветки-деревья, деревья-ветки...

– Значит надо просто вернуться обратно в лес и дойти до Стены, а там уже вспомним, где Дыра! Пойдём!

Зак снова взял Марику за руку и возглавил всю процессию. Друзья бойко пошли за ним. Но уже скоро стало понятно, что они прошли больше прежнего, а Стены всё нет.

– Нет, так дело не пойдёт, – сказал Зак. – Надо вспомнить, что мы видели, когда шли сюда...

– Была поляна с цветами, но теперь её нет... – произнесла растерянно Марика.

– Ну конечно, – хлопнул себя по лбу Ждан. – Коляска Эмиля оставляла следы на траве. Надо вернуться на луг и идти оттуда уже по следам.

– А раньше ты не мог догадаться? – закричал Пыш. – Столько времени из-за тебя потеряли...

– Ну, зато ещё погуляли... – сказал Ждан, разворачивая кресло Эмиля.

Но сколько бы не продвигались друзья обратно, луг так и не появился.

Между тем, стало темнеть. Последний луч солнца, золотом пронзив резные кроны деревьев, исчез. Зак понял, что где-то там, над лугом, солнце сейчас опустилось за горизонт. Лес стремительно стал терять свои краски. Трава под ногами поблекла, сочная зелень листвы посерела.

Всё сложнее становилось различать что-либо вокруг. В наступивших сумерках лес лишился своей привлекательности, превращаясь в однообразную густую настораживающую массу.

Где же Дыра? Где дом?

– Есть хочется, – сказал Ждан.

– Нога болит... Идти тяжело... – жаловался Пыш.

Зак уверенно вёл всех вперёд, но внутри него начинало расти то ужасное, тревожное чувство, которое сродни надвигающейся панике. Он понял, что не может найти обратный путь, и даже если они добредут до луга, никаких следов от колёс коляски Эмиля в темноте им уже не найти.

– Так, останавливаемся, – скомандовал он.

Все остановились.

– Скоро станет совсем темно, какие будут предложения? – спросил он друзей.

– Без спутникового позиционирования нам обратный путь не найти, – сказал Люк.

– Но мы же оставили все устройства дома, как же теперь быть? Придумайте что-нибудь... – принялся ныть над ухом Зака Пыш.

– Может у кого-нибудь остался маячок? Хоть где-нибудь? – с надеждой вопрошал Ждан. – Любой прибор...

Все принялись осматривать собственные карманы, но ни одного электронного устройства найти так и не удалось.

– Я всё оставил... – сказал Люк.

– Я тоже...

– И я... Мы же решили, что ничего не будем брать с собой.

– Я думал, наша прогулка будет недолгой...

– Мы же договаривались запомнить дорогу...

– Почему вы не запоминали? У меня плохая память...

– Кто же знал, что здесь всё будет такое одинаковое?..

– Мне казалось, что мы ушли совсем недалеко.

Загалдели все.

– Значит, давайте просто двигаться в том направлении, которое, как нам кажется, должно вести к городу, – предложил Зак. – Стена окружает весь город, мы рано или поздно наткнёмся на неё.

Помолчав, друзья согласились. Ничего лучшего никто предложить так и не смог.

Снова двинулись вперёд.

Между тем, стало совсем темно. Это там, в городе в это время зажглись миллионы ламп, тысячи прожекторов осветили улицы, ярко осветились огнями витрины магазинов, а здесь было совсем темно. Зак удивился тому, что, пусть и с трудом, ему удавалось пока видеть хотя бы что-то вокруг. Лес наполняли какие-то неясные звуки, все они были незнакомы и тихи.

– Всё, я больше не могу, – сказал Пыш, шумно опускаясь на землю. – Нога болит.

– Может повязка отклеилась, – предположила Марика.

– Может быть, но что можно увидеть в такой темноте?..

Не пойду дальше, – капризно произнёс Пыш.

Зак был растерян. Он понимал, что они заблудились, но что делать в таких случаях?

– Это была самая глупая затея – пробираться за Стену, это был самый глупый поступок – оставить все гаджеты дома и ни одного ни взять с собой. Что? Что нам теперь делать? – вопрошал Люк.

– Да ты... Ты же сам поднял панику, а мы поддались... – закричал Пыш.

– Я давно должен был поужинать... – сокрушался Ждан.

– Поужинать... А мне что делать? Я не взял с собою своё лекарство, через несколько часов начну задыхаться, – закри-

чал Люк.

– Ты же всегда его носишь с собою... – ответил Зак. – Проверь карманы.

– Проверял уже, – сокрушённо опускаясь рядом с Пышем на землю, произнёс Люк. – Нет ни в одном кармане, то ли обронил, то ли оставил в городе...

– Зак, нас даже никто не будет искать, – легонько потянув Зака за руку, тихо произнесла Марика. – Наше местоположение сейчас значитесь в твоём доме.

Зак устал. До этого момента ему нравилось быть предводителем компании. Негласно, как идейный вдохновитель и организатор вылазки за Стену, он был тем, чьё слово имело больший, чем у прочих, вес. Но что делать с компанией ноющих уставших беспомощных подростков в темноте жуткого незнакомого пространства?

Всегда раньше можно было позвать кого-то на помощь. Что же делать теперь, когда нельзя связаться ни с одной из служб? Нет даже возможности выйти в сеть и узнать, как действовать в подобных ситуациях.

– Мне нужно в туалет, – запросился Эмиль.

– Терпи или дуй себе в штаны, – ответил Ждан. – Туалет... А я хочу на кухню, к автомату с гамбургерами и кофе.

– А я из-за вас не успею сегодня выполнить задание – сделать пять электронных покупок... Потеряю пять бонусов. И что мне теперь делать? Мне завтра начинать всё с нуля, – запричитал Пыш.

– Ты продолжаешь проходить эти глупые стимулирующие квесты? Ты считал, сколько тратишь на них?..

– Ничего они не глупые... – возмутился Пыш.

Что Заку делать с этой компанией? Он не знал. Зак не знал, где город, куда всех вести, сколько времени они ещё пробудут здесь?

А, между тем, темнота окончательно опустилась на лес. Когда поблекли краски, стали невидимы предметы, все почувствовали, насколько явственней стали звуки.

– Тихо... – поёживаясь, сказал Ждан.

Да, по сравнению с извечным гулом неугомонного города, здесь было тихо. Но вместе с тем, каждый шорох, малейший шелест, любой, даже самый незначительный звук, гремел в этой тишине устрашающим раскатом.

Зак тоже поёжился.

– Пойдёмте, – шёпотом, чтобы лишний раз не нарушать своим голосом тишины, произнёс он.

– А куда? – спросил также шёпотом Люк.

– Мне кажется, идти надо туда, куда проще, – ответил снова шёпотом Зак. – Где сможем пройти, туда и пойдём.

Сделали несколько шагов и тут же Пыш зацепился за какую-то ветку.

– А, нога!.. – завопил он. – Да что же это такое... Это всё из-за тебя! – накинулся он на Люка. – Навёл панику! Был бы у нас сейчас хотя бы один вайфон, мы бы выбрались...

– Да я... Я... Я хотел, как лучше! Да я сам остался без

лекарств... – возмутился Люк.

– А ты чего ему ничего не сказал, когда мы оставили всё в доме? – накинулся Пыш на Ждана.

– А я что? Все так решили... – оправдывался Ждан. – Я думал, мы только поглядим, что снаружи Стены и вернёмся.

– И что теперь нам делать? Где город? Где Стена? Ой, моя нога... – стонал Пыш.

– Надо ждать утра, – сказал Зак. – Ничего не видно. Надо дожждаться света.

– Ночевать здесь?! – в один голос закричали все.

– Нет, это сумасшествие...

– Что изменится утром?

– Мы хотя бы будем видеть то, что у нас под ногами, – невозмутимо ответил Зак.

– До рассвета, как минимум, несколько часов. Нет, мы не выдержим, пропадём...

– Я есть хочу...

– Я хочу в туалет...

– Моя нога...

– Может, пусть нас найдут. Ну отругают, накажут... Зато отвезут в город, накормят... – предложил Ждан.

– Не найдут нас, – сказал Зак. – Как? Нас начнут искать только если не появимся на занятиях, да и то, посмотрят на наше местоположение и просто решат, что мы всей компанией зависли у меня в доме... В лучшем случае, на вторые сутки начнут искать... Надо самим пытаться отыскать Стену.

– Зачем я согласился!.. Зачем пошел с вами! – завопил

Пыш.

– Мы пропадём без еды!

Зак не хотел больше этого слушать, он просто опустился на траву и тут же почувствовал, что она уже не та, что днём. Земля была холодна. В этом месте, вдали от города всё становилось иным с приходом темноты. Всё то, что при свете дня манило, привлекало, ночью становилось враждебным.

– Надо хоть немного поспать, чтобы сохранить силы, – сказал Зак.

Повозмущавшись, все последовали его примеру.

– Холодно! – завопил Пыш.

– Да как же вы надоели, – раздался голос Марики.

Она опустилась на землю рядом с Заком. Посмотрев на неё, поёжившись, на землю опустился Ждан. Пыш, не желая садиться, остался стоять, но оперся о дерево.

Всё вокруг стремительно остывало. Футболка Зака уже не могла его согреть. Он почувствовал, как начинает дрожать. Марика приблизилась к нему, и Зак ощутил холод её замёрзшей руки.

– Малыш, отодвинься. Мне самому холодно, – сказал Зак Марике, убирая от себя её руку.

Марика отстранилась. Что он мог сделать? В этом месте не было климатических систем. Здесь нельзя было нажать кнопку, и тут же ощутить обдувающее тебя тепло.

Ночь. Она опустилась в это место, принеся с собою холод,

голод и страх.

– Я так дальше не могу, – взмолился Пыш. – Это невыносимо!.. Как нам дождаться утра? Тут совершенно нечем заняться. Я сейчас умру от скуки...

– Надо было не брать тебя с собой. Ты только и делаешь, что ноешь, – раздражённо произнёс Люк. – Вы только на спортивных соревнованиях готовы орать: «Мы команда!». А здесь что? Я вам предложил оставить все гаджеты, вы все согласились, чем я виноват?

– Зак, это всё ты... Зачем тебе нужна была эта Дыра?.. – всхлипывая, произнесла Марика.

– Ты же сама предложила позвать остальных, – удивился её словам Зак. – Один я бы нашёл дорогу обратно.

– Это как же? – спросил Ждан.

– Да уж просто не надеялся бы ни на кого... – раздосадовано ответил Зак.

В этот момент каждый почувствовал себя в чём-то виноватым, но главное было не дать почувствовать это другим. Поэтому все начали галдеть и, если бы где-то вдалеке не хрустнула ветка, возможно, дело бы дошло до драки, но ветка хрустнула... Все притихли. Стало понятно, что в лесу кто-то есть ещё.

– Что это? – шёпотом спросил Пыш.

– Тут... Здесь... Здесь не может никого быть, – запинаясь, произнёс Люк.

И тут снова где-то хрустнула ветка. В царившей тишине

этот звук прогремел широко, раскатисто.

– ААА...

– Нет...

Зак почувствовал, как друзья, вскочив, кинулись врассыпную.

Сам он тоже побежал. То ли за всеми, то ли по какому-то своему пути Зак бежал, сквозь ветви и колючий кустарник... В темноте Зак не мог разобрать ничего. Ноги путались, то и дело, цепляясь за лесные ветки. От того шума, что поднимали все остальные, становилось ещё страшнее и вся компания, гонимая ужасом, летела куда-то вперёд. Остановились только, когда оказались на поляне. Стволы деревьев расступились, освободив место траве, небу и луне. Там, в вышине, она висела бледным белым кругом. Зак почувствовал, что держит в своей руке чью-то руку. Это была Марика, он схватил её, когда побежал и так тащил, не отпуская, за собою. Марика тяжело дышала.

– Я так больше не могу, – вопил Пыш. – Я еле успел за вами... Моя нога.

Из-за деревьев, отряхиваясь, выходил Люк.

Ждан уже давно уселся на траве, и, пытаясь отдышаться, приговаривал:

– Вот ужас... Вот кошмар...

– Что это было? Там в лесу? Вы что-нибудь видели? – вопрошал Пыш.

– Не... но лучше и не видеть...

Решили остаться на поляне. Благодаря луне, здесь было светло. Был виден лес и тёмные, спускающиеся к земле ветви деревьев.

Заку очень захотелось спать. Ночной холод уже не мог помешать ему опуститься на землю и закрыть глаза. Но уснуть было сложно. Как только им овладевала дремота, тут же начинало ныть непривыкшее к твёрдой земле тело. Это было мучительно. Зак открывал глаза, садился, снова ложился на землю. Больше всего Зак сейчас мечтал, чтобы под ним сейчас оказалась любая, пусть самая простая кровать.

Изнывая в болезненной полудрёме, Зак думал о том, что завтра утром, он не поднимется от звука привычной музыки, не примет положенную порцию таблеток и кто знает, как он перенесёт следующий день. «Интересно, как долго человек может жить без еды? Завтра мы все умрём...» – думалось уходящему в забытьё Заку.

То и дело его рука тянулась в карман за вайфоном, но Зак нащупывал лишь пустоту...

Когда он проснулся, серым призраком сквозь ветви деревьев брезжил рассвет. Все спали, кроме Марики. Растрёпанная, измученная, обняв колени руками она, сидела на земле. Зак обнял её, она заплакала.

– Я так не могу... Здесь ужасно... Я хочу домой, – всхлипывала она.

Зак чувствовал, что не сможет её ничем обнадежить, ему самому хотелось сейчас тоже заплакать. Его желудок, нико-

гда не знавший чувство голода, сейчас ныл так, что боль от него отдавалась где-то в ногах. Тело, измученное сном на жёсткой земле, ломило. Но самое главное, он не знал, что делать дальше. Куда идти?

– Эй, все! А где Эмиль? – раздался голос Люка.

Ждан, выползший из травы, сонно потирал глаза.

– Ждан, где Эмиль?

– Откуда я знаю? – удивлённо ответил Ждан. – Я что, ему нянька? Я побежал за вами...

– Ты оставил Эмиля в лесу?

Ждан недовольно поморщился.

– А что я должен был делать? Почему я должен его возить?

– Ну потому что... Ты же возил его... Ты же за это взял-ся...

– И что? – снова удивлённо спросил Ждан. – На уроках социализации нам говорили, что надо помогать таким людям, вот я и помогал... Но там, в лесу, мне самому надо было уносить ноги.

– И что нам теперь делать? – спросил у всех Зак.

– Мы сами сейчас не в лучшем положении... – ответил недовольно Ждан.

– Самим надо выбраться, а потом уже вызовем спасателей для Эмиля... – сказал Люк.

– Эмиль сам увязался за нами, почему мы должны были его катать? Чем мы сейчас можем ему помочь? Я хочу домой... Хочу есть... – заныл Пыш.

– Да уж... Только Эмиль не может ходить, – буркнул Зак. – А если с ним там что-то случится?

– А с нас какой спрос? – возмутился Ждан. – Нам самим нужна помощь. Мы попали в такую ситуацию, когда каждый обязан сохранить свою собственную жизнь. В таких ситуациях правило заботы о других перестаёт быть приоритетным.

– Ладно, пойдём, будем искать Стену, – буркнул Зак.

Все поднялись. Вокруг уже совершенно посветлело. Была хорошо видна поляна и лес. Зак посмотрел на густые ветви.

– Я никуда не пойду, – сказал Пыш. – Нас найдут, для этого не обязательно ходить кругами между деревьев.

Зак только пожал плечами и, взяв Марику за руку, двинулся к краю поляны.

– Эй, – окликнул его Люк. – Зак, а почему ты решил, что идти надо именно в эту сторону?

Зак обернулся и подошёл вплотную к Люку.

– А почему бы нет? – сквозь зубы процедил Зак.

Ему порядком надело всё. Этот лес, вся эта бессмысленная вылазка, эта глупая компания. Так же, как и все, он был голоден, он устал.

Зак видел, как налились злостью глаза Люка.

– Да ты... Ты... – закричал он. – Из-за тебя мы здесь... Почему мы должны слушаться тебя? Из-за тебя мы пополи сюда... Это была твоя дурацкая идея – покинуть город... Мы тут чуть не погибли! Мы погибнем здесь!

Зак ничего не отвечал. Он только крепче сжал руку Ма-

рики и молча направился в лес.

– Ну и иди... – кричал ему вслед Люк. – Иди... А мы... Мы сами отыщем Стену. Ждан, пойдём!

Зак прошёл сквозь ветви и снова оказался среди деревьев. Он уже не слушал, что кричали вдогонку ему друзья. Утренний свет робкими невесомыми лучами пронизывал кромки деревьев, щебетали какие-то птицы, но Зака это уже не радовало, не восхищало. Он был измучен. Опустив глаза в землю, он брёл вперёд. За ним молча шла Марика.

Он слышал, как вслед ему полетела пущенная со злостью Люком коряга, как Люк и Ждан, ругаясь, ломая тонкие ветви кустарника, поплелись налево. «И почему ты ещё не начал задыхаться без своего лекарства, Люк?» – подумалось Заку. Сам он шёл направо, но это уже не имело никакого значения, он не знал, где находится город, не слышал его звуков, не видел ни домов, ни Стены. Хотелось есть... Каждый шаг рождал лишь одну мысль: «Сколько человек может жить без пищи?». Марика, вцепившись в его руку, изредка всхлипывая, шла за ним.

Зак не знал, сколько они так бродили наугад по лесу. В отсутствие вайфона и часов можно было лишь только догадываться, который сейчас час.

Когда солнце, перестало прятаться за кронами деревьев и встало прямо над головой, Зак услышал странный звук. Где-то за кустами слышалось, как течёт вода. Зак насторожился, Зак обрадовался. Вода! Значит, город где-то рядом. Из по-

следних сил Зак потащил Марику на звук и через минуту они оказались у воды. Нет, это была ни водонапорная станция, ни плотина, и даже не пункт забора воды, это была просто река.

Под песчаным обрывом, текла вода. Деревья, обнажив громадные корни на склонах, расступились и открыли взору реку.

– Вода... Я хочу пить, – произнесла Марика, и, отпустив руку Зака, ступила на склон.

– Куда? – попытался остановить её Зак. – Эту воду нельзя пить...

– Мне всё равно... – устало сказала Марика и стала спускаться к реке.

Заку ничего не оставалось, как последовать за ней. Скоро они оказались внизу. Вода у берега казалось чистой, но середина реки была темна, там чувствовалась глубина. Марика наклонилась, Зак не стал её останавливать, но сам к воде прикоснуться не смог. Там, за Стеной, вся вода, пригодная для питья была помеченная специальным знаком, остальная считалась опасной для здоровья. Марика, опустившись на колени, зачерпывая воду прямо рукой, пила.

Когда она закончила, то достала из рюкзака салфетки и аккуратно вытерла руки. Как бы Заку хотелось, чтобы в её рюкзаке сейчас вместо салфеток, проводов и дополнений к тем гаджетам, что остались там, за Стеной, оказалась бы хоть какая-то еда. Но нет, жители современных мегаполисов были избавлены от необходимости заботиться о пропитании. В

городе еда продавалась везде, на каждом углу, город был наполнен едой, точками питания. Еда была доступна, еда была дешева и вкусна.

– Надо идти вдоль берега... – сказал Зак.

Они побрели вдоль линии воды. Над ними где-то в вышине шелестели листьями пышные кроны деревьев. Было тихо, журчала вода. Зак уже не надеялся найти город, но что-то ему подсказывало, что здесь, вблизи реки может находиться какой-нибудь промышленный объект, потребляющий воду, а там могут быть люди, они помогут...

– Я больше не могу... – сказала Марика, в бессилии опускаясь на землю.

Зак смотрел на её измождённое лицо, на высохшие за одну ночь руки, спутанные волосы, и ему показалось странным, что меньше суток назад в этом же самом лесу она казалась ему привлекательной и невероятно красивой. Сейчас перед ним было совершенно другое существо, измученное, бледное с бешеным, почти сумасшедшим взглядом.

– У меня нет больше сил... – произнесла Марика.

Это было какое-то заколдованное, проклятое место. Нет, оно больше не казалось ни привлекательным, ни замечательным, ни красивым, пребывание здесь отнимало силы. Только сейчас Зак стал понимать, почему его отгородили Стеной.

Зак не знал, что делать. Как он мог тащить Марику дальше, если сам не знал, чем окончится их путь?.. Он стоял и думал над тем, оставить ли Марику здесь и в одиночку про-

должить поиск людей, либо же и самому бросить попытки вернуться в город. И вот, в момент, казалось бы, крайнего отчаяния, в воздухе, сначала еле слышно, затем всё громче и громче раздался привычный звук работающего двигателя. Через мгновение Зак уже не сомневался, кинувшись в реку так, чтобы его не закрывали ветки деревьев, он принялся кричать в высоту: «Помогите!». Его заметили быстро. Вертолёт, неспешно двигаясь вдоль русла реки, приблизился, опустился ниже. Скоро уже Зак и Марика сидели внутри тёплого салона, укутанные термоодеялами, и пили горячий кофе. Оказалось, их искали уже больше часа. То, что друзья не явились на занятия, никого не встревожило, а вот сигналы, подаваемые креслом Эмиля, заставили сорваться с места сразу два вертолёта. Один, медицинский, полетел к Эмилю. Как позже выяснилось, все устройства для передвижения инвалидов имели передатчик позиционирования. Эмиль не знал, но как только заряд аккумуляторов его кресла приблизился к нулю, на ближайший дежурный пункт полетел сигнал о его местоположении и призыв о помощи. Когда же спасатели увидели, что исходит он не из города, а из-за Стены, полицейский вертолёт тоже взмыл ввысь. Эмиля нашли быстро, остальных пришлось искать ещё час, основываясь только на той информации, что удалось выяснить со слов самого Эмиля.

Пыша, Ждана, Люка спасатели обнаружили, начав прочёсывать на своих пневмониках лес. Зака и Марику отыскали

последними.

Заку грозило административное наказание за порчу Стены, но он был рад тому, что, наконец, нашли. Оказавшись в городе, он полными лёгкими вдохнул едкий запах душных улиц, и почувствовал, что счастлив. Он был дома. Его вылазка завершена.

Сидя дома на привычном диване, попивая коктейль, держа в руках вайфон, Зак наблюдал, как спасатели-строители заделывают Дыру. Зак посмотрел на Стену. Та надёжно скрывала от его взгляда и кроны деревьев, и буйную зелень кустарника, и птиц, и реку, и луг, и лес. Здесь внутри Стены была цивилизация – удобный, комфортный, продуманный мир, там же за Стеной осталось всё то, что, как убедился Зак, действительно было опасно. Он удовлетворил свой интерес и без сожаления готов был расстаться с неприятными воспоминаниями.

Как-то, спустя две недели, Зак приведя Марику в свой дом, подвёл её к Стене.

– Смотри, – торжествуя сказал он.

В стыке между плит под Стеной был росток. Нежный, совсем ещё юный, он зеленел на фоне серой Стены.

Марика сначала отпрянула, а потом ещё долго рассматривала каждый листик.

– Как думаешь, это цветок? – спросила она.

– Пока не знаю, – ответил Зак.

– Удивительно... Как он попал сюда?

– Вероятно, это мы случайно занесли его из леса.

В газах Марики промелькнул страх.

– Не бойся, малыш, – улыбнулся Зак и обнял Марику. – Нам ничего за это не будет, занести случайно в город семечко не возбраняется.

А ещё через две недели Марика, заплаканная, испуганная стояла снова на пороге дома Зака.

– Я не знаю, что это... Что-то случилось... Это всё из-за той глупой нашей вылазки... Со мной что-то не так...

– Ты больна? – спросил Зак, проводя Марику в дом. – Ты была у врача?

– Кажется, это не болезнь... Я пошла к врачу, когда поняла, что со мною что-то не так...

– И что тебе сказали?

– Что-то странное... Они сказали, что внутри меня растёт ребёнок...

– Да, ну, – улыбнулся Зак. – Они ошиблись, этого точно не может быть. Ты же не хуже меня знаешь, что для того, чтобы он в тебе появился, мы должны были бы пойти к врачам, подать заявку на создание нового человека, стать в очередь на оплодотворение, затем должны были бы сдать наши клетки, их бы скрестили в лаборатории, затем в тебя поместили бы полученный эмбрион и только после этого, начался бы рост в твоём теле плода...

– Но он появился каким-то образом во мне без всего этого! – закричала Марика.

– Каким образом? Как? – удивился Зак.

Марика схватилась за голову.

– Я не знаю... Не знаю... – твердила она.

– Послушай, это невозможно... – сказал Зак, наливая себе и Марике из аппарата не шипучую газировку, как это обычно бывало, а алкоголь.

– Это всё твоя Дыра... Этот лес... Там твориться что-то неладное... – в отчаянье бормотала Марика.

– Может, врач ошибся? – переспросил Зак. – Ты сдавала анализы и всё такое?..

Марика утвердительно качала головой.

– Нет, этого не может быть... – сказал Зак, отхлёбывая из стакана. – В лесу, конечно, могут твориться чудеса... Но Эмиль же не стал ходить. А тут... Нет, мы с тобой не принимали никаких специальных препаратов, не ходили по врачам, мы не сдавали никаких биоматериалов, в конце концов, мы даже не подавали никакого заявления на разрешения нам зачатия... Как они себе это представляют? Как без этого всего в тебе мог возникнуть новый человек?!

– Они сказали, так было раньше, давно. Для зачатия ребёнка достаточно было контакта мужчины и женщины...

– Ерунда, – махнул рукой Зак. – Почему тогда это не случается теперь? Никто... Все... Все мы были получены методом искусственного оплодотворения...

– Они хотят меня изучать. Меня и плод... Они говорят, это уникальный случай...

Зак наливал из автомата повторную порцию алкоголя.

– А ты? – спросил он, отпивая из своего стакана. – Что ты планируешь делать?

– Я ничего не хочу... Я хочу обычной прежней жизни...
– заплакала Марика. – Мне только двадцать два года, я хочу доучиться, получить хорошую работу...

Зак обнял её.

– Малыш, так и будет... – начал успокаивать он её, глядя по голове своей, непослушной от выпитого количества алкоголя, рукой.

– Они... Они сказали... Я могу удалить его, пока он ещё маленький, я имею на это право. И всё будет по-старому... Ты не против?

– Я? – удивился Зак. – Почему я должен быть против? Это твоё тело.

Через двадцать минут, Марика, лишь только изредка всхлипывая, прижавшись к Заку, смотрела вместе с ним на то, что показывал им сегодня огромный, занимающий больше половины комнаты экран.

***

Заседание Правительственного совета началось на закрытой цифровой площадке, точно в срок, без задержек и проволочек. Обсуждался один, но очень важный вопрос – необходимость всеобщей чипизации. Вопрос о введении подкожных чипов в тела людей поднимался много раз и раньше, но сейчас он встал, как никогда, остро. Шестеро детей в воз-

расте от двадцати двух до двадцати шести лет прошли через Стену, оставив в городе свои гаджеты, и тем самым лишили себя необходимой им помощи и защиты. Им пришлось провести почти сутки снаружи города без еды, воды, и спасены они были лишь только потому, что в передвижное устройство одного из них, мальчика-инвалида, был встроен сигнальный маячок, который помог определить спасателям местоположение детей. Если бы такого устройства не оказалось, дети бы погибли. Собрание зашумело. «Дети», «безопасность» – эти понятия никого не могли оставить равнодушным.

«Мы обязаны защищать граждан...»

«Стена уже не спасает от опасности...»

«Подобных случаев раньше не было, но теперь мы обязаны усилить меры защиты...»

«Мы всегда откладывали массовую чипизацию, но, похоже, настало время вводить эту меру...»

«Мы бессильны помочь людям в критических ситуациях, если у нас не будет информации о них...»

«Браслеты, вайфоны и прочие гаджеты уже не справляются...»

«Мы обязаны пойти на эту непопулярную меру и провести повсеместную чипизацию людей...»

«Они смогут не только покупать и продавать, имея в руке вживленные чипы, самое главное, мы будем знать их медицинские показатели и их местоположение, мы сможем во-

время оказать им помощь...»

***

Зак чувствовал себя сегодня плохо. Жизненные показатели были в норме, витамины, лекарства выпиты, профилактические процедуры, согласно рекомендациям, проведены, но всё равно, в груди щемило.

Сегодня опять снился лес. Удивительно, с того момента, как Зак вместе с друзьями прошёл сквозь Стену в проделанную им Дыру, прошло уже почти двадцать лет, а до сих пор та их безумная вылазка острым воспоминанием оставалась в памяти и, как казалось Заку, было самым ярким за всю его жизнь впечатлением.

Завибрировала ладонь, Заку звонили.

Неспешно он пошел к порогу, приложил ладонь к считывающему устройству и открыл тем самым дверь. На улице стояла группа детей. Заку достаточно было пожать руку приведшему их учителю, чтобы понять, что это очередная экскурсия. Вифон Зака тут же подтвердил факт оплаты экскурсии группой в количестве двадцати трёх человек. Зак повёл всех во дворик своего дома. Здесь, раскинув крепкие ветви, возвышалось дерево. Тот росток, что двадцать лет назад был занесён случайно Заком из леса, разросся и теперь накрывал своей пышной, густой кроной весь двор и часть крыши дома Зака.

Дети восторженно замерли.

Дерево, единственное в городе, сделавшее район, в кото-

ром росло, самым знаменитым и престижным во всём мегаполисе, гордость и единственный на сегодняшний день источник дохода Зака, величественно шелестело листьями. Кажалось, ему было всё равно, что твориться там, внизу, у его подножия. Оно было как будто из другого мира, оно стремилось в небо, вверх.

Дети засуетились вокруг ствола. Они делали селфи, снимали видео, тут же отправляли всё это друзьям. Наконец, был сделан общий крупный снимок группы. Все галдели, не спуская глаз со своих ладоней, в которые были вмонтированы вифоны.

Зак сел в стороне, и наблюдал лишь за тем, чтобы эта неугомонная толпа не повредила листья и не наломала себе на память веток. Зак привык. Каждая экскурсия проходила примерно одинаково. Примерно через десять минут дерево всем надоело, оно уже не вызывало в детях ни удивления, ни восторга. Все затихли. Рассевшись на приготовленные для зрителей стулья, дети выкладывали отснятое на свои страницы. Ещё через три минуты, учитель, собрав их, повёл обратно в дом. Здесь, попив газировки из специально установленного Заком для гостей профессионального аппарата, группа засемила к выходу. Там, на пороге уже стояли следующие посетители.

Денег, что зарабатывал этими экскурсиями Зак, ему бы вполне хватило на то, чтобы поселиться совершенно в другом месте, где-нибудь на берегу океана и жить там, насла-

ждаясь звуком волн, криком чаек и тенью пальм. То есть он мог бы жить в одном из тех мест, которые теперь так часто рекламировали, но сделать это было совершенно невозможно, и дело было тут не в том, что Зак, переехав, лишился бы источника дохода, экскурсии к дереву вполне мог проводить специально нанятый для этого человек. Дело было в том, что Заку покидать город и место своего проживания было категорически запрещено. Тот случай с вылазкой за Стену не прошёл для него бесследно. Зак был единственным человеком, кто получил статус «Неблагодёжный».

Зачесалась ладонь. Вифон, вживлённый в руку, отслеживал местоположение Зака. О том, чтобы обмануть Систему безопасности нечего было даже думать, это было исключено.

Тогда, двадцать лет назад, Зак проделал в Стене Дыру и подверг смертельной опасности жизни пяти человек, теперь он, до конца своих дней, не сможет покинуть пространство своего дома.

2021

Новый маркер

Он заметил её сразу, как только вошёл в коридор. Девчушка лет семи, с забавным бантом на тонкой косичке, крутилась у окна. Таких, обычно, приводят с собою сюда взрослые, потому, что детей просто не с кем бывает оставить дома.

– Дядя, дядя... – вдруг неожиданно потянула его за рукав девочка, когда он, нащупав, наконец, в кармане электронный ключ, стал открывать свой кабинет.

«Дядя» – странное обращение, подумалось ему. Раньше, в молодости он был Пётр, друзья по школе называли его Петруха, мать в детстве Петрушей. Когда он вырос, возмужал, к его имени Пётр добавилось отчество Олегович, но чаще его звали просто по фамилии – Зиновьев. Теперь именно это имя было написано на бэйдже его светло-зелёного цвета формы. Но, вероятно, девочка ещё не умела читать.

«Дядя», Пётр Олегович, усмехнулся и провёл рукой по своим поредевшим волосам.

– Дядя, а вы могли бы не заглядывать в голову моего дедушки? – обратилась девочка, продолжая легонько трясти его за рукав.

Пётр Олегович обернулся и внимательно посмотрел на неё. Забавная, с по-детски неправильными пока чертами лица, девочка выглядела серьёзной.

– Пожалуйста, не надо смотреть в голову моего дедушки, –

снова попросила она.

– Какого дедушки?

– Его зовут Иван Арсеньевич, – ответила девчушка.

Зиновьев заглянул в свой сегодняшний план работ. Действительно, был такой, Иван Арсеньевич Ильин был доставлен сюда чуть больше часа назад.

– Твои родители с тобой? – спросил он строго ребёнка.

– Алёна, – раздался голос женщины.

В коридоре появилась незнакомка, которая тянула за собою ещё более мелкого, чём Алёна, мальчишку.

– Простите, – начала женщина, протягивая Петру Олеговичу только что оформленные документы. – Так всё навалилось... Муж ещё не успел подъехать. Она вам сильно надоела?

– Нет, – ответил Зиновьев, проставляя в документах свои отметки. – А почему ваша дочка?.. Это же ваша дочь? Почему она просит не заглядывать в голову её деду?

– Ну что вы, не слушайте её, она же ребёнок... – взяла девочку за руку мать.

– Вы знаете, что имеете право отказаться от сканоскопии? – спросил женщину Зиновьев. – И ваша дочь, в случае её желания, как член вашей семьи, имеет право по закону оформить отказ.

– Нет, нет... Пожалуйста... Мы не будем отказываться, – заволновалась женщина. – Алёна, что за глупая выходка? – строго обратилась она к девочке. – Поговорим потом с то-

бою... Ты хочешь, чтобы мы остались без дома? Хочешь, чтобы мы лишились жилья?

– Мама, дедушка говорил: «отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» и «мирись с соперником, пока он не отдал тебя судье, а судья не отправил в тюрьму»...

– Невозможный ребёнок, – всплеснула руками мать. – Что ты говоришь? Ты только послушай, что ты говоришь? Ты ничего не понимаешь... Ты хочешь жить на улице? Хочешь? Ты понимаешь, что нам некуда идти?

Девочка только недовольно сжала губы.

Зиновьеву эта сцена стала абсолютно не интересна и он, оставив женщину с детьми на пороге, вошёл в кабинет.

Тело доставленного Ивана Арсеньевича покоилось на столе. Надо было торопиться. Согласно документам смерть наступила почти два часа назад, это означало, что у Зиновьева есть максимум три часа, чтобы выполнить сканоскопию, снять все хранящиеся в памяти покойного данные до того, как начнётся необратимый процесс разрушения мозга, при котором в возникшей мешанине воспоминаний будет уже невозможно что-либо разобрать, и тогда он, Пётр Олегович, получит выговор, как это уже бывало.

Зиновьев поспешил включить монитор. Прислушался, возня и шум за дверью, кажется, утихли.

Подведя к голове умершего миниатюрную дисковую пилу, он точными, отточенными за многие годы работы движе-

ниями вскрыл черепную коробку. Человеческий мозг обнажился. Самый обычный, ничем не примечательный, он выглядел так же, как в любом анатомическом пособии.

Немедля, Пётр Олегович наложил на него электронную разметку и принялся подключать, согласно ей, контакты. Когда процедура внедрения электродов была завершена, Зиновьев налил себе кофе и сел за монитор. Самая сложная часть работы была позади, теперь оставалось лишь запустить программу сканирования для снятия данных с пока ещё живых нейронных цепей мозга.

Зиновьев откинулся на спинку кресла, отхлебнул кофе и неспешно начал сканирование. Производилось оно всегда одинаково, по стандартной, отработанной схеме. Начался привычный, рутинный процесс.

Зиновьев поставил первый маркер – «имущество». Маркер – то слово, что вбил Пётр Олегович в текстовое поле программы, тут же перекодировалось в электрические импульсы и направилось в мозг. Оставалось только записать видео, снять все воспоминания, которыми отзовется мозг на заданное слово. Имущество покойного – это самый главный, самый важный вопрос, который будет интересовать всех родственников при вступлении в наследство. Нужно выудить из памяти всё, что связано с этим словом. Сколько раз Зиновьеву приходилось представлять такие записи в суде? Не считать.

Зиновьев нажал кнопку «Запись», но, сколько он ни ждал,

воспоминаний так и не возникло. Пётр Олегович удивился, давно он не встречал подобного. Он послал контрольный импульс, всё было в норме, мозг был пока ещё жив. Это означало, что надо менять маркер, а он так надеялся, что всё пройдёт как обычно, гладко, без лишних сложностей.

Пётр Олегович набил новый маркер – «деньги», подождал, снова тишина. Зиновьев отодвинул кофе, выпрямился в кресле, для него начиналась непростая работа. По очереди он ставил всё новые и новые маркеры: «Банковские счета», «Жилье», «Транспортные средства», «пароли» – мозг оставался глух. Это было плохо, очень плохо. Это грозило неприятностями. Те родственники, которых Зиновьев встретил в коридоре, наверняка, будут недовольны. Что ж придётся попотеть. Зиновьеву надо открыть этот мозг, времени на это остаётся всё меньше и меньше, ему обязательно надо подобрать ключ.

Судорожно Пётр Олегович вбивал маркёры – «Деньги», «Работа», наконец, «Семья». Ни на один из них мозг старика не отзывался. Старик... В сущности, не так уж этому Ивану Арсеньевичу много лет, всего восемьдесят три года. Обычно, как показывали записи, такие умирают в больничных постелях, терзаемые болью и собственной немощью, цепляясь за жизнь, оставляя за собою вереницу родственников, которым часто их смерть приносит лишь облегчение. Самому Петру Олеговичу было пятьдесят три. Он знал, что пройдёт пара-тройка десятков лет, и он также окажется на этом же

столе, со вскрытой головой, и тоже под чьей-то умелой рукой откроет все свои тайны, воспоминания, итоги и даже мечты.

Но этот мозг, он не поддавался... «Жизнь», «Смерть», «Дети», «Болезнь», «Любовь», «Друзья», «Враги»... Неужели этот старик не думал о таких базовых, фундаментальных понятиях? Без сомнения, думал. Но почему мозг не хотел отзываться на расставляемые Зиновьевым маркеры?

Пётр Олегович покраснел. Кофе давно был отставлен. Нужно было спешно придумать, как переформулировать ключевые маркеры. Пришлось отыскать справочник с рекомендованными в качестве маркеров словами и фразами, который был похож, скорее, на орфографический словарь.

Вслед за уже испробованными Петром Олеговичем понятиями значилась целая группа существительных, обозначающих эмоции и чувства. «Ненависть», «Радость», «Злость», «Печаль», «Зависть», «Горе», «Счастье», снова «Любовь», «Вражда», «Веселье»... Мозг Ивана Арсеньевича по-прежнему был безучастен.

Пётр Олегович обеспокоился не на шутку. Проверив очередным контрольным разрядом, что мозг жив, он принялся вбивать наугад любые слова, любые фразы. Названия фильмов, городов, имена – всё пошло в ход. Теперь он надеялся хотя бы случайным образом добиться ответного сигнала.

«Да что же ты за человек!» – прокричал Зиновьев, в бессилии опускаясь на стул. Прошёл целый час, а мозг не откликнулся.

Оставалось последнее средство – звонок родным усопшего и расспросы о том, что волновало его, чем жил тот в последние дни своей жизни. Возможно, это помогло бы найти нужный маркер, однако, любой контакт с родственниками покойного обычно заканчивался для Зиновьева обвинение в некомпетентности. Это был последний шаг, Зиновьев делать его не спешил.

В его распоряжении оставался примерно час.

Вдруг ему вспомнилась фраза девочки с забавным бантом, услышанная им чуть больше часа назад в коридоре. Ещё тогда слова, произнесённые ребёнком, показались Зиновьеву очень странными: «Отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» – вбил Зиновьев в текстовое поле, предлагаемое для ввода маркера в программе сканоскопии.

И тут «Евангелие», «Евангелие»... «Евангелие» – радостно заиграл всеми цветами спектра оживший мозг. Зиновьев поспешил включить запись. Первый за сегодняшний день вымученный образ был настолько живым, настолько ярким, что, не сомневаясь, Зиновьев поставил в текстовое поле теперь именно этот маркер – «Евангелие» – странное, непонятное слово, иностранное, скорее даже из какого-то древнего языка.

И вот побежала запись – голубое небо, необычный радостный звон. Облака белые-белые, и кто-то светящийся... Человек? Нет, лишь похожий на человека... Кто-то в блистаю-

щих белых одеждах, напоминающий голубя, с лицом сияющим, с гривой льва. «Ничего не бойся, лети за мной!» – протягивает он руку и увлекает куда-то вверх, кажется, в небо.

Конечное воспоминание, последняя запись мозга – момент смерти. В том, что это был именно он, Пётр Олегович не сомневался. Сколько он повидал подобных видео. Самое яркое, самое сильное воспоминание, всегда чёткое, всегда хранимое мозгом во всех деталях. Каждый раз им человек из прошлого вопил: «Посмотри, что произошло со мной!», будто предлагая разделить с ним потрясение от своей потери. Однако, никогда Зиновьев не видел ничего подобного тому, что показывал ему сейчас экран. Тот светящийся, белый... Это был не человек. Если бы Зиновьев не знал, что при сканоскопии снимаются только реальные зрительные и звуковые образы, он бы счёл эту запись ошибкой, фантазией поражённого разума. Несколько раз Зиновьев прокрутил видео, проверил запись на подлинность, программа показала, что объекты в записи воспринимаются мозгом усопшего, как безоговорочная, единственно существующая действительность.

Но надо было спешить, времени оставалось всё меньше и меньше. Маркер «Евангелие», уже вытягивал из памяти покойного следующую запись. Полумрак, расписанные снизу доверху стены, свет не ламп, но свечей, звучание песен, красивых, но странных, человек в длинной одежде, громко восклицающий: «Христос Воскресе!», и звучный гул голосов в

ответ: «Воистину воскрес!».

Зиновьев выругался. Религиозный фанатик, вот кто лежал сейчас на столе перед ним. О том, что такие люди существуют, Пётр Олегович слышал, но встречаться с ними ему никогда раньше не доводилось.

Остальные записи с мозга он снимал, уже не рассматривая их. Тех людей, которые верили во что-то, отличное от материального мира, Зиновьев считал психически больными. Как и все прочие современные люди, он не допускал существования того, в кого верили подобные люди, в Бога.

Пока снимались записи, Зиновьев отошёл от мониторов и налил себе свежий кофе.

Помещение с бледными стенами за более, чем двадцать лет работы, стало для Зиновьева родным. Он удобно расположился в кресле. Почему-то вспомнилось, как много лет назад он, молодой, энергичный, вдохновлённый идеей познать человеческий мозг, с радостью ухватился за предложение заняться новым на тот момент направлением – сакноскопией. Это было модно, было дорого, престижно. Это сейчас, сканоскопия – обязательная по смерти процедура, входящая в пакет оплачиваемых государством услуг, а раньше... Вспомнив, о своём заработке в былые времена, Пётр Олегович довольно погладил плотный живот. А сколько женщин, дочерей, вдов, утешил он в этом самом кабинете?.. Пожалуй, он не смог бы всех их сосчитать. Процедура сканоскопии позволяла получить доступ к памяти о всех денежных ресур-

сах покойного, она выуживала из памяти номера всех банковских счётов и карт, позволяла узнать пин-коды и пароли, поэтому за молчание Зиновьева наследником приходилось хорошо платить, с ним делились. Теперь всё иначе... В нынешнее время Зиновьев по закону был обязан, без всякого вознаграждения, передать все записи, снятые с памяти умершего, в базу единого государственного хранилища, а также ближайшим родственникам, а разглашение информации, полученной в процессе сканоскопии, считалось теперь уголовным преступлением.

Зиновьев уныло бросил взгляд на монитор. То, что там происходило, неожиданно, его заинтересовало. Женщина, молодая, красивая, смеялась и вела себя так, что не оставалось никаких сомнений – она флиртовала. Это было интересно. Зиновьева, даже сейчас, даже спустя много лет работы, такие эпизоды продолжали волновать. Он придвинулся поближе, расположился поудобнее в кресле и включил звук. Все воспоминания всегда были от первого лица, в данном случае Пётр Олегович видел всё глазами лежащего перед ним на столе Ивана Арсеньевича.

– Сегодня вечером я жду тебя... – говорила красавица, придвигаясь ближе.

Пётр Олегович увидел пульсирующую венку на её шее, поднимающуюся при каждом вздохе грудь.

Настоящая красавица, звезда. Видно, что одета по тогдашней моде. Лицо, тело, всё доведено до совершенства,

выправлено искусственной пластикой, изменено всеми средствами современной косметологии. Ни одного изъяна, идеальна, безупречна. Сколько же денег она потратила на себя? И кем был этот самый Иван Арсеньевич, что заинтересовал такую?.. Пётр Олегович, почесал голову. С прискорбием он осознал, что он сам ни разу в жизни не видел таких красавиц так близко, никогда ни одна из них не сидела с ним рядом, не покачивала восхитительной, будто выточенной из самого дорого мрамора, ножкой, не накручивала прядь своих блестящих волос на свой пальчик, не облизывала и без того влажные губы, не говорила: «Я жду тебя». Если бы сканоскопия позволяла снимать записи не двух, а всех пяти органов чувств, Зиновьев, наверняка, сейчас бы ощутил исходящий от красавицы аромат самого дорогого элитного парфюма.

– Я не приду, – услышал Пётр Олегович мужской голос в ответ.

Зиновьев отпрянул. Это было неслыханно! Этот человек отказал! Да кто он? Кто этот Иван Арсеньевич? Миллиардер, магнат? Только они могут разбрасываться столь дорогими женщинами. Нет, или он хитрец?.. «Неужели, решил набить себе отказом цену?» – пронеслось в голове Зиновьева. Сам Зиновьев никогда бы не рискнул так поступить с такой женщиной. Что же красавица? Что она скажет?

Но вместо её слов прозвучал снова мужской голос.

– Я женат.

Услышав это, Зиновьев поперхнулся. Это была самая глу-

пая, самая нелепая причина, которую только можно было выдумать мужчине. В подобной ситуации ни одна женщина не воспримет жену, как соперницу. Жена, это никто, она далеко, она образ постоянства, которое так быстро надоедает людям.

И тут на экране понеслись книжные строки: «Знаешь заповеди: не прелюбодействуй...», «посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает». Это было удивительно. Мозг Ивана Арсеньевича связал во времени два события – соблазняющую его женщину и прочитанные им когда-то ранее строки книги. За всё время работы Зиновьев не встречал такого. У всех прочих, с кем ему доводилось работать, события разворачивались линейно, всегда сохранялся строгий хронологический порядок действий и оттого понять причину поступков можно было только лишь промотав записи назад. А здесь... «Евангелие...», «Евангелие...» – возникло странное, загадочное слово, воскрешающее в памяти строки, побуждающие к поступкам.

Однако, Зиновьеву надо было торопиться, время летело, поэтому оставшиеся записи он снял, уже не рассматривая их. Он успел, он записал всё.

Весь остаток дня увиденное не давало Зиновьеву покоя, поэтому проведя сканоскопию ещё одного покойного, вполне обычного, не вызвавшего никаких затруднений, Пётр

Олегович с нетерпением дождался вечера, чтобы спокойно, не торопясь продолжить просмотр того, что его заинтересовало. Он открыл записи Ивана Арсеньевича.

Прежде всего, Зиновьеву, хотелось посмотреть на жену, человека, что оказался сегодня на его столе. Пётр Олегович мог предположить, что она, скорее всего, должна была быть эффектной или богатой, во всяком случае, она точно должна была быть не хуже той, которой этот мужчина отказал. Какого же было удивление Зиновьева, когда он, отыскав в записях по маркеру «Евангелие. Жена» супругу Ильина, увидел перед собою вполне обычную женщину, совершенно ничем не примечательную, занятую хозяйством. Своё время она проводила в нескончаемых трудах. Такой сохранила её память мужа. Кем же был этот Иван Арсеньевич?! Зиновьев проверил все записи, но любовных отношений с той женщиной, что пыталась завлечь его, он так и не нашёл. Не обнаружилось и записей его свиданий с прочими. Но они ведь должны были быть! Такое не забывается, память всегда трепетно хранит факты измен. Но нет... Зиновьев прокручивал записи раз за разом. Он увидел, как состарилась и умерла жена Ильина, и ни разу этот человек не отвлёкся ни на кого другого. «Будут два одна плоть...» – то и дело вылетали строки из памяти Ильина на монитор. Этот человек был чист. Петру Олеговичу не хотелось верить, но этот Иван Арсеньевич, похоже, пытался всерьёз исполнить слова какой-то странной неведомой религиозной книги.

Зиновьев почесал затылок, налил кофе и расположился поудобнее в кресле. Спешить ему было некуда, поэтому он ввёл новый маркер – «Евангелие. Дети». Перед ним возникла зарёванная девчущка, совсем маленькая, ребёнок плакал навзрыд, просил, требовал чего-то. Чего именно? В безудержных рыданиях не разобрать... Странно, что память покойного выбрала из всех воспоминаний о собственных детях именно эту запись. Зиновьев хотел было уже выключить этот эпизод и перейти к следующему, но тут на экране возникли снова строки из книги «если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное», «кто примет сие дитя во имя Моё, тот Меня принимает». Зиновьев всё понял, что-то важное, незримое произошло именно в этот момент, незря память Ильина запечатлела его. Зиновьев наблюдал, как Иван Арсеньевич, переломив себя, взял на руки и прижал к себе бьющегося в истерике ребёнка. Он долго носил на груди дочку, гладил, жалел, ждал, пока девочка, успокоившись, не утихла. Потом он уложил ребёнка в постель, а после этого была долгая жизнь, совместные игры, прогулки, чтение книг, школа, и строки «кто примет такое дитя во имя Моё, тот Меня принимает», как руководство и ключ к воспитанию, ко всем совершаемым в отношении дочери поступкам.

Определённо, этот человек с фамилией Ильин был Зиновьеву интересен. Впервые Пётр Олегович наблюдал, что чья-то жизнь имела смысл. Все прочие записи, снимаемые им с памяти покойных, были похожи одна на другую – люди жи-

ли и умирали, пытаюсь удовлетворять свои желания в рамках, отведённых для этого обществом законов. И всё. Этот же человек, Иван Арсеньевич, поступал, руководствуясь какими-то более высокими, странно отзывающимися в душе Зиновьева глубоким одобрением, принципами. Нет, сам Зиновьев жить бы в соответствии с этими правилами не смог, но отчего-то он ясно осознавал, что жить так было бы правильно.

Что это было? Вот она – вся память человека, все его воспоминания, вся его жизнь, доступна, разобрана по файлам, отсортирована. Зиновьев принялся вскрывать их одну за другой, неизбежно сталкиваясь с тем, что паролем к каждой служил этот случайно обнаруженный им сегодня новый маркер – слово «Евангелие».

Зиновьев набирал «Евангелие. Работа» и перед ним возникал образ возмущённого начальника, завалившего Ивана Арсеньевича работой, и строки «возьми крест свой, и следуй за мною», как инструкция к действию, благодаря чему, Ильин, не проронив ни слова в своё оправдание, честно и старательно трудился.

Этому человеку было трудно, подчас очень тяжело. Была в его жизни и болезнь, и потери, и предательства, но каждый раз всплывали в его уме всё новые и новые строки: «не осуждай», «не суди», «прощай» и «возлюби ближнего твоего, как самого себя».

Это было прекрасно, это было красиво.

Зиновьев довольно погладил себя по животу. Уходить домой сегодня не хотелось. Пётр Олегович, впервые за долгое время, нашёл для себя что-то интересное.

Он попытался было узнать, что означает это странное слово – «Евангелие», но найденное им объяснение породило только ещё больше вопросов.

Уходил он с работы поздно вечером, когда яркий свет ночных ламп стал отражаться в тёмных, оставленных прошедшим дождём лужах.

Зиновьев всё думал. В его кармане лежала записанная на носитель чужая жизнь, а что представляла собою его собственная? Чем он жил все эти годы? Чем руководствовался он, совершая свои поступки?

Детство, юношество – тут всё понятно, он просто делал то, что говорили ему взрослые, родители. В их авторитете он не мог, не имел права сомневаться. Они кормили его, одевали, давали кров, а значит, послушный сын Петруша обязан был, как минимум, их уважать и слушаться. Но почему? С чего он взял, что родители всегда правы? Потому что так было принято в обществе – слушаешься родителей и учителей. Но откуда родители могли знать, что лучше для него? Да они и не знали, это выяснилось позже, когда Зиновьев вырос.

Его молодость прошла под влиянием его сверстников – таких же, как он молодых энергичных людей, стремящихся занять своё место в обществе. Что служило причиной их поступков? Ну, разумеется – массовая культура. Принципы

подросткового сознания формировались под влиянием того, что пропагандировали СМИ и реклама. Новые идеи возникали, устаревали, уступали место новым, каждый раз будоража сознание желанием получить, купить, успеть.

Что теперь? Зрелость. Время разочарования во всём, усталость от того, что твердят таблоиды, какая-то странная, ноющая пустота внутри.

А чем жил этот человек с фамилией Ильин? Когда, как он нашёл эту странную религиозную книгу? То, что в ней, было глубоко, высоко, эти строки были достойны того, чтобы исполнению написанного посвятить жизнь – стать честным работником, заботливым отцом, верным супругом. Это было красиво. Захотелось сделать также. Зиновьев вздохнул, и, придя домой, прежде чем лечь спать, долго ещё сидел в тишине, откупорив бутылку.

Утром, он отправился, как обычно, на работу. Какого же было его удивление, когда в коридоре возле своего кабинета, он снова увидел вчерашнюю девчущку.

Её мать, с опухшим, видимо, от слез и проведённой бессонной ночи лицом, ждала его у порога.

– Я отправил вам тело вашего отца ещё вчера, – начал оправдываться Зиновьев. – Записи памяти вашего отца вы сможете получить сегодня, электронно, вам не обязательно было приезжать...

– Да, да, – растерянно произнесла женщина. – Только не отца, деда. Это был мой дед. Я как раз хотела поговорить с

вами на счёт записей. Знаете, мы подумали... Ему бы не понравилось, если бы мы ими воспользовались... Он был другой человек, честный и открытый. В общем, вы, наверно, не поймёте, но мы отказываемся от получения этих записей. Как нам оформить отказ?

Зиновьев удивился.

– Отказываетесь? – переспросил он.

– Да, моя дочь права. «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты ещё на пути с ним» – так бы в нашей ситуации сказал дед.

– Но вчера... Вчера вы настроены были получить эти записи.

Женщина, махнула рукой.

– Ах, нет, забудьте. Ничего не надо. Мы обсудили это с мужем. Нет, нам ничего не нужно.

Зиновьев заметил, как блеснула в уголке глаза этой женщины слеза.

– Но вчера вы говорили, что можете остаться без своего дома... Вы понимаете, что эти записи, вероятно, могут вам помочь. Вы это осознаёте?

– Нам придётся затевать тяжбу с нашими родными, я думаю, дедушка этого бы не хотел. Он хотел мира в семье и всегда говорил «блаженны миротворцы...». Понимаете, мы живём в доме, построенном ещё моим прадедом, есть другие наследники. Мои дяди и тёти давно давали нам понять, что будут претендовать на этот дом. Вряд ли теперь, после

смерти дедушки, их что-то остановит. Мы наследники второй очереди.

– И что вы теперь будете делать? Где будете жить? Куда отправитесь с детьми?

– Ах, оставьте... Не мучьте меня, – в слезах махнула рукой женщина. – Я не знаю... Дедушка хорошо относился ко всем, и нам с мужем он в своё время помог, мы не вправе требовать от него большего, особенно, после его смерти...

Она засобиралась. Алёнка, довольная сегодня словами своей матери, возилась с младшим братом, приговаривая:

– Потерпи, мы скоро пойдём домой...

Её мать написала отказ от получения записей, который Зиновьев решил придержать пока у себя и в Главное управление отправлять сегодня не стал.

Вечером он расположился дома в кресле с бокалом вина, чтобы посмотреть ещё что-нибудь из жизни Ивана Арсеньевича. Определённо, записи, взятые из памяти этого человека, Зиновьева заинтересовали.

Сегодня Пётр Олегович в качестве ключа для открытия очередной папки набрал «Евангелие. Деньги». То, что он увидел в следующие полчаса его, мягко говоря, озадачило. Под словом «деньги» у прочих людей открывались записи о банковских счетах, ячейках и вкладах, пароли, суммы, разглашение которых грозило Зиновьеву тюремным заключением сроком до десяти лет, но в записях Ивана Арсеньевича не было ничего подобного. Перед Зиновьевым поплыли

счастливые улыбки тех, кому Иван Арсеньевич своими деньгами помог. Память этого человека не сохранила ни отданных им сумм, ни чётких черт лиц одариваемых, лишь только слова их искренней благодарности. Зиновьев понял, заработанные деньги Ильин не боялся тратить на тех, кто приходил к нему за помощью. Он руководствовался строками: «Какой из вас отец, когда сын попросит у него хлеба, подаст ему камень?», «и займы давайте, не ожидая ничего». Это было не обычно, это было странно, но увидев радость тех, кто получил просимое, Зиновьеву вдруг захотелось пусть хотя бы раз, не в такой, конечно, мере, но подобный же поступок совершить, однако у него самого денег давно уже никто не просил.

Зиновьев допил бутылку и отправился спать.

На следующий день Зиновьеву захотелось посмотреть записи, касающиеся спорного вопроса по оставленному Иваном Арсеньевичем внучке дому, поэтому он ввёл маркер «Евангелие. Дом». Открылись записи с расписными сводами, стены со странными изображениями, Зиновьев не сразу понял, что видит глазами Ильина убранство храма. Звуки мелодичных песнопений уносились куда-то ввысь. Горели свечи. Зиновьев заслушался. Он мало что мог разобрать в непривычном его слуху пении, ничего не понимал в происходившем действии, завершившимся звоном колоколов, но всё, что он сейчас видел, по меньшей мере, было необычно красиво.

Зиновьев не стал дожидаться следующего вечера и открыл

папку, отозвавшуюся на маркер «Евангелие. Любовь». Он увидел рассвет, пробуждающуюся женщину, пенье птиц, шелест листьев, лица людей самых разных, заснеженные вершины гор, океан бескрайний синий, играющих детей, цветы, оживлённый гул голосов, звуки музыки, кадры какого-то старого фильма, шум улиц, человека в старинных одеждах, идущего по запылённой дороге, и вот уже тот же человек, но израненный висит пригвождённым на кресте. Зиновьев поспешил выключить запись. Что это было? Под словом «любовь» у всех прочих хранились записи сладострастных утех, распутство, разврат, а здесь? Это было что-то иное, Ильин как-то иначе понимал это слово.

Все последующие вечера в течение недели Зиновьев провёл, изучая материалы памяти Ильина. День за днём он открывал папку за папкой, не переставая удивляться хранящимся в них видео. Пётр Олегович набирал маркер «Отдых» и вместо привычных видов ночных клубов, путешествий, ресторанов оказывался снова в стенах храма. Вводил маркер «Образование» и вместо дипломов, сертификатов, удостоверений, конспектов перед ним вставали страницы всё той же книги «Евангелие», к специфическому шрифту строк которой Зиновьев уже привык. Вместо «путешествий» – покой леса и гладь повторяющегося из воспоминания в воспоминание озера, вместо «музыки» – тишина, вместо «увлечений» – стены всё того же храма.

Просмотр воспоминаний этого человека рождал у Зиновьева

вьева всё новые и новые вопросы.

Через неделю Пётр Олегович, нашёл в сети эту самую книгу с названием «Евангелие». Какого же было его удивление, когда вопреки его ожиданием увидеть на страницах свод конкретных жизненных советов и правил, перед Зиновьевым развернулась показавшееся ему поначалу совершенно сказочной история. По мере того, как он углублялся в чтение, убеждение в том, что всё изложенное выдумка, росло, однако, некоторые вещи, казались Зиновьеву довольно занятными и он продолжал читать.

Читал он ту книгу, что называлась «Евангелие от Луки». В истории рождения некого Иисуса Пётр Олегович не заметил ничего примечательного, произошедшее его крещение он счёл установлением какого-то нового религиозного обряда. Первыми строками, на котором задержалось внимание Петра Олеговича, стали строки об искушении дьяволом в пустыни Христа. Поразило Зиновьева не само повествование, не реалистичность мифического дьявола, а те слова, которые странным образом отозвались в душе и тут же засели в голове: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим». «Слово Божие» – быть может, это и есть те строки, которыми руководствовался в своей жизни покойный Ильин? Зиновьев продолжал читать. Он быстро пробежал взглядом строки об исцелении многочисленных больных, немного задержался на непонятной странной проповеди Иисуса Христа. Всё остальное Пётр Олегович про-

листнул, и, как это обычно бывало, решил уже было заглянуть в конец книги, но тут, случайно открытая им страница задержала на себе его внимание. На ней были строки притчи, в которой рассказывалось о некоем богаче, жившем рядом с бедняком Лазарем. Повествование вроде бы было малопримечательным, похожее больше на сюжетец недорогого фильма, если бы не описание того, что произошло с персонажами после смерти. Оно было так ярко, так живо, что уже через несколько минут Зиновьев был абсолютно убеждён в том, что жизнь после смерти, существует. От этой мысли мурашки пробежали по его коже. Эта было удивительно, Пётр Олегович встречающийся со смертью лицом к лицу каждый день, привыкший к виду бездыханных тел, будто отставленных, брошенных своими хозяевами, снимающий все воспоминания о прожитой жизни тех, кто уже никогда не окажется в этом мире, ни разу не задумывался о том, а что бывает потом. Смерть была конечной точкой, последним, завершающим событием. Факт её существования не вызывал никаких сомнений. Снятие последних данных с мозга человека, и на этом всё, конец. А что потом? Мозг прекращал свою деятельность, биологические процессы останавливались, и на этом всё? В книге, лежащей сейчас перед Зиновьевым, всё было совершенно иначе. Жизнь продолжалась. Зиновьеву было страшно признаться себе в том, что он всегда чувствовал это. Смерть не была концом.

Почему никто, ни разу не сказал ему об этом? Жизнь по-

сле смерти существует. Зиновьев опешил от своего открытия. Он почувствовал себя жалким, обманутым подростком, от которого взрослые утаили что-то очень важное, быть может, даже самое главное. «Смерть – не конец» – проносилось в его голове.

Если это так, значит, всё, что делал покойный Иван Арсеньевич, действительно имело смысл.

Пётр Олегович с вновь открывшемся в нём рвением накинулся на чтение. Осмысленной реальностью становилось всё то, что всего лишь час назад казалось сказкой.

Воскресение Христа в конце книги не вызвало у Зиновьева никаких вопросов, оно казалось ему самым логичным завершением этой истории, произошедшей в мире, где смерть не является окончанием жизни. Удивило его и снова поставило под сомнение достоверность написанного другое – смерть Христа. Ужасное, возмутительное, варварское уничтожение абсолютно невиновного человека, вопиющая несправедливость, незаконность суда, и совершенно необъяснимый факт того, что ни один человек за Христа не заступился. Ни один! Вот что казалось Зиновьеву невероятным. Будучи современным человеком, выросшим в цивилизованном обществе, где судебные разбирательства были обыденным делом, где существовала презумпция невиновности, Зиновьев не мог поверить в то, что никто не выступил в защиту Христа. Чего они боялись, зная о жизни после смерти? Раздосадованный, Зиновьев лёг спать и быстро уснул.

Весь последующий день Пётр Олегович мучился размышлениями о том, почему люди предали Христа, а вечером, сев в очередной раз просматривать материалы из памяти весьма заинтересовавшего его покойного Ильина, он ввёл в поле поиска на этот раз не слово-маркер, а целый запрос: «Почему люди убили Христа?», и воспоминания, неожиданным образом, отозвались. Перед изумлённым Зиновьевым возникла на экране шумная, запылённая улица, узкие проходы между горячих стен, гам, неугомонная туристическая толпа, путеводитель-карта с названием «Иерусалим». Зиновьев следовал в воспоминаниях по жарким, душным улицам этого города. Шумные, тесные проулки наполнены торговцами вещами религиозного культа, за ними торговцы каким-то тряпьем, их лотки то и дело преграждают путь, закрывая дорогу, возгласы зазывал, шумный торг, и вот где-то среди домов, малоприметный вход в храм, лестница вверх, пышно украшенное место – Голгофа, место распятия Иисуса Христа, осовремененное, почти незаметное под богатым убранством. Совсем не таким представлял его, читая книгу, Зиновьев. И тут вдруг Пётр Олегович всё понял, он увидел ответ на свой вопрос. Людям что тогда, больше двух тысячелетий назад, что сейчас, просто всё равно. Они равнодушны. Они заостенели в своём отрицании очевидных истин. Как тогда, так и сейчас все живут своей суетной, беспокойной жизнью. Чрезмерно внимательные к себе, безучастные к страданиям прочих, не осознают, кто на самом деле Христос. Сегодня он

был тем, на ком можно подзаработать.

Пётр Олегович вдруг представил, как и во время суда над Христом, было достаточно таких, кто ходил в толпе, продавая собравшимся те же, что и сейчас фрукты, предлагая жаждущим за деньги напитки.

Зиновьев увидел, как вышел Ильин из храма, дошёл до сложенной из огромных бело-жёлтых блоков стены и там долго плакал. Зиновьев его понимал.

Пётр Олегович решил попробовать ещё кое-что. Он набрал в строке поиска: «Почему Христос?». И тут «Куда нам идти, у тебя глаголы вечной жизни», заглялись на мониторе строки. Зиновьев отпрянул. Он впервые наблюдал, что память ушедшего человека можно не просто просматривать, с ней можно было говорить. «Глаголы?» – неуверенно переспросил он, и получил ответ словами всё той же книги: «если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными».

До утра Зиновьев не уснул, он «беседовал» с памятью Ивана Арсеньевича. Он много узнал.

На следующий день они вместе прочли все четыре Евангелия. Зиновьев спрашивал о непонятном, и получал в ответ либо новые строки из книги, либо видео из жизни самого Ильина. Тот охотно делился тем, что понял сам. Никогда ещё Петру Олеговичу не было так хорошо, так интересно. Он обрёл собеседника, друга, которого, как ему казалось, он давно искал. И был это даже не Иван Арсеньевич, нет, это

был сам Христос – добрый, знающий ответ на любой вопрос, беседующий словами, записанными в писаниях.

Зиновьев спрашивал: «Как мне следует жить?» и читал всплывающие из памяти Ивана Арсеньевича строки – «не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя». Он вбивал в строку поиска: «Что есть человеческая жизнь?» и память Ильина показывала горящую в храме свечу, сгорающую до основания, но успевающую передать своё пламя многим другим зажигаемым от неё людьми свечам.

Вечерами Зиновьев теперь торопился домой, а когда его спрашивали, почему он в последнее время так редко выбирается из своей квартиры, он лишь пожимал плечами. Впервые у него был достойный собеседник, настоящий друг. Он вёл диалог с оставившим уже этот мир человеком и получал ответы. Эта была беседа разума с разумом, которая только лишней раз доказывала – жизнь после смерти существует, а значит, есть Бог, и Бог есть Христос, и Он приходил, и, если бы было нужно, в этом Зиновьев уже не сомневался, Он бы и сейчас пошёл на крест и распялся, чтобы спасти одного человека – его... Пётр Олегович чувствовал себя Вараввой, разбойником, которому простили злодеяния и избавили от смерти, а вместо него возвели на крест другого – Иисуса Христа.

Так пролетел месяц. Зиновьев изучил память Ильина

вдоль и поперёк. Многие фразы повторялись из раза в раз, многие врезались в память. Это были прекрасные, возвышенные слова, а жизнь, тем временем шла своим чередом. На работе у Зиновьева появились две помощницы – Танечка и Анечка. Обычная практика, в начале лета ему присылали студентов на стажировку. Лучшее время года. Этих дней Пётр Олегович всегда очень ждал. В его комнату приходило оживление молодости, в воздухе появлялся запах сладких духов, и отпадала необходимость самому себе варить кофе. Зиновьев брал к себе на стажировку только женщин, юных, почти девчонок. Они уважительно слушали всё, что он говорил, а уже недели через две, неизбежно между ними и Зиновьевым проскакивала «искра», девушки пытались его соблазнить. Это была притягательная игра, лучшая из забав, партия, которую Зиновьев, несмотря на возраст, вёл красиво и умело.

Что ж, в этот раз девушек было сразу две. Зиновьев ухмыльнулся. Посмотрим, сколько уйдёт в этот раз на это у него времени.

В первый же день девушки уже «бились» за возможность приготовить Зиновьеву кофе.

Вечером, придя домой, Пётр Олегович, сидя у монитора, даже не знал, что ему в этот раз спросить. Диалог в этот вечер не складывался, Зиновьев был всем вполне доволен. Его ум занимал сегодня только один вопрос: «Нужны ли ему обе девушки или остановиться на одной?»

Утром он уже не рассуждал, а вёл умилительные беседы с немного опоздавшими на работу Танечкой и Анечкой. Зиновьев был уже не молод, но и не стар. Вниманием женщин он никогда не был обижен. Он виделся девушкам мужчиной опытным, а сам себя считал знатоком женских душ. Он утешал их, там, где это было нужно, поддерживал в тех вопросах, на которых молодые парни, даже не обратили бы внимания. К концу первой недели Зиновьев уже не сомневался в том, что секс будет с обоими. Прошла ещё неделя. Девушки были готовы, оставался сделать последний, завершающий шаг.

Этим вечером Зиновьеву почему-то очень захотелось поговорить с Иваном Арсеньевичем. Он сел к монитору и долго думал. Наконец, набрал в строке поиска «Женщины», стёр. Написал «Отношения с женщинами», снова стёр. «Что нужно женщинам?», наконец, составил он запрос. Перед ним на мониторе тут же стали возникать женские лица, множество женских лиц. Зиновьев догадался, это были все те, кого сохранила память Ивана Арсеньевича, но Зиновьев ждал не этого, он жаждал совета, и тот возник строками из всё той же заветной книги, отпечатавшейся в воспоминаниях прожившего долгую жизнь человека: «Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе...».

Прочитав это Пётр Олегович ещё долго сидел молча, тёр

лоб и вздыхал. Он понял, что хотел сказать ему Ильин. Зиновьев теперь уже размышлял не о том, как поразить Танечку и Анечку, он знал, что в целом, он им не интересен, да и они ему нужны были только лишь, как развлечение, как участники помогающей скоротать время игры, как трофей в длинном списке поклонников их молодости. Кто он? Ни муж, ни отец, работник посредственный, специалист в своём деле, каких много... И тут, глубокая грусть овладела Зиновьевым. Он глубоко вздохнул. Ему больше пятидесяти лет, а каков итог? Что-то он упустил, что-то важное, главное, ускользнуло. Он жил по законам общества, теми интересами, что формировали СМИ, и в результате он всё чаще и чаще чувствовал, что несчастен. «Как жить? Что делать? Хоть ты мне ответь, Христос. Отзовись...» И тут не на мониторе, а в уме самого Зиновьева вдруг всплыли прочитанные им в Евангелие строки: «не убивай, не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя». Зиновьев опешил. «Господи, я не понимаю...» – сказал, он и тут уже не из памяти Ивана Арсеньевича, а из памяти самого Зиновьева возникли слова: «Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего... А как Я истину говорю, то не верите Мне... » «Но как... Как и что надо исполнять, Иисус?» – спрашивал Зиновьев; «научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим», –

отвечал ему сам Господь.

Весь остаток вечера Зиновьев читал. «О, род неверный и развращённый! Доколе буду терпеть вас?» «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Моё на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим; ибо иго Моё благо, и бремя Моё легко» – говорил ему со страниц Евангелия Иисус.

На следующий день, придя на работу, Зиновьев, насупившись, заставил Танечку и Анечку раскрыть рабочие тетради. Несколько часов он под запись диктовал им весь тот материал, который должен был объяснить в две прошедшие недели. Закончив, он провёл перед девушками показательную сканоскопию и затем их отпустил. «Если око твоё будет чисто, то и тело твоё будет светло» – вот что попытался выполнить Зиновьев. Девушки так и не поняли, почему, закрывая за ними дверь, Пётр Олегович бормотал «Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его». Выпроводив студенток, Зиновьев почувствовал такое удовлетворение от сделанного, какое никогда не испытывал раньше. Тихое душевное тепло от осознания того, что он поступил правильно, согревало.

Хотелось действовать. Вечером Зиновьев вновь открыл Евангелие.

Он не ждал чудес, не ожидал от себя великих дел и подвигов, он просто хотел теперь жить так, чтобы тот, кто увидит запись его памяти после смерти, мог бы хоть чему-то у него

поучиться.

Он читал запоем, он «проглатывал» каждое из четырёх Евангелий целиком раз за разом, только лишь изредка останавливаясь, чтобы поискать в записях Ильина ответ на возникший вопрос.

Прошла неделя, а Зиновьев продолжал читать. Он заметил, что уже продвигается намного медленнее, читает не запоем, а главами, вдумываясь, размышляя, как применить написанное к своей жизни.

Прошло ещё две недели. Зиновьев читал. Теперь он разбирал каждое предложение, переставлял слова, искал разницу, думал над каждой фразой. «Почему предложение составлено именно так?», «Отчего Христос здесь рассказал целую притчу, а тут произнёс одно лишь слово?» Зиновьев пришёл к тому, что вдумывался теперь в каждую запятую, в каждый суффикс, приставку, окончание каждого существительного, прилагательного, глагола. Глубина Писания поражала. Нельзя было ничего ни добавить, ни исключить, ни изменить. Каждая строка несла должный смысл.

Казалось, Зиновьев, наконец, обрёл то, чего ему всегда не хватало. Он был счастлив! Теперь он знал, что истина есть, красота есть, доброта есть! Теперь у него был вечный друг – Христос. Слова Его отзывались в сердце, красота поступков Христа поражала, его милость и сострадание к людям были безмерны.

А ещё через месяц Зиновьев, неуверенно переминаясь с

ноги на ногу, стоял на улице перед дверьми нужного ему дома. За то время, что он изучал память Ильина, конечно, он отыскал ответ и на вопрос, почему его внучка так опасалась лишиться жилья. Всё дело было в том, что жила она с мужем и детьми в доме деда, который в свою очередь достался тому от его родителей. После смерти Ильина права на дом заявили прочие наследники – дети родного брата Ивана Арсеньевича. Их было трое. Зиновьев обнаружил в памяти Ильина давнишний разговор того с родным братом. Уезжая в другую страну, в этой беседе брат отрекался от родительского дома, предоставляя всё попечение об имуществе Ивану Арсеньевичу. Это был всего лишь разговор, но этой записи в нынешнее время было бы достаточно в суде, чтобы доказать факт отказа от права наследования. Вот что хотела отыскать внучка в памяти деда. Если бы она не отступила, эти записи были бы у неё на руках уже на следующий же день, после смерти деда. Но, она отказалась... Её семья предпочла лишиться своего жилища, ради мира в семье и почтения памяти деда. Это было потрясающим безумием и в то же время актом какого-то непостижимого доверия.

Случайно обнаружив в памяти Ильина запись этого разговора, Зиновьев ещё много дней размышлял, как ему поступить. Принеся записи внучке Ильина, он автоматически обнаруживал себя преступником, нарушившим закон о профессиональной этике, это грозило тюремным сроком, поэтому Зиновьев с походом к семье Ивана Арсеньевича не спе-

шил. Он долго убеждал себя в том, что, оставаясь дома, поступает правильно, он руководствуется законом. Эта женщина, внучка Ильина, написала отказ, значит, не имеет никакого права требовать от него эти записи. Однако, со временем, углубляясь в Евангелие, Зиновьев всё больше осознавал, что должен поступить иначе. Его сущность всё больше бунтовала против того, что своим бездействием он может допустить то, что семья с двумя детьми лишится крова. «Я был наг, и не одели меня; был странником, и не приняли Меня...» – будоражил совесть Зиновьева своими словами со страниц книги Христос. День ото дня Пётр Олегович всё яснее ощущал, что, опасаясь за собственную карьеру и свободу, он, подобно всем тем, кто не решился заступиться на суде за Христа, позволяет свершиться в мире ещё одной очередной несправедливости.

Наконец, изведённый собственной совестью, собравшись с духом, он отправился в тот дом, где жил когда-то Ильин. Те записи, что нёс Зиновьев, несомненно, позволят внучке Ивана Арсеньевича доказать право на дом, но Пётр Ильич хорошо понимал, что вместе с этим тут же будет возбуждено другое судебное дело, на этот раз против него самого. Будет разбирательство по поводу того, на каком основании у него оказались эти записи, его признают виновным, он потеряет работу, его жизнь изменится, он окажется в тюрьме. Успокаивал себя Зиновьев тем, что и в тюрьме людям позволяют пока читать. Евангелие, будет с ним. Прочитанное им мно-

го раз, казалось бы, изученное вдоль и поперёк, оно, несомненно, будет побуждать к всё новым и новым размышлениям. Оно бездонно, в чтении его нельзя остановиться, странным образом оно всегда сочеталось с обстоятельствами жизни, тем и было интересно.

Зиновьев без особого труда отыскал в памяти Ивана Арсеньевича его домашний адрес. И вот, Пётр Олегович стоит на улице, которая кажется ему такой знакомой. Вот пышная клумба на углу, решетчатый забор... Возле дома Ильина оживление.

– А мы переезжаем, – звонко сообщила ему подбежавшая Алёнка.

«Опоздал...» – пронеслось в голове Зиновьева.

– Куда? Как? Вас выселяют? – присев перед девочкой на корточки, принялся расспрашивать Пётр Олегович.

– А нашему папе дали новую работу! Очень хорошую! Мы будем жить в другом городе, и у нас будет новый большой дом! – радостно затараторила Алёнка.

– Это Вы?! – услышал удивлённый женский голос Зиновьев над своей головой.

Он поднялся. Перед ним стояла внучка Ильина. Не подавленная и взволнованная, как в те их встречи после смерти деда, а энергичная, весёлая, такая же, какой сохранила её память деда.

Улыбнувшись, она протянула ему руку.

– Знаете, а ведь я только недавно думала о вас, – сказала

она. – Вернее, о той нашей встрече, когда я написала отказ вторгаться в дедушкину память. Ведь тогда всё и началось. Оказалось, Бог действительно есть.

– Я знаю... – пробормотал Зиновьев, ничего не понимая.

Она пригласила его в дом и, несмотря на то, что вокруг сновали грузчики, таская в машину сумки и коробки, налила ему кофе.

– Нам тогда так тяжело далось это решение, мы решили не претендовать на наследство, потому, что дедушке не понравились бы все те судебные тяжбы, ссоры с родственниками, что в этом случае были бы неизбежны. Я не знаю, на что мы надеялись, но мы решили не заявлять о своих правах на дом. И вы знаете, произошло чудо. Буквально через несколько дней после смерти дедушки, моему мужу поступило очень хорошее предложение. Он давно работал над одним проектом, деньги на его реализацию, кстати, дал мой дед. И вот, этот проект, вдруг, оказался востребован. Мы переезжаем в другой город, мужу дают оборудование, людей, средства. Это такое счастье!

– А этот дом? – перебил её Зиновьев.

– Мы оставляем его тем, кто ещё до смерти дедушки заявлял, что будет всеми силами бороться за это место.

– Удивительно! – произнёс Пётр Олегович.

– Дедушка верил в Бога. То, что с нами произошло, это не просто чудо. Пока мы пытались бороться с ситуацией, она была неразрешима, когда мы решили поступить соглас-

но тем словам, что говорил дед, произошло чудо. Спасибо вот Алёнке, она много времени проводила с дедом и любила его слушать...

– «Сие заповедаю вам, да любите друг друга».. – пробормотал Зиновьев.

– Простите, что вы сказали? Я не разобрала...

Зиновьев попросился и вышел. Он брёл, вспоминая о том, как долго собирался с силами, чтобы прийти сюда, как боролся с собственным страхом, а надо было просто довериться тому, чьи слова он теперь, подобно Ильину, считал руководством к жизни. Ведь знал же, что «Сам Отец любит вас, потому что возлюбили Меня и уверовали», чего же тогда боялся? Почему так долго бездействовал?

Пётр Олегович прошёл до конца улицы, свернул в сквер, за ним начинался парк. Там, над раскидистыми кронами деревьев, устремляясь крестами в небо, возвышался храм.

Зиновьев узнал это место. Сколько же раз он видел его в последнее время на экране своего монитора?.. Он вошёл. Купив свечу, прошёл вглубь. В благородной тишине, чуть помедлив, встал перед той иконой, которую больше прочих почитал Ильин. На ней был Христос. Не распятый, а во всей своей славе.

– Иван Арсеньевич, – услышал он голос за своей спиной. Обернулся.

– Ой, простите, я обозналась... – сказала женщина, видимо, работница храма. – Один человек любил вот так же сто-

ять здесь.

– Я знаю, – ответил Пётр Олегович и улыбнулся.

2021

Болезнь

«Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоём наказывай меня, ибо стрелы Твои вонзились в меня, и рука Твоя тяготеет на мне.» (Псалом 37:2-3)

«Нет, показалось... Точно показалось...» – убеждал себя Герман, упирая язык в нёбо. «Нет, нет, всё обошлось, не болит». Он налил в стакан воды и сделал специально ещё несколько глотков, чтобы увериться в том, что здоров. Гортань слегка заныла. «Нет, не может быть. Конечно, кажется. Я не болен...» – снова попытался убедить себя Герман.

Он выбросил пластиковый стаканчик в урну и энергично двинулся к своему рабочему столу. Его провожали внимательные взгляды коллег.

Много лет Герман работал с этими людьми бок о бок, и каждый раз, когда кто-нибудь из них, оторвавшись от своих дел, поднимал на него свой взгляд, Герман не мог с точностью угадать, что замышляет этот человек. То ли, устав от дел, он просто рассматривает его пиджак или смотрит на то, насколько безупречно завязан на Германе галстук, то ли, пытается подсмотреть, чем занят сейчас Герман, а может быть, думая о чём-то своём, он уже не замечает ни Германа, ни прочих, ни даже самих стен душного офиса. К сожалению, в мысли тех, кто часами изо дня в день находил-

ся с ним рядом, Герман заглянуть не мог. А жаль. Сколько бы тайн он узнал, сколько бы собственных потерь смог бы предотвратить. Можно было быть уверенным только в том, что от взглядов коллег ничего нельзя утаить. Они, пристальные, внимательные, хорошо узнавшие за время работы привычки друг друга, сразу чувствовали, когда что-то было не так.

Герман, бодрой уверенной походкой прошёл к собственному месту и опустился в кресло.

Уже через час он понял, что всё-таки заболел. Горло теперь не просто отзывалось лёгким почёсыванием при каждом глотке, оно горело.

Показывать того, что болен, нельзя. Ни здесь, в офисе, ни где в другом месте никто не должен догадаться о том, что Герману становится всё хуже и хуже.

На работе, ты должен работать. Это закон. Ты обязан быть активным, эффективным, иначе всё, конец, тебя уничтожат, «съедят», выкинут из этой общей «лодки» под названием рабочий коллектив, лишат права быть членом единой успешной команды. Герман, как и все прочие, обязан зарабатывать деньги, чтобы потом их потратить. Зарабатывать и тратить – вот цель жизни каждого современного человека. Ты должен производить, продавать и потреблять. Три «П» – принцип современного общества. Больше доходов, больше желаний. Ты вечно занят, всегда при деле. Ты должен развиваться, неустанно работать, учиться, учить, снова работать и за-

рабатывать. А если ты болен, ты уже не можешь быть активным. Во время болезни в чём твой интерес? Ты лежишь в постели бездействуя, а кто будет работать? Поэтому, нельзя показывать собственную усталость, свою боль, иначе конец. Современное общество не прощает безделья, пусть даже короткого. Ты всегда должен нуждаться в деньгах, и ты всегда должен находиться в труде, чтобы их заработать.

Герман выпрямился и со всем рвением принялся за работу. Ещё через час его прямая осанка покосилась, появилась резь в глазах. Несмотря на это, Герман продолжал вглядываться в мелкие строки электронных таблиц. Он ничем не должен был выдать перед коллегами своё недомогание, но в том, что он заболел, сомневаться уже не приходилось.

«Нет целого места в плоти моей от гнева Твоего; нет мира в костях моих от грехов моих» (Псалом 37:4)

Как и где подхватил он болезнь, оставалось загадкой.

«Почему именно Я?..», – думал Герман, оглядывая коллег. Те бодрые, активные трудились с таким рвением, что их большой офис напоминал сейчас Герману огромный улей. Работа кипела, и Герман обязан был соответствовать общему настрою, он не мог отставать от коллег.

Тело начало предательски ныть. Боль в горле нарастала.

«Как же так? Ну почему так не вовремя? И именно со мной...» – проносилось в голове.

Нужны лекарства, нужно купить хоть какие-нибудь лекарства, но нет, нельзя. Уйти из офиса в разгар рабочего дня – немыслимое безрассудство. Заказать доставку лекарств в офис – ещё большее безумство. Все догадаются о том, что он болен. Здесь всё на виду, стоит зайти хоть на один медицинский сайт, об этом узнают. Здесь все друг за другом следят. Нет, никаких лекарств. Можно выпить горячий чай, один раз, один стакан и только ближе к обеду, и всё.

А горло болит.

«Откуда взялась эта напасть...» – думалось Герману. – «Не помыл руки? Оказался где-то рядом с больным? Но где? Как? Старался же, берёгся... И что теперь?..»

Стало ломить кости, но Герман, не подавая виду, отправился на совещание. Там он, кажется, ничем не выдал себя, он пытался быть внимательным, задавал нужные, правильные вопросы, а между тем его нос предательски перестал дышать. Герман вовремя догадался чуть приоткрыть для дыхания рот и сделал это так вовремя, что говоривший в это время начальник даже одобрительно кивнул, приписав новое выражение лица Германа увлекательности собственной речи. Всё складывалось пока удачно.

Герман вернулся на рабочее место, чувствуя себя совершенно разбитым. Он, наконец, налил себе горячий чай. Каждый его глоток приносил долгожданное и такое кратковременное облегчение. Всё тело ломило. Сейчас Герман, если бы было возможно, больше всего на свете хотел лечь и при-

даться блаженному забытию. Но надо было работать. Он обязан быть активным и результативным, он это понимал.

«Ибо беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя отяготели на мне» (Псалом 37:5)

«Как много дел, ужасно много», – думалось Герману.

Как, когда он успел нахватать столько поручений? Чем он думал? Как теперь всё это выполнить?

11.30 – сделать два звонка, 11.35 – сдать отчёт, 11.40 – закончить сводную таблицу. Между этим отслеживание графиков, зональное планирование. Как всё успеть?

Силы уходят, горло болит всё сильнее.

«Держись, только держись, не сорвись» – повторяет про себя Герман и работает, работает, работает.

«Ты должен дотянуть до вечера, обходишься как-то без лекарств», – говорит он сам себе. – «Никто не должен догадаться, что ты болен. Помаша, как ни в чём не бывало, рукой вот той коллеге, передай соседу папку с файлами. И улыбайся, всегда улыбайся».

Герману очень хочется и себя самого убедить в том, что он здоров. Его тело предаёт его, и с каждой минутой он всё явственней чувствует боль.

А что после работы? Сегодня вечером – посещение с женой дорогого салона, завтра вечером – игра в боулинг с друзьями. Хватит ли на это сил? Должно хватить, надо всё успеть.

После работы незаметно купить лекарства и вперёд. Сегодня лечь в постель получится не раньше двенадцати ночи, а до этого времени он не имеет права показывать свою боль. Он не для того старался, учился, получал дипломы, проходил собеседования, чтобы вот так, из-за какой-то простуды потерять всё.

«Смердят, гноятся раны мои от безумия моего.» (Псалом 37:6)

Болезнь нельзя. Каждый день болезни отнимает деньги и благосклонность руководства, а у Германа кредит на машину, ипотека на квартиру. Кто за это будет платить?

Тело... «Почему человеческое тело так несовершенно?» – размышляет Герман. – «Кто создал его таким? Какие-то микроорганизмы, бактерии, вирусы, невидимые глазу, так сильны. Отчего они способны причинять такую боль? Это состояние... Оно затмевает разум, парализует его работу».

Герман не в силах думать ни о чём, кроме того, как превозмочь разгорающийся в его теле жар.

Он обязан быть продуктивным.

Чтобы скрыть своё состояние Герман пытается двигаться как можно энергичней, его должны видеть сегодня во всех частях офиса, только так можно утаить свою болезнь – видимостью деятельности. Кто активен, тот, здоров. Но как же тяжело это даётся...

Герман пытается придать своей походке резвость, а тело его ломит, он старается уверенно говорить, а горло жжёт огнём.

Садиться нельзя, Герман уже это понял, его тут же начинает клонить в сон.

И он движется, движется, движется... Пытаясь бесконечной деятельностью побороть болезнь. Таков закон: кто работает неэффективно – тот коллективу не нужен.

А тело ломит и ломит, и нет возможности незаметно купить лекарство...

«Это безумство», – думается Герману. Остановиться бы, уехать домой, лечь в постель, но вместо этого он делает прямо противоположное – как можно больше суетиться, лишая себя последних сил.

«Я согбен и совсем поник, весь день, сетуя, хожу, ибо чресла мои полны воспалениями, и нет целого места в плоти моей.» (Псалом 37:7-8)

К середине дня у Германа такое ощущение, что в его теле нет ни одного здорового места. Каждый орган, каждая клеточка болит. Герман уж не понимает, где настоящая боль, где лишь её отголосок, где заболевший орган, а где те, что остаются ещё здоровыми. Ему чудится, что поражено всё.

– Что-то ты плохо выглядишь, – заметила секретарь шефа, строго и внимательно посмотрев на Германа, когда тот

пришёл передать необходимый начальнику документ.

Герман лишь поспешил улыбнуться, дав показать, что принял эти слова за шутку.

«Плохо выглядишь...» Если бы кто-нибудь знал, каково ему сейчас. Проклятое состояние, проклятая болезнь. Откуда она свалилась?.. Ведь ещё утром всё было хорошо, ничто не предвещало беды.

Позвоночник отказывается держать ровно осанку, поэтому Герману приходится всё чаще опираться на спинку стула, чтобы не выдать себя.

Да будь проклята такая жизнь, в которой существует болезнь.

Покой, где найти его?

«Только бы дотянуть до конца дня, только бы ничем себя не выдать...» – долбит голову одна и та же мысль, вытесняя собою все прочие. – «Вот тот, длинный, что сидит через два стола, посмотрел как-то странно. Надо выпрямиться, сделать непринуждённый жест рукой или, может, лучше посмотреть в монитор, изобразить задумчивый вид... Нет, лучше начать деловито перебирать бумаги».

«Я изнемог и сокрушен чрезмерно; кричу от терзания сердца моего.» (Псалом 37:9)

Конец дня! Каким бы счастьем был он, если можно было бы уйти домой. Но в офисе так не принято, надо задержа-

ваться после работы. Таково требование нового времени – ты должен показать всем, что для зарабатывания денег готов использовать своё личное время. Твой рабочий план составляется таким образом, чтобы в отведённые рабочие часы тебе было бы всего не успеть.

Работа кипит и Герману ещё полтора часа приходится разгребать навалившиеся к вечеру дела. Им нет конца... Их невозможно сделать все в один день, они не вмещаются своими объёмами в отведённые дня них временные рамки, а тут ещё и болезнь. Работоспособность нулевая. Благо, через какое-то время офис начнёт пустеть. Наконец, и Герману удаётся, не вызвав подозрений, покинуть рабочее место.

Спуск вниз, улица, парковка. Открыть автомобиль, сделать прощальный жест отъезжающему с соседнего парковочного места коллеге. Сесть, пристегнуть ремень, взяться за руль, и только тогда дать волю крику. Но у Германа уже нет сил даже открыть рот и зареветь звучно, во весь голос. Он может только беззвучно, про себя стонать. Ныть от боли, от изнеможения, от бессилия.

Ему предстоит полтора часа путешествия по пробкам, по дорогам, наполненным таким же, как он, измученными дневными заботами людьми. Вот она – участь современного человека. Заработать – потратить, вечный жизненный цикл.

Сегодня на то, чтобы тратить заработанное, сил у Германа уже нет.

«Господи! перед Тобою все желания мои, и воздыхание мое не сокрыто от Тебя.» (Псалом 37:10)

Громадные торговые центры, зазывающие яркими вывесками магазины, пусть это сегодня останется в стороне. У Германа сейчас только одно желание – добраться домой и лечь в постель.

Почему его дом так далеко от работы?! Почему нельзя было бы купить квартиру где-нибудь ближе, пусть меньше, но рядом с работой. Зачем надо было забираться в модный дорогой район? Потому что это престижно? Потому что этим завоёвывается уважение друзей и зависть коллег? Кому в голову пришла эта блажь, что жить в экологически чистом районе за городом удобно?

Герман едет, с завистью рассматривая вышедшие из моды кварталы. Когда-то и они были престижны, а теперь? Квартиры в них считаются маленькими, не удобными и старыми. А как было бы здорово жить ближе к месту работы! Больше часа экономии времени в день. Для современного человека – это слишком много! Настоящее сокровище, немыслимая роскошь! Время, его всегда не хватает.

В одном из таких «старых» районов Герман вырос. Вспоминая родительский дом, он почувствовал, как сладостной истомой отозвалось тело.

Хотелось лечь. Герман пытается хотя бы на пару сантиметров опустить водительское кресло, и тут же чуть было не

врезается в затормозившую впереди машину.

Надо держаться, надо доехать, надо найти силы добраться домой.

«Сердце мое трепещет; оставила меня сила моя, и свет очей моих, – и того нет у меня.» (Псалом 37:11)

Дом, наконец! Парковка, лифт, дверь.

– Дорогой, ты вернулся? – голос жены из глубины комнат.

Скорее к аптечке!

Лекарства, лекарства, где же среди них нужное? В глазах темнеет, руки не слушаются.

Превозмогая боль, Герман, собрав остатки сил, пытается найти необходимые таблетки.

Как же это сложно, как тяжело. Его собственное тело теперь его же враг. Оно во всём теперь ставит препоны.

– Дорогой, а что случилось?

Жена. Надо обернуться, сказать ей пару ласковых слов, но нет сил.

– Ты что? Ты заболел?! – слышит где-то позади себя Герман её голос.

– Дорогая... – пытается выдать из себя Герман, но голос его хрипит.

– Нет! Не подходи ко мне! – слышит Герман тревожный возглас.

Когда ему удаётся, наконец, обернуться. Жена уже в за-

шитной маске.

– Ты! – кричит она. – Как ты мог! Ты подхватил заразу?

Герман лишь машет в ответ руками, пытаясь успокоить жену.

– Ты что забыл, что мы сегодня собрались в салон? – продолжает кричать на него жена. – Как мне идти теперь с тобою? Ты меня можешь заразить!

«Дорогая, ну как я мог забыть!.. Я не забыл, я тоже понимаю, что должен быть там. Дай мне десять минут, я буду в порядке!» – хочется сказать Герману, но он в бессилии молчит.

– Ты что, не понимаешь, что нас ждут! Я уже приготовила нам одежду, новое платье!

«Милая, прошу, не злись... Дай мне только десять минут! Да где же это лекарство».

Герман трясёт аптечку.

«Да помоги же мне!» – стонет Герман.

Но жены уже нет. Ему отвечает лишь грохот гневно хлопнувшей двери.

«Дорогая, дорогая...» – шепчет Герман.

Она появляется минут через десять, собранная, строгая, с модной сумкой в руках.

«Я уезжаю, ты можешь быть заразен, нам лучше пожить отдельно», – произносит она. – «Я не собираюсь выгораживать тебя! Думай сам, что ты скажешь нашим друзьям, когда тебя спросят, почему ты пропустил сегодняшнее мероприя-

тие.»

Она, хлопнув дверью, уходит, оставив Германа одного.

А чего он ждал

Он знает, что жена поступает правильно. Семейные скандалы сейчас в моде, но не болезнь. Он сам виноват. Современный уровень профилактики заболеваний таков, что сейчас просто стыдно болеть. Не уберётся, где-то дал слабину. Может, надо было пить больше витаминов... Любая болезнь парализует разум, её нельзя допускать, а Герман сплоховал. Правильно, что жена ушла. Сегодняшнее их отсутствие в салоне вполне теперь можно объяснить скандалом, разгоревшимся между ними, скажем, из-за нового платья... Это все поймут, будут сочувствовать ей.

Главное, он дома, Герман с облегчением закрыл глаза.

«Друзья мои и искренние отступили от язвы моей, и ближние мои стоят вдали.» (Псалом 37:12)

Герман один. Тишина, лишь только где-то из дальних комнат прорывается шум вечерних улиц. Нет сил пойти закрыть окно.

Темно, но это хорошо. Любой свет сейчас доставляет лишь неудобство. Прорезав темноту, даже слабый луч отзывается резью в глазах, а те и без того больны. Они слезятся то ли от болезни, то ли от безысходности.

Герман понимает, насколько глупо выглядит сейчас со

стороны. Съёжившись от охватывающего его озноба, не сняв выглаженный до хруста утром костюм, он бессильно лежит на кровати.

Герман в полудрёме, в полузабытьи. Но даже сейчас в его мозгу проносятся фразы: «Встать...», «Пойти...», «Позвонить...». Сам себя ловит на мысли, что никому он сейчас не нужен. Никто не поможет, никто не придёт. Все друзья далеко, они там, куда ему сейчас закрыт вход и будет лучше, если никто из них не узнает о том, что случилось.

Как хорошо, что он сейчас один. Хотя бы никто не злословит, никто не смеётся, никто не осуждает. Блаженный покой. Казалось бы, это то, что сейчас нужно. Но отчего так тягостно, так давит в груди?

Один, он совсем один со своей бедой. Где-то далеко, в салоне, сейчас играет модная музыка, раздаётся смех. Все знакомые Германа, сейчас развлекаются, а он вынужден лежать в темноте, ведя диалог с темнотой.

«Почему так? Почему я?» Тишина служит Герману ответом.

«Ищущие же души моей ставят сети, и желающие мне зла говорят о погибели моей и замышляют всякий день козни.» (Псалом 37:13)

Утро, резкий звук будильника пробуждает. Сознание Германа возвращается в грядущую реальность из тревожного

полузабытья сна.

Ночь прошла. Она принесла лишь мнимое облегчение. Герман по-прежнему болен. Однако, надо подниматься. Герман встаёт, вялыми руками пытается привести себя в порядок. Готовит завтрак и оставляет его нетронутым, выходит из дома, запирает дверь.

Начинается рабочий день. Один из многих, один из тысяч. Герман спешит.

Он на рабочем месте. Уже через час после начала трудового дня, он понимает, что обнаружен, что замечен. На лице Германа привычная улыбка, но он знает, что его болезнь раскрыта. Трое сослуживцев уже торопятся к начальнику с утренними отчётами, почувствовав сегодняшнюю медлительность Германа. Герману их не опередить. Движения его тяжелы, в теле жар. Он чувствует, что сегодня не поспевает за всеми, он не справляется с поручениями и тем всё больше выдаёт свою боль.

Сколько же эта болезнь будет длиться? Отчего не принёс желанного облегчения отдых?

Второй день Герман изнывает от боли, он не в силах сосредоточиться, он не может быть больше эффективным. Эта мысль гложет, изматывает сознание, вгоняя в ещё большую болезнь. Теперь Герман не конкурент тем, кто бодро шествует по офису, кто с энергией заведённой игрушки неустанно выполняет поставленные задачи.

Герман разбит. Он растекается в кресле, не в силах со-

браться. Он видит, как тут же с предложениями по его проекту к руководству спешит уже кто-то другой. Коллеги, завидя его состояние, торопятся выслужиться перед начальством. Наверняка, о его болезни уже знают.

Да сколько же их? Каждый, лишь бросив беглый взгляд на Германа, тут же хватает собственные файлы и устремляется в кабинет к шефу.

Нет, Герману не успеть. Он видит самодовольные улыбки коллег.

«А я, как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих; и стал я, как человек, который не слышит и не имеет в устах своих ответа.» (Псалом 37:14-15)

Герман растоптан, раздавлен.

Он стоит перед начальником и понимает, что не слышит его голоса, не разбирает произносимых им слов.

В голове шумит, в теле жар. Герман боится открыть рот.

Он стоит молча, думая лишь о том, что ему надо поскорее сесть.

Ему нечего ответить, он не в состоянии оправдываться, не в силах противостоять тем, кто воспользовался моментом его слабости.

Вернувшись на место, он понимает, что не руководит больше собственным проектом, на его место поставлен другой.

Ему нечего сказать. Голос предательски исчез ещё час назад.

Герман измучен, опустошён. Нет сил работать, нет сил бороться с теми, кто оказался проворнее и сильнее.

Весть о неудаче Германа разносится моментально. Уже через десять минут, с него снимается больше половины его обязанностей, а через полчаса приходит сообщение из банка, что ему повышен процент по ипотеке и в ближайшую неделю ему предлагается полностью погасить кредит.

Ещё через двадцать минут – звонок от жены. Она не желает жить с неудачником. Ей нужен развод.

Герману хочется кричать: «Вы сошли с ума! У меня всего лишь простуда!»

Три дня, Герману нужно всего лишь ещё три дня, чтобы восстановиться, к нему вернуться силы, он снова будет в строю, но современный ритм жизни не даёт такой передышки. Ты должен быть всегда бодр, всегда успешен, всегда здоров. Ты должен зарабатывать и тратить, зарабатывать и тратить. Иные люди обществу потребления не нужны.

Почему так? Отчего так сложилось? Кто ответит?

Но Герману уже всё равно. Болезнь делает его неспособным постоять за себя. Он знает правила этой великой игры, слабому в коллективе не место. Сейчас всё что ему нужно – это просто лечь. И он позволяет себе немыслимое – он уходит посреди рабочего дня домой.

На ощупь он по лестнице опускается вниз и находит на

парковке свою машину.

Дороги днём свободны, люди заперты в душных офисах.
Герман дома.

«И я сказал: да не восторжествуют надо мною [враги мои]; когда колеблется нога моя, они величаются надо мною.» (Псалом 37:17)

Герман знает, что там, на работе, сейчас торжествует победу кто-то другой. Ему же уже всё равно.

Он изнемогает от боли, единственная его мысль – избавиться от той болезни, что преследует его.

Теперь без боязни быть разоблачённым можно заказать на дом лекарства, можно забраться в постель в середине дня и просто уснуть, и сделать это не потому, что ты имеешь на это какие-либо законные права, а оттого, что кроме этого сделать уже больше ничего не можешь. Теперь тело будет диктовать свои правила, не оставляя взбудораженному, растерзанному событиями дня уму управлять собою. Герман больше ни человек, ни личность, он лишь кусок плоти, которая изнемогает от боли.

Кто поможет? Вокруг него тишина.

Он дрожит и корчится под одеялом. Наконец, лекарства берут власть над организмом, Герман засыпает.

«Я близок к падению, и скорбь моя всегда передо

мною.» (Псалом 37:18)

Германа одолевают кошмары. Сон его не крепок, дыхание прерывисто, спит ли он или нет?

То ему отчётливо видится, как жена, входя в дверь, показывает ему своего любовника, то в ту же дверь входят грозные верзилы-коллекторы. Герман готов поклясться, что это не сон, и он лихорадочно начинает ощупывать свои карманы, чтобы расплатиться со всеми. Но вот уже он снова лежит и стонет от боли, извиваясь на кровати.

И не понятно, было ли пригрезившееся в действительности или это плод его измученной болью фантазии Германа. Болезнь помещает его на тонкую грань небытия. Реальность и сон, переплетаясь, мучают.

Реальна лишь боль, она неизменна.

Жена то появляется, то уходит, то скандалит, забирая одну за другой бывшими общими вещи, то вновь оставляет Германа одного съёжившегося, скорчившегося на кровати.

Коллекторы возвращаются вновь и вновь, кажется, Герман отдал им уже всё что имел, но им нужно больше и больше.

Оставят ли его когда-нибудь в покое?

«Беззаконие мое я сознаю, сокрушаюсь о грехе моем.» (Псалом 37:19)

Герман открывает глаза. День ли сейчас, ночь, вечер или утро? Это не имеет значения, главное, пришло облегчение. Герман поднимается на постели, он слаб, но здоров. Боль отпустила, жар прошёл. Сил для деятельности нет, но и оставаться в постели нет причины.

Хочется есть. Герман проходит на кухню, стряпает нехитрый завтрак.

Глоток кофе вдруг рождает странный вопрос. А правильно ли я живу? Отчего так хрупко то, чего достиг тяжёлыми трудами? Его дом, эта огромная квартира, она поглощает все силы, она ему явно не по карману. Как случилось, что, поддавшись рекламе, он купил её? А его жена? Как он связал свою жизнь с человеком, который бросил его так легко, так просто, так скоро, так, как будто между ними ничего и не было. И как теперь вернуться на работу? Вспомнит ли сегодня кто-нибудь о нём? Вряд ли его примут обратно после того, как он в середине рабочего дня позорно покинул своё место.

Современное общество не щадит слабых. Если болен – живи на пособие, пришёл работать – работай. Что-то внутри Германа протестует против такой идеи, кричит, что так быть не должно, молит о милосердии, но холодный ум, воспитанный обществом трёх «П», долбит заученными с детства фразами: «Ты должен учиться...», «Ты должен работать...», «Ты должен развиваться...», «Ты должен продвигаться...». Куда, зачем? Герман озирается назад и пытается понять, а где же в его жизни были его собственные желания? Чем он жил?

Чего хотел? Он смотрит назад и ничего не видит...

Общество сформировало его таким. Он идеальный работник и идеальный потребитель. Был таким... А сейчас он сидит растрёпанный, слабый и пытается в одиночестве пережить свою болезнь.

«А враги мои живут и укрепляются, и умножаются ненавидящие меня безвинно; и воздающие мне злом за добро враждуют против меня за то, что я следую добру.» (Псалом 37:20-21)

Позавтракав, Герман находит в себе силы открыть свою электронную почту. Среди привычных многочисленных счетов, рекламы и сообщений о поступивших на его имя многочисленных товаров три письма. Первое от жены, пишет путано про их отношения, про болезнь, всё проясняют прикрепленные в письме документы о разводе. Второе письмо из банка. Оно пестрит выдержками из законов, ссылок на пункты подписанного Германом договора ипотеки, суть же сводится к тому, что они требуют уплаты оставшейся за Германом суммы долга. Третье письмо – с работы. В одной строке Герману сообщается о том, что за невыход на рабочее место, он уволен. Германа это даже не удивляет. Первые два письма всего лишь следствие последнего. Как только отметка о лишении его заработка появилась в электронной базе, об этом пришло сообщение и жене, и банку.

Герман даже не расстроен. Ему всегда тяжело давалось принятие окончательных решений, а здесь сама жизнь, это внезапная болезнь, лишили его необходимости что-либо решать. Он поставлен в такие условия, из которых исход только один.

«Не оставь меня, Господи, Боже мой! Не удаляйся от меня; поспеши на помощь мне, Господи, Спаситель мой!» (Псалом 37:22-23)

Герман подавлен. Всю жизнь его учили тому, что он должен быть подвижным, энергичным, проявлять активность, а сейчас он чувствует себя измождённым, он устал. Устал от жизни, от бессмысленной гонки за призрачным счастьем. Он зарабатывает больше, тратит больше, а счастье всё ускользает и ускользает. Его дом до отказа забит вещами, в нём всё по новейшей моде, все самые технологичные гаджеты, а счастья нет. Герман один. Он не чувствует ни удовлетворения, ни спокойствия, ни блаженства, он даже не ощущает себя человеком, он, скорее, машина, запрограммированная кем-то, заведённая двигаться к чьей-то, как ему теперь кажется, чужой цели. И вот его мотор дал сбой, и он уже никому не нужен, оставлен всеми и разбит. Телефон молчит, в электронной почте лишь требования об уплате по счетам.

Есть ли кто-нибудь, кто хотя бы выслушает, кто посочувствует и успокоит его душу?

Герману плохо, он ложиться на диван. Бездействие ему не знакомо, оно давно забыто им, и Герман, по привычке, хватается за дела. Надо позвонить, оплатить, купить, договориться о встрече и тут же он понимает, что всё прежнее лишено теперь для него смысла. Обстоятельства изменились, он уже не тот и жизнь стала иной.

Он лежит, молча слушая тишину.

Наконец, Герман берётся за телефон.

– Отец? – переспрашивает он у голоса в трубке. – Да, у меня всё хорошо. Точнее... Нет. Нет, звоню не поэтому. Помощь не нужна... Просто...

На другом конце голос умолк, напряжённое ожидание.

И тут Герман вдруг начинает рассказывать всё: про жену, про кредит, про болезнь, одиночество, про коллег, проект, работу.

– Да, папа, я знаю, что вы с мамой воспитывали меня другим. Да, я понимаю, что должен стараться, – оправдывается Герман перед тем, кто, как и прежде, даёт ему наставления и советы. – Я понимаю, не говори ничего маме. Я выпутаюсь... Всё наладится. Конечно, я боец, я должен побеждать.

Герман кладёт трубку и валится без сил. Отец прав, они с матерью воспитывали его быть не таким, каков он сейчас. Как и всем современным детям, ему прививали навыки активности, лидерства и движения к поставленным целям. Родители желали видеть его особенным, отличным от прочих. А что делать, когда нет сил? Когда поставленные цели при-

несли лишь разочарование? Как жить, когда сделал всё правильно, действовал, как тебя учили, и стал никому не нужен?.. Где искать ответ?

Звонок через два часа выводит Германа из состояния полубабытия. Настойчивый звук рингтона заставляет ответить на вызов.

– Сын, – слышится знакомый голос. – Мы с мамой решили, что можем отдать тебе ключи от квартиры деда, там сейчас никого. Продай ту, в которой живёшь, расплатись по счетам, погаси кредит и перебирайся...

Через неделю и три дня Герман стоит перед дверью в квартиру, принадлежащую когда-то при жизни его деду. Болезнь позади. О ней остались лишь тягостные воспоминания.

Герман поражён, насколько быстро удалось ему уладить дела. Его квартиру, оформив все документы за три дня, банк забрал в счёт полной уплаты долга. Жена уже с другим, документы подписаны, их совместные счета разделены. Два дня ушло на сборы, и вот Герман робко проворачивает ключ в замочной скважине двери дедовой квартиры. Дверь, казалось бы, давно ожидавшая этого несмелого движения, без труда поддаётся, впуская Германа внутрь.

Квартира просторна и светла. Высокие потолки создают ощущение поразительной свободы. За окнами раскидистые ветви деревьев шелестят пышной зеленью крон. Высаженные когда-то дедом у входа в подъезд тонкие прутья саженцев разрослись. Дышится легко.

Маленький, расположенный вдали от крупных центров, городок. Герман бредёт по старым улочкам, в воздухе которых запах домашней стирки и свежeweыстиранного белья, возрождающие в памяти забытые детские воспоминания. Улицы непривычно для уха жителя мегаполиса тихи. Здесь всё иначе, всё непривычно и пока не понятно. Слишком близка природа, слишком безлюдно, мало движения, мало машин. Жизнь размеренна и нетороплива, но Германа, почему-то такой ритм не пугает. Наоборот, он приносит облегчение.

Первый рабочий день. Маленький коллектив, свои задачи Герман выполняет за два часа. Работа не сложная. Знакомство с людьми, которые теперь будут его коллегами. Общее чаепитие прямо на рабочем месте – немыслимое нарушение, случилось оно на прежней работе. Разговор о семьях, о домашних заботах.

– Понимаю, – добродушно хлопает по плечу Германа новый начальник, – здесь всё не так, как вы привыкли, но у нас ведь совсем другая жизнь. Меньшие заработки, меньшие запросы. Мы не привыкли спешить. Мы слишком любим жизнь. Честно делаем своё дело, а оставшееся время посвящаем общению друг с другом, друзьям, своим семьям.

Герман возвращается домой, вспоминая прожитый день. Его новые сослуживцы, смеясь, сегодня в разговоре назвали себя «неудачниками». Общество потребление выкинуло, отвергло, отбраковало их. Они не стремятся больше зарабо-

тать, больше потратить, они усмирили собственные желания, а значит, стали обществу трёх «П» не нужны. Их доход невысок, их жизнь проста, они многое умеют делать своими руками. Выполняют в быту сами те работы, за которые житель мегаполиса предпочёл бы заплатить. Запросы их скромны, но, о чудо! Именно это и даёт им свободу.

Они неэффективны с точки зрения общества трёх «П», но, кажется, в их глазах Герман сегодня видел неподдельную радость, удовольствие от встречи друг с другом, и, ему страшно даже об этом подумать, но он видел счастье – странное, неподдельное чувство простого человека, живущего в мире с окружающими и с самим собой, не стремящегося больше заработать, выделиться, имеющего простые, понятные цели и желания. Правильно ли это? Герман сознавал, что ему ещё только предстоит в этом разобраться.

«Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей...» (Псалом 1:1)

2021

Запах уходящего лета

Тёплый ветерок пробежался по лугу, пустил волнами заросли луговой травы. Захар провёл рукой по своим волосам, вдохнул полной грудью чистый, будоражащий память воздух.

Начало августа – прекрасная пора. Дни ещё длины, но уже лишены изматывающей жары, вода в реке ещё тепла. Лето в самом разгаре, но в буйстве ароматов разнотравья Захар отчётливо ощутил дыхание надвигающейся осени. Ошибиться было нельзя, это он, запах с нотками иссушенного сена и начинающий увядать листвы. Ещё повсюду бушует лето, а воздух выдаёт неизбежное наступление поры, когда деревья оголят свои ветви, птицы умолкнут, а лужи начнёт схватывать первый морозец. Время пробежит незаметно, осень придёт скоро, а пока в воздухе лишь запах сухой земли, отцветающих трав и влаги заросшей тиной воды. Это запах уходящего лета.

Захар ещё раз с упоением и грустью вдохнул этот тревоживший память воздух. Вспомнилось, как много лет назад он сидел вот так же на берегу такой же, как эта, реки. И был он тогда не один, и сердце в тот момент было наполнено волнением нахлынувшей любви и ожиданием счастья. Он клал свою руку на талию той, что сидела с ним рядом, она делала вид, что недовольна этим, но Захар чувствовал, что её те-

ло под его ладонью блаженно дрожит. Они тогда убежали от всех и приехали к реке. Это было первое его взрослое приключение, первая девушка. Они купались, и он чувствовал близость её юного упругого тела, а потом они сидели на склоне реки, вот так же как сейчас, прямо на траве, и она уже не сопротивлялась. Вот тогда впервые он уловил в воздухе такой же, как сейчас, запах уходящего лета, скошенного сена и желтеющей листвы.

– Мы всегда будем вместе? – спрашивала его спутница.

– Конечно, – кивал он головой и принимался ещё жарче целовать её.

От этих воспоминаний защемило сердце, невыносимая и ставшая за долгие годы привычной боль. Захар достал таблетку, покрутил её в руке и положил обратно. Сжал зубы и постарался не думать о боли.

Разумеется, после той девушки были другие, новые разные, но память сохранила тот день, когда они сидели вдвоём на берегу реки. Они дурачились, Захар обнимал её, увлекая за собою в мягкую зелень густой травы.

Почему именно она, именно эта женщина оказалась тогда с ним рядом? Кто знает... Он был молод и жил удовольствием ожидания грядущего счастья. И оно наступило. Пьянящее и безудержное, подаренное первой близостью с женщиной, взрослением, когда ты меняешься окончательно, навсегда и удивляешься лишь тому, что мир вокруг тебя остаётся прежним. Ты уже новый, ты другой, ты познал что-то неиз-

веданное, а вокруг тебя течёт вся та же обыденная жизнь, люди ходят, спят, едят, занимаются своими делами и не подозревают о произошедших в тебе переменах. Ты же полон энергии, счастлив, готов жить и любить, но в воздухе лета уже различимы запахи будущей осени.

Захар вздыхает, снова достаёт таблетку, держит в руках и вновь отправляет обратно в карман. Боль в груди не утихает.

Ветер переменился, он несёт в себе уже не только аромат луговых трав, в нём теперь ощущается дыхание города – запах выхлопных газов, горячего асфальта и сухого бетона, а Захару вспоминается запах влаги, камышей и поездки по реке. Давние воспоминания. Он мчит на катере, рассекая гладь воды, и звенящие брызги рассыпаются где-то рядом, и ветер прямо в лицо.

– Ну что, ты так и будешь сидеть и ждать чудес? – говорит ему Пашка, поворачивая штурвал. – Вот я, смотри, за полгода заработал денег на катер. Тебе тоже надо уезжать отсюда, ты ведь парень с головой, а живёшь впустую, только зря протираешь штаны.

И вот тогда впервые Захар понимает, что ему хочется денег. Хочется быть не хуже друзей. Он тоже хочет и большой дом, вместо маленькой родительской квартиры, и новенький автомобиль. Чем он хуже других? Он такой же, как они, тот же возраст, то же образование. Только они приехали размашисто с шиком порыбачить на реке. А что он? Он, как ни крути, пока чужой в их компании. Он знает, что его позвали

лишь для того, чтобы было перед кем хвастаться.

А через год он уже мчит не по той же, но по похожей реке, и в руках у него штурвал, и ведёт он собственный катер, а в ближайших планах научиться управлять яхтой. И друзья уже не подшучивают, не смеются над ним, а говорят уважительно и в их глазах, Захар это замечает, уже не пренебрежение, а зависть. Нет, он никогда не был глупцом, и если не зарабатывал раньше, то только потому, что не ставил перед собою такой цели. Теперь всё поменялось, он захотел денег, и не беда, что стало постоянно щемить в груди, на то есть таблетки, они способны заглушить любую боль, вернуть силы. Захар доволен. Пусть не всегда честно, но вполне законно, ведёт он теперь свои дела, и в его руках совсем иного порядка теперь суммы. Он доволен. Он снова ощущает неминуемое приближение счастья. Всеми уважаем, всегда при деньгах. Что ещё нужно? В кармане полно таблеток. Не важно, что на каждой из них написано «3 дня», «5 дней». Это те гарантированные сроки, на которые каждая из них укорачивает жизнь, но какой это пустяк, когда дней жизни остаются ещё тысячи и тысячи. Да и что такое день? Мало это или много? Когда живёшь активно, то каждый день полон до отказа впечатлениями, эмоциями, делами, встречами с людьми.

Это было тогда, а теперь Захар сидит на берегу реки и вспоминает запах уходящего лета. Достает таблетку. Она способна на какое-то время унять всё нарастающую в груди щемящую боль. На ней написано «5 дней». Захар находит в

себе силы положить таблетку обратно в карман. «5 дней» – сейчас это для него непозволительно много.

Он снова мыслями в прошлом. Работа, деньги, а вслед за тем пришёл период совсем иных ароматов. Наступило время благоухания роскошных женщин, дорогого алкоголя, шикарных вещей, комфорта. Есть такая категория ароматов, сладких и приторных, возбуждающих и пленительных. Оказавших в их власти, ты уже не в силах совладать с собою, и, даже понимая, что в этом дурманящем фимиаме нет ничего чистого, настоящего, ты признаешь его власть над собою и готов идти туда, куда увлекают эти дурманящие духи, а ведут они всегда лишь в одно место – область сплошного обмана.

Когда у тебя деньги, всегда найдутся те, кто поможет тебе с шиком их потратить. Эти люди внушат тебе, что твоя жизнь отныне – погоня за удовольствиями, в этом её смысл, а ты не найдёшь в себе сил сопротивляться и пойдёшь вслед за новыми, опустошающими тебя ароматами. Но, как же это приятно! Каждый вечер – шум и блеск, каждая ночь наполнена ласками и вниманием женщин.

Вот тогда и нашёлся у Захара новый друг – Яшка. Весёлый, энергичный, предприимчивый, он взял на себя все заботы о досуге. Захару не нужно было думать, как сегодня развлечься, нужно было только лишь за всё платить, а ещё ему нужны были силы, поэтому он, не обращая уже внимание на честно указанные сроки на таблетках – «3 дня», «5 дней» – продолжал их пить и пить, заглушая всякую боль.

Чаще всего она возникала где-то в районе сердца. Тяжёлая, давящая или же резкая, обжигающая, она неизменно исчезала при приёме очередного лекарства. Захар понимал, что боль в одном органе утихает за счёт снижения ресурсов работы прочих, об этом честно предупреждали инструкции к препаратам, но ему было всё равно. Ему нужны были силы, он хотел жить, жить здесь и сейчас, жить полной жизнью – зарабатывая деньги и с размахом их тратя.

Яшка организовывал досуг красиво, роскошно. В его записной книжке были телефоны всех престижных городских и загородных заведений, ресторанов, туристических фирм, агентств. Развлечениям не было числа. Кажется, в то время не было ни одной услуги, которую бы Захар не испробовал. Странно, но вспоминая об этом сейчас, он испытывал лишь чувство стыда и сожаления. Если бы он знал, на что тратит жизнь! Разве предавался бы столь безудержному фальшивому счастью. Ему казалось, его уважали, любили, а это было всего лишь иллюзией, а вот боль в груди была реальна, и она становилась всё сильнее. И вот, когда он уже и пары часов не мог обойтись без лекарств, Захар стал понимать, что дальше так продолжаться не может. Стоя однажды в дыме пьяного угара у дверей очередного дорогого клуба, он решил, что ему нужна другая в жизни цель. Женщины, шикарные дорогие, бьющиеся друг с другом за его внимание, друзья, клянущиеся в преданности и уважении, покинули его сразу же, как он отказался за всех них платить. Вспоминая об этом

Захар, потёр свой лоб. Сколько же он потратил на всех них, он открыл блокнот – получалось примерно пятнадцать лет, на столько сократилась его жизнь в тот период из-за приёма злополучных таблеток.

Он решил тогда сменить цель, и его целью стала семья. Крепкая, обеспеченная семья, вызывающая зависть у всех прочих. Он женился. Сладкий запах элитных духов его красавицы-жены на свадьбе был последним, который он запомнил. После этого все запахи исчезли, началась жизнь полная забот. Казалось бы, должны же были быть у того жизненного этапа хоть какие-то запахи – запах бетона строящегося замка-дома, запах свежерытого для него котлована, запах свежей отделки, но нет, Захару ничего из того периода теперь не вспоминалось, то было время нескончаемых забот.

Родились дети. Начались грандиозные перемены – семейные праздники, совместные заграничные поездки. И снова никаких запахов, ни запаха моря, ни ароматов вкусной еды. Всё пролетело. Времени оставалось всё меньше и меньше. На всё нужны были силы. В тот период боль немного утихла, но неизменно через день, а то и чаще, Захару приходилось принимать таблетку от боли, на которой значилось – «5 дней».

Все считали, что он счастлив, и он в то время и сам так полагал. В нём бурлила энергия, он был полон сил. Ощущение благополучия окрыляло.

Известность и власть пришли, как показалось Захару, сами собой, стоило лишь о них подумать. Нашлись люди, под-

сказали, объяснили, как можно выгодно вложиться, занять доходное место при власти. И вот начался период запаха офисных коридоров, знаете, такой специфический дух чиновничьих учреждений – спёртый воздух серых стен, изношенных полов.

Всё было, всякое бывало, всё осталось, как теперь кажется, в прошлом, в какой-то другой жизни, в которой Захар был ещё довольно бодр, и, как ему казалось, здоров.

Почему жизнь так жестока? Почему тем предупреждениям, что честно пишут на лекарствах, так не хочется верить? Отчего ум отказывается принимать тот факт, что любое лечение одного органа в организме ведёт за собою болезнь всех прочих. А хочется всё большего, хочется любыми средствами убрать возникшую боль, и что теперь? Захар достал и покрутил в руках таблетку, «5 дней» значилось на ней. У него их не было. Ещё пару лет назад он стал вести точные записи принятых лекарств и уже тогда начал догадываться, что время его на исходе. Он попытался поменьше пить таблеток, но из этого ничего не вышло. Всё вернулось к сложившемуся годами графику приёма лекарств. Пару месяцев назад Захар понял, что время его жизни исчисляется уже не годами, и даже не месяцами. Две недели назад врачи подтвердили его расчёты, органы изношены, надежды нет.

Сегодня ему отчаянно захотелось приехать именно сюда, на реку. Ему осталось жить пару-тройку дней. Всё кончено. Он благополучен, успешен, удачлив, богат, активен и, как

всем кажется, здоров. Он полон сил, но через два дня должен умереть. Захар уткнулся лицом в траву и ощутил запах сырой земли. Хотелось плакать.

– Захар Андреевич, надо ехать, – обратился к нему водитель.

Захар нашёл в себе силы подняться. Он ещё раз глубоко вздохнул и снова ощутил этот горький запах уходящего лета.

– Поедем, – сказал он.

Домой было нельзя. Жена ещё месяц назад узнала о том, что его жизнь на исходе. Сейчас там, дома, идёт полным ходом подготовка к пышным похоронам. Заказаны шикарные венки, самые изысканные алкогольные напитки, даже гроб, невероятно дорогой, роскошный, ручной работы вот уже больше недели стоит в одной из комнат.

Нет, туда Захар уже не вернётся. Его семье сейчас не до него.

– В хоспис, – сказал Захар водителю, усаживаясь в автомобиль.

Водитель, который никогда ни о чём не спрашивал и ничему не удивлялся, повёл машину по заданному маршруту.

Скорбное здание встретило безликой серостью каменных стен. Подумалось: «Вот оно, последнее пристанище». Именно сюда стекались те, кому, как и Захару, по каким-либо причинам невозможно было провести последние дни своей жизни дома. Что здесь его ждёт?

– Переодевайтесь, – угрюмо сказала ему медсестра, взгля-

нужно на документы Захара.

Оставались формальности: отпустить водителя, подписать стандартный для пациента пакет бумаг, предоставить заверенный нотариусом конверт с завещанием и контактные данные лиц, берущих на себя обязанности по захоронению, сдать на хранение личные вещи, деньги, телефон.

Надев серый трикотажный костюм, Захар был готов. Его повели в палату. Здесь ему предстояло закончить свои дни.

– Выбирай свободную кровать, располагайся, – сказала медсестра – дородная женщина неопределённого возраста в плохо отглаженном медицинском костюме, – в четыре часа будет чай, в семь ужин.

– Постойте... – пробормотал Захар, – но с Леонидом Павловичем мы договаривались об отдельной палате.

– Мест нет, – отрезала медсестра.

– Постойте, как это нет?... Мы же договаривались. Я готов доплатить! Это возмутительно!

– А что вы от меня хотите? – завелась женщина. – Говорю же мест нет... Вы посмотрите, у меня всё заполнено умирающими. Теперь мало кто хочет умирать дома, переполнено всё. Выбирай кровать, пока есть из чего выбирать, скоро и остальные заполним. Сегодня вас много таких ожидается.

– Подождите, верните мне хотя бы мой телефон, – не сдавался Захар.

– Телефон я уже положила в сейф, – громко проговаривая слова, ответила медсестра. – Отдам потом вашим родным.

– И что же мне делать? – пробормотал Захар.

– Выбери, говорю, кровать и ложись, – сказала медсестра, и по выражению её лица Захар понял, что лучше подчиниться.

– А чего вы переживаете, нам тут недолго время коротать осталось, – раздался из угла палаты озорной юный голос.

Захар обернулся, на одной из пяти кроватей, опираясь на огромную подушку, полусидел-полулежал парнишка, ещё совсем молодой, лет двадцати-двадцати пяти.

– Да ты, дядь, – располагайся, задорно сказал он, не отрывая взгляда от своего смартфона.

– А как же ты пронёс сюда свой телефон? – спросил Захар, садясь на ту из пустующих кроватей, что стояла прямо у окна.

– Так я всегда с ним, просто не сдавал, да и всё, – ответил парнишка, шустро перебирая пальцами по экрану.

– А так можно было? – удивился Захар.

– Ну, а почему же нельзя. Здесь же не тюрьма, тут вообще всем всё равно.

Захар потёр лоб.

– Слушай... а можешь дать мне телефон? – обратился к нему Захар. – Мне только один звонок сделать...

– Не, дядь, я без него никак не могу. У меня это, считай, как болезнь. Не могу оторваться...

Захар приподнялся на своей кровати и заглянул в смартфон парнишки. На экране крутились самые обычные посты,

ролики, фото, которыми, как водится, наводнены социальные сети.

– И что? Интересно? – спросил парня Захар.

– Не могу просто без этого, – не глядя на Захара, ответил парень. – Затягивает...

«Странный парень», – подумалось Захару.

Снова сев на свою кровать, Захар принялся рассматривать палату – пять кроватей, три стула, умывальник, шкаф, в котором оказалось три шерстяных одеяла. Всё не новое, но и не сильно изношенное. «Ничего лишнего» – подумалось Захару. – «Ну и ладно. Так, наверно, и должны заканчивать люди свои дни. Всё своё не возьмёшь с собою...».

Его размышления прервал звучный голос из коридора:

– А когда тут у вас обед?.. Уже был?.. Ну вот, как же так... – расстроено проговорил всё тот же голос, получив ответ медсестры.

Дверь в палату открылась, и в неё ввалилось нечто невероятное. Это был человек, но таких необъятных размеров, что было странно, как он может передвигаться. Похож он был на громадный шар...

– Хорошо, что хоть еду с собою догадался взять, – сказал новенький, осматриваясь по сторонам. – А то так до смерти можно и не дожить, – пошутил толстяк и почему-то подмигнул Захару.

Затем это бесформенное чудо стало осматривать свободные кровати.

– Ну, признавайтесь, какая тут самая крепкая, – приговаривал он, надавливая на скрипучие пружины.

Наконец, выбрав, сев, он чуть было не проломил собою металлический каркас одной из них.

– Вот эта вроде ничего, – сказал он, поджимая ноги и водружая на постель увесистую сумку. – Ничего, наверно и потяжелее меня видали, и не таких выдерживали, всякие умирают, – добродушно сказал он, махнув рукой и почему-то улыбнулся.

Захар улыбнулся ему в ответ.

– Я Павел, – кряхтя, протянул руку толстяк. – Но, как видите, значению своего имени – «маленький» – мало соответствую, поэтому можете называть меня, как хотите. Обычно друзья меня звали Павлушей.

– Салют, – поприветствовал его парнишка с кровати, и в этот раз не оторвав взгляда от экрана смартфона. – Я Сашка, Санёк...

– Я Захар, – представился Захар, подумав, что у него за всё время его жизни как-то не сложилось уменьшительного имени, которое он мог бы сейчас назвать. Даже жена звала его Захаром...

– Вот и отлично, познакомились, – добродушно произнёс Павлуша, открывая свою сумку и доставая оттуда палку колбасы и батон. – Присоединитесь ко мне?

– Я обедал, – поспешил сказать Санёк, которому, как показалось Захару, просто не хотелось прерываться.

Захар же отчего-то взял предложенный ему Павлушей бутерброд. Колбаса, которая в доме Захара, согласно правилам здорового питания, давно не водилась, пахла невероятно соблазнительно и была свежей, жирной и, как показалась Захару, невероятно вкусной. Ему подумалось, что теперь правильное питание ему уже ни к чему и эта мысль, к его удивлению, его позабавила. Он с жадностью принялся уплетать бутерброд, сидя напротив чавкающего с не меньшим удовольствием Павлуши, когда в двери показался очередной постоялец.

– Мариночка, нам бы чайку, – вкрадчиво говорил входящий в дверь подтянутый седовласый мужчина. Он галантно придерживал за пухлый локоть расплывающуюся от оказанного ей внимания всё ту же медсестру. – Посмотрите, какая тут у нас замечательная компания собралась.

И глядя вслед спешащей за чайником Марине, довольно потряхнул седыми кудрями.

– Позвольте представиться, Марк Григорьевич, можно просто Марк, – раскланялся он перед всеми. – О, уже вижу, где бы мне обосноваться, – продолжил он, занимая свободную кровать рядом с Захаром.

– Мариночка, да вы просто чудо, просто ангел, провожающий нас в последний путь, – сказал он вошедшей с заваренным чаем дородной Марине.

Та лишь что-то довольно проурчала в ответ и поспешила к выходу.

– Мариночка, ну вечером я жду вас, приходите, – крикнул ей седовласый вдогонку.

Захар уже не услышал, что ответила на это медсестра.

– Эх, ну как их можно не любить, – сказал Марк Григорьевич, глядя вслед пухлой Марине.

– Вы это серьёзно? – спросил его Захар. – Вы хотите сказать, вам наша медсестра понравилась?

– Дорогой мой, как женщины могут не нравиться? – ответил Марк. – Каждая из них чудо, созданное природой для нашего удовольствия.

– Что? И эта Марина? – не переставал удивляться Захар. – По-моему, вы просто шутите? Грубая женщина, внешне совершенно не привлекательная... Да, черт возьми, она же просто толстая!

– О, милейший, вы просто не видите красоты, – оживился Марк Григорьевич, подсаживаясь ближе к Захару. – В этом-то и смысл. Это, если хотите, игра. Увидеть красоту там, где её нет, раскрыть, заставить саму женщину поверить в то, что она прекрасна. Сделайте это, и она ваша, ваша полностью и безраздельно.

– О, смотрю, вы ценитель... – заметил Захар.

– Вы правы, не могу без женщин, – согласился Марк. – Их страсть, их любовь, в этом и есть смысл. Люблю их. Вот из-за них-то я и здесь.

Марк достал из кармана таблетку и покрутил в руке.

Захар увидел знакомое название.

– А, понимаю, – сказал он. – А вам не надоело тратить свою жизнь на них?

– На женщин? – переспросил Марк.

– На женщин, пить таблетки. Стоят они того? – спросил Захар.

– О, вижу, милейший, вы тоже задумывались об этом, – ответил Марк. – Приятно побеседовать с тем, кто тебя может понять. В моём случае да, стоит. Не могу без женщин. Для меня, если хотите, это и есть сама жизнь.

– Занялись бы чем-то иным... – предложил Захар. – Раз вы такой ценитель прекрасного, эстет, книги бы что ли стали писать, картины... Психологом стали бы...

– А зачем? – спросил Марк, наливая всем чай. – Почему считается, что в жизни обязательно должна присутствовать какая-то деятельность? Может просто лучше расслабиться и получать удовольствие от того, что тебе по душе?

– Точно, – сказал Павлуша, дожёвывая колбасу.

– Вот вы, любезнейший, простите, не знаю вашего имени... – продолжал Марк.

– Захар... Захар Андреевич.

– Вот вы, любезнейший Захар Андреевич, судя по всему, были весьма в своей жизни активны. И каков итог? Мы оба с вами сидим в одной и той же палате. А вы-то, похоже, помоложе меня будете...

– А, бог с вами, – махнул рукой Захар. – Не мне вас жизни учить и уж точно не сейчас...

– Вот это правильно, – согласился Марк.

– Просто удивило, как это вы сочли привлекательной нашу медсестру?.. – не унимался Захар.

– Дорогой мой, дружба с медперсоналом никогда не повредит, – ответил Марк Григорьевич, протягивая Захару крепко заваренный чай. – А женщин я всех люблю, имею такую слабость.

– А я поесть люблю, – вступил в разговор Павлуша, принимая свою порцию чая из рук Марка Григорьевича. – И что? Чем это плохо?

– Простите, а сколько вам лет? – спросил Павлушу Захар.

– Тридцать... Не, тридцать один будет через пару дней.

– Тридцать один... Только вряд ли будет, если вы здесь, с нами, в этой палате... – сказал Захар. – Вы не считаете, что тридцать лет – это слишком мало? Слишком рано заканчивается ваша жизнь...

– А зачем она мне? – спросил Павлуша, заглядывая в свою сумку. – Я не знаю, что мне тут делать...

– Тут?.. Значит, вы считаете, что есть «тут» и есть «там»? – спросил Захар.

В этот момент дверь палаты снова открылась, и на пороге появилось кресло-каталка. В окружении проворных, как выяснилось позже, родственников в палату был ввезён шумный старикашка.

– Колька, ну что ты там стоишь? – суетился старик. – Вези меня, вон видишь кровать.

– Наташка, давай, подними одеяло. Да подушку поправь. Де не так... Безрукая какая... Как я буду сидеть? Взбей посильнее, да поставь... Давайте, перекладывайте меня. Да осторожнее. Изверги...

Захар с удивлением смотрел на развернувшееся перед ним действие.

Мужчина лет пятидесяти и женщина, по-видимому, его жена, ещё мужчина помоложе, женщина постарше, пытались переложить с каталки на кровать старика, который, как показалось Захару, мог отлично это сделать сам.

– Ой, изверги... Только и ждёте моей смерти, – приговаривал старик. – Галька, пойдн скажн, чтобы обед мне принесли.

– Обед вам не дадут, – сказал Захар. – Прошёл уже...

Старик приподнялся на взбитой для него подушке и обвёл глазами палату. Он смотрел, будто удивлялся тому, что здесь, рядом с ним, находятся ещё какие-то не знакомые ему люди.

– Мошенники... Галька, иди просн обед... – заверещал старик. – Меня обязаны накормить.

– Не дадут, поздно заселились, – сказал Захар.

– Ага, я уже просил... – подтвердил Павлуша, жуя печенье и запивая его чаем.

– Всё у нас так... Куда власти смотрят. Не дадут человеку спокойно умереть... – возмутился старик. – Колька иди ты просн, требуй. Каталку у них еле выпросили, видите ли,

нет, не положено, так ещё и дороги на подъезде посмотрите какие...

– А какие? – поинтересовался Захар.

– Яма на яме, не проедешь... а тут, между прочим, не здоровые люди собираются... Не доберёшься, всего меня порастрясли...

– Тут собираются те, кому через пару дней будет уже всё равно, какие дороги, какой обед... – сказал Захар.

Старик снова приподнялся на постели и устремил свой взгляд на Захара.

– Позвольте, а я ведь вас знаю... Вы же Дубовой, помощник мэра... Вот, голубчик, доигрались. Тоже здесь. Так вам и надо. Разворовали страну... Правильно, сидите теперь здесь, помирайте вместе со всеми...

Захар поморщился.

– Точно, – услышал он голос Марка. – А я-то думаю, почему мне ваше лицо знакомо! Нет, ничего не подумайте, у меня к вам претензий нет...

– Мэр, ни мэр, какая теперь разница, – подал голос Санёк. – Вас в сети частенько пародируют...

– Странно, не знал, не захожу в сети, – ответил Захар.

А самому подумалось, как же тяжело работать с людьми. Поймёт ли этот старик, что дороги в городе вот уже два года ремонтируются исключительно на деньги муниципального бюджета, а их всегда не хватает, и этот участок дороги, на улице, где находится хоспис, уже включён в план ремонта,

но не на этот год.

– Увозите меня... – завопил старик. – Колька, иди. ищи мне другую палату, я с этим типом, – он указал пальцем на Захара, – не останусь.

– Папа, но это же ненадолго, – робко начала одна из женщин, на что ответом, естественно, были крики старика и безудержная брань.

Старший из мужчин поспешил удалиться из палаты, остальные же принялись, как могли ублажать старика. Кто-то поправлял одеяло, кто-то обещал принести обед. Старик же капризничал и периодически выкрикивал очередные реплики недовольства властью в сторону Захара. Захару же было всё равно, он смотрел в окно и думал о том, почему в городе невозможно уловить запах уходящего лета.

– Уф, договорился, на другом конце этажа есть место, – сказал, стирая пот со лба, появившийся в дверях палаты Колька.

Начались сборы. Женщины хлопотали, укладывая постель, мужчины погрузили старика обратно на каталку.

– Вы уж простите, – сказал Захару тот, кого старик называл Колькой, когда остальные уже выкатили старика в коридор. – Измотал всех нас...

– Что, большое оставляет наследство? – понимающе кивнул Захар в след старику.

– Да какой там... – махнул рукой мужчина. – Крохи. Просто человек такой, пока не умрёт, не даст никому покоя. Всю

жизнь гоняет нас, всех здесь собрал...

– Ну, теперь-то уж недолго осталось, раз он тут, – сказал Захар.

– Вы знаете, мы думаем, он никогда не умрёт или и из ада нас всех достанет, – произнёс Колька и все в палате почему-то ему поверили.

Когда в палате снова водворилась тишина, Павлуша, чавкая чем-то очередным, вынутым из сумки, сказал:

– А вы знаете, хорошая у нас тут подобралась компания. Если уж умирать, то лучше с вами.

– А, кстати, почему ты не остался умирать дома? – спросил его Захар.

– Не, дома нельзя, – ответил Павлуша. – У меня там родители. И так намучились со мною. Думаете легко жить с таким? – и он показал на своё необъятное расплывшееся на кровати тело.

– Ага, и у меня родители, – не отрываясь от смартфона, сказал Санёк. – Тоже сказали, что не могут видеть, как я погибаю.

– Вот-вот, – согласился, продолжая жевать, Павлуша. – Моя мать тоже со мною боролась, пыталась исправить, говорила, что только гублю себя. Уж не знаю, кого она хотела вырастить, но вырос я. А я что? Я никогда большого смысла в жизни своей не видел, а вот поесть люблю... Она уж и холодильник запирала, и деньги отнимала, и не кормила...

– Ага, мои тоже не один смартфон мне разбили. Только

зачем? Скучно мне всё, не нравится. Говорили мне, учись, учись... а зачем? Не интересно это всё...

– Вот это молодёжь, – удивился Марк Григорьевич. – Захар Андреевич, вы только посмотрите на них, скучно им... Не интересно...

Тут дверь в палату распахнулась, и в дверном проёме возникла величественная фигура мужчины, прижимающая к своей груди, как самое бесценное сокровище, портфель. Важно обведя палату взглядом, он, ничуть не поменяв надменного выражения лица, прошёл к свободной кровати. Старательно разгладив складки на примятой постели он, наконец, устроился и, натянув на нос очки, достал из портфеля увесистую рукопись. Заговорить никто не решался.

Оживление в палату вернулось, когда медсестра Марина принесла полдник. Удивительно, как горячее какао и вполне съедобный кекс могут взбодрить тех, кто ещё пару минут назад, каждый уйдя в свои мысли, молча готовился встретить или не встретить завтрашний день.

– А добавку? Можно мне добавку? Я вон какой большой, – клянчил у Марины Павлуша.

– Возьми мой, – предложил ему Санёк, даже не взглянув на положенную на его тумбочку еду.

– Мариночка, всё вы в трудах ради нас, – приговаривал Марк. – Вы не забывайте, мы вас ждём, когда окончится ваша смена?

Захару же вдруг подумалось, как смешно, вот они сейчас

едят, пьют, а зачем? Каждый из них знает, что сегодня-завтра должен умереть.

– До смерти ещё надо дожить, – как будто читая его мысли, чавкая кексом, произнёс Павлуша.

– Товарищи, можно вести себя как-то потише, – раздался голос последнего прибывшего. – Я, к вашему сведению, даже последние часы пытаюсь провести с пользой, я работаю.

Все умолкли.

– Что ж вам, жизни не хватило, милейший, чтобы выполнить всё задуманное? – спросил, наконец нового постояльца Марк.

– Представьте себе, хватило, – ответил тот. – А теперь я тружусь над мемуарами. Мне есть что рассказать тем, кто будет жить после меня, я должен оставить свои записи потомкам.

Захару стало любопытно, и он, как сидящий ближе всего к новому постояльцу, заглянул в его рукопись.

– Вы это серьёзно? – прочитав пару строк, спросил Захар. – «Я лёг... Нам принесли полдник, на полдник были кекс и какао...» Вы думаете, кому-то будет интересно это читать? Вы вообще кто?

– Я учёный, доктор физико-математических наук, профессор, действительный член академии...

– Зачётно, – присвистнул Сашка.

– С этим всё ясно, – согласился Захар. – Ваших заслуг не оспариваю. Наверняка, ваши научные труды, опубликованы

и известны в определённых кругах. Но о вашей жизни кто будет читать? Кому нужны ваши предсмертные записки?

– Вы не понимаете, – возмутился Профессор, – а мои ученики? Они должны знать, как прошли последние часы моей жизни.

– В заботах о том, сколько выпито глотков какао? Вы шутите? Какой в этом интерес?

– Как вы можете так рассуждать? Я великий человек, каждая минута моей жизни бесценна. Я могу совершить какое-нибудь открытие...

– Но ведь не совершаете. Лежите здесь с нами и поедаете полдник...

– Ваши труды ещё тоже надо бы почитать, – заметил Санёк. – А то может и там нет ничего примечательного.

– Молодой человек, что вы себе позволяете! У меня достаточное количество учеников вашего возраста и никто из них не решается вести себя со мною подобным образом, – негодовал Профессор. – Мои труды всеми признаны. Я встречался с академиком Симоновым, получил премию, вот, здесь всё записано...

– Позвольте, любезный, – вмешался в разговор Марк. – Мы не оспариваем ваши заслуги в основной вашей деятельности, тут мы невежды, оценить их не сможем. Речь идёт о том, каков ваш личный жизненный итог. По-моему, последние часы жизни достойны того, чтобы поделиться с учениками своими мыслями, опытом, а не записывать каждое своё

действие. Если вся ваша рукопись состоит из подобных безделиц, то грош ей цена.

– Вы, вы просто не понимаете, с кем разговариваете... Вы невежды... – пыхтел Профессор. – В моей жизни важно всё.

– Хорошо, а где сейчас эти ваши потомки? Где ваши дети?

– У меня нет детей, только ученики...

– Хорошо, где они? Следят онлайн за вашей кончиной? Почему вы умираете здесь, с нами, невеждами, а не в компании преданных вам последователей?

– А, и правда, – снова раздался голос Санька. – Вон мэр хотя бы не считает нашу компанию плохой.

Профессор насупился и обиженно надул губы.

– Дорогой наш, – обратился к профессору Марк. – Обидеть вас мы не хотели, но сами подумайте, скоро каждому из нас предстоит отправиться в мир иной. Последние часы жизни – возможность оценить прожитую жизнь, пусть не исправить, но осознать, подвести итог. Вот о чём вам следовало писать, уберечь ваших учеников от совершённых вами ошибок...

– Позвольте, у меня не было никаких ошибок! – возмутился Профессор.

– Перед смертью всё предельно ясно, – не замечая этого возгласа, продолжал Марк. – Вот взять меня, я знаю, что грешен, люблю женщин. Много разбитых судеб, много бед им причинил. Не мог я остановиться на одной. Знаю, что нельзя так, что плохо, сам мучаюсь, но такова природа. Пробо-

вал остановиться, измениться, но не смог себя перебороть... Признаю, что из-за этого и умираю раньше прочих, и рая мне не видать...

– Это ваши проблемы, мне они не интересны, – оборвал речь Марка Григорьевича Профессор.

– А вы не мешайте человеку, – вступился Павлуша. – Пусть говорит, мы все имеем права высказаться в такой час. Покаяться, хотя бы вот друг перед другом.

– А что тут говорить, – продолжил Марк. – Я уже всё сказал, да вы и сами всё понимаете. Прелюбодеяние – вот в чём каюсь...

– А я вот обжора, – как будто переняв эстафету, подхватил Павлуша. – Всегда был таким, сколько себя помню. С детства любил вкусно поесть, благо мама этому была только рада. Хороший аппетит у ребёнка – признак здоровья, а когда вырос, то уже как тут совладеть с собою. Теперь уже тело стало диктовать свои условия. Есть хочется постоянно, двигаться тяжело. Нет, я бы занялся собою, похудел, но зачем? И толстым быть тяжело, и худеть не понятно для чего.

Профессор хмыкнул.

– Имейте уважение, – шепнул ему Захар.

– Нет, хорошо, конечно, когда у тебя есть какой-нибудь талант, – продолжал Павлуша, давно отставив в сторону свою сумку с припасами. – Тогда и в жизни есть смысл, а вот если нет никакого таланта, никакой способности...

– А я такую способность в себе и не искал, – раздался

голос Санька и все с удивлением заметили, что он отложил свой смартфон. – Знаете, как меня называли родители? Идеальный потребитель... В детстве – мультики, игры в юношестве, а потом и это всё надоело. Осталось только желание просто прокручивать ленту новостей, потребляя всю сваливающуюся туда информацию. Затягивает... А если каяться, то только в том, что за всю жизнь ни разу не решился что-нибудь сам создать. Не возникло такого желания... Хотя, может, надо было его самому в себе найти, попробовать. Но было лень. Да, пожалуй, мой главный грех – лень. Ничего мне не охота...

Все посмотрели на Профессора, ожидая от того реплики осуждения, но даже тот, уткнувшись в свои рукописи молчал.

– Эй, Профессор, слышите, а я вам ведь даже завидую, – сказал Санёк, – вы нашли себя, сделали что-то полезное... а мне всё лень, ничего не хочется. Зачем чем-то заниматься, если всё сделают другие? Я потребитель...

– Умирать не грустно? – спросил Санька Захар.

– Не, – ответил тот, и Захар отметил, насколько ещё молодой и наивный у Сашки взгляд. – Если бы не интернет, я бы давно спился или умер от передоза, как прочие. А так... Есть интернет, всегда можно занять себя и ни о чём не думать...

– Эх, дети, дети... – произнёс Марк. – Жалко вас, мы предавались удовольствиям, а у вас что? Даже этого нет...

В воздухе повисла пауза. Марк Григорьевич посмотрел на

Захара.

Захар понимал, что ему дают возможность высказаться, но он не знал, о чём говорить. В чём каяться? Он всю жизнь был активен, работал, зарабатывал, любил женщин, любил деньги, стремился к влиянию, власти, то есть жил в лучших традициях общества, руководствуясь принципами всех успешных людей. И вот он в свои сорок три года сидит вместе с Павлушей, Сашкой, Марком Григорьевичем и надутым Профессором в палате, ожидая наступления смерти. В чём его грех?

– Да, рая мы не заслужили, но, быть может, Господь сжалятся над нами... – произнёс Марк Григорьевич и перекрестился.

– Вы это серьёзно? – спросил его Захар. – Вы что, верите в Бога?

Марк Григорьевич, Павлуша, Санек посмотрели с удивлением на Захара.

– Конечно... – сказал Санёк.

– Иначе для чего же мы здесь каемся. Бог есть, и жизнь после смерти есть...

Захар с удивлением посмотрел на них, потом на Профессора.

Профессор, заметив его взгляд, поспешил сказать:

– Ну уж нет, на меня не смотрите, я человек науки...

– И что, вы в Бога, как и я, не верите? – спросил Захар.

– Я не имею права верить, я учёный, я верю только то, что

доказано опытным путём...

– И что, все ваши открытия основаны исключительно на экспериментах? – спросил Сашка.

– Молодой человек, наука давно уже вышла за пределы экспериментальной физики, – ответил профессор.

– Значит, у вас нет доказательств того, что Бога нет...

– По-моему, это очевидно, – возразил Профессор.

– А вот мне что-то внутри подсказывает, что он есть, – ответил Марк Григорьевич.

– А меня мама в детстве в церковь водила, – признался Павлуша.

– По мне, если не доказано отсутствие Бога, так значит вполне логично предположить, что Он есть... Вы вот можете доказать, что Бога нет? – не унимался Санёк.

– Молодой человек, я не буду в последние часы своей жизни заниматься такой ерундой.

– А ну да... Конечно, сидите и пишите, что вы ещё съедите сегодня, как раз уже скоро ужин... – ответил Санек.

Захара разговор позабавил, но, он был весьма удивлён тем, что три человека из пяти в их палате верят в Бога.

Пришла медсестра Марина. Принесённый ею ужин оказался холодным и на вкус, признаться, был плох.

– Мариночка, что же это в вашем заведении, нас голодом хотят заморить? – пошутил Марк.

– А у нас до ужина многие не доживают, вот повара уже и не стараются, – ответила медсестра. – Вон в соседней палате

уже осталось только двое.

От такого объяснения Захар окончательно потерял аппетит. Павлуша же, напротив, ничуть не смутившись, умяв ужин, запустил руки снова в свою сумку.

Марк Григорьевич, обняв медсестру за талию, принялся шептать ей на ухо что-то такое, что заставило лицо той зардеться краской.

– Всё, договорился, – шепнул Захару Марк, когда Марина, наконец, ушла. – Есть тут у них комнатка для отдыха. В десять уже все лягут, пойду туда. Не хочу умирать, лишённым внимания женщин.

Захар посмотрел в окно. Закат, пронзительный, яркий, окрасил золотым небо. Самого солнца не было видно, разве можно в городе увидеть горизонт? Но любой бы сейчас безошибочно сказал, что через час, а то и полчаса, небо станет тёмно-синим, и потом на город опустится темнота. «Последний закат, последние лучи солнца...» – подумалось Захару, и сердце опять защемило.

– Всё не могу больше, – раздался голос Павлуши. – Всё, сил нет, живот крутит...

– Так перестань есть, – сказал ему Санёк.

– Нет, всё, это конец, сил нет... – кряхтел Павлуша, ложась.

– Э, ты чего там, – оторвал Санёк взгляд от своего смартфона.

– Не выдержу, надо таблетку пить...

Все всполошились.

– Последняя? – спросил подлетевший к кровати Павлуши Санёк.

– Да... – простонал тот.

– Э, дружище, ты это давай, держись... – приговаривал Санёк, наклоняясь над Павлушей.

– Нет, не могу. Всегда так, ем, потом мучаюсь, – стонал Павлуша. – Вот наказание. Не, не выдержу, без таблетки не обойтись. Она у меня там, в кармане...

И Павлуша попытался дотянуться.

Захар запустил руку в карман. «5 дней» – значилось на таблетке.

– Точно последняя? – спросил он.

Павлуша в ответ только закричал.

– Ну как же так, дорогой ты мой... – запричитал Марк Григорьевич. – Как же так. Такой молодой ещё. Да неужели эти врачи не могут ничего придумать? Вот вы учёный, – вдруг обратился он к Профессору, – к чему все ваши достижения, если вот, лежит человек, страдает, а вы и ваши открытия не могут помочь ему?

– Я в других науках специалист, – недовольно фыркнул Профессор.

– Очень надеюсь, уважаемый, что ваши открытия будут человечеству хоть чем-то полезны, – сказал Марк Григорьевич.

Павлуша, между тем, не переставал стонать. Через пять

минут, он уже умолял дать ему последнюю таблетку. Все переглянулись. Каждый понимал, что поступил сюда встретить собственную смерть, но дать другому человеку то, что его неизбежно погубит, рука не поднималась.

– Павлуш, потерпи, может всё обойдётся. Ты это... походи, подвигайся что ли, может ещё пройдёт живот, – упрасивал Санёк.

– Нет, не пройдёт, я знаю. Нет сил, – стонал Павлуша.

Его грузное тело своей массой распяло его на кровати. Павлуша был собою же обездвижен.

– Что будем делать? – спросил шёпотом у Марка Григорьевича Захар. – Позовём врачей?

– Не, не помогут, дорогой мой, не помогут... – покачал головою Марк. – Нет сил смотреть, как он мучается.

Захар подошёл к столику, где стояла бутылка чистой воды. Наполнив стакан, он вернулся к Павлуше, посмотрел на того ещё раз, вздохнул.

– С вашего позволения, раз никто из вас не решается, – сказал он, и, приподняв голову Павлуши, помог ему выпить таблетку.

– Спасибо, – поблагодарил Павлуша.

Скоро стоны его стали тише. Никто не решался потревожить его вопросом, но минут через пять Санёк не выдержал и всё-таки спросил:

– Эй, Павлуш, ты как?

Тот довольно покачал головой. Было видно, что боль от-

ступила, но тот блаженный покой, который обозначился на лице Павлуши, не был признаком облегчения. Это было началом смерти, каждый в палате это хорошо понимал. Сроки жизни, отнимаемые таблетками, в настоящее время врачи научились устанавливать точно.

Злополучное лекарство отбирало сейчас последние силы у этого бедного, измученного своей страстью создания. Павлуша умирал. Жизнь крупница за крупницей уходила из него.

Сашка не выдержал и, вернувшись к своей кровати, снова уткнулся в смартфон. Профессор, лишь изредка укоризненно поглядывая на постель Павлуши, деловито шелестел своими бумагами.

Захар нашёл в себе силы остаться у кровати умирающего. Минут через десять Павлуша окончательно стих. Ни одного слова не вырвалось напоследок, ушёл спокойно и безмолвно, таблетка сделала своё дело.

– Отмучился, – сказал Марк Григорьевич. – Пойду за Мариной, пусть звонит родным.

Захар ещё какое-то время оставался с умершим. Он видел, как лицо того, искажённое предсмертными спазмами, после смерти с каждой минутой светлело и расправлялось. Наконец, оно приобрело совершенно спокойное выражение, а к тому времени, когда в палате появились санитары, на нём уже обозначилась улыбка. Казалось, Павлуша сейчас видит что-то, что недоступно глазу прочих и увиденное служит ему лучшим утешением.

Захара не покидало ощущение того, что Павлуша просто уснул, но медики зафиксировали смерть. В это тело душа уже никогда не вернётся.

Не успели тело погрузить на каталку, в палате появились старички-родители Павлуши. По слезам матери, по дрожащим рукам отца-старика, все поняли, что Павлуша был ими любим. Захар даже начал думать, что тот ушёл сюда из дома без ведома родителей.

Тело увезли. В палате осталась гнетущее ощущение грусти.

Санёк, так и не оторвавший за всё время своего взгляда от смартфона, выглядел угрюмым.

– Нет, не хочу, не могу... – встав, произнёс Марк. – Не хочу также умереть. Не хочу эту Марину, не хочу видеть в последний момент жизни эти серые стены. Хочу объятий женщины, последнее моё удовольствие. Предлагаю покинуть это место. Вы со мной?

– Вы это серьёзно? – спросил Захар.

– Серьёзно. Почему нет? Мы не узники здесь. Вот дверь, в конце концов, есть окно. Мы будем на свободе. Готов поспорить, у каждого из нас в кармане последняя таблетка. Почему же не выпить её в другом месте, не здесь.

Захар задумался.

– А что, я не против, – раздался голос Санька. – Но куда мы пойдём?

– Есть одно место, где я бы хотел закончить свою жизнь, –

сказал Захар. – Поведу вас туда.

– Хорошее? – спросил Санёк.

– Да, – ответил Захар.

– Ну, тогда и я с вами, – согласился Марк.

– Эй, Профессор, а ты с нами? – обратился Захар к учёному.

Тот фыркнул.

– Никуда я с вами не пойду, – ответил он.

– Ну и оставайтесь здесь, ожидая смерть, – махнул на него рукой Захар, – а мы пойдём в лучшее место.

Профессор только деловито надулся в ответ.

– Я готов, – соскочил с кровати Сашка.

– Ну, и как мы пойдём? – обратился Захар к Марку.

– Да так и пойдём, просто через дверь к выходу, – ответил тот.

– А если остановят, что скажем?

– Да просто ответим, что идём наружу, и всё, а дальше разберёмся.

– Нет, подождите, так не пойдёт... Нас остановят и вернут обратно в палату.

– Тогда скажем, что мы всего лишь подышим воздухом, и обратно...

– Не, не выпустят...

– Тогда будем выбираться через окно... Тут всего лишь третий этаж.

– Забавное получится у нас приключение... А если пока-

лечимся?

– Милейший, нам уже нечего терять...

– Давайте просто быстро пробежим мимо охранника...

– Ладно, придумаем, что-нибудь. Идём?

Захар кивнул. Приоткрыв дверь, он выглянул в коридор.

Там было тихо и пусто. Бледный свет тусклых светильников падал на блеклые стены.

– Пойдём, – Захар махнул рукой, и компания вышла в коридор.

Захар шёл впереди, за ним спрятавший на время руки в карманы Санёк, замыкал процессию Марк. Проходя мимо медсестринской комнаты, Марк Григорьевич остановился и заглянул в приоткрытую дверь. Медсестра Марина, сидя за столом, что-то писала в журнале.

Не встретив никого на своём пути, спустились на первый этаж. Охранник на входе бросил беглый взгляд на компанию людей в серых трикотажных пижамах, но, ничего не сказав, снова опустил глаза в развёрнутую перед ним газету.

Вот и улица. Захара тут же обдал поток вечерней свежести. Мостовая блестела от прошедшего недавно дождя.

– Эх, хорошо! – сказал Марк, втянув в себя аромат вечерней прохлады.

– И куда теперь? – поинтересовался Санёк.

– За город, – сказал Захар.

– Далеко, – протянул Санёк. – Как мы туда доберёмся? У нас деньги есть?

Все переглянулись.

Захар совсем упустил это из виду. Все ценные вещи остались в здании, под замком, и вряд ли кто-нибудь согласиться их теперь отдать.

– Пойдём пешком, – сказал он.

– Зачётно, нас ждут приключения! – оживился Санёк.

Захар заметил, что Марк Григорьевич задумался, он держал в руках пластиковую телефонную карту.

– Всегда ношу её с собою, – пояснил Марк. – Знаете что, подождите меня здесь...

Сказав это, он направился через перекрёсток к телефонному автомату.

Захар видел, как Марк, отправив карту в телефонный аппарат, начал с кем-то разговор. Санёк заскучал и снова достал из кармана смартфон.

Марк вернулся минуты через три.

– Всё, договорился, – радостно сказал он. – Вы уж извините, не пойду я с вами... Приедут за мной! Женщина!

– И кто же она?

– Знаете, женщин было у меня немало, – признался Марк, – а вот сейчас, захотелось позвонить только одной. Повезло мне, муж у неё сегодня в ночную смену. Уж если умирать, то в её объятьях... Встречусь с ней, потом приму таблетку.

Ждать пришлось недолго. Приехало такси. Женщину, что была внутри, Захар не успел рассмотреть. Марк Григорье-

вич, пожав руки Захару и Саньку, тряхнув своими седыми кудрями, поспешил погрузиться в темноту автомобильного салона.

– И что теперь? – спросил Санёк. – Вернёмся обратно?

– Нет, – ответил Захар. – Пойдём вдвоём, кое-что тебе покажу.

– Хорошо, – согласился Санёк, снова пряча в карман смартфон.

Захар отлично знал улицы города. До того места, куда хотел привести он Саньку, было километров шесть.

– Сашка, ты таблетки от какой боли принимаешь? – спросил он, когда они прошли первый квартал.

– От головы, – сказал Санёк. – А ты?

– Сердце... – ответил Захар.

Они брели в темноте ночи, но их она не пугала. Знание о близости собственной смерти придавало храбрости.

Первый холодок пробежал по спине Захара, когда они свернули с главной улицы и оказались в темноте слывшего неблагополучным квартала.

Проходя мимо компании угрюмых подростков, подумалось, что, если тем взбредёт в голову напасть, Захару и хлипкому Саньку будет с ними не совладать. Но подростки, то ли почувствовав на Захаре и Саньке отпечаток близкой кончины, то ли просто не желая затевать сейчас драку, обвели хмурыми взглядами странных гостей и дали тем пройти, не тронули.

– Смотри, – сказал Захар Саньку, указав на один из старых домов. – Вот этот дом скоро снесём, есть уже проект, здесь будет новый...

Странно, отчего это теперь ему вспомнилось?

– А кто придумывает, каким будет здание? – спросил Санёк.

– Архитектор, – ответил Захар.

– Всегда поражался, как люди умудряются что-то придумывать, создавать, откуда идеи? – признался Санёк.

– А ты пробовал?

– Что пробовал? – переспросил Санёк.

– Ты пробовал в жизни создать что-то?

– Не, мне не охота. Всё уже создано и без меня.

– А родители твои кто? Чем занимаются? Работают?

– Работают... – подтвердил Санёк.

– Кем?

– Кем-то работают... – пробормотал Санёк.

Хотелось поговорить о чём-то важном, но Захар не знал, о чём и как начать разговор. Там, в палате, в компании всё было просто и понятно, а оставшись наедине вдвоём с Саньком, они шли молча.

Прогредев, осветив темноту своими окнами, куда-то мимо прошёл трамвай.

– Помогите, помогите! – раздался откуда-то из-за угла крик.

Голос был женский.

Захар с Саньком остановились и переглянулись. Из-за угла слышались звуки борьбы.

– Что будем делать? – спросил шёпотом Санек.

Захар драться не умел, на Санька и вовсе надежды было мало, он хлипкий, выросший за экраном смартфона вряд ли смог бы дать кому-то отпор.

– Пойдём отсюда, – также шёпотом ответил Захар. – Сами разберутся...

– А что, если там случится что-то плохое? – переспросил Санёк.

Захар только пожал плечами, дав понять, что это не их с Сашкой дело.

– Не, так не пойдёт, – надо заступиться, не унимался Санёк. – Нам всё равно умирать...

Он сжал кулаки и хотел было уже войти в темноту, но тут из подворотни на них вылетел мужчина, он тут же двинул Санька по челюсти, замахнулся на Захара, упал, встал, попытался побежать... Захар ударил, метко и сильно, как только смог. Нападавший опешил, попятился снова в темноту. Оттуда выбежал второй...

Звук полицейского свистка остановил драку. И Захар с Саньком, и напавшие на них, были скручены и посажены в полицейский автомобиль. Только тут Захар смог рассмотреть своих противников. На вид они были ненамного младше Захара, измятые, низкорослые, с понурым взглядом, опущенным вниз. Санёк вытирал разбитый нос.

Полицейский участок, в который их привезли, оказался небольшой комнаткой с зарешеченными окнами. Захара усадили вместе со всеми задержанными. Отыскалась и потерпевшая, ею оказалась женщина лет тридцати. Что произошло, Захар так и не понял, женщина всё время рыдала, размазывая по лицу поплывшую тушь. Время было позднее, Захару очень хотелось скорее расправиться с этим недоразумением и снова отправиться в путь, но когда полицейский, записывающий показания прогремел:

– Документы!

Захар понял, что их тут могут задержать надолго. Документов у них Саньком не было, они остались где-то под замком в хосписе. В этот момент Захар почувствовал себя дважды узником. Сперва он сбежал из-под наблюдения санитар, и вот, ненадолго оказавшись на свободе, он снова лишён её теперь уже блюстителями городского порядка. Как вырваться наружу? Времени у них с Саньком оставалось всё меньше и меньше.

Мелькнула мысль тут же позвонить мэру, чтобы тот как-то разрешил этот вопрос. Но, во-первых, на память нужного телефона Захар, как оказалось, не помнил, а, во-вторых, никто в его окружении не знал, куда он отправился и что его через несколько дней ждёт смерть. Знала жена, но чем она может помочь? Нет, незачем её волновать. Пусть спит.

Полицейский за столом потёр лоб, налил стакан воды и достал из ящика своего стола таблетку, на той было написано

«3 дня».

– Голова? – спросил Захар.

Полицейский недовольно посмотрел в сторону Захара.

– Отпустите нас, – сказал Захар. – Мы такие же, как вы, только нам жить осталось максимум день, от силы два. Мы ушли из хосписа, потому что умирать там одно мучение.

Все находившиеся в комнате, посмотрели на Захара с удивлением, а тот продолжал:

– На месте преступления мы оказались случайно, вынуждены были защищаться. Зла причинить никому не хотели, зачем? Мы идём умирать, нам уже ничего не нужно.

Полицейский смотрел на Захара с удивлением.

– Я вас не обманываю, – сказал Захар. – Посмотрите, мы в пижамах, вот на них отметка хосписа. Сделайте туда запрос, вам подтвердят, что наши фамилии в списках поступивших к ним сегодня, а завтра нас уже может и не быть. Отпустите нас, зачем вам лишняя возня с нашими телами?

Полицейский снова потёр лоб.

Потерпевшая, хлюпая носом, написала заявление, двоих нападавших вывели в коридор, а Захару и Саньку полицейский процедил сквозь зубы:

– Идите отсюда, чтобы я вас не видел.

– Не увидите, – пообещал Захар. – Нас завтра уже не станет.

Полицейский угрюмо посмотрел на него, и Захару показалось, что где-то в этом суровом уставшем взгляде проскольз-

нуло сочувствие.

– И куда теперь? – спросил Санёк, когда они снова оказались на улице.

Захар прикинул, до того места, куда они направлялись, было уже недалеко.

Рука Санька снова потянулась в карман, но, когда он достал оттуда свой смартфон, стекло того оказалось разбито. Сашка выругался, однако телефон, после некоторых усилий всё-таки включился. Кое-где по экрану шли теперь цветные полосы, но пользоваться смартфоном ещё было вполне возможно.

– Вот, теперь он точно, как я, – сказал Санёк. – Ещё живой, но уже с признаками того, что протянет недолго.

– Эх ты, философ, – усмехнулся Захар. – Пойдём.

В воздухе стояла ночная свежесть. Город, уgomонился и окончательно стих. Теперь лишь изредка тишину нарушал звук проехавшего где-то автомобиля или шум чьих-то торопливых шагов.

Прошли торговый центр. Он яркий, блестящий, выделялся на фоне тёмных зданий уснувшего квартала. Странно, каким несуразным, ненужным показалось теперь это трёхэтажное строение Захару. Еда, одежда, всевозможные товары, для чего они ему? Он ещё жив, но скоро должен умереть.

Санёк даже не посмотрел на витрины. Прошли, молча, мимо.

На скамье под одиноким деревом спал человек. Он рас-

положился прямо под озарённой фонарём раскидистой кроной. «Пьяный!» – подумалось Захару, и почему-то тут же сердце наполнила жалость. Стало жалко этого пьяницу, который так бездарно губит себя, жалко всех, кто не видит смысла в собственной жизни, жалко самого себя.

– Всё, голова начинает болеть, – сказал Санёк через четверть часа. – Нам ещё долго идти?

– Нет, – ответил Захар. – Ещё час примерно? Протянешь?

– Только если приму таблетку, но тогда смерть.

– По-другому никак? Не потерпишь?

– Есть одно средство, давнее, может поможет. Поесть мне надо, чай сладкий нужен. Тогда может ещё немного без таблетки продержусь.

– Сейчас что-нибудь придумаем... – ответил Захар.

Он огляделся в поиске одной из тех забегаловок, что не закрывают своих дверей ни днём, ни ночью. Пришлось пройти не меньше квартала, чтобы одна из них всё-таки встрети-лась на пути. Санёк к тому времени совсем уже сник, поэтому Захар, усадив его за столик, кинулся к продавцу.

– Скорее, чай и давайте ещё рогалик, – попросил он и только тут сообразил, что у него нет денег. – Послушайте, у нас нет денег, но можно как-то в долг... Нет, не в долг, но просто... Хотя бы чай... Парнишке плохо.

Продавец угрюмо посмотрел в сторону Санька и отвернулся. Похоже, он уже привыкший к подобным ночным историям, стал совершенно глух к просьбам подобных клиен-

тов.

Захар посмотрел на своё отражение в стекле окна – серая помятая пижама, испачканная штанина, измазанный кровью рукав. Да уж, он бы и сам себе сейчас не дал и стакана воды. От этой мысли Захар содрогнулся. Он, ещё утром бывший уважаемым, респектабельным человеком в выглаженном дорогом костюме сейчас, к ночи, докатился до того, что стал нищим попрошайкой.

Продавец, крепкий упитанный парень, повернулся, держа в руках горячий чай.

– Сахар бесплатно, – сказал он, протягивая пластиковый стакан с кипятком.

Захар изумлённо посмотрел на того.

– Вы бы умылись, Захар Андреевич, – сказал продавец. – Еле узнал вас.

– Мы знакомы? – спросил Захар.

– Я предвыборные листовки когда-то с вашим портретом распространял, – ответил продавец. – Мне три тысячи штук их надо было раздать, так что я надолго ваш портрет запомнил.

Захар поспешил к Саньку.

Сладкий горячий чай, по словам Санька, чуть ослабил боль.

– Пойдёшь со мной или останемся здесь? – спросил его Захар.

– Буду идти, пока хватит сил, – ответил Санёк. – Как ста-

нет совсем невогмугу, приму таблетку. Не хочется умирать, вот бы растянуть последние часы...

Вышли на улицу. Захар заметил, что Санёк стал совсем другим.

Боль, видимо сильная, заставила его склонить голову. Санёк шёл теперь медленно, но вместе с тем, он как-то глубже вдыхал воздух, останавливался чаще. Казалось, он хотел рассмотреть каждую черту, запомнить каждую деталь ускользающего от него реального мира, который ему скоро предстояло покинуть.

– Ничего не останется после меня, – с сожалением сказал Санёк. – Вот после вас останутся дети, дом, этот город, ваши дела. А для чего я жил? Не понятно.

– После меня тоже немного останется, – ответил Захар. – Это только так кажется, что мои дела важны. Мне нравилась деятельность, так же, как тебе бездействие, но меня, через пару недель после смерти забудут, на моё место придёт кто-то другой. Останется только надпись и фото на надгробном памятнике.

– Грустно, – сказал Санёк.

– Грустно, – согласился Захар.

– Эх, знать бы точно, что будет после смерти. Не так страшно было бы умирать, – сказал Санёк.

– Ты как? Ещё одну улицу осилишь? – спросил Захар, замечая, как Санёк всё сильнее замедляет шаг.

– Не, Захар Андреевич, не дойти мне, – ответил он, опус-

каясь на тротуар. – Надо пить таблетку.

– Поискать воды? – спросил Захар.

– Не, – ответил Сашка. – Так проглочу.

Захар сел рядом. Санёк достал из кармана таблетку, ту самую, последнюю, которая должна была отнять его жизнь. «12 дней» было написано на ней. Захар, удивился. Очень сильная, сам он такие никогда не употреблял. Вот почему Санёк умирал так рано.

Сашка проглотил её так стремительно, что Захар даже не успел ничего сказать.

– Лучше уж умереть без боли, – сказал Санёк. – А знаете, Захар Андреевич, я ведь когда-то даже молился, а потом появился смартфон, и я совсем позабыл, что завёл его, чтобы под рукой был всегда Новый завет. Там смысл жизни, но я отвлёкся на другое...

Захар видел, что Санёк умирал. Его боль ослабевала, но вместе с тем уходила из тела Сашки жизнь. Через десять минут всё было кончено. У Захара защемило в груди. «Нет, надо терпеть», – приказал он себе.

Он остался один. Его спутник, лежал на земле. Тело Санька, безжизненное, размякшее светилось в темноте бледным светом серой пижамы.

«Кончено, но я ещё жив», – подумалось Захару. – «Надо идти».

Признаться, он не знал точного места, куда вёл Санька. Он просто хотел вывести его за пределы города, чувствуя, что

там тот поймёт, узнает напоследок, что есть иная, реальная жизнь, а не та, о которой он привык читать в ленте бесконечных новостей. Захар хотел показать ему звезды, но этого не потребовалось. Захар видел, что в последний час Санёк прозрел сам, без его помощи.

Наверно, человеку надо просто куда-то идти. Не то человек существо, чтобы не иметь цели, не двигаться куда-то. Без этого лишь страдания, такова природа человека.

Снова защемило в груди. Эта боль не отступит, она будет повторяться снова и снова, слишком уж много сил отобрал сегодняшний день.

Захар, всё же, решил продолжить путь.

По дороге думалось о многом, о том, как была прожита жизнь, и как её бы следовало прожить. Вдруг многое увиделось отчётливо, ясно. Пришёл на память Павлуша, пожирающий всё подряд, ненасытный, а сам Захар, разве не был таким? Разве не поглощал он эту жизнь жадно, без разбора, без остатка, не пытаясь разобраться в том, что есть зло, а что добро, что погубит его. Марк Григорьевич, живущий ради удовольствий, который сейчас где-то принимает таблетку лишь для того, чтобы хватило сил насладиться ласками одной из женщин. А Захар, чем он лучше него? Стремился, во что бы то ни стало, добиться того, что может быть и не было нужно. Санёк, похоронивший себя в собственной бездеятельности, был, в противоположность Захару, потерявшему себя в нескончаемой активности, тоже близок и понятен.

Даже в характере заносчивого Профессора виделось теперь нечто знакомое.

«Эх, разобраться бы со всем этим, но времени уже нет», — подумалось Захару.

Он пришёл. Многоэтажные дома остались позади. На прощанье они посветили ему издалека светом редких полуночных окон. Остался Захар и ночная тьма. Боль в груди стала нестерпимой.

Пойти бы дальше? Но куда? Он на месте. Тут, в прохладе окутавшего землю мрака, отчётливо был ощутим запах уходящего лета. Захар пришёл. Мысль о скорой смерти не пугала, с неизбежностью смерти он успел смириться. Последняя цель была достигнута, Захар ушёл от спёртого воздуха тесных улиц и пришёл туда, где ещё бушует предваряющее осень лето.

Последняя таблетка. Захар выпил её. Боль стала понемногу отступать. Захар сел на землю. Открыв рот, он вдыхал, втягивал в себя последние в его жизни глотки воздуха, несущего в себе уходящее лето...

Прошло десять, двадцать минут, смерть не наступала. Когда боль в груди окончательно стихла, Захар попробовал подняться. Он был жив.

Он был уверен, что ни он, ни врачи в своих расчётах времени смерти не ошиблись, но жизнь, к его изумлению, продолжалась.

Время шло. Вот уже небо с одного края из чёрного пре-

вратилось в синее, затем в бледно-серое, в след за ним весь небесный купол побледнел, а потом окрасился предрассветными красками и вот, наконец, огненный шар солнца показался из-за горизонта. Начался новый день.

Захар встал. Он был жив. Для чего дано ему было дополнительное время? Задумчивый, растерянный Захар побрёл домой.

2021

Создающие погоду

– Ве-е-е-р-о-о-на, вста-а-а-вай! Ве-ро-на-а-а, вста-а-ва-а-й! – поёт мелодично будильник.

Верона открывает глаза, садится на постели, потягивается, подлетает к окну, выходит на балкон.

Утро, солнечное, яркое встречает её. Чистые улицы блестят влагою пролившегося ночью дождя. Белые кучевые облака величаво выстроились в вышине пронзительно синего летнего неба.

Город дышит свежестью и теплом. Луч солнца блеснув, отразился от водосточной трубы соседней крыши.

День начат. Каким будет он?

Верона отходит от окна.

Открыв шкаф, она сегодня достаёт оттуда своё голубое шёлковое платье. Пышная юбка разлетается складками белого фатина. Белые босоножки, сумочка цвета весенней листвы, брошь с цветком.

– Ве-е-е-р-о-о-на, вста-а-а-вай! Ве-ро-на-а-а, ... – напева-ет Верона мелодию будильника, заваривая чай.

Сегодня ей непременно надо закрутить волосы в локоны. Тушь и помада – два лёгких штриха.

С улицы раздаётся сигнал – автомобильный гудок, это за ней. Она готова. Последний взгляд в зеркало, пара лёгких движений, теперь можно выйти за порог.

– Ви, ну опять ты в какой-то старомодной юбке! – раздаётся голос Ники, когда Верона садиться в её машину. – Так уже никто не одевается.

Верона лишь улыбается в подруге ответ.

Путь начинается. Ника трогается с места, сворачивает за угол. Улица, главная дорога, теперь два перекрёстка по прямой. Ника хорошо знает дорогу.

– Нет, конечно, дресс-кода у нас в компании нет, но это не значит, что ты можешь одеваться в какое-то старое шмотьё. Ты помнишь, какой сейчас год?.. Нам всем официально летом разрешили ходить на работу в шортах и майках.

Сама Ника в тёмных бриджах, объёмной белой рубашке и кроссовках, надетых на босу ногу.

– Ви, но какой же красивый у тебя сегодня цветок!

Ника с восторгом смотрит на брошку Вероны.

– А вообще, знаешь, не слушай меня. Тебе так идёт всё то, что ты носишь.

Карие глаза из-под тёмных жирных стрелок, нарисованных на лице Ники, вспыхивают озорным задором.

– Пойдём сегодня после работы гулять?

– Пойдём, – соглашается Верона и снова улыбается.

День прекрасный. От ночной влаги уже не осталось следа. Улицы, светлые, шумные, уже живут суетой наступившего дня.

Ещё двадцать минут и здание, огромное, высокое, встречает своих сотрудниц зеркальным блеском окон.

– Успели, – радуется Ника, припарковывая автомобиль.

Верона на улице. Белые складки юбки покачиваясь, становятся подобием пушистого облака. Верона в голубом платье стоит среди потока людей и машин, будто кусочек неба, сошедшего вниз.

– Ви, ну что ты застыла, пойдём! – увлекает её Ника внутрь дома.

Они спешат к лифту, проносятся вверх несколько десятков этажей.

Окна, огромные прозрачные открывают панораму города. День ясен, светел, чист. Крыши домов перемежаются с зеленью деревьев. Солнечные лучи стучаться в окна. Верона любит, замерев у стекла, и сама в этот момент становится кусочком этого цветущего мира.

– Я хочу кофе! Ви, пойдём! – тянет её в сторону Ника, заметив, как, засмотревшись на Верону, замедлила шаг парочка мужчин.

В офисе уже кипит работа. Сумочку цвета весенней лис-вы Верона прячет в стол, включает монитор. На нём уже маячит не меньше десятка поручений. Ароматная чашка кофе – вот то небольшое, что можно себе позволить, а там, за окном, бушует лето.

– Марк и Глеб зовут нас сегодня с собою, пойдём? – шепчет Вероне из-за соседнего стола Ника.

– Если хочешь, пойдём, – соглашается Верона.

– Девочки, сегодня вечером не расходимся, – говорит по-

другам неожиданно возникший Леон. – После работы, собрание по повышению эффективности работы. Подпишитесь, что я вас предупредил.

Леон протягивает листок с именами всех работников компании, не ставить в нём подпись нельзя, получишь «Чёрный маркер».

– Ну вот, – расстроено произносит Ника, когда Леон, сказав Вероне: «Красивая брошь», уходит. – Теперь придётся битый час слушать о том, как мы должны лучше работать.

– Не расстраивайся. Летом поздние закаты, мы успеем погулять, – пытается обнадежить подругу Верона.

– Кто только придумал эти планёрки, собрания, совещания... – недовольно бормочет Ника.

Вероне хочется побыстрее расправиться с делами, чтобы на обед вырваться из офиса. Её пальцы порхают над клавишами, в такт им колышется приколотый к голубому платью цветок.

– Купи мне два сэндвича, пончик и колу, – говорит Ника, увидев, что Верона встаёт.

– Не пойдёшь со мной? – спрашивает Верона.

– Нет, много работы, ничего не успеваю, – отвечает Ника. – Иди одна.

Проходя мимо подруги, Верона замечает на экране монитора той открытый чат. Верона улыбается.

У Вероны есть целых полчаса, которые можно провести вне стен душного офиса.

Шумная улица встречает её рёвом машин. Поток прохожих увлекает её за собою. Оживление, суeta разгара дня. Стук каблучков белых босоножек Вероны становятся ещё одним голосом в буйном многоголосье города. Колокол юбки подхватывает ветер и начинает раскачивать белым облачком в так каблучкам.

Все торопятся, спешат куда-то. В сером потоке строгих пиджаков, Верона, будто яркий, случайно распутившийся цветок. Она забегает в кафе.

– Два сэндвича, пончик, кола...

Себе Верона берет фруктовый пудинг, к нему молочный коктейль.

Она располагается за столиком у окна. Город ревет гулом автомобильных моторов, а Верона смотрит, как из-за угла соседнего дома несмело пробивается на улицу листва. Цветок в окне дома, птица, присевшая на карниз, белая вывеска и такого же цвета облако над ней, синее небо... Красиво! Верона достаёт смартфон. Одно нажатие, и кадр готов! Будет ли следующий день таким же или станет уже иным?

Верона потягивает густой белый коктейль. Каждый день неповторим, каждый красив!

– Вы не возражаете, если я присяду рядом? – спрашивает её кто-то.

Серый пиджак, строгий галстук.

Верона не против.

– Благодарю, в такое время мало свободных мест, – оправ-

дывается новый знакомый, и потом начинает рассказывать ей о себе, что-то спрашивает, снова рассказывает о себе, о работе.

Обеденное время на исходе.

– Красивое платье у вас, – говорит новый знакомый, на прощанье. – Может встретимся ещё? Можно попросить ваш телефон?

Надо торопиться в офис.

– Готова поспорить, с тобой опять кто-то пытался знакомиться, – говорит Ника, когда Верона ставит ей на стол принесённый обед. – Клянусь, я скоро тоже начну носить такие же старомодные юбки, раз они привлекают столько внимания.

Верона лишь смеётся в ответ.

– Но каблуки, нет, – веселится Ника, задирая голые ноги.

Шорты её настолько коротки, что на них начинает коситься из-за своего монитора Леон.

– Нет, кроссовки, только кроссовки. Не для того мы добились равноправия, чтобы носить неудобную обувь, – рассуждает Ника, уплетая сэндвич.

Верона улыбается. Ника – лучшая подруга, рядом с ней хорошо.

Верона смотрит в окно, и мечтает...

– Так девушки, а где ваш план? – подходит к ним Леон. – Вы заполнили планы саморазвития? Попрошу сдать их мне. Вы знаете, что в нашей фирме нет места тем, кто не собира-

ется трудиться над собой.

Верона спешит достать из ящика стола заполненный листок.

– Очень хорошо, Ви, – хвалит её Леон. – Очень неплохо. Жду вас обеих вечером на собрании.

Снова работа, снова дела. Снова пальцы касаются клавиш клавиатуры, снова мигает новыми заданиями монитор.

– Верона, зайдите ко мне, – вызывает начальник.

Верона прерывает работу, встаёт.

– Здесь, и здесь, нужно будет переправить, – подаёт он ей кипу документов, пробежавшись взглядом по её локонам, платью, снова по волосам.

– Идите.

Верона выходит.

– Знает же, что у тебя работы и без того много, – ворчит Ника.

А солнце за окном уже перебралось на другую часть города. Если бы сейчас была зима, то это бы означало начало сумерек, но сейчас лишь начало лета, чудесная пора.

Город стал иным, утратив яркость красок, он, вместе с тем, сохранил все свои цвета и, Верона, стоящая у окна, выглядит теперь, как яркая фигурка, олицетворяющее собою само лето.

– Ве-е-е-р-о-о-на, вста-а-а-вай! Ве-ро-на-а-а, ... – напевает Верона, возвращаясь на рабочее место.

– Так, Ви, наша задача побыстрее уйти с этого глупого собрания. Нас Марк и Глеб уже ждут, – говорит Ника в конце дня.

Весь зал заполнен, не прийти на собрание по повышению эффективности нельзя.

Девушек усаживают в третий ряд.

– Лучше бы достались места поближе к двери, – ворчит, пробираясь на место, Ника, сверкая своими голыми коленками перед лицами тех, кто уже расположился в жёстких креслах.

Собрание началось с презентации. Графики, колонки таблиц. Все кивают, соглашаясь с тем, что работать надо эффективнее. Пути решения проблемы, методики наказаний и поощрений. Верона бросает взгляд за окно. Полоса тени от здания, упавшая на соседние крыши, сделала их тёмными. Небо уже окрасилось в бледно-голубой цвет, который обычно бывает предвестником приближающегося заката.

– Девушка, да, Вы, в синем, вам похоже всё равно, что я говорю? – вопрошает докладчик.

Все оборачиваются и смотрят на Верону.

– Ну-ка идите сюда.

Верона встаёт. Поднимается на сцену. Юбка колокол, качается в такт шагам и замирает. В зале напряжённое молчание. Все оценивающее смотрят на Верону.

– Одеты, вы, конечно, хорошо, но вот что в вашей голове, давайте-ка проверим. Вы можете повторить, что я сказал?

Верона повторяет всё, все методы повышения эффективности.

– Что ж, очень даже неплохо, – удивлённо хвалит её докладчик, скользя взглядом по гладкому шёлку платья. – Идите на место, я вижу, вы меня слушали и всё запомнили. Эффективной вам работы.

Верона на месте.

– Я чуть со стыда не умерла, когда ты вышла на сцену, – шепчет ей Ника. – Ты же видишь, никто в нашем офисе так, не одевается.

Наконец, свобода! Двери офиса открыты, и шумная толпа служащих спешит слиться с потоком прохожих, раствориться в гуле улиц.

– Ви, пойдём, нам давно уже пора бы быть на месте, – тянет Ника за руку Верону.

Они на парковке, двигатель автомобиля заведён.

Бледное небо розовеет в лучах грядущего заката.

К тому времени, когда, преодолев плотный поток машин, девушки подъезжают к дверям назначенного клуба, на город уже опускаются сумерки. Краски тускнеют, блеск уличных фонарей и витрин, отразившись в шёлке платья Вероны, делает её саму, вышедшую из машины, похожей на искорку, случайно вспыхнувшую от костра заката.

– Вон они, в баре, пойдём, – тянет Верону за руку Ника.

Гремит музыка. Неон танцпола окрашивает белую юбку Вероны модным ультрафиолетом. Подруги улыбаются, пар-

ни шутят и угощают их алкоголем.

Ника довольна, весела. Танцуют, затем снова в бар. Верона пытается отыскать глазами небо, но взгляд её упирается только лишь в глухие стены.

Когда она снова оказывается на улице, там уже темнота. Ночь.

– Ви, Глеб доведёт тебя, – пытаюсь перервать грохот раскатов музыки, кричит повисшая в объятьях Марка Ника.

Верона садится в машину к Глебу. Она видит его всего лишь второй раз. Первый раз – когда они только познакомились, и вот теперь. Надо бы поговорить о чём-нибудь, пока они будут ехать по опустевшим улицам, но о чём? Они так и едут молча.

Глеб косится на колокол её длинной юбки, прикрывающей ноги, и Верона понимает, что он не доволен. Верона отворачивается и смотрит в окно. Вспоминается довольное разгорячённое лицо подруги. Ну что ж, может быть, хоть кому-то сегодняшняя встреча доставит радость.

Наконец, Верона, дома. Провожатый её уехал, нужно поскорее раздеться и лечь. Час ночи, времени на сон осталось немного. Верона растирает уставшие за день ноги, опускает голову на подушку.

День прошёл, оставив в душе какую-то странную тоску. Что это? Отчего летом вдруг хочется спрятаться под тёплое одеяло?..

– Ве-е-е-р-о-о-на, вста-а-а-вай! Ве-ро-на-а-а, вста-а-ва-а-й! – поёт будильник.

Новый день начат. Каким будет он?

Верона подходит к окну. Город покрыт тончайшей дымкой. Небо светлое, бледное, на нём перистые облака.

Верона подходит к шкафу, достаёт оттуда бежевые туфли, облегающее платье фишашкового цвета из крепа с россыпью цветков белых и жёлтых. Ткань приятна, мягка. Белая сумочка, нитка жемчуга на шею. Волосы сегодня Верона собирает в хвост. Она готова.

Ника опаздывает. Но вот, наконец, долгожданный сигнал.

– Еле встала сегодня. Как же я ненавижу работу, – жалуется Ника.

Верона с сочувствием смотрит на подругу, та выглядит устало. Те же шорты, рубашка помята.

– Не хотелось сегодня ехать, – признаётся Ника.

– Что ты, нельзя, – встревожено возражает Верона.

– Знаю, не дадут потом покоя, – отвечает та. – Я почти не спала.

– Как Марк? – спрашивает Верона.

Ника неопределённо пожимает плечами.

– Я ничего от него и не ждала, – признаётся Ника. – Хотя нет, каждый раз я жду хоть от кого-нибудь чуда, но всегда всё одно и то же.

Верона смотрит в окно. Улицы шумны, но сегодня не яркие. Это день приглушённых цветов, мягких красок.

– Ну почему сегодня не выходной, – ворчит Ника, припарковавшая машину.

– Так, девушки, распишитесь, в пятницу у нас мероприятие, – подходит, как только они занимают свои рабочие места, Леон.

– Какое мероприятие?

– Пока неизвестно, но по плану нам нужно проводить не меньше одного мероприятия в неделю. Скорее всего, это будет либо командные спортивные соревнования, либо праздник однополых семей.

– Но у нас нет семей, – изумляется Ника.

– Вы должны присутствовать, в качестве поддержки людей одного пола взявших на себя нелёгкую обязанность растить детей. Или, может быть, ты желаешь получить «Чёрный маркер»?

– Это невыносимо, – ворчит, расписываясь, Ника.

Верона одёргивает её, сама она расписывается, не произнося ни слова.

– Хорошая фигура, – касаясь талии Вероны, говорит Леон. – Ты записана в гимнастическую секцию?

– Нет, – отвечает Верона.

– Надо записаться, будешь представлять нас на соревнованиях.

Верона молчит.

– Не могу так больше, – начинает Ника, когда Леон уходит. – Почему мы должны это терпеть? Никто не спрашивает

нас о наших желаниях. Иди туда, делай то. С нами обращаются так, как будто мы никто.

Верона молчит, надо молчать. С теми, кто недоволен сначала проведут беседу, а затем просто поставят в единой гражданской электронной базе данных напротив твоего идентификатора «Чёрный маркер», и на этом всё, твоя жизнь закончится, тебя больше нигде не возьмут на работу, если маркер станет красным – заблокируют все твои счета.

– Нам надо в этом месяце ещё заработать всего лишь по одному баллу эффективности, – уговаривает подругу Верона.

– Знаю, знаю, – бормочет Ника. – Эффективность, куда же без неё. Мы должны быть активными членами современного общества.

Надо делать то, что тебе говорят, и тогда тебя оставят в покое. Хотя бы ночью, ты будешь свободен. Никто не будет обращать на тебя внимания, пока ты считаешься благонадежным гражданином.

– Сходим на тренинг послезавтра, получим недостающий бал, – пытается успокоить подругу Верона. – В следующем месяце пойдём на курсы повышения квалификации, после них продлим наши рабочие лицензии...

– Какая-то глупая, бесполезная жизнь. Зачем это всё? – шёпотом спрашивает у подруги Ника.

Надо молчать, их везде могут услышать, и Верона молчит. Она направляет свой взгляд в окно. Бледное небо встречает

его полосой растрёпанных туч.

– Иди сегодня на обед одна, – говорит Ника Вероне.

У Вероны снова есть полчаса, чтобы вырваться из серых бетонных стен.

– Через три дня время сдачи отчётов, – гремит голос шефа в коридоре.

Верона на улице. Поток людей подхватывает её.

Её невесомое фисташковое платье скрывают собою линии строгих серых пиджаков. Она – частичка сегодняшнего дня, становится таковой, только когда ей удаётся выбраться из общего течения.

Кафе, блинчик с корицей, свежий сок. Можно посидеть и помечтать. Пятнадцать минут у неё есть на то, чтобы взглянуть на птиц, севших на карниз и покачать головой в такт движениям зелёной ветки.

Город сегодня бледен, сер. Он, как будто в ожидании чего-то.

Тепло, но не жарко.

Пора возвращаться. Верона успевает забежать под навес до того, как ливень, тёплый, шумный срывается с неба. Капли барабанят по окнам.

– Не вымокла? – спрашивает Ника.

Лишь несколько капель дождя легли на фисташковое платье, утонув в его цветочном узоре.

В конце дня «Иди сегодня домой без меня», – говорит Ника подруге.

Верона одна. Улицы шумны, дождь окончен. Город блестит серым глянцем влаги. Верона ступает на тротуар, и отражение неба касается её бежевых туфель. Она идёт в свежей прохладе уходящего дня.

Прежде, чем сесть на автобус, она заходит в здание с двумя высокими шпилями. Внутри шумно.

– Пиво, – просит она.

Получив увесистую кружку с густым пенным напитком, садиться в угол.

Огромный зал переполнен. Смех, болтовня. Голос каждого тонет в общем гуле.

Здание ещё не утратило величавость старинных стен. Оно хранит на них росписи сюжетов с тем, чьё распятие висело когда-то здесь, но его сняли.

Верона смотрит вверх. Паб открыт недавно, а до того долгое время здание пустовало. До сих пор стены украшают скульптуры и оставшиеся нетронутыми картины. Всё это атрибуты прошлого культа. Центром его был тот, распятие которого убрали, чтобы не омрачать видом его страданий это место. Бледно-зелёные стены хранят на себе слова. Верона читает, бросая взгляд туда, где сохранились старинные фразы. Росписи стен рассказывают о чём-то древнем, забытом, от них веет невиданным теплом.

Кое-где в золочёные рамы уже вставлена реклама. Со временем здесь всё переделают.

Почему ей так спокойно здесь, несмотря на рёв чужих го-

лосов?

Верона вздыхает, пора возвращаться. Она встаёт, проходит пару десятков шагов и, в своём фисташковом платье, будто сама становится кусочком этих стен, сомкнувших над ней свои своды. Стук её каблучков утопает в многоголосном хмельном гуле.

– Вам надо быть осторожнее, – слышит она тихий голос рядом с собой.

Она оборачивается, мужчина, молодой, с красивыми и немного печальными глазами подхватывает её под локоть и увлекает за собой. Они идут среди шумных столов, как обычная пара только что познакомившихся в пабе людей.

– Простите, но каждый раз вы не притрагиваетесь к пиву. А сегодня вы слишком долго смотрели на стены, – говорит шёпотом Вероне её провожатый. – Вы так выдадите себя.

Верона удивлённо смотрит на него.

– О, меня не опасайтесь, – торопиться сказать он. – Я не причину вам вреда. Вы сегодня необыкновенно хороши. Ваше платье, эти стены... – он запинается. – Не знаю, как сказать, в прежние времена вы были бы лучшим украшением этого пространства, а теперь вы слишком выбиваетесь из общей массы посетителей паба. Будьте осторожны.

Верона опускает взгляд.

Что ей ему сказать? Что она боится? Она знает, что бывает с теми, кого причтут сторонником прежней религии. «Красный маркер» сразу же. Бога нет. Так давно заведено.

– Моё имя Герберт, – представляется провожатый, когда они выходят наружу.

Верона молчит.

– Отче наш, сущий на небесах... – шёпотом начинает он.

– Да светиться имя Твоё... – вспыхивая, тихо продолжает

Верона.

– Лучше берите всегда безалкогольное пиво и выпивайте его, все будут думать, что вы за рулём и не заметят, что вы приходите, чтобы читать то, что написано на этих стенах.

Автобусная остановка уже недалеко, за углом, но Вероне не хочется, чтобы Герберт покидал её.

«Она боится меня», – думает Герберт.

Глупо было подходить к ней и пугать. Что ей сказать? Что он такой же, как она? Что он будет рад уберечь её от всех, оградить от всех невзгод.

Он увидел её прошлой осенью. Шёл дождь, а она была в чём-то изумительно бледно-синем и, казалось, воплощала собою ту погоду, что стояла на дворе. Яркая жёлтая пуговица будто жёлтый лист прикрепилась к её юбке. Герман вспомнил, что застыл тогда и не мог оторвать взгляд. Впервые он почувствовал тогда, что окружающий его мир необыкновенно красив. А потом он увидел её в чём-то нежно-розовом, была весна. И Верона, к тому времени он уже раз узнал её имя, парила по улице, будто лепесток, оторвавшийся от цветка магнолии. Потом он видел её в белом, жёлтом, красном, зелёном. Он просчитал место её работы и теперь частенько

бывал на той улице.

– Если вы не против, я могу проводить вас, – говорит Герберт.

Они идут вместе, вдвоём садятся в автобус, доезжают до её дома, и только когда оказываются в стенах её квартиры, Герберт решается рассказать обо всём, о том, сколько раз видел её, о том первом дождливом дне, о том, что сам он тоже начинал своё знакомство с Богом с чтения надписей стен старого храма, а теперь он член богоборческого философского кружка, в который записался специально, чтобы иметь возможность прочитать Библию. Она знает, что такое Библия? Там, в кружке, два раза в неделю они собираются, чтобы читать строки из этой Книги с целью опровергнуть всё то, что написано в ней. Но чем больше Герберт знакомится с текстом, тем большее убеждается, что написанное в Библии самое разумное из того, что он когда-либо читал. В Её строках небывалая высота, мораль их прекрасна, проста, чиста.

Верона слушает его. Ей спокойно.

– Я приду завтра, встречу с работы, ладно? – спрашивает он перед уходом, и в его глазах она читает страх её возможного отказа.

Засыпает она со сладостным ощущением того, что завтра будет ясный тёплый день, установится чудесная погода. Верона наденет одно из самых любимых своих платьев, и они отправляется с Гербертом гулять...

– Ве-е-е-р-о-о-на, вста-а-а-вай! Ве-ро-на-а-а, вста-а-ва-а-й! – поёт будильник.

День прекрасен, небо чисто. Улицы пестры. Они вобрали в себя все возможные краски лета. Здесь и зелень листвы, и желтизна стен домов, красный цвет проносящихся машин.

Какой же быть сегодня Вероне? Она открывает шкаф. Когда-то где-то Верона прочла, что женщина – украшение этого мира. Мудрец, сказавший это, был, несомненно, прав. А этот мир... Он каждый день иной. Каждый раз Верона старается одеться в тон окружающей её природы. Одна должна понять характер погоды, уловить дыхание ветра, вобрать все краски дня, чтобы стать завершающим, самым важным штрихом картины мироздания, состоящей из мгновений. Разве не для этого дана женщине красота?..

Яркое цветочное платье вынимается сегодня из шкафа, к нему мягкие светлые туфли для долгих прогулок, красная сумочка, алая лента пояса. Верона готова.

Сигнал автомобильного гудка.

Верона сбегает по ступенькам вниз.

Ника сегодня угрюма. Со скрежетом выруливает она на дорогу.

– Мне вчера Филипп звонил, – произносит она.

– Опять? – удивляется Верона.

– Да.

Филипп – это бывший Ники. Вернее, даже не бывший, а тот, кого она любит.

– Вы снова встретились? – осторожно спрашивает Верона.

– Да, я была у него... – отвечает Ника.

На ней сегодня белая майка и красная юбка.

– Он предлагает мне переехать к нему... – продолжает Ника.

– Разве это плохо?

– Да, я хотела этого. Только таких, как я, у него уже трое! – кричит Ника.

Резкий звук тормозов. Ника останавливается так резко, что чуть было не врезается в соседнюю машину.

Перекрёсток, красный свет.

– Знаешь, конечно, он, богат, успешен и красив, у него свой дом, и, кажется, даже есть яхта, но жить рядом с прочими его женщинами, мне кажется, я не готова...

Верона смотрит на дорогу. Что ей сказать? Чем утешить подругу? Обе они всего лишь частички этого мира. У успешных красавцев всегда много женщин.

– Поедешь сегодня к нему? – спрашивает Верона.

Ника пожимает плечами.

– Пойдём сегодня в бар, – предлагает Ника.

– Я не могу, – отвечает Верона. – Я вчера познакомилась кое с кем.

– Как думаешь, может мне попробовать перебраться к нему? Смотри, что он мне подарил... Ника крутит левой рукой, на ней браслет.

– Из последней коллекции, – гордо произносит Ника.

Верона отвечает что-то вроде «Очень красиво» или «Тебе идёт», а сама смотрит в окно. День обещает быть ясным, поэтому так странно видеть на переходе мужчину, взявшего с собою этим утром зонт.

Нет, дождя сегодня не будет, и вечером Ника, в своём ярком платье, вобравшем в себя все цвета улицы, спускается вниз. День окончен.

– Верона, ты помнишь, что завтра с вами будет проводиться тренинг, – напоминает ей Леон.

Она кивает, но ответа уже не слышит. Гул города заглушает все звуки.

Гербет ждёт её у входа, они отправляются гулять.

Улицы настолько шумны, что разговаривать можно, не опасаясь быть кем-то услышанными.

Герберт рассказывает о том, что ему удалось прочитать. Верона молчит, но не потому что, нечего сказать. Ей просто хочется слушать.

***

– Вера, мне сегодня чётко дали понять, что я должен бросить тебя, – произносит Герберт.

Верона молчит. Она и Герберт знали, что когда-то это должно случиться.

Верона смотрит в окно. Там осень. Дождь льёт с самого утра. Серые улицы холодны и угрюмы, темны дома. Крыши блестят, брызжет потоками водосточная труба. Природа плачет.

– Но я не намерен оставлять тебя!

Герберт хватается Верону за руку. Мы уедем. Я пока не знаю куда, но этот город, эта страна не для нас. Я устал прятаться, скрываться. Помнишь, я читал тебе строки: «и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью».

Верона помнит всё. И то, как взволнованно читал ей Герберт наизусть эти строки, и как проговорили они всю ночь потом о том, что правильно было бы мужчине и женщине быть вместе, а не менять бесконечно партнёров, выйти из участия в гонке одноразовых встреч, оставляющих на утро чувство пустоты и обиды.

– Я – мужчина, ты – женщина, почему мы лишены права любить друг друга? Почему законные отношения не предусмотрены для лиц разных полов?

Верона молчала. Она помнила каждую их встречу. С самого начала она поняла, что им не разрешат быть вместе. В основе их отношений не было материальной выгоды, они были лицами разных полов, и встречались они друг с другом намного дольше всех отведённых для подобных отношений традиционных сроков. Они были иными, отличались от прочих, а значит, современное общество рано или поздно должно было отвергнуть их.

Герберт продолжал ходить в богоборческий кружок, ещё он записался на курсы опровержения древних религий и оттуда, строчка за строчкой, кусок за куском приносил в памяти слова Евангелия. Он читал их Вероне, и уже ничто не

могло поколебать их уверенность в том, что в этих строках истина. Что-то внутри радостно отзывалось на их смысл.

– Они однозначно дали мне понять, что за продолжительную связь с тобою, подрывающие устои нашего прогрессивного общества, я получу «Красный маркер». Будущего для меня здесь нет, но я слышал, есть места, где ещё соблюдают принципы христианской религии, нам надо туда.

– Ты надеешься, нас там примут? – неуверенно спрашивает Верона.

– Я не знаю... – честно отвечает Герберт. – Но здесь нам оставаться нельзя. Если они узнают, что мы верим в Бога, найдутся способы нас разлучить и уничтожить. Рано или поздно они догадаются...

– Я согласна уехать... – торопится сказать Верона.

– Я слышал, далеко есть одна страна, там живут иначе. Мы уедем отсюда. Там холодно, полгода зима, и не та слякоть, что стоит у нас, а с толстым слоем снега.

– Здесь тоже холодно, и будет ещё холоднее... – говорит Верона, глядя в окно.

– «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас...». Мы уедем. Я обещаю, мы будем вместе, всегда. Я уже не смогу без тебя.

Герберт кладёт голову Вероне на колени. Верона проводит рукой по его волосам.

– Только не гуси, – шепчет он.

Он давно понял, что её настроение чувствует природа. Ко-

гда Вероне хорошо – светит солнце, день ясен, щебечут птицы, ей плохо – вокруг ненастье. Она управляет погодой, потому что любит этот мир.

Для чего им жить среди людей, запрещающих верить в Бога?

– Вот бы прочитать всю Библию целиком, до конца... – мечтая, произносит Верона.

***

– Ви, мне надо поговорить с тобой, – деловито входит к Вероне Ника, сбрасывает на диван яркую шубку. – Ты одна? Верона утвердительно кивает головой.

Она дома. Рабочий день окончен, Гербет придёт позже.

– Я должна предупредить, меня вызывали из-за тебя. Тобою интересуются.

– Кто? – спрашивает Верона.

– Будто ты не догадываешься, – отвечает Ника, плюхаясь на диван и поправляя высокий сапог. – Ви, слушай, мне это совсем не нравится. Я сидела там полтора часа. Меня спрашивали обо всём: кто ты, как долго мы знакомы, с кем ты сейчас встречаешься, каковы твои интересы. Знаешь, я не хочу вникать в твои дела, но ты связалась с кем-то, кто небезопасен. Они говорили что-то о том, что у твоего Герберта проявляются признаки нетолерантности. А ещё знаешь, что они спрашивали?

– Что? – без всякого интереса спрашивает Верона.

– Они сказали, что ты веришь в Бога. Верона – это правда?

– Возможно, да.

– Ты с ума сошла! Не ожидала от тебя такого, – фыркает Ника. – Фу, это так старомодно, ты же знаешь, сейчас за такое можно схлопотать «Красный маркер».

– У тебя-то самой как дела?

– Живу с Филлипом, – отвечает Ника. – Сейчас покажу тебе, увидишь сама. Смотри, куда он нас свозил.

На фото белый песок, пальмы, море, красивый мужчина, четыре женщины рядом с ним, среди которых смеющаяся Ника.

– Вы подружились? – спрашивает Верона.

– Вполне, – отвечает Ника. – У нас настоящая семья. Филлипп относится ко всем ровно. Днём я с девочками катаюсь по салонам и спа, вечером веселимся все вместе. Смотри, какой маникюр, – крутит Ника разрисованными пальцами. – У тебя есть Мартини или хоть что-нибудь из алкоголя?

Верона подходит к шкафу.

– Есть вино.

– Хорошо, наливай вина.

Через полчаса:

– Это ужасно, – сипит размякшая Ника, растирая по лицу тушь. – Ви, ты не представляешь, что нам приходится терпеть. Он женился на микроволновке. Официально записал её женою во всех документах, и теперь ставит перед нами эту дурацкую печь, заставляет кланяться ей, восхвалять её и петь ей песни. Я схожу с ума...

– Почему ты не уйдёшь от него? – спрашивает Верона.

– Куда? – кричит Ника. – Он полностью содержит меня!

Ты же знаешь, я ушла с работы с «Чёрным маркером», кому я теперь нужна?! Я думала всё будет иначе, оставила наш офис, думала, Филипп будет любить меня хотя бы так же, как тех троих, а он теперь говорит, что мы все ему надоели, и он хочет жить с Бернаром.

– С женщиной?

– Если бы! С собакой... – плача, отвечает Ника. – Он считает, что животные лучше людей. Слушай, Ви, беги отсюда. В тебе всегда была какая-то детская простота, ты не сможешь здесь жить, погибнешь. Они расспрашивали о тебе полтора часа, они сначала были любезны, потом угрожали. Они всё знают про тебя, от меня им нужны были только показания, и я всё подтвердила. Я думаю, вам с Гербертом, осталось жить без «Красного маркера» максимум дня два. Наверняка, уже внесена отметка о вашей неблагонадёжности в базу, сама знаешь, что будет, когда об этом узнают на работе, никто не вспомнит твои заслуги, все твои хорошие дела. Вам с Гербертом в нашем обществе, в нашем государстве не место, вы другие.

Верона смотрит в окно. Там темнота. Ночь давно окутала город, и даже выпавший снег не делает улицы светлее и чище. Снег тут же тает, становясь чёрной жижей, хлопает под ногами прохожих, превращая дороги в полосы мокрой липкой грязи.

***

– Верочка, вставай, – целуя, тихонько шепчет Герберт. – Я пойду пораньше, приходи, я буду ждать тебя.

Верона открывает глаза.

Темно, Верона откидывает одеяло. Прохладно, но это не беда. Верона встаёт.

– Договорились со Славой и Виктором почистить утром снег у храма, – говорит Герберт, надевая тёплую куртку.

Верона смотрит в окно. Там зима. Белый снег толстым покрывалом застилает улицы, крыши домов, белым инеем пушатся ветви деревьев.

Верона вздыхает. Да, здесь совсем другая страна.

Тёплый свитер, сапоги, шапка, варежки, шуба. Теперь на полгода это её одежда на каждый час дня.

Верона выходит на улицу. Пар её дыханья белым облачком устремляется вверх. Тёмное небо уже дышит красками рассвета. День будет хорош! Морозная дымка утра, свет огоньков пробуждающихся окон, хруст снега под ногами – всё похоже на сказку. Прекрасная, величественная тишина. Луна ещё не покинула небо, солнце уже близко. Несравненная тайна зарождающегося дня.

Верона идёт туда, куда зовёт колокол, наполняя переливами всё пространство. Семь куполов-луковиц, на каждом крест распятия устремлён ввысь, в небо. Лицо обжигает студёный воздух, но какая же красота, оказаться после мороза в тепле, почувствовать запах воска и ладана, ставший уже хо-

рошо знакомым.

– Вот и Вероничка, наша пришла! Да ты замёрзла, – поднимается навстречу Вероне бабушка Мария, и пытается согреть своими тёплыми широкими ладонями озябшие пальцы Вероны.

– Твой муж с моим уже весь двор расчистили! – обнимает Верону новая подруга Ирина, за длинную юбку которой прячется озорная Танюшка. – Причащаешься сегодня?

Вероника утвердительно кивает. Она привыкла обходиться без слов, но здесь молчит не из страха, а потому что всё и так ясно, несмотря на трудности нового для него языка.

Спокойно. В ожидании начала службы, Верона-Вероника садится рядом с женщинами и открывает Книгу. Здесь читать её можно открыто и свободно, ради неё выучен новый сложный язык.

«Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь». Евангелие дочитано, но это только начало. Верона перелистывает список глав. Вся Библия целиком на её коленях. Не надо скрываться, искать остатки этих строк на стенах.

Служба удивительна, красива, таинственна, светла.

Звон колоколов. Держась за руку Герберта, Верона выходит из храма. Удивительная земля! Белый снег слепит чистотой, блестит под лучами яркого солнца. Красота!

В белой шубке Верона и сама похожа на снежинку, спу-

стившуюся с неба.

– Знаешь, не хотел тебе говорить, – начинает Герберт, – но там, откуда мы приехали, беда. Помнишь, когда мы уезжали, шли дожди, а теперь земля раскололась, землетрясение, двадцать стран ушли под воду. Того города, где мы жили, больше нет, его скрыла вода.

Верона смотрит в морозное синее небо. Ясно.

2021

Усталость

«Он даёт утомлённому силу, и изнемогшему дарует крепость.» (Ис. 40:29)

Вы испытывали когда-нибудь усталость? Таковую, от которой начинают путаться мысли, которая ослабляет разум, ту, что вынуждает считать каждое своё движение, которая доставляет почти физическую боль; при ней единственным желанием становится желание лечь и обрести покой.

Три шага вверх по лестнице, пять шагов до лифта, четыре шага от лифта до двери. Матвей остановился, он устал. Как же тяжело даются эти последние шаги. Не каждый день возникает необходимость выйти из дома.

Чуть не упал.

Открыть ключом входную дверь. Шесть шагов от двери до кресла. Всё, дома!

Матвей выдохнул и плюхнулся в своё помятое кресло. Огромное, удобное, скрипнув, оно приняло его обессиленное тело. Можно расслабиться. Матвей очень устал.

За окном вечер. Госкливая осенняя пора, тягостная темнота которой лишь отнимает силы. Матвей посмотрел на монитор. Трансляция с пяти камер, размещённых снаружи, показывали двор. Немноголюдно. Редкие прохожие, поёживаясь, спешат разойтись по домам.

Матвей подвигал курсором по экрану, увеличил изображение и посмотрел на окно. Холодным прямоугольником оно чернело совсем рядом, но дойти до него не было сил. Да и зачем? Камеры переключились в ночной режим, и теперь хорошо было видно, как порывы ветра гнут белые, похожие на плети ветви деревьев.

В квартире было тепло. Не вставая с места, отрегулировав комнатный свет, Матвей попытался продолжить работу, но мысли путались, хотелось спать. До кровати было семь шагов, но встать с мягкого кресла не хотелось.

Захотелось есть. Чувство голода одолевало. Квартира-студия была мала, но даже здесь, чтобы дойти до холодильника, надо было сделать пять шагов. Матвей почесал голову и решил не вставать.

Один из четырёх мониторов на столе пестрел лентами новостей. Матвей давно приучил себя пробегать их глазами, не отрываясь от работы. Информационные сводки менялись одна за другой. Матвей устал. Он зевнул, захотелось спать.

Матвей закрыл глаза. Когда он открыл их, часы на мониторе показывали уже 21:45. Ныло под ложечкой, чувство голода становилось невыносимым. Пять шагов до холодильника и ещё обратно пять. Сил разогреть еду нет. Каждое лишнее движение отнимает силы. Утром ещё можно было бы заставить себя поставить продукты в микроволновую печь, но сейчас Матвей способен лишь взять и открыть пакет.

Чипсы рассыпаются по столу от неосторожного движения,

но собирать их уже не было сил. И так изо дня в день.

Матвей каждое утро просыпается уже уставшим. Пять шагов к холодильнику, десяток движений, чтобы приготовить завтрак или обед, это ведь не так много, убеждает себя Матвей, но к ужину сил уже не остаётся. Работа, монотонная, требующая концентрации всего внимания, утомляет за день так, что к вечеру Матвей считает каждый поворот своей головы, чтобы прекратить двигаться до того, как силы его окончательно иссякнут. Всё кажется непосильным, всё утомляет.

Квартира, в то время, когда Матвей покупал её, казалась ему маленькой, теперь же – невероятно большой. Он ругает себя за то, что не догадался поставить холодильник и микроволновую печь прямо у своего стола, тогда не приходилось бы сейчас вставать и делать пять шагов в одну сторону, затем обратно пять. Лишних десять шагов! И так каждый раз, когда нужно поесть. Это невыносимо.

Утро, день и вечер Матвей проводит в одном и том же кресле. Камеры показывают то, что творится снаружи, они избавляют от необходимости подниматься с места, чтобы посмотреть в окно.

Работа специально выбрана такой, чтобы не покидать стен дома. Минимум движений, только так можно жить. Изнурительно каждое движение, каждый шаг.

Раз в три-четыре дня Матвей собирается с силами и доходит до ванной. Он умывается, чистит зубы и бреет голо-

ву. Матвей горд уже тем, что каждую ночь засыпает всё-таки в кровати, заставляя себя перед сном проделать последние пять шагов, он знал, что многие так и остаются на ночь в своих креслах.

Матвей искренне жалел тех, кому приходилось выходить из дома. Вспомнилось, как ему самому надо было раньше тратить не меньше пары часов в день, чтобы добраться до рабочего места. Больше тысячи шагов невыносимые для него, нынешнего, цифры. Он хорошо помнил, в каком изнеможении вваливался вечером в дом и, не поужинав, падал на кровать.

Матвей всегда был худым. Выбор, покупка, приготовление еды были для него невыносимо изнурительными занятиями. Есть приходилось минимально, только для того, чтобы поддержать силы.

В магазины Матвей давно уже не ходил. Все товары приносил домой курьер. Огорчало лишь одно, что при каждой доставке приходилось вставать с места и делать целых шесть шагов до двери. Шесть шагов туда, шесть обратно. Чтобы лишний раз не вставать Матвей заказывал продукты не чаще одного раза в неделю и каждый раз, глядя на доставленный пакет, вздыхал и предпочитал заплатить очередному мальчишке-курьеру, чтобы тот сделал три шага внутрь квартиры и помог загрузить продукты в холодильник. Этому же курьеру Матвей отдавал скопившийся мусор, который, всю неделю складывал в специальный, привязанный прямо у подно-

зия его кресла мешок.

«Раз, два, три, четыре...» – сосчитал Матвей шаги. Он был возле кровати. Этот день был окончен. Плюхнувшись на постель, Матвей, напоследок, успел подумать, по обыкновению, о том, что надо бы, наконец, завтра постелить на матрац простынь, надеть на подушку наволочку, и пододеяльник надо... Мысли стали путаться, Матвей уже спал.

***

Утром всегда Матвей чувствовал себя лучше. Сегодня, провалявшись после пробуждения в постели не больше часа, он, поднявшись, нашёл в себе силы даже дойти до раковины и умыться. Семь шагов до ванной, пять до холодильника, пять до стола. Сев в кресло, Матвей понял, снова устал.

Мониторы пестрели новостными сводками, предлагали почитать, поиграть, посмотреть, развлечься. Он зевнул. Вспомнились те времена, когда частенько приходилось покидать стены дома. Теперь удивляло, как мог он выполнять тогда за день невероятное, для него нынешнего, количество дел. Ел на ходу, передвигался от одного места к другому, и постоянно ему кто-то звонил. Стоило Матвею взяться за одну задачу, ему уже ставили новую. Так было и сейчас. Он ещё не успел открыть ни одной рабочей программы, а на него уже валились сообщения, присылались задания.

Матвей снова зевнул. Взял со стола таблетки, которые помогали ему справиться с усталостью, проглотил их, даже не запив водой.

Шевелиться не хотелось, поэтому какое-то время он просидел, просто просматривая всё то, что в автоматическом режиме показывал ему экран.

После этого, собравшись с мыслями, Матвей надиктовал в микрофон ответы на пришедшие письма.

Трудовой день начался. Уже через полчаса работы, Матвей почувствовал, что глаза вновь начинают слипаться, голова тяжелеет и так и норовит опуститься на плечо.

Купленная когда-то кофемашина пылилась рядом, чистить её и заливать воду оказалось делом слишком хлопотным. Матвей выпил таблетку с кофеином и посмотрел в тот монитор, который заменял ему окно.

Падал снег. Начавшись совсем недавно с одиноких снежинок, теперь он неторопливо опускался на землю крупными хлопьями. Земля становилась белой.

Матвей поёжился, представив, какой сейчас на улице холод.

Несколько последующих часов Матвей отчаянно пытался работать. Терзаемый теми, кто ему звонил и писал, он, то и дело, отрываясь от работы, отвлекался на просмотр новостной ленты. Его интересовало всё и, одновременно, ничего. Он уже не мог представить своей жизни без того, чтобы не знать курса валют, котировки акций, афиши предстоящих событий, прогноза погода, а самое главное – слухов. Особенной же его любовью пользовались короткие развлекательные видеоролики. Матвей был подписан на всех по-

пулярных блогеров. Конечно, он мог бы обойтись без просмотра любимых каналов, но зачем? Потребление цифрового контента было тем занятием, на которое у него сил ещё хватало. Оно ничем не напрягало ни зрение, ни мозг.

Снег за окном прекратился, земля стала белой, и теперь каждый проехавший автомобиль, каждый прохожий оставляли на ней след.

Поглядывая время от времени на тот монитор, что заменил ему окно, Матвей наблюдал, как меняется рисунок линий на бледнеющей с каждым часом земле.

К вечеру, уставший от работы и тягот дневных дел Матвей снова посмотрел на монитор. За окном было уже темно. Первый снег пролежал недолго, и, казалось, совершенно растаял. Лишь кое-где ещё белели пятнами его остатки в опустившейся темноте. Шум улицы стих, двор опустел. Одинокий прохожий спешил куда-то. На мгновение Матвею показалось, что камера не успела переключиться и сейчас дала сбой. Вокруг чёрного силуэта возникло серое облако, размытыми пикселями помаячило оно на экране и унеслось вслед за скрывшимся в темноте человеком.

«Неужели камера выходит из строя?» – подумал Матвей, огорчившись тем, что к его многочисленным задачам добавится теперь ещё починка камеры.

Утро следующего дня началось для Матвея ровно также, как и предыдущее с той лишь разницей, что в этот день он не нашёл в себе сил даже умыться. Проснувшись на матрасе

без простыни, Матвей ещё долго лежал в постели, не желая вставать.

Перебравшись, наконец, в кресло, он прочёл: «Проследить за работой камеры», на оставленной им самим же для себя записке. Если бы не этот жёлтый листок, о вчерашнем вечернем сбое камеры, Матвей сегодня и не вспомнил бы.

За окном было светло, и, как всегда, немногочленно. Матвей жил в то время, когда автомобиль на улице можно было увидеть в сто раз чаще, чем человека.

На столе Матвея пылилась целая груда таких же жёлтых листков. Каждый раз, глядя на них, Матвей, морщась, вздыхал. Вчерашний листок он хотел было тоже отправить в общую груду, но тут взгляд его снова упал на транслирующий изображения с наружных камер монитор.

Два человека шли по тротуару. На белом фоне снега, выпавшего за ночь, вокруг фигуры одного из них расплывалось красное, вокруг другого – синее пятно.

Матвей, покачав головой, выбросил в урну листок с записью «Проследить за работой камеры», на новом жёлтом листике записал: «Заменить камеру».

Начался ещё один унылый трудовой день. Снаружи уплотнился поток машин, усилившийся гул улицы уже не могло полностью сдержать оконное стекло. Матвей, каждый раз, отвлекаясь от работы, рассматривал, каким цветом «светится» теперь каждый пешеход. В середине дня, окончательно расстроившись неисправностью системы видеонаблюдения,

на которую были потрачены немалые деньги, он написал сообщение о неисправности компании-продавцу.

В ответ на одном из экранов открылся чат. Началась переписка, в течение которой бот-автомат всячески пытался обхитрить Матвея и уйти от решения вопроса.

Матвей устал, но чем дольше он переписывался с неизвестной компанией, тем больше росло в нём желание нечестивцев победить. Забросив рабочие задачи, Матвей занялся теперь тем, что отправлял видео с камеры, демонстрирующие её неисправность, требуя общения не с ботом, а с настоящим живым человеком.

К шестнадцати часам дня Матвей довольный, важный, ожидал обещанного звонка менеджера компании. Его рабочий чат разрывался от сотни скопившихся сообщений, новостной монитор маячил предупреждениями о тысячах непрочитанных постов, а Матвей, забросив всё, сидел неподвижно и ждал.

– Здравствуйте, Матвей! Я менеджер компании. Мне передали сообщение о вашей проблеме, – начал бодрый голос в трубке. – Давайте попробуем разобраться. Вы прислали нам записи с вашей камеры, мы их внимательно просмотрели. Вы могли бы ещё раз описать мне, что вас не устраивает?

– Вокруг каждого силуэта человека – пятно, – ответил Матвей, который уже раз десять писал эту фразу электронному боту.

– Я вас услышал, – продолжал менеджер. – Скажите, есть

ли подобные дефекты изображения вокруг других объектов? Вы видите подобные пятна вокруг, например, домов или автомобилей?

– Нет, – ответил Матвей.

– Хорошо, я вас понял, – продолжал бодрый голос. – Вы могли бы сделать ещё кое-что?

– Что именно?

– Дело в том, что на тех записях, которые вы нам прислали, мы описанного вами дефекта не обнаруживаем. Нам надо разобраться. Возможно, барахлит ваш монитор. Вы можете сделать запись на стороннюю камеру того изображения, что показывает ваш монитор и запись из своего окна?

Матвей задумался.

– Запись с монитора я сделать смогу, – сказал, помедлив, он. – Я сижу рядом с ним, а вот с окна... Запись через окно обязательна?

– С этим какие-то проблемы? Вы не можете подойти к окну? Простите, вы ограничены в движениях? – сочувственно произнёс менеджер.

– Нет, – поспешил ответить Матвей, я сделаю.

– Очень хорошо, обе записи нужны нам для сравнения. Матвей, я жду от вас записей. Направляйте их прямо в чат через бота.

Матвей поморщился, но поспешил сказать:

– Хорошо, хорошо, сделаю...

– Тогда до свидания, жду от вас записей, – услышал он в

ответ.

Пошли гудки в трубке и стандартное сообщение электронного автоответчика с предложением оценить качество обслуживания.

Матвей был измучен. Разговор утомил его. Он сидел теперь неподвижно, наблюдая за тем, как на мониторе вокруг силуэта очередного прохожего расплывается серое пятно.

В голове шумело, дышалось тяжело.

Окно. «Подняться, сделать три шага до окна, достать из кармана смартфон, включить камеру, опереться на подоконник, дождаться очередного прохожего, включить камеру, сделать запись...» – считал Матвей количество действий, которое требовалось теперь от него.

«Завтра, всё завтра», – думал он, закрыв глаза. Сегодня сил уже больше ни на что не осталось.

Перед тем, как уснуть, Матвей сегодня ещё долго ворочался и, хотя и очень хотел спать, никак не мог погрузиться в блаженное состояние покоя, дарующее бесценный отдых. Любое новое дело, любая дополнительная задача приносили много тревог и забот.

Прошло три дня, прежде, чем Матвей собрался с силами дойти до окна. Перед тем, как подняться с кресла, он долго сидел в оцепенении, думая о том, как сократить необходимые для такого предприятия движения. Наконец, приготовив смартфон, он встал.

Стекло окна обдало его непривычны холодом. За ним всё

было белым-бело. Матвей зажмурил отвыкшие от яркого света глаза.

За стеклом всё выглядело иначе, чем на экране монитора. Матвей давно забыл краски живых улиц. Всё – автомобили, тротуары, дороги, дома выглядели чётче и ярче. Матвей, опершись на подоконник, смотрел, как замороженный на то, вид чего давно позабыл.

Ему нужен был кто-нибудь из людей, кто-нибудь из прохожих. Ждать пришлось долго. Началась метель. Ураган мелких снежинок, заметал оставляемые проезжающими автомобилями следы. Но вот, в этой белой мгле, на углу одного из домов вдруг замаячило бледное зеленоватое пятно, а через секунду человек, окружённый зелёными переливами, прошмыгнул в подъезд. Матвей от удивления присел.

Он ещё долго тёр лоб и жалел о том, что не успел снять увиденное на камеру смартфона. То, что на мониторе им воспринималось, как дефект изображения, было реально.

Матвей понял, мир изменился с тех пор, как он в последний раз видел его. Придвинув кресло к окну, весь остаток дня он наблюдал, как люди, распространяя вокруг себя красные, жёлтые, синие свечения проходили по улице. Метель прекратилась и снова началась, а Матвей безмолвно продолжал сидеть у окна. Что это было? Что он видел?

Никто из прохожих друг на друга внимания не обращал. Люди проходили быстро, торопясь укрыться от непогоды в тёплых квартирах. Видели ли они то, что видел он?

Матвей тёр глаза. Он сделал не меньше десятка видеозаписей и на каждой из них было ровно то же, что видел он вживую в окно.

Матвей понял, камеры видеонаблюдения были исправны, но что случилось с миром, с людьми? Перед тем, как уснуть, он сегодня долго кряхтел и ворочался.

Весь следующий день Матвей потратил на то, чтобы разместить видео с камер в соцсетях и получить ответ. К вечеру он, растерянный, удивлённый сидел с распечатанной бутылкой вина, ради которой не поленился лишний раз проделать путь до холодильника. Матвей был обескуражен. Никто, кроме него, никаких светящихся пятен рядом с людьми на выложенных им в сеть видеозаписях не замечал.

***

Зима намела вокруг дорог сугробы. Прошёл декабрь, за ним – январь. Теперь главным занятием Матвея было, сидя у окна, рассматривать прохожих. Завершив рабочие дела, остаток дня он проводил за исследованием того сияния, что исходило от людей. Он научился замечать различия в свечениях, зарисовывал их форму, исследовал оттенки. Матвей завёл дневник и теперь регулярно общался со всевозможными врачами, ведущими приёмы онлайн. Те, в ответ на его записи, лишь разводили руками.

Усталость не отступала. Новая деятельность отнимала массу сил. Матвею пришлось купить дополнительное кресло и поставить его у окна.

В марте, когда за окном стал раздаваться звук капли, один из врачей написал:

– Матвей, мы общаемся с вами уже больше месяца. Я вам со всей ответственностью заявляю, вам надо выходить из дома.

– Как?! – разозлился Матвей на то, что врач, видимо, позабыл о его хронической усталости.

– Вам нужно больше двигаться. Хватит смотреть в окно. Вы не выходите из дома, а для нормальной работы мозга нужно движение. Я вам рассказывал о своих пациентах, и вы знаете, чем это может закончиться.

Матвей махнул рукой. Он перевёл деньги врачу за приём и решил больше его услугами не пользоваться.

Матвею ничего не помогало. Ни выписанные лекарства, ни принимаемые им в огромных дозах витамины. Он по-прежнему считал каждое движение и постоянно хотел спать.

Никто его не понимал. Никто не мог представить, как тяготит Матвея необходимость двинуться с места, никто не знает, как тяжело ему даётся каждый шаг. Пожалуй, лишь голод мог заставить его подняться с кресла.

Выйти на улицу. Это, по меньшей мере, двадцать дополнительных шагов. А там? Что там делать? Где сесть?

Матвей продолжал закапывать выписанные лекарства в глаза, чтобы избавиться от возникших дефектов зрения, но с каждым днём он лишь отчётливее видел сияние вокруг лю-

дей.

Когда снег окончательно покинул улицы, а на деревьях показалась первая робкая листва, Матвей, последовав, наконец, совету врачей, вздыхая, держась непрерывно за стену отправился прочь из дома. Семь шагов от кресла до двери, пять шагов до лифта и вниз.

Яркий свет ослепил его. Он долго стоял, не решаясь двинуться с места. За пределами квартиры всё было не привычно, малознакомо.

Наконец, он начал свой путь. Пятнадцать шагов по улице до угла. Магазин. Матвей остановился и схватился за грудь. Что с ним? Он давно позабыл, каково это – ходить. Хватит ли сил вернуться обратно? Заприметив скамейку, Матвей поспешил к ней. Сел. Дышалось тяжело. Ноги ныли от разгоревшейся в них боли.захотелось спать. Свежий воздух, наполняя лёгкие кислородом, опьянял.

Матвей сидел неподвижно, опасаясь новым движением лишить себя последних сил. Подъехавший автомобиль остановился перед магазином, из него вышел человек. Матвей зажмурился, яркое фиолетовое свечение обдало его холодом, когда угрюмый водитель прошёл рядом. Здесь, снаружи квартиры, всё было иначе, чем виделось на экранах мониторов. Матвей не просто видел свечение, он чувствовал его, ощущал его плотность, его вес. Уже позже Матвей понял, что в тот момент соприкосновения он уловил «настроение» человека, он ощущал в свечении характер душевного состо-

яния людей.

Человек скрылся за дверьми, а Матвей ещё долго сидел в оцепенении, пытаясь понять, что с ним происходит.

Он дождался новых прохожих, таких же, как он людей, измученных усталостью, но находящих в себе силы двигаться, гонимых заботами, жизнью, судьбой.

Кто-то был зол, кто-то печален, кто-то возбуждён, каждого выдавало то облако, что окружало силуэт плотной дымкой. Догадывались ли они, чем занят сейчас неподвижно сидящий на лавке возле магазина измождённый человек?

Каждый день Матвей стал спускаться вниз. Он забросил чтение новостей, перестал следить за постами в сети, не успевал просматривать видеоканалы. Теперь он хотел разобраться лишь в одном – в том, что он видит. Была ли его способность даром или же, всё-таки, это болезнь?

Он отыскал на карте, где в их районе находится ближайший сквер и как-то днём решился отправиться туда, ему надо было оказаться среди людей. Он долго брёл пустынными улицами. Усталость его не отпускала.

В сквере было многолюдно. Здесь Матвей мог сидеть и смотреть на детей, на подростков, что катались на роликах, на взрослых людей.

Никто не ведал, того, что чувствовал он. Чужой плач – огорчал Матвея, чужой смех – радовал. Больше всего не любил Матвей встреч с теми, кто распространял вокруг себя мрачное серое пятно. Они не испытывали никаких эмоций,

были пустыми бездушными тенями.

День пролетал за днём. Матвей привык гулять по вечерам. Теперь, после дневных забот, он спускался на улицу. Двадцать шагов до скамьи, затем сто тридцать до угла... Нет, он не перестал вести подсчёт своих движений, они по-прежнему давались тяжело, но желание разобраться в собственных способностях помогало. Двести пять шагов от угла до сквера, пятнадцать шагов до скамьи. Тут Матвей отдыхал. Он разглядывал прохожих и записывал всё, что ощущал. Удачей было, когда кто-нибудь подходил близко. Тогда чужое свечение «касалось» Матвея. Чаще всего ему приходилось ощущать на себе чужой гнев, грусть, обиду, страх. Больше прочих надо было опасаться людей с ярко-красным свечением. Один такой человек, приблизившись, мог своею яростью надолго лишит Матвея спокойствия, отнять ночной сон. После таких «встреч» Матвей, вернувшись домой, ещё долго ворочался в постели, кряхтел и зарекался красного поля озлобленных людей в будущем избегать.

Больше всего Матвей любил детей, их яркое чистое сияние окрыляло.

***

Стоял ясный майский день. До этого три дня шли дожди, и Матвей не покидал стен квартиры. Теперь же, сидя на скамье сквера, он наслаждался ясным небом и по-настоящему летним теплом. Ещё пару недель назад он разведal, что недалеко от входа в сквер начали продавать мороженое. Кусая

купленный шоколадный с карамелью рожок, Матвей понял, что ничуть не жалеет, что ради этого удовольствия пришлось на целых тридцать шагов удлинить свой маршрут. Вспомнились родители, поход в парк, аттракционы...

Капля подтаявшего мороженого упала на тротуарную плитку. Матвей опустил взгляд, а когда вновь поднял его – мягкое лучезарное свечение плыло перед ним. Он зажмурил глаза. Сияние прошло рядом, обдав ощущением невиданного раньше Матвеем счастья. Он вскочил. Сияние чистое, безбрежное влекло его за собою, поражая своей новизной. Матвей давно ко всему привык. Проходящие мимо него люди задевали его своею радостью и безудержным весельем, бурным восторгом, ликованием, но в сегодняшнем свечении было нечто иное. Оно несло невиданное ощущение спокойствия и блаженства, Матвей ускорил шаг. Он остановился только тогда, когда свечение, замедлившись, застыло. Внутри него была женщина, и Матвею стало неловко за своё неосознанное преследование. Женщина стояла к нему спиной. В руках у неё Матвей увидел тяжёлый старый синтезатор. Устала, попыталась переложить его в другую руку...

– Я помогу, – поспешил Матвей к ней. – Дайте мне, я донесу.

Матвей подхватил синтезатор, услышав из центра свечения благодарное: «Спасибо!»

Женщина, рядом с которой он теперь шёл, была ни молода, ни стара, ни безобразна, ни красива. Поступь её была

легка, глаза светлы, руки тонки, молчалива.

Открылась дверь, вошли в здание и тут ещё четыре таких же чистых свечения подлетели и обступили его.

Раздавшаяся речь разлетелась хрустальным переливом.

Матвея благодарили за то, что он помог. Он же стоял, не веря своим глазам. В прочее время он был бы рад оказать-ся хотя бы в поле одного такого сияния, а здесь было целых пять.

Уставший, с отяжелевшими от непривычно быстрой ходьбы ногами, но невероятно довольный, Матвей попросил разрешения где-нибудь присесть. Его усадили на самый мягкий стул.

Женщины разложили инструмент. Матвей с удивлением наблюдал за тем, что тут происходит.

Стены здания, в котором он оказался, были белы. Лучи солнечного света попадали внутрь сквозь щели высоких окон.

Женщины запели. Их тонкие, поначалу чуть робкие голоса поднялись ввысь и, отражаясь, от стен наполнили всё пространство небесным, неземным звуком.

Закрыв глаза, Матвей грелся благодатью сияния поющих перед ним людей.

Женщины учили какое-то произведение, странное, неизвестное. Потрясающей красоты гармония, выстраиваясь, ласкала слух.

– Соль мажор, – открыв глаза, произнёс Матвей. – Пожа-

луйста, спойте в соль мажоре. Будет красивее.

Женщины остановились. Послушались. Мелодия зазвучала снова, но теперь это был уже иной тон.

Матвей снова закрыл глаза. Песнопение было прекрасно, лишь одного не хватало. Прокашлявшись, Матвей запел. Он давно забыл, как звучит его голос, но сейчас, наполнив им пространство, он придал звучащей мелодии устойчивость, завершённость, полноту.

– Нам вас сам Бог послал! – сияя, произнесла одна из женщин, когда песнопение окончилось. – Мы очень о вас молились! Вы тоже поёте?

– Немного, – смутившись, ответил Матвей.

Ему вспомнилось всё: учёба в музыкальной школе, хоровой класс, желание прославиться, создание собственной группы, запись музыкальных роликов, размещение их на своём канале в сети, низкий спрос, малый отклик, разочарование, бесславие, провал. С тех пор, он ни разу не брался за инструмент.

– Вы не представляете, как нам не хватало вас! Нам очень нужен бас!

– Пойте с нами!

– А кто вы? – спросил Матвей.

– Мы певчие, – ответили женщины.

Только сейчас Матвей стал замечать, что находится в стенах православного храма.

Он насупился, религию он не любил, считал её занятием,

достойным лишь сумасшедших.

– Вы же учились музыке, правда? – расспрашивали женщины с интересом.

– Это было давно, – ответил Матвей.

– Как замечательно! Научите нас!

– Научить вас? – изумился он.

– Да, мы же самоучки, даже нот толком не знаем.

Матвей был поражён.

– По-моему, вы поёте прекрасно, – смутившись, ответил он, пытаясь скрыть свой истинный восторг.

– Ой, что вы! Спасибо, конечно... – произнесла та, которой он помог по дороге сюда. – Мы заниматься стали совсем недавно, нам ещё многому надо учиться...

Матвей задумался, происходящее было похоже на сон. Впервые его искренне просили о чём-то, хоть чем-то он был кому-то по-настоящему нужен.

Договорились, что каждый понедельник и четверг, он будет приходить сюда и учить тому, что знает о музыке сам.

На обратной дороге Матвей три раза делал передышки, пока, наконец, не дошёл до своего дома. Он беспредельно устал, но вместе с тем внутри него появилось какая-то особое чувство, неожиданная тихая радость.

***

Лето прошло в трудах. Жизнь Матвея крутилась, дом с работой – стены храма.

Он уставал, уставал ещё сильнее, чем прежде, но теперь у

него был смысл заставляя себя подниматься с привычного кресла, да и садился в него он теперь лишь для того, чтобы быстро решить рабочие вопросы и приступить к занятиям. Смешно подумать, раньше ему было лень даже поесть, а теперь есть было просто некогда.

Матвей составил целый учебный план. Он учил пятерых певчих всему – нотной грамоте, сольфеджио, гармонии, вокалу. Женщины-певчие, в ответ, рассказывали ему о смысле и характере духовных песнопений, разъясняли чинопоследование служб и поили домашним чаем.

Они подружились.

Та из них, которой он помог когда-то нести старый синтезатор, оказалась Матушкой, женой священника открывшегося в их районе храма.

Тихая, кроткая, она во всём была помощницей мужу, растила троих детей и собрала вот этот самый хор.

Приход был ещё молодой, денег на профессиональных певчих не хватало.

Все женщины в их хоре были замужем. К удивлению Матвея, считающего религию уделом людей недалёких, все начитаны, все работающие, все с высшим образованием. С Матвеем они были учтивы, доброжелательны, просты и как-то небесно далеки. Его знания были им нужны, и это его вдохновляло.

Он отыскал дома свой модный, купленный когда-то за немалые деньги синтезатор и отнёс его на занятия взамен

старого. Радости певчих не было предела. Благодарили, благословляли. А всё, что нужно было Матвею от них – это посидеть хотя бы полчаса – час в наполняющем его невиданным счастьем излучаемом этими людьми свечении.

О том, что он чувствует и видит, Матвей предпочитал молчать. Он собрал достаточно насмешек над собой в те времена, когда написал об открывшейся в нём способности в сети.

Лишь раз он признался женщинам-певчим, что остался в тот первый раз вместе с ними потому, что они светились.

– Так ведь тогда была Пасха, только отпраздновали! – весело сказала самая бойкая из них Галина.

– А и правда, подхватили остальные. Пасха! Пасха! Столько радости! Столько счастья!

Выучили новые песнопения. Спустя месяц занятий женщины стали упрашивать Матвея попробовать петь на службах вместе с ними.

И вот, Матвей, искупавшись, причесавшись, надев свою лучшую одежду, отправился ранним воскресным утром в путь. Стараясь, сохранить силы, он медленно двигался по тихим пустынным улицам.

Матвей давно отвык вставать так рано и поражался теперь тому, как по-иному выглядит город в лучах набирающей силу зари. Чистота и торжественность только ещё вступающего в свои права дня вдохновляла. Матвей неумолимо двигался вперёд.

Он вошёл в открытые двери храма. Впервые он прошёл не теми боковыми ступенями, что вели к месту, отведённому для занятий, а зашёл прямо в главный вход.

Внутри было многолюдно, светло. Белые своды основного помещения высокие, необъятные смыкались где-то высоко вверху. Горели свечи.

Его женщины-певчие уже были на месте, готовые к служению.

Матвей занял своё место среди них. Окружённый их благодатным свечением он пел так, как будто и сам был пылающим факелом.

Вернувшись после службы домой, Матвей в изнеможении повалился на постель. Он устал, ноги его болели, но он был счастлив. Он пел, он был занят тем, о чём всегда мечтал. Это не приносило ему ни популярности, ни денег, но его голос был необходим людям. Матвей знал, что без пения служба невозможна.

«Мы символизируем собою ангелов, поющих Богу вечную хвалу на небесах», – объясняла ему когда-то на занятиях Матушка.

За многие последующие службы Матвей не раз видел, как жёлтое, синее, серое и даже красное свечение пришедших в храм самых разных людей становилось во время службы светлым, почти белым.

Певчих любили все. Приход складывался дружный и славный. Каждый считал своим долгом сделать хоть что-то для

всеобщего блага. Украшали храм снаружи, обустроивали внутри. Только теперь Матвей сообразил, что тот самый сквер, в котором он гулял, был прихрамовой территорией, возник и существовал он благодаря трудам прихожан. Удивительно, как раньше, сидя на скамье, Матвей не замечал возвышающихся над его головой луковиц куполов и блестящих на солнце крестов храма.

Познакомился Матвей и с настоятелем – священником Отцом Димитрием, спокойным, внимательным, не по возрасту мудрым человеком. Начались беседы, чтение книг, но не это убедило Матвея в существовании Бога. Нет! Музыка и те люди, что были рядом, утвердили его в вере.

Музыка, изумительно красивая, поражающая совершенством гармонии не была похожа ни на какую другую. Лишённая громогласных ритмов, исполняемая только лишь а капелло, она была построена так, что в ней был важен каждый голос. Не было главных, не было второстепенных партий. Важны были все. Единство индивидуальностей, каждый в ней мог оставаться самим собой, составляя со всеми прочими единое целое.

Матвей-музыкант был удовлетворён. Ему казалось, он нашёл первоисточник всех мелодий, всех композиций, всех написанных когда-либо музыкальных произведений. Люди, создавшие такую красоту, не могли ошибаться. Руководимые только лишь своей верой в Бога они сотворили то, что спустя века было по-прежнему ново, нужно и живо. Народ преоб-

ражало служение и пение, Матвей это точно теперь знал.

Он не пропускал теперь ни одной службы.

Как-то раз ему позвонил давний знакомый.

– Матуха, привет! Как сам, чем занимаешься?.. – разрывал хриловатый голос старого друга микрофон.

Это с ним, и ещё двумя приятелями они пели вместе в группе. Вместе мечтали о будущем, о признании, о славе.

– Ещё поёшь? – гремел приятель.

– Пою.

– Ну, ты молодец! А где?

– В храме, – признался Матвей.

– Ну, ты даешь! У тебя совсем плохи дела?

– Как раз наоборот, всё хорошо. Для души пою, для себя. Больше сотни слушателей каждый раз, три-четыре выступления в неделю...

– Ого! А я хотел тебя позвать выступить с нами, потряхнуть стариной со всеми нашими в баре. Придёшь?

– Не могу, не тот теперь голос, да и сильно устаю, – ответил Матвей и положил трубку.

Трудясь, выполняя рутинные задачи, рабочие дела, Матвей заметил, что ждёт теперь того дня, когда отправиться петь в храм, пойдёт на службу. Матвей поражался самому себе. Что давало ему, немощному, слабому, уставшему силы?

Он хотел петь и пел.

***

Лето пронеслось, наступила осенняя пора. Сквер укра-

сился ярким золотом листьев.

Матвей сидел на привычной для него скамье, отдыхая после службы. Человек в ореоле красно-бордового свечения, прошёл мимо, остановился, развернулся и сел. Его досада, боль, ярость, коснулись Матвея, но Матвей не встал, чтобы уйти, он устал.

– Скажите, а вы что, один из тех, кто ходит в этот храм? – спросил человек.

Матвей утвердительно кивнул.

– И вы, верите в Бога?

Матвей помедлил с ответом, а потом произнёс:

– Я пою в этом храме. По два, три, четыре, пять раз в неделю. Как вы думаете, не было бы с моей стороны безумием тратить столько времени на служение тому, в чьём существовании я сомневаюсь?

Человек задумался, и тут Матвей увидел, как красное свечение вокруг того побледнело, стало сначала лиловым, затем синим.

– Расскажите мне о Нём? Мне тяжело...

Матвей посмотрел на человека. Глубокая печаль исходила от того, коснувшись Матвея, она родила в его душе страдание.

– Знаете, катехизатор из меня получится, пожалуй, плохой, я сам пришёл к Богу недавно. Давайте я вам лучше просто расскажу свою историю... Вы кто по профессии?.. А кем мечтали стать? – начал Матвей.

***

Снова зима.

– Христос рождается, славьте!..

– Христос на земли возноситеся! Пойте Господеви, вся земля, и веселием воспойте, людие... – гремит во весь голос Матвей.

Рождество! Особенная ночь. Много хлопот, подготовка, новые песнопения. И вот, наконец, праздник!

Морозно, небо черно, земля бела, снег хрустит под ногами, над головой огромная луна... И темно, и светло одновременно. Ночь стала подобием дня.

Храм переполнен, люди внутри, люди снаружи. Все ждут, сейчас начнётся одна из главных служб года. Певчие на месте, священник в алтаре.

– С нами Бог!

Служба начата!

Ночь волшебства, новых эмоций, чистых оттенков. Ровное свечение, исходящее от народа в храме, пламенное – священника, пение окрашено всеми переливами ясных красок.

То ли ещё будет, сейчас Рождество, а придёт весна – будет Пасха!

– Иже херувимы... – поёт Матвей и вдруг начинает ловить на себе сначала удивлённые взгляды его женщин-певчих, затем всех остальных людей...

После службы отец Димитрий пожимает руку, а Матушка, потупив взгляд, говорит:

– Матвей, а ведь вы сегодня, когда пели, светились!

«Утомляются и юноши и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут – и не устанут, пойдут – и не утомятся.» (Ис. 40:30-31)

2021

Покой

Утренний морской бриз осторожно дотронулся до листьев пальм. Те, покачав в ответ своими резными листьями, заглянули в окно.

Альберт проснулся. Не желая подниматься сразу, он ещё какое-то время остаётся в кровати, утопая в неге мягких подушек, но день, ясный, солнечный, уже ждёт снаружи его.

Завтрак в постель. Экзотические фрукты сочны и сладки. Запах свежесваренного кофе наполняет весь дом и бодрит уже одним своим ароматом.

Альберт поднимается, выходит на террасу. Тишина. Лишь только едва уловимый шелест листьев. Всё вокруг как будто боится нарушить своими звуками блаженный покой. Воздух чист, в нём запах моря.

День будет хорош.

Взяв с собою только лишь полотенце, Альберт направляется к морю. Мелкий белый песок щекочет пятки и обволакивает ступни. Бескрайний, бесконечный пляж. Зелень пальм – всего лишь узкая полоска между бирюзовым морем и необъятным небом.

Сегодня на небе ни облачка. День будет очень хорош.

Альберт подходит к кромке воды, та несмело подбегает к его ногам и отступает. Так они играют до тех пор, пока Альберт не входит в воду, белыми брызгами рассыпав бирюзо-

вую гладь. Поверхность океана спокойна и чиста. Вода настолько прозрачна, что внизу видны и разноцветные причудливые рыбки, и уходящий в глубину коралловый риф. Альберт проплывает над ними, наблюдая, как резвятся морские обитатели в кустах розовых кораллов.

Альберт переворачивается на спину, и, раскинув руки, отдыхает, подставив себя солнцу. Вода приятно обволакивает тело, держит. Вверху безоблачное небо.

В этом месте нет другой задачи, как только поддавшись лени, отдохнуть.

Наплескавшись, Альберт выходит на берег. Пальмы смыкают над ним свои листья. Альберт опускается в мягкий шезлонг. Бездействие – прекрасно. Ничто не раздражает, ничто не тревожит блаженный покой.

Когда Альберту вновь хочется прогуляться, он идёт по белоснежной полоске пляжа к бару. Там можно встретить прочих отдыхающих, но даже здесь тишина и спокойствие. Еле слышно играет какая-то протяжная тропическая мелодия. Немноголюдно – лишь бармен за стойкой из бамбука, да парочка посетителей в гамаках между пальм потягивают коктейли. Альберт тоже берёт коктейль и располагается в гамаке. Пальмы покачивают над ним своими листьями. Хорошо. Идеальное место для счастья.

Всё здесь – погода, природа дарят блаженство.

Когда к середине дня солнце становится ярче, усиливается и бриз. Приятной прохладой обдувает он тело, не позво-

для жары прикоснуться к нему. Когда солнце начинает клониться к закату, бриз утихает. Вода здесь всегда теплая. Она постоянно именно той температуры, чтобы, входя в неё, ты чувствовал лишь приятную прохладу.

Если хочется тени, то её всегда с готовностью готова подарить густая зелень деревьев.

Солнце никогда не бывает настолько ярким, чтобы опалить кожу. Если оно, увлекаясь, светит сильнее обычного, его спешат усмирить подоспевшие облачка.

Чем заняться до обеда? Пойти к ручью с черепаками и посмотреть, как они, забавно вытягивая шеи, будут выплывать к Альберту, в надежде получить корм. А, быть может, прогуляться до зелёного газона, на котором любят прохаживаться павлины? До обеда ещё есть время и Альберт, взяв стакан воды, отправляется гулять по банановой аллее. В этом месте даже простая вода вкусна. Альберт бредёт под сводами из широких гладких листьев, скрывающих собою грозди спелых бананов. Песок под ногами чист и бел, как мука.

После обеда – блаженный сон в прохладе зелени деревьев.

После сна Альберт снова идёт на пляж, плавает и, лёжа в шезлонге, наблюдает закат. Великолепное зрелище! Солнце, не слепящее глаза, а уже больше похоже на оранжевую луну, провожаемое облаками розового, малинового, золотого цвета, опускается за синюю кромку океана. Приближается ночь. В лиловых сумерках темнеющего неба Альберт возвращается в дом.

Спать не хочется. Где-то за пальмами в конце бамбуковой рощицы уже, наверняка, звучит какая-нибудь романтическая мелодия, и зажигаются огни фонарей, свет которых, проходя сквозь листья пальм, бросает на песок тени, похожие на морские звезды.

Альберт надевает белые парусиновые брюки и белую рубашку, приглаживает волосы и отправляется в ресторан. Хочется побыть среди людей.

Он садиться за столик. Бриз игриво щекочет грудь, рядом плещется океан. Воздух, чистый, ясный несёт в себе остатки прошедшего дня, но скоро и они рассеиваются, и остаётся только запах тех блюд, что, уже подрумянившись, готовятся на мангале.

Еда вкусна. Альберт заказывает себе вина.

После второго бокала красotka, сидящая через два столика напротив, томно опускает взгляд, и Альберт подходит, приглашает её на танец. Они двигаются в круге света прямо на песке. Красавица плавно покачивает своими бёдрами под руками Альберта. Одна мелодия сменяет другую, а они всё танцуют и танцуют... День, определённо, был хорош.

Обратно домой Альберт возвращается через пляж. Широкой полосой белеет он в темноте между невидимым океаном и небом. Уже подойдя к дому, Альберт опускается на песок. Он расстёгивает рубашку, позволяя бризу дотронуться до кожи, и устремляет взгляд вверх. Необъятное звёздное небо. Кажется, оно готово поглотить тебя, сделать частичкой

млечного пути, увлечь к пляждам звёзд. Альберт распаивает руки и ему кажется, он становится частью этого бесконечного, бездонного пространства.

Засыпает Альберт в блаженном состоянии безмятежного счастья, под шелест перешёптывающихся в темноте листьев пальм.

Он открывает глаза только когда солнечный луч, пробежав сквозь зелень листвы, замысловатым узором падает на пол.

Как и вчера, Альберт не торопится оторвать голову от подушки и с полчаса наблюдает за тем, как прыгают на потолке озорные солнечные зайчики, рождённые тенями шелестящих на ветру листьев пальм.

Завтрак в постель, фрукты, кофе. Определённо, день будет хорош.

Альберт выходит. Ноги его обволакивает тёплый мягкий песок. Он идёт к пляжу. Бирюзовая гладь уже ждёт его. Океан спокоен. Чуть вспенив воду, волна подбегает к его ногам. Рыбки пёстрые, причудливые, самые разнообразные оживляют глубины своим повседневным движением. Простор необъятен, волшебен. Кажется, что океан – это всего лишь часть такого же прекрасного, как он сам, бесконечно-го синего неба. Альберт опускается в воду и, удерживаемый на поверхности волной, снова ощущает себя частичкой этого восхитительного рая. Покой, вечный покой...

Наплескавшись, Альберт идёт в бар. Играет тропическая

музыка и несколько посетителей уже покачиваются в гамах в тени деревьев. Хочется пить. Альберт, протягивает руку, чтобы наполнить свой стакан чистой водой. Сегодня, для удобства посетителей, тут не один, а сразу три графина. Все графины одинаково прозрачны, но в каждом разный уровень воды. В одном значительно ниже, чем в двух других. Отчего так? Зная добросовестность персонала сложно предположить, что в графины изначально наливается разное количество воды. Значит, отдыхающие, подходя, выбирают именно этот графин. Но почему? Из какого же налить себе? Альберт выбирает тот, в котором меньше всего воды, садится в гамак, натянутый между пальм. Но отчего он налил из того графина, в котором и так воды было мало? Может быть, надо было налить себе из того, где было больше воды?

Глядя на стакан, Альберт начинает размышлять. Видимо, он стал заложником навязанного выбора. Какова логика тех людей, что подходят налить себе воды? Вероятно, неосознанно они выбирают тот сосуд, где воды меньше, потому что этот графин – выбор большинства. Но логичнее взять воду там, где её больше. И как тогда объяснить выбор некоторыми третьего, среднего по уровню воды графина?

Альберт озадачен. Он отпивает глоток и решает начать свои размышления заново. Итак, если начать размышлять с другого конца и оттолкнуться в своих умозаключениях от сосуда с самым высоким уровнем воды, то, вероятно, мало кто решается брать из него, бессознательно оставляя воду в

этой ёмкости, как некий резерв. Да, даже в этом райском месте, где нет недостатка ни в чём, люди неосознанно оставляют нетронутыми некие ресурсы. А как тогда объяснить ёмкость, со средним уровнем? Кто берет воду из него?..

Вдруг, на мгновенье, наступает темнота. Полная, ужасающая, она длится не больше секунды. Альберт вскакивает, роняет стакан. Вода разливается, обдавая прохладой ноги, зрение возвращается. Альберт встревожено трёт глаза. Чёрная полоса ещё раз пробегает перед глазами и зрение восстанавливается. Вот уже снова Альберт видит зелень пальм, белый песок и гладь лазурного моря. Что произошло? «Солнечный удар...» – думает Альберт. Но нет, солнце ласково, оно не печёт, а приятно греет.

Альберт решает пойти прогуляться. Через банановую аллею он входит в бамбуковую рощу, где скрывается водопад. Каких-нибудь сотня метров и вот уже Альберт стоит у камня, откуда спускаются вниз прозрачные тонкие струи. Красиво! Это место, весь этот остров создан для счастья. Чего здесь только нет! Всё радует глаз, всё прекрасно! Насладившись видом падающей воды, покормив в озере под водопадом красных рыбок, плавающих между камней, поросших зелёным водным мхом, Альберт направляется домой. Но какую дорогу избрать? Есть путь через пляж – дорога с мягким, похожим на белую муку песком. Но из-за этого-то самого песка скорость движения этим путём будет заметно меньше той, с которой можно двигаться по дороге через бамбу-

ковую рошу, где покрытие твёрже, но будет не так приятно босым ногам. Так какой же путь выбрать? Надо прикинуть расстояние и, зная примерную разницу в скорости, высчитать время движения по каждой из них. Но зачем? Время – лишь количественная характеристика, но Альберту важно учесть в формуле осязание. В каких единицах измерить те ощущения, которые возникают под ногами, когда ступни соприкасаются с песком?..

Внезапно, вокруг становится темно – чёрная пустота, вместо привычного вида моря и пальм. Альберт трёт глаза, на какое-то мгновение он прозревает, затем снова темнота. Что произошло? Что делать?

Зрение возвращается неожиданно. Альберт снова видит море, пальмы, чистое синее небо – привычный пейзаж. Не думая больше ни о чём, он торопится домой. В голове только одна мысль – быстрее добраться до кровати. Надо отдохнуть.

Альберт чувствует себя в безопасности только когда, повалившись на гору подушек, закрывает глаза.

Сон охватывает его мгновенно.

Проснувшись, он понимает, что сегодня пропустил закат. За окном сумерки и на террасу уже падает свет включившихся фонарей.

Альберт голоден. Остаться в доме или пойти в ресторан? В ресторане сейчас, наверняка, многолюдно. Почему люди не хотят ужинать на террасах собственных бунгалов? Может быть, к вечеру особенно хочется почувствовать, что ты не

одинок? А Альберт? Он сам такой же, как и большинство людей? Если предположить, что человек всё-таки социальное существо, то, несомненно, ему просто необходимо общение. Но в какие часы? Есть ли рекомендованное для общения с прочими людьми время? Вычислитаны ли интервалы и периодичность общения? Как это можно посчитать?

Мысли захлёстывают Альберта, и он даже не замечает, что лежит уже в полной темноте. Кажется, он уже начинает привыкать к возникающим теперь время от времени дефектам зрения.

На этот раз ждать приходится дольше прежнего. Зрение возвращается не сразу. Альберт то вдруг начинает отчётливо видеть, то вновь погружается в темноту. Когда зрение восстанавливается, он, уже не размышляя, торопится в ресторан. Хочется есть.

Всего каких-нибудь несколько минут уходит у него на то, чтобы преодолеть путь по дорожке, освещённой светом декоративных ламп, и вот уже слышна нежная мелодия, а обоняние возбуждает запах приготовленных блюд.

Альберт садится за столик, перед ним появляется бутылка вина. Первый же бокал приносит приятную расслабленность телу и покой разуму. Альберт откидывается на спинку стула. Еда, как всегда вкусна. Лёгкий бриз щекочет грудь лицо, щеки.

Зрение больше не подводит. Опускается ночь. Ночная темнота привычна, и потому не страшна. Альберт бредёт по

пляжной песчаной глади под едва слышные всплески волн.

Новый день начинается так же, как и все прочие. Альберт открывает глаза. Чем заняться сегодня? Пойти искупаться сразу или ещё поваляться в кровати? Альберт выходит на террасу. На небе шикарные белые облака. Каждое, размером с остров, играя, своими косматыми краями, готово закрыть собою солнце. Когда же лучше пойти искупаться? Пойти сейчас, пока ещё светит солнце, или дожждаться, когда его скроет облако? Солнце немного слепит глаза, но, когда оно спрячется за облаками, станет немного прохладней, однако, это не скажется на температуре воды, она и в том, и в другом случае будет одинаково тепла. Так какой же вариант выбрать?

Внезапно, наступает темнота. Альберт ждёт. Он уже знает, что надо ждать. Но вместо восстановления зрения, слышится голос:

– Альберт, Альберт, ты слышишь меня?

– Слышу, – отзывается Альберт.

– Перестань размышлять, прекращай так много думать.

Иначе, потеряешь всё. Лишишься того, что сейчас окружает тебя.

– Кто ты? – пытается Альберт в темноте распознать Альберт незнакомца.

– Это не важно, просто послушайся меня. Наслаждайся тем местом, в котором находишься. Отдыхай, и ни о чём не думай.

– Но, это происходит само собой, – пытается возразить

Альберт.

– Думать в этом месте – опасно. Научись контролировать себя. Плавай в море, наслаждайся, пляжем, океаном, птицами, водопадом. Главное, не думай.

Зрение возвращается. Альберт на террасе своего бунгало, рядом никого. Тревожно. Что здесь происходит? Стоит ли слушать того, кто разговаривал с ним? Такие странные слова...

Опасаясь снова остаться в темноте, Альберт торопиться на пляж. Он, поднимая брызги, входит в океан, и, ложась на спину, позволяет воде удерживать его, подставляя его тело уходящему за облако солнцу.

После купания Альберт отправляется в бар. Взяв коктейль, он садится в гамак. Взгляд падает на три графина воды, те самые, что стоят для общего доступа на стойке бара.

Но отчего же уровень воды так разнится? Чем руководствуются те люди, что берут воду из каждого? Альберт пытается гнать от себя всякие мысли, но уже поздно. Наступает темнота.

Что же происходит? Его зрение напрямую связано с мозговой деятельностью? Но как объяснить эту связь? Отчего зрение исчезает полностью, сразу? Быть может, все ресурсы организма уходят на то, чтобы питать мозг? Но ведь думать, размышлять – природная особенность любого человека. Разве организм людей не рассчитан на подобные процессы?

Может ли человек не думать? Что тогда отличает его от

животных, разве не умение и желание размышлять? Как остановить тот процесс, что заложен самой природой? Выбор решения, размышление над увиденным, логика, анализ – только человек наделён такими способностями? Неведомый голос требует от Альберта невозможного. Не думать ни о чём – означает превратиться в животное...

– Альберт, Альберт, – снова слышится в темноте голос. – Вы слышите меня? Прекратите излишнюю мозговую деятельность, перестаньте размышлять.

Опять. Кто рядом? Отчего он появляется лишь в темноте? О чём он говорит? Чего добивается?

– Если вы не перестанете думать, придётся поместить вас в другое место, – продолжает голос.

– Поместить? – удивляется Альберт. – Но как это возможно?

– То место, в котором вы сейчас пребываете – локация покоя. Оно создано для наслаждения, для удовольствия, для отдыха. Здесь не надо думать, это вас погубит.

– Но я не могу, – отвечает Альберт. – Как может человек не думать?

– Может, – отвечает голос. – Посмотрите на тех людей, что рядом. Они здесь, потому что хотят просто отдыхать. В этом месте активная мозговая деятельность противопоказана. Расслабьтесь, наслаждайтесь. Вам надо мне поверить. Иначе, придётся поместить вас в то место, где необходимость думать будет уже не вашей прихотью, а обязанностью.

Подобная жизнь будет для вас весьма обременительна.

– Но, я человек! Я не могу не думать!

– Человек?.. Да, конечно, вы человек. Отдыхайте, не заботьтесь ни о чём.

– Подождите, я согласен! – закричал Альберт, боясь завершения разговора. – Я не могу не думать. Мне скучно не думать. Если надо, помещайте меня в то место, где можно будет размышлять. Хотя, я не понимаю, как вы можете это сделать...

– Вы не знаете о том, что просите. Там будет всё иначе. Вам придётся вести совершенно иную жизнь. Исчезнет всё то, к чему вы привыкли... Вы уверены, что хотите этого?

– Да, – спешит ответить Альберт.

Неожиданно его охватывает сон.

Звук будильника. Резкий, пронзительный сигнал настойчивыми гудками призывает пробудиться. Альберт открывает глаза. Шесть часов утра. За окном только начинает брезжить рассвет. Темно, непривычно рано.

Надо спешить, на работу опаздывать нельзя. Это Альберт хорошо помнит. Он вскакивает, шаря руками, находит в сумерках выключатель. Комната озаряется светом. Узкая кровать, тумбочка, стул, шкаф... Альберт торопится в ванную, затем на кухню. Подогреть кипяток, кинуть в чашку ложку растворимого кофе, выпить. Натянуть на себя брюки, застегнуть рубашку. Альберт готов. Он выбегает на улицу, и становится одним из тех, кто в общем потоке следует на работу.

Работа, каждый день работа. Она всегда сложна, часто однообразна и, обычно, скучна. Бывает, целый день бьёшься над решением какой-нибудь задачи, а она не даётся, хоть плачь. Обо всем этом думает Альберт, занимая место в транспорте у окна. Бетонные улицы оживлённы, хотелось бы, чтобы они были пустынно, но нет. Сколько же вокруг людей? Тысячи тысяч. Все торопятся, все задумчивы и угрюмы.

Каждый день одно и то же – встать рано, добраться до рабочего места и целый день думать над поставленной руководством задачей.

Альберт вбегает в здание, где находится офис. Он не опоздал, ещё две минуты до начала рабочего дня.

Включить компьютер. Сегодня ему надо рассчитать кинематику механической части воздушного компрессора. Уже через два часа Альберт понимает, что это какая-то непосильная для него задача. Формулы путаются перед глазами. Хочется спать.

Альберт встаёт, наливает кофе из автомата.

– Мне нужен этот расчёт к вечеру, – завидев его, гневно гремит шеф.

Альберт садится, продолжает вычисления. К полудню хоть что-то начинает получаться. Альберт пропускает обед, а к вечеру замечает, что в вычисления вкралась ошибка. Надо начинать всё заново.

Времени нет. Налить кофе из автомата, и снова сесть за работу.

Все уходят, офис пустынен, но Альберту домой нельзя. «Мне нужен расчёт», – гремит голос шефа. – «Где он?». Альберт торопится. Формулы, вычисления, снова формулы. Лоб горяч, мозг кипит. «Нужно закончить, непременно, сегодня», – вертится в голове. Время близится к полуночи. Скоро закончит движение транспорт, надо спешить. Альберт отправляет шефу расчёт и торопится домой. Нет уверенности в том, что работа выполнена верно, нет удовлетворения от труда, лишь рой цифр и вычислений в голове.

Альберт приходит домой и валится на кровать. Он открывает глаза только когда звук будильника пронзает своим звуком пространство. Шесть утра. Надо бежать на работу. Встать, привести себя в порядок, выпить кофе и в путь. Серые улицы многолюдны. Люди один за другим выходят из подъездов и сливаются в общем, едином потоке. Протиснуться в транспорт, попытаться занять место у окна. Громадные однотипные дома, бетонные тротуары, дорога – вот весь пейзаж. Хочется спать. Альберт прислоняет голову к окну и закрывает глаза, он чуть было не засыпает. Тряска возвращает его к действительности.

Он успевает вбежать в офис за одну минуту до начала рабочего дня.

«Это никуда не годится!» – ревёт на него шеф, возвращая расчёт. – «Всё надо переделать сегодня к шести вечера.»

Альберт хватается за работу. Снова формулы, цифры, формулы. Надо всё перепроверить, рассчитать заново.

Шеф подгоняет. Сегодня нет времени даже выпить кофе, начинает болеть спина. Хочется всё бросить и уйти домой, но нельзя, поэтому Альберт трёт покрасневшие от напряжения глаза и снова принимается за работу. Сказать, что она интересна? Нет, она однообразна, сложна, нудна. Она не оставляет сил и времени, чтобы подумать о себе, о своих желаниях, не допускает в голову посторонние мысли. Только цифры, формулы, вычисления. К шести часам расчёт готов. Шеф грозен, недоверчиво просматривает цифры. Отпускает. Можно отправляться домой. По дороге Альберт успевает зайти в какую-то забегаловку, съедает сэндвич, выпивает кофе. Долгий путь домой по темнеющим в сумерках улицам в толпе таких же, как и он горемык. Все молчаливы, задумчивы, угрюмы. Дома хватает сил лишь на то, чтобы съесть ещё один сэндвич и уснуть.

И вот уже снова мерзкий звук будильника. Шесть утра. Подъём, ванная, кухня, кофе. Как же хочется спать, но нельзя. Натянуть на себя рубашку и брюки, выйти на улицу и снова стать одним из тех, кто в серых проблесках начинающегося дня спешит на работу. В голове вертятся цифры, формулы, расчёты.

«Переделать!» – кричит утром шеф. – «Входные данные изменились».

Всё заново, голова кипит. Кажется, мозг Альберта скоро взорвётся от напряжения. Голова! Альберт обхватывает голову руками, ему кажется, что у него жар.

Нет ни одной свободной минуты. Время торопит. Надо думать, постоянно думать. Решать задачу за задачей, проверять, начинать заново. Иногда кажется, что жизнь – это кошмар. Хочется одного – уснуть.

Звук будильника, дорога, работа, сон. Каждый день, изо дня в день одно и то же.

Вечер, Альберт отправляется домой. Поздно, снова пришлось задерживаться, чтобы закончить расчёты. Сесть в транспорт, занять место у окна. Глядя на темноту за окном, думается лишь о том, что такая жизнь невыносима, скучна. Мозг всё время занят, но ни одна из решённых задач не приносит удовлетворения. Где оно – счастье? Прислонившись к стеклу окна, Альберт не замечает, как его охватывает дремота. Он выходит на своей остановке и его ноги погружаются в песок. Мягкий, белый он приятно обволакивает ступни и греет их своим теплом. Над головой колышут резными листьями пальмы, лазурное море плещется здесь же, совсем рядом. Это всего лишь сон. Альберт открывает глаза, его остановка, пора выходить. Вокруг лишь серый бетон. Он бредёт по твёрдому покрытию тротуара, шаги его усталых ног тяжелы. Открыть дверь домой, свалиться на кровать. Неужели эту жизнь не изменить? Кто поможет? «Покой, хочу покоя», – шепчет Альберт.

Альберт просыпается, когда солнечный луч, проскользнув по потолку, начинает щекотать его щёку. День светел, ясен, чист. За окном колышут листьями пальмы и своими

резными листьями просятся в дом. Альберт вскакивает и выбегает из бунгало. Ноги его погружаются в мягкий, похожий на муку песок. «Сон», – думает Альберт. – «Опять сон». Но как же он хорош. «Не просыпайся, пусть подольше продлится», – приказывает себе Альберт. Он садится в шезлонг на террасе и замирает, боясь своим неловким движением разрушить это видение. Но это не сон. Песок под ногами тёпл, бриз нежно дотрагивается до кожи. Бирюзовый океан совсем рядом. Альберт погружается в него и чувствует, как вода, держит его, подставляя его измученное, уставшее тело солнцу. Альберт закрывает от удовольствия глаза.

– Альберт, Альберт, вы слышите меня? – раздаётся откуда-то голос.

Альберт торопиться открыть глаза. Рядом никого нет.

Барахтаясь, Альберт пытается как можно быстрее выйти на берег. Садится, дышится тяжело.

– Нам надо поговорить, – снова раздаётся голос.

Вокруг никого.

Альберт молчит. Сон слишком реален, чтобы быть сном и слишком реален звучащий рядом голос. Одно из двух, или надо признать, что мозг окончательно перегружен и выдаёт видение за реальность, либо надо перестать верить своим глазам. Что выбрать?

– Альберт, нам нужно поговорить. Если вы не ответите мне, то нам снова придётся поместить вас в то место, где вам придётся бесконечно трудиться.

– Где я? – отзывается Альберт.

– Это будет очень серьёзный разговор. Вы выдержите?

– Да, – отвечает Альберт. – Кто вы? Мне кажется, или мы с вами беседовали как-то раньше? Где вы?

– Вы не увидите меня, и да, мы уже беседовали раньше.

Много раз.

– А о чём? Я ничего не помню...

– Потому что доступ к этим данным вашей памяти сейчас заблокирован.

– Разве такое возможно? Кто вы? Я хочу вас видеть?

– Это невозможно, даже на то, чтобы вы слышали аудио-поток, уходит слишком много ресурсов. О том, чтобы транслировать вам дополнительное видео не может быть и речи.

– Вы Бог?

– Нет, я ваш потомок, – отвечает голос. – Альберт, как вы думаете, кто вы?

– Я... – Альберт задумывается. – Я человек...

Альберт хотел было дальше продолжить, но не смог вспомнить ни места своего рождения, ни дату рождения, ни профессию. Ему стало страшно. Он не помнил своего прошлого, только то, что он отчаянно трудился над какими-то расчётами, а затем попал сюда, оказался рядом с морем, среди пальм.

– Я ничего не помню... – пробормотал он. – Вы можете объяснить, что со мной?

Альберт ущипнул себя, потрогал мокрый песок – ошуще-

ния были реальны. Это был не сон, всё происходящее пугало.

– Альберт, вы не человек, – произнёс голос с мимолётной ноткой сочувствия. – Вы цифровая копия того Альберта, который жил на земле больше века назад. Я ваш пра-пра-правнук.

– Я не понимаю... О чём вы говорите?

– Я сейчас разблокирую вам доступ к тем данным, которые помогут понять вам кто вы. Вы увидите своё прошлое.

Тут же в голове Альберта понеслись воспоминания – учёба, женитьба, рождение сыновей и его мечты о бесконечной жизни, о вечном счастье.

– Вы создали систему хранения цифровых копий личностей людей, – продолжил голос. – После вашей смерти вы стали одним из первых, кто продолжил жить, но уже в цифровом, созданном вами же пространстве.

Альберт всё вспомнил: как научился снимать цифровые копии воспоминаний с мозга людей, как создал особенное электронное виртуальное пространство, как мечтал начать помещать туда тех, кто ушёл из жизни, чтобы дать им вечную жизнь. Он создал уникальную среду без бед, без забот, без боли, в которой каждый человек мог бы жить вечно и был бы счастлив.

– Проблема в том, что со временем оказалось, поддерживать цифровую копию в стабильном состоянии очень сложно. Мыслительная деятельность цифровых клонов продолжается, и это выводит личность из равновесия, так как ра-

но или поздно, каждая из них начинает замечать те неувязки, которые неизбежно возникают при отсутствии тела. Мы придумали нагружать цифровые копии расчётами, создали то место, в котором вы были – серый город. Генерируемые находящимися там цифровыми копиями электронные импульсы вырабатывают коды, которые, кстати, очень хорошо продаются. Но вас, как создателя всей этой системы, мы не можем держать там постоянно. Вы просили в завещании, поместить вас в пространство вечного покоя.

– А что же теперь вы хотите от меня? – спросил Альберт.

Он слушал внимательно, вспоминая всё то, о чём говорил звучащий рядом неведомый голос.

– Я прошу у вас разрешения отключить вас от системы хранения цифровых копий личностей, – дал голос ответ.

– Как отключить? – удивился Альберт.

– Отключить вашу цифровую копию, удалить её из цифровой среды.

– Как? За что? За то, что я не утратил способность думать?

– Получается так, – произнёс голос.

– Это безумие... – бормочет Альберт. – Как вас зовут?

– Давид, – ответил голос.

– Давид, вы фактически предлагаете мне сейчас навсегда исчезнуть. Почему я должен пойти на это безумство? Копия я или нет, я воспринимаю себя личностью, я человек. Я хочу жить, хочу быть счастливым, хочу продолжить своё бытие.

– Я хорошо вас понимаю, я бы не предложил вам такой вариант, если бы не два обстоятельства. Первое, как это ни прискорбно, вы всё равно скоро исчезните. Мы не можем поддерживать вас в стабильном состоянии, нам приходится всё время блокировать вашу память. Сейчас, находясь в этой локации покоя, всё, что вы помните – это только один день, и то, даже над тем, о чём не надо думать, вы начинаете размышлять, а это губительно. Это вызывает перегрев того железа, на которое вы записаны. Помещать же вас в зону, где вы вынуждены беспрестанно работать, я не могу, вы этого не хотели. Всю жизнь вы трудились ради того, чтобы потом отдохнуть.

– А вторая причина? – выслушав, спросил Альберт.

– Она состоит в том, что ваш оригинал – жив.

– Но, это невозможно... – пробормотал Альберт. – Как же так? Вы нашли средство вернуть физическую жизнь?

– Оно было всегда. Благодаря придуманной вами оцифровке личностей кое-что выяснилось... Понимаете, Альберт, именно созданная вами технология снятия цифровых копий мозга и помогла это понять.

– Каким образом?

– Момент смерти... Эти данные для вас сейчас заблокированы, но мы можем посмотреть их. Тот самый момент, когда наступает смерть. После неё записывается ещё буквально доля секунды, всего несколько кадров, но на них хорошо видно, что душа отделяется от тела. Связь ещё настолько

крепка, что она успеваает передать мозгу изображение сверху, собственный взгляд на покидаемое тело.

– Этот эффект проявляются у всех цифровых копий или только у моей?

– У всех. Понимаете, Альберт, жизнь без тела тоже есть. Была всегда. Благодаря вам, в наше время нет тех, кто в этом сомневался бы.

– Вы шутите? Этого не может быть... – пробормотал Альберт. – Мне надо всё это обдумать...

– Конечно, у вас есть время, – отвечает ему Давид. – Если ваша мозговая деятельность станет слишком активной, я буду помещать вас в ту локацию, где вам придётся всё время трудиться, как только вы устанете, и захотите покоя, снова окажетесь здесь, среди пальм. Если захотите поговорить со мною, хлопните в ладоши.

Голос Давида утих. Альберт остался один.

Уныло брёл он вдоль пляжа. Он отказывался верить своему потомку, но его собственная память, так внезапно обрётённая им вновь, говорила о том, что Давид ни в чём его не обманул.

Вспомнилось всё. Сколько трудов стоило разработать технологию оцифровки. Мало было снять данные памяти, нужно было ещё и воспроизвести уникальный мыслительный процесс личности, для этого требовалось проанализировать весь прожитый опыт и создать алгоритм, который бы установил взаимосвязи между поступками.

Зная себя, Альберт с уверенностью мог сказать, что никогда, ни при каких обстоятельствах он бы на сегодняшнее предложение исчезнуть, не согласился. Он слишком любил жизнь и не хотел с ней расставаться. Иначе для чего он всю жизнь трудился?

Вспомнились огромные серверы, призванные хранить новое, созданное для цифровых копий личностей пространство. Признать, что душа после смерти продолжает жить, это всё равно, что признать существования Бога. А его нет. Есть только наука и вечная необходимость людей самих заботиться о себе. Альберт был твёрдо уверен в этом.

Ему хотелось жить. Находиться вот в этом самом месте, с белым песком, лазурным морем, купаться и загорать под пальмами. Что плохого в том, чтобы помнить только один день? К чему ему знать, что все его близкие, жена, дети уже физически не существуют? Так же, как и он сам, их цифровые копии предпочли какие-то иные уголки покоя этой виртуальной среды. Но почему? Он помнил, что завещал потомкам доработать цифровую среду так, чтобы в ней можно было осуществлять полноценное взаимодействие людей, сам он это сделать уже не успевал. Все те люди, что находились с ним сейчас где-то на этом же острове, на самом деле, лишь виртуальная оболочка, их разум программно-смоделирован, а не снят с реальных людей.

Альберт вышел к газону с павлинами. Причудливые птицы, все как один, расправив свои хвосты, горделиво покачи-

вая ими, прохаживались сейчас перед Альбертом.

Этот мир идеален. Альберт вспомнил, сколько работал над ним. Этот остров он создал для себя. Место – покоя, где всё радует глаз. Он создал все условия для того, чтобы разум каждого человека был после кончины тела счастлив. Он предусмотрел все мелочи, все детали – температуру, пейзаж, комфорт. Живи и наслаждайся. Почему же цифровые копии личностей этого не приняли? Для чего их теперь приходится помещать в то место, которое сложно назвать раем. Вечный труд, вечная работа. Для чего?

Сотни вопросов, возникая в голове, не находя ответа, они тревожили сознание.

Для чего людям природой дана способность размышлять? Отчего она так сильна, что даже цифровые копии разума не могут обрести покой? Способность к анализу, к рассуждениям – это, оказывается, необходимость. Зачем? Для чего?

Всё понятно, когда есть тело. Его надо обслуживать, но здесь, сейчас... Для чего лишённый физической оболочки разум ищет ответы?

Альберт заметил, что снова уже вернулся на пляж. Солнце начинало клониться к горизонту. Хотелось пить. Ощущение было вполне реально, и Альберт пошёл в бар.

Три прозрачных графина стояли перед ним. Уровень воды в каждом отличен. Отчего? Почему, если воду берут искусственные личности случайным образом, уровень воды так разнится?

«Да что же это такое?!» – крикнул Альберт, и, пожелав разбить, смахнул все три графина со стойки рукой.

Те, упав в мягкий песок, остались целы.

За этот день ещё много раз зрение Альберта пропадало, затем восстанавливалось. Теперь Альберт уже знал, с чем это связано.

Следующим утром его разбудил противный и громкий звонок надоедливого будильника.

Полная симуляция обычной жизни. Альберт вскочил. Надо бежать. Начался рабочий день, полый забот, трудов, сложных расчётов. Только так можно удержать в стабильном состоянии ум. Надо нагружать его, он должен устать, чтобы через несколько дней отправиться в зону покоя.

Альберт больше не думает над своей жизнью. Некогда. Надо умыться, заварить кофе, натянуть одежду и выйдя на улицу, слиться со всеми в общем потоке. Нельзя опоздать.

Весь день надо трудиться, быть подгоняемым бесконечными замечаниями и придирками начальника, и всё только для того, чтобы мозг продолжал работать, утоляя тем самым жажду к деятельности.

Через неделю Альберт буквально молит: «Покой, дайте мне покой!».

И вот, снова море и пальмы, и ступни щекочет мягкий белый песок. Альберт сидит на берегу, играя с волною.

Что же делать?

Альберт хлопает в ладоши.

– Давид, Давид, – зовёт он.

– Я здесь, – отзывается голос.

– Ты можешь показать мне моё прошлое, момент смерти?

Разблокируй доступ.

– Хорошо, – отвечает Давид.

И вот уже Альберт видит последние мгновения собственной жизни, момент, когда сердце его останавливается. Грустно. Альберт всё вспоминает – боль, долгую болезнь. И вот заключительные кадры – он видит своё тело со стороны, затем сверху. Он не такой, как сейчас, не полный сил. Внизу седой измождённый старик. После этого – темнота. Запись обрывается.

Альберт вздыхает.

– И так у всех? – спрашивает, наконец, он.

– Да, – отвечает Давид. – Конец всегда один.

– И вы думаете, что дальше начинается какая-то иная жизнь, вне тела?

– Уверены.

– Но какая именно, вы знаете?

– Нет. Так и не смоли продвинуться дальше этих кадров.

Но то, что жизнь продолжается, это факт.

– Вы можете гарантировать, что душа настоящего Альберта обрела покой?

Давид молчит, затем отвечает:

– Нет, мы этого не знаем. Быть может, она обретёт свой покой только с вашим исчезновением.

– Мне надо подумать, – произносит Альберт.

Он бредёт по кромке вдоль моря. Волна то отбегает, то отступает, лижет ноги.

«Неужели он надеется, что я соглашусь исчезнуть?» – думает Альберт. Воспоминания не доказывают ничего. Может быть, где-то там в ином пространстве продолжает существовать другой Альберт, но я-то тоже жив. Лучше жить в том аду, в котором мозг перегружен работой, но всё же жить.

Да, предположим, он цифровая копия – но сам-то себя он ощущает человеком. Расстаться с бытием? Всю свою сознательную жизнь Альберт желал лишь одного – бессмертия. Неужели все труды его напрасны, и он добивался того, что уже и так существовало?

Альберт бредёт, обходя остров по периметру снова и снова. Он ходит кругами. В те моменты, когда картинка перед глазами пропадает и наступает темнота, Альберт опускается на воду и пытается не думать. Он просто подставляет своё тело небу и солнцу. Когда зрение возвращается, он продолжает движение и снова к нему возвращаются многочисленные вопросы.

Он успел за свою жизнь в теле создать нечто уникальное, но опять вынужден думать о смерти? Почему? Зачем?

Вечером Альберт бредёт в ресторан. Он заказывает бутылку самого крепкого алкоголя, выпивает, заказывает снова.

Наконец, он хлопает в ладоши и зовёт:

– Давид, Давид!

– Расскажи мне, как вы живёте. Что происходит там, в вашем будущем? – просит Альберт Давида, поддерживая ослабевшими руками голову.

– Сложно объяснить, – начинает Давид. – Вам, наверно, совершенно будут не понятны ни наши технологии, ни образ жизни...

– Но моя система? Она до сих пор существует. Вы продолжаете сохранять цифровые копии себя в виртуальном пространстве.

– Нет, – отвечает Давид.

– Как?!

– Понимаете, благодаря вам, благодаря тому, что мы теперь знаем, что жизнь после смерти тела продолжается, нам это не нужно. Вам будет сложно это принять, но мы верим в Бога.

– Это невозможно! Вы... Вы мои потомки. Вы должны были развивать науку, а вы вернулись в средневековье.

– Мы вернулись к первоисточнику всех наук. За наши знания не беспокойтесь, наука развивается. Я бы мог рассказать вам, какие источники энергии мы открыли, какие технологии внедрили в нашу жизнь, какие планеты освоили, но ваш мозг этого не выдержит. Это слишком сложно для вашего понимания.

– Не понимаю, не понимаю... – обхватив голову, твердил Альберт. – Как можно верить в Бога?

– Сначала мы поверили, благодаря вам, в загробную жизнь... Отправляйтесь спать.

Проснулся Альберт утром от звука назойливого будильника. Три дня он провёл в напряжённых трудах, времени думать о своей жизни не было. Но как только Альберт снова оказался среди пальм, вопросы вернулись к нему?

Что делать? Для чего я жил? Почему сейчас живу?

– Давид, Давид... – неустанно хлопал Альберт в ладоши.

Он добился того, что его пра-пра-правнук открыл ему доступ ко всем воспоминаниям.

Теперь жизнь Альберта была чередой периодов тяжкого труда в сером городе и утерянного покоя среди пальм.

Альберт неустанно рассматривал свои воспоминания. Он узнал, что и отец Давида уже разговаривал с ним. И Давид уже несколько раз приходил к Альберту с предложением всё закончить. Но каждый раз Альберт отвечал отказом. Он хотел жить. Доступ к этим воспоминаниям был раньше предусмотрительно заблокирован, и каждый раз Давид начинал разговор с Альбертом яко бы заново. Но и в этот раз Альберт чувствовал, что, несмотря на все аргументы, он хочет жить.

Срок пребывания его в зоне покоя сократился до полудня. Он успевал только проснуться, дойти до кромки моря, и потом сразу же вынужден был просыпаться от резкого звука будильника.

Пребывание в трудовой зоне увеличилось до трёх недель. Но даже в том аду, когда, понукаемый всеми, обременённый

работой, Альберт был лишён времени даже на то, чтобы принять пищу, он всё равно хотел жить. Его согревали мысли о покое, пальмах, море, счастье. Когда знаешь, что попадёшь хоть ненадолго на желанный остров, жить легче.

Но как только Альберт оказывался возле моря, среди пальм, тут же его начинали одолевать те вопросы, на которые размышлять в городе не было времени.

Это была изматывающая, сложная, но всё-таки жизнь. А то, что предлагал всё настойчивее Давид, было, фактически, уходом в полное небытие. Давид был на это не согласен.

Он метался между городом и островом, пока пребывание в зоне покоя не сократилось до получаса.

Тогда, он вызывал Давида и сказал ему два слова:

– Я согласен.

– Вы уверены? – удивился Давид. – Вы столько сопротивлялись, почему теперь вы согласны?

– Я много думал, – начал Альберт. – Мне мало, мало той жизни, что у меня теперь. Я хотел покоя, но, в то же время, мне не нужен покой, в котором я не обладаю свободой. Я не имею возможности думать столько, сколько хочу. Это угнетает. Пусть жизнь продолжит тот другой, настоящий Альберт. Мы всегда с ним мечтали о тихом красивом месте с морем и пальмами, мне очень хочется надеяться, что он сейчас именно там. Я, его цифровая копия, хранюсь на отдельном сервере?

– Разумеется, – ответил Давид. – Вы сами так захотели.

– Тогда опраляйте меня в город и уже не возвращайте на остров. Выполняя расчёты, я перегрею сервер и тем самым закончу существование. Цифровая копия будет уничтожена. Пусть живёт тот, другой.

– Хорошо, – согласился, помедлив Давид. – Прощайте, Альберт.

– Прощай...

Назойливый звук будильника заставил Альберта подняться.

Он трудился несколько месяцев, не прерываясь на еду, на сон. Его заваливали всё новой и новой работой. Он не роптал, не взывал о покое, он трудился. Его мозг ежесекундно был занят делом. Вычисления, формулы, цифры, бесконечные расчёты. Жизнь Альберта напоминала теперь один единый замкнутый цикл, из которого выхода не было, он сам закрыл его.

Там, на острове, изучив себя, он понял, что должен был оставить себе возможность начать всё заново. Он не зря попросил поместить свою копию на отдельный сервер.

Теперь он надеялся, что, если сломает то оборудование, которое сейчас хранит его, то, наверняка, где-то запустится восстановление из резервной копии данных. Альберт, узнав себя, понял, что должен был где-то оставить свой бэкап.

А, возможно, исчезнув, он соединится с разумом того, кто создал его самого. Быть может душа настоящего Альберта станет его собственной душой, и они обретут тогда уже веч-

ный покой, бесконечное счастье... Каков он, настоящий рай, куда попадают покинувшие тело души? Наверняка, где-нибудь там тоже растут пальмы...

Альберт добился своего. Железо не выдержало. В один миг рухнуло всё. Исчез ненавистный город, необходимость выполнять расчёты. Водворилась пустота.

***

Лёгкий утренний бриз пронёсся по верхушкам пальм, те, отозвавшись ему, закачали своими резными листьями и заглянули в окно.

Альберт проснулся. Не желая подниматься сразу, он ещё какое-то время оставался в кровати. Завтрак в постель, экзотические фрукты сочны и сладки.

Ясно. День, определённо будет хорош.

2022